

И. Б. МАРДОВ

ПУТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ

Часть первая ОТЕЦ И СЫН¹

*«Но как же Бог предписал этот закон?
Почему сын?..»*
(«Война и мир», т.3, ч.Ш, гл.ХХХН) 1

«...Еще раз оно надавило оттуда. Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло, и оно есть Смерть. И князь Андрей умер.

Но в то же мгновение как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собой усилие, проснулся.

«Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение», вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его».

«С этого дня началось для князя Андрея вместе с пробуждением от сна — *пробуждение от жизни*. И относительно продолжительности жизни оно не казалось ему более медленно, чем пробуждение от сна относительно продолжительности сновидения. Ничего не было страшного и резкого в этом, относительно-медленном пробуждении».

Толстой специально подчеркивает, что «болезнь его шла своим физическим порядком» — к умиранию, и смерть победила теперь в смысле решения вопроса о жизни и смерти в его душе. Не умозрением только и даже не в акте озарения, а действительно, как если бы он умер, герой Толстого узрел посмертное существование — не сущность его, а его само. Князь Андрей еще продолжает существовать на земле, но чувствует и сознает себя не поземному. И Толстой рисует нам это его состояние через восприятие живых людей — Наташи и княжны Марьи.

Через два дня после его «пробуждения» в Ярославль вместе с Никольской прибыла княжна Марья. На ее вопрос о состоянии брата Наташа ответила, что все было ничего, «но два дня тому назад вдруг *это* сделалось... Я не знаю отчего, но вы увидите, какой он стал.

— Ослабел? Похудел?

— Нет, *не то*, но хуже. Вы увидите. Ах, Мари, *он слишком хорош*, он не может, *не может жить, потому что...-»*

Как можно было понять Наташу? Так, как и поняла ее княжна Марья, — что ее брат лежит сейчас просветленный, говорит тихие, нежные слова, «и что смягчение и умиление эти были признаком смерти». Если бы она нашла своего брата в агоническом состоянии, то и тогда она, после предупреждения Наташи, не удивилась бы и, целуя его руку, плакала бы так же тихо и умиленно, как он. Она и «чувствовала уже в горле своем готовые рыдания».

¹Фрагменты из статьи «Откровения князя Андрея», опубликованной в книге Б. Бермана «Сокровенный Толстой», М. «Гендальф» 1992г.

«...Увидав его лицо и встретившись с ним взглядом, княжна Марья вдруг умерила быстроту своего шага и почувствовала, что слезы вдруг пересохла и рыдания остановились. Уловив выражение его лица и взгляд, она вдруг оробела и почувствовала себя виноватой.»

«Да в чем же я виновата?» — спросила она себя. «В том, что живешь и думаешь о живом, а я!..» — отвечал его холодный, строгий взгляд. В глубоком, *не из себя, а в себя* смотревшем его взгляде, была почти враждебность, когда он медленно оглянул сестру и Наташу».

Что это? Зависть к оставшимся жить, упрек, что он уходит раньше их? Княжна Марья хорошо поняла потом, что и его взгляд, и все его поведение «доказывали, как страшно далек он был теперь от всего живого», «что что-то *другое, важнейшее* было открыто ему» — «такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что поглощало его всего». И если она «виновата» перед ним, то совсем не в том, что, оставаясь жить, она имеет непростительное преимущество перед умирающим, а, напротив, в том, что она, как сказано, «живет и думает о живом», то есть живет такими интересами, которые для него, в его *духовном величии*, уже ничтожны и чужды. Наташа правду сказала: «он слишком хорош», чтобы продолжать жить этой жизнью.

Состояние, в котором застала брата княжна Марья, в рукописи-конспекте Толстой определяет так: «Князь Андрей испытывает не страх смерти, но теперь холодное сознание отчужденности, и не столько конца, сколько грозного вступления в неведомое, но *существующее, ощущаемое*».

В таком состоянии князь Андрей находился всего неделю, но мог и год, и два, и десять лет. Он мог умереть через сутки и мог еще жить годы и десятилетия — какое значение имеют теперь процессы в его теле и даже в его душе? Стоит ли удивляться, что он говорил голосом «ровным и чуждым», и не понимает, что ж такого страшного, что Москва сгорела.

При этом князь Андрей не был лишен способности понимания, он даже не утратил свою обычную житейскую пронизательность. На все робкие попытки сестры вернуть его к жизни князь Андрей отвечает тихой насмешкой высшего и куда более глубокого понимания жизни и смерти. Когда она все же расплакалась, он точно определил, чем вызваны ее слезы.

«Когда Николушку уводили, княжна Марья подошла еще раз к брату, поцеловала его и, не в силах удержаться более, заплакала.

Он пристально посмотрел на нее.

— Ты о Николушке? — спросил он.

Княжна Марья, плача, утвердительно нагнула голову.

— Мари, ты знаешь Еван... — но он вдруг замолчал.

— Что ты говоришь?

— Ничего. Не надо плакать здесь, — сказал он, тем же холодным взглядом глядя на нее».

Вот как сам Толстой объясняет этот разговор: «Когда княжна Марья заплакала, он понял, что она плакала о том, что Николушка останется без отца. С большим усилием над собою, он постарался вернуться назад в жизнь и перенесся на их точку зрения.

«Да, им это должно казаться жалко!.. — подумал он. — А как это просто!»

«Птицы небесные ни сеют, ни жнут, но Отец ваш питает их, — сказал он сам себе и хотел то же сказать княжне: — но нет, они поймут это по-своему, они не поймут! Этого они не могут понимать, что все эти чувства, которыми они дорожат, все эти мысли, которые кажутся нам так важны, что они — не нужны, мы не можем понимать друг друга! — И он замолчал».

Из этого отрывка всего легче понять то, что кажется всего непонятнее: слова князя Андрея о чувствах, которыми так дорожат люди, и о мыслях, которые кажутся им так важны. С

той достигнутой им уже, вне пределов этой жизни, высоты взгляда все — и затаенные мысли княжны Марьи о замужестве, и сожаления о пожаре Москвы или о его маленьком сыне — все чувства и мысли живущих и думающих о живом людей ничтожны и чужды. Сама по себе фраза о птицах небесных определенно неуместна тут, но и ее при желании можно понять в том же смысле.

Отрицательный смысл фразы Нагорной проповеди о птицах небесных все видят в том, что людям не нужны или суета жизни, или стремление личности к исключительному самоутверждению, или заботы о плотской жизни, или приготовления к жизни, делающие людей несвободными в делах и мыслях. И князь Андрей в своем утверждении, что вообще все земные чувства и мысли людей не нужны, только предельно расширяет разделяемый всеми смысл евангельского стиха. Если мы поняли значение его холодного, почти враждебного взгляда, то можем понять и это.

Но в том-то все и дело, что именно в тот момент, когда князь Андрей говорит о птицах небесных, он смотрит на сестру совсем не «тем же холодным взглядом», которым он оглянул ее и Наташу, когда они вошли к нему в комнату. Связь его речи не логическая, так как в начале и конце ее князь Андрей находился в двух различных и несовместимых состояниях сознания жизни. Сначала он «с большим усилием над собою постарался вернуться назад в жизнь», опять войти «в жизнь» и взглянуть «из себя», а потом вновь возвратился из жизни, «в себя».

Первый момент соответствует той части его речи, где он, стараясь перенестись на точку зрения людей, понимает, что «ким должно это казаться жалко». «А как это просто!

думает он. — Птицы небесные ни сеют ни жнут, но Отец ваш питает их». Это-то он и хотел сообщить сестре: «Мари, ты знаешь Еван...» Тон тут отнюдь не холодный, не тот, которым он разговаривал о пожаре Москвы, а вроде бы даже задушевный, словно он собрался сообщить ей что-то очень важное, какую-то тайну Евангелия, которую он сам прежде всяких разговоров с ней открыл для себя в последнее время. Но тотчас он обрывает себя: нет, не поймет, не смогут понять и т.д. «Мы не можем понимать друг друга!» — подытоживает он, и взгляд его опять стал холодный и спокойный: «Что ты говоришь?» — «Ничего. Не надо плакать здесь...». Вот как читается эта сцена.

Если бы князь Андрей в ответ на слезы сестры просто запретил ей «плакать здесь», а про себя подумал бы, что все мысли и чувства живущих не нужны, и что то же самое сказано в евангельской фразе о птицах небесных, то тогда мы вполне поняли бы замысел Толстого. Это была бы еще одна демонстрация того, в какой степени князь Андрей стал чужд земной жизни. Так оно и есть, конечно. Но только в той части, где он оборвал княжну. В целом же смысл его речи не столько в том, что чувства и мысли ее и людей не нужны, а в том, что люди, *потому что* они живут и думают о живом, не смогут понять всю глубину и значение, *которое он вкладывает в слова о птицах небесных*.

Что же это за загадочный и вместе простой («как это просто») смысл ясного стиха Евангелия, который доступен только герою Толстого и, надо полагать, самому автору? Ведь не о каких-то частностях собрался поведать князь Андрей, а о том высшем понимании жизни и смерти, которое он сам — уже ушедший от жизни — обрел только после пробуждения в последние дни своего пребывания на земле.

Вспомним тот момент в Мытищах, когда князю Андрею «открылось новое счастье». Есть два рода откровения: нормальное, добываемое душою, естественное откровение и откровение мистическое, многократно усиливающее религиозное зрение души, откровение, для которого необходимо озарение свыше. То, что происходит с князем Андреем в

Мытищах, действительно подобно *озарению*: та же высшая, как никогда прежде, работоспособность души, та же ослепительная ясность и глубина мысли, то же напряжение всех сил, которое долго не выдерживает мозг и гасит мысль.

Князь Андрей здесь и не является деятелем своих душевных сил: «все силы его души... действовали вне его воли», — говорит Толстой. Князь Андрей не автор, а как бы адресат своих «неожиданных представлений».

Вот этот «бред» князя Андрея в Мытищах и приводит нас к пониманию той загадочной фразы о птицах небесных, с помощью которой он пытался объяснить сестре какую-то тайну.

В понимании князя Андрея птицы небесные — не галки, стрижи и воробьи, не вороны, как у Луки, а то, что прежде, при жизни, связано в человеке, что освобождается в нем в момент «пробуждения от жизни», образ того «неведомого», что вновь воскресает в нем. Это есть иное, новое, небесное бытие. Птица Небесная — «странная легкость бытия», та форма, в которую превращается, воплощается после смерти исходно вложенная в человека бессмертная сущность его души. Птица Небесная в речи князя Андрея — образ жизни иного мира.

Князь Андрей Болконский незаметно, но тем не менее весьма существенно препарирует евангельскую фразу: изымает слово «взгляните» и, главное, заменяет «и» на «но». От этого вся фраза получает иной смысл: «Птицы Небесные ни сеют, ни жнут, но (то есть взамен этого) Отец ваш питает их» (то есть питает напрямую, непосредственно).

Голос этой Птицы Небесной князь Андрей и слышал в своем бреде в Мытищах. Он лежит в темноте и, «глядя вперед лихорадочно-раскрытыми, остановившимися глазами», думает о счастье, которое «вне материальных сил, вне материальных внешних влияний на человека». «Но как же Бог предписал этот закон? Почему сын?..» — спрашивает он, и тут мысль его обрывается и, как бы в ответ на его вопросы, заменяется «неожиданным представлением»:

«И князь Андрей услышал (не зная, в бреде или в действительности он слышит это), услышал какой-то тихий шепчущий голос, неумолкаемо в такт твердивший: «И пи-ти-пити-пити» и потом «и ти-ти» и опять «и пити-пити-пи-ти» и опять «и ти-ти».

«Вместе с этим под звук этой шепчущей музыки, князь Андрей чувствовал, что над лицом его, над самой серединой воздвигалось какое-то странное воздушное здание из тонких иголок или лучинок. Он чувствовал (хотя это и тяжело ему было), что ему надо было держать равновесие для того, чтобы это *воздвигающееся здание* не завалилось, но оно все-таки завалилось и *опять медленно воздвигалось при звуках равномерно шепчущей музыки*. «Тянется! Тянется! растягивается и все тянется», — говорил себе князь Андрей».

Звуки небесные, хор Птиц Небесных². И под этот хор *воздвигается* (семь раз повторил Толстой здесь это слово) какое-то неведомое, странно легкое, «воздушное», но так тяжело рождающееся новое здание-тело «из иголок или лучинок». Тело Птицы Небесной пока что только воздвигается, выдвигается, тянется, князь Андрей все еще живет в этом мире, и чувства его продолжают воспринимать впечатления земного бытия. И Толстой описывает это его состояние вместе и этого и того бытия.

В Мытищах до прихода Наташи князь Андрей находится в агапическом (или почти агапическом) состоянии, в котором, правда, «воздвигается здание» другого «мира действительности», но которое, как-никак, есть состояние этой жизни. Его же состояние в Ярославле нельзя определить как досмертное состояние — как состояние этой жизни, в которой может находиться человек. «Он уже умер наполовину».

На какую половину?

«Мы здесь гусеницы: сначала родимся, потом засыпаем в куколку. Бабочкой же мы сознаем себя в другой жизни» — часто повторял

1 Обратите внимание на восклицательные знаки.

В своих воспоминаниях сестра жены Толстого Т.А. Кузьминская рассказывает, что, заболев в 1863 году, она в бреду просила стоявших возле ее постели Льва-Николаевича и сестру: «Тянетса, тянетса снимите с меня», — ей чудилась какая-то густая паутина, которая обвила ее и от которой она не могла освободиться. «Сколько раз позднее уже, когда ему (Л.Н-чу) неможилось, — продолжает ТАК., — и когда, бывало, спрашивали его, что с ним, он жалобным моим голосом отвечал: «Тянетса... Тянетса» — т.е. «тянетса» «вытягивается» жизнь, душа из тела. В бреду же князя Андрея не так важно, что «тянетса», уходит жизнь, а что-то новое воздвигается «при звуках равномерно шепчущей музыки».

Смерть князя Андрея оставила в Наташе и княжне Марье впечатление «таинственного, величественного, дальнего хора»: «Все в этой вольной жизни, не касающееся смерти, казалось им оскорбительным, все нарушало тот таинственный, величественный, дальний хор, к пению которого они продолжали прислушиваться с напряженным вниманием». (15,145-146)

Толстой в старости. Князь Андрей продолжает жить в той форме, в которой он родился, — в существовании гусеницы, но, не засыпая в куколку, уже сознает себя — действительно сознает, по самому чувству своего существования — бабочкой... Это жизнь существа другого мира, но в оболочке еще человека — переход в посмертное существование до порога смерти.

Вся история жизни князя Андрея после Бородина есть история «выдвижения», «освобождения», «пробуждения» Птицы Небесной.

Некоторые исследователи, подмечая сходство речей князя Андрея с проповедью старца Толстого, считали его «первым последователем» Толстого. Но, думается, князь Андрей не ученик, а, скорее, первый *учитель* Толстого, существовавший еще до того, как сам Толстой религиозно определил самого себя. Вернее всего сказать, что князь Андрей Болконский *его предтеча*, носитель его первоначальных откровений, и чтобы понять учение Толстого, нужно попытаться прежде понять то, что говорил, думал и, главное, знал и видел этот созданный им же его предтеча и учитель.

«Князь Андрей не только знал, что он умрет, но он чувствовал, что он умирает, что он уже умер наполовину. Он испытал сознание отчужденности от всего земного и радостной, странной легкости бытия. Он, не торопясь и не тревожась, ожидал того, что предстояло ему. То грозное, вечное, неведомое и далекое, присутствие которого он не переставал ощущать в продолжение всей жизни, теперь для него было близкое и — *по странной легкости бытия*, которую он испытал, — *почти понятное и осязаемое*».

И далее целая строка в тексте заполнена вместо слов и букв одними точками: то «понятное и осязаемое», что видит и знает автор, он — Лев Толстой! — не может выразить и ставит точки.

Откровение иной жизни князя Андрея должно было разрешить все вопросы истинного счастья, которые до того так мучили его. И когда при нем княжна Марья заплакала о несчастье ребенка, остающегося круглой сиротой, он, по всей вероятности, хотел ответить ей: «Мари, ты знаешь, Евангелие учит истинному счастью: Птицы небесные ни сеют, ни жнут, но Отец ваш питает их». Слова

эти в устах его имеют мистический смысл. Но какой?

Не идет ли речь о том, о чем княжна Марья писала своей подруге из Лысых Гор во втором томе романа — о счастье потустороннего существования, где непосредственно питает Бог, того существования Птиц Небесных, которое князь Андрей знает «по странной легкости бытия» в себе? Если это так, то «ни сеют, ни жнут» означает, что Птицы Небесные не живут этой, земной жизнью, и бытие их живые люди осмыслить, представить или понять не могут. И если бы княжна Марья в тот момент сокрушалась о его, князя Андрея, близкой кончине, то тогда, действительно, он мог бы сказать ей (и себе) о том откровении, которое он пережил, или о том новом состоянии счастья Птиц Небесных, в котором он находится или которое отчетливо зрит. Но тогда, во-первых, княжна Марья могла понять его (ей с детства было близко это) и, во-вторых, она плачет не о нем, а о Николушке, оплакивает не несчастье грядущей смерти брата, а несчастье грядущей жизни только-только собирающегося жить племянника. И слова князя Андрея по тону его речи к ней должны были бы заключать ответ на ее переживание.

К тому же трудно предположить, что Толстой откровением иной жизни своего героя хотел опровергнуть его же откровение истины счастья, предмет которого — «счастье неотъемлемое от человека», счастье души человеческой, а не запредельного существа. Это ведь княжна Марья считала, что истинное счастье возможно только в посмертном бытии Птиц Небесных. Поэтому она и смогла понять состояние брата. Но приписать такой взгляд князю Андрею, а тем более самому Толстому, нельзя.

Скорее всего, Птицы Небесные здесь — это «более действительная действительность» не только в смысле иной действительности чисто духовного посмертного существования; это еще и то, что в этой жизни лежит на уровне сущности души, что связано в человеке и освобождается в момент «пробуждения от жизни».

Герой Толстого смотрит на человека — его жизнь и смерть и его счастье — с некоторой недоступной нам, живым людям, высшей точки зрения. Высшая же точка зрения, высшее понимание потому и высшее (а не просто другое), что не отвергает низшее понимание, а включает его в себя. «Да, это им должно казаться жалко», — думает князь Андрей, на мгновение возвращаясь «назад в жизнь» и тем самым становясь на низшую точку зрения людей. Он соглашается, что люди со своей точки зрения правы, но это низшая правда (но не ложь), правду же высшую — ту, которую он и хотел сообщить сестре, — они воспринять не могут. И он сожалеет об этом. «А как это просто!» — думает он со своей высшей точки зрения и говорит о Птицах Небесных. Мысль его не лишена конкретного содержания *для жизни человеческой*, и если он замолчал, то не потому, что его ответ непригоден для человека, он — пригоден, но его просто не поймут.

И действительно: как это понять? Почему, спрашивается, чувства княжны Марьи к обездоленному ребенку не нужны? С какой такой высшей точки зрения? Почему не надо заботиться о развитии души человека, о душевном его счастье? Вся будущая проповедь Толстого исключительно построена на заботе о росте души человеческое и не в последнюю очередь детей.

Горе безотцовщины не только в неполноценности воспитания, и княжна Марья плачет не столько о том, что Николушка без отцовской опеки не получит того, что ему так нужно будет в жизни, сколько жалеет, что мальчику предстоят годы детства и возмужания, лишенные *общения с отцом*. Любая женщина поймет княжну Марью. Можно хорошо воспитывать мальчика и без отца, но без общения с родным отцом все равно не будет полнокровного мальчишеского счастья. Родного отца нельзя заменить, и каждая неисковерканная женщина интуитивно знает — и это ее знание стоит большего, чем все наши соображения и мысли, — знает, что без такого счастья непосредственного общения сына с отцом мальчик обездолен в жизни, во многом лишается душевного счастья в жизни вообще. Княжна Марья печется о душе Николушки, о росте его души, который, по учению Толстого, есть неперемное условие счастья в этой жизни и необходим в видах существования следующего. Не мог же князь Андрей — этот предтеча и учитель Толстого — сказать, что вся земная жизнь его сына в видах будущей загробной жизни не имеет никакого значения, потому что то, что он считает Птицей Небесной в человеке, непосредственно питает Бог? Или все же мог?..

Вот конспект сцены в Ярославле, написанный автором в январе 1869 года. Сначала Толстой указывает, что его герой уже не испытывает страха смерти, сознает неведомое как существующее, ощущаемое (мы выше приводили это место) и продолжает:

«Пожар Москвы — он понимает, но не понимает горя. М-ль Бурьен насплетничала графине. Соня говорит кн. Андрею — он понимает, но не понимает зачем. Сына привели. Сын и кн.Марья *плачут* (*сын дает яблоко кн.Марье*) он понимает, что *сын останется без отца*, но не понимает, что тут жалкого. Птицы Небесные. Как они не понимают, что наши чувства, наши мысли не нужны?»

Наташа плачет. Княжна Марья выходит оттуда и понимает о чем. Дают причастие, и князь Андрей *жалостно* смотрит — не надо ли еще что — я все сделаю».

Тут, кажется, все ясно. Толстому важно изобразить за-предельное состояние своего героя, и все другие участники сцены — невеста, сестра, сын — здесь статисты. Они пришли, плачут; и у каждого свои мотивы, свои чувства и мысли: сестра плачет потому, что жалеет ребенка, сын — потому, что плачет тетя, и потому, что ему страшно, невеста — что он скоро умрет. Все их мысли и чувства — о нем, дороги им и важны. И, глядя на них, князь Андрей думает или говорит *о себе* и о своем — о своем откровении, о счастии Птиц Небесных. Он полностью поглощен тем, что открылось ему, и не спускается, и не испытывает никакого желания спуститься с небесных сфер «назад в жизнь». И ровно так же, как, бывает, мы удивляемся хлопотам и суете знакомого, выбивающего ничтожное повышение по службе, ровно так же и князь Андрей, как существо высшее, удивляется на нашу низшую жизнь.

Но это же совсем не та сцена, которую мы читаем в романе. И дело не только в том, что он смотрит «жалостно» и что все плачут — всего этого в романе нет, но могло вроде бы и быть. Представьте себе: маленький мальчик у постели умирающего отца тянет тете яблоко, чтобы она тоже откушала; и по контрасту со всем происходящим жест этот действует так, как и должен подействовать: все режут. Николушка не воспринимал и *не понимал происходящего* и из общих слез мог понять только то, что с его отцом что-то неладно.

А вот что сказано в романе:

«Маленькому сыну князя Андрея было семь лет. Он едва умел читать, он ничего не знал. Он многое пережил после этого дня, приобретая знания, наблюдательность, опытность; но ежели бы он владел тогда всеми этими после приобретенными способностями, он не мог бы лучше, глубже понять все значение той сцены, которую он видел между отцом, княжной Марьей и Наташей, чем он ее понял теперь. Он все понял и, не плача, вышел из комнаты, молча подошел к Наташе, вышедшей за ним, застенчиво взглянул на нее задумчивыми прекрасными глазами; приподнятая румяная верхняя губа его дрогнула, он прислонился к ней головой и заплакал».

Николушка «все понял» (!), «понял все значение» этой сцены и даже понял «лучше, глубже», чем смог бы понять, будь он зрелым, опытным и наблюдательным человеком, — иными словами, понял истинный смысл этой сцены.

О чем это говорит? Очевидно, в дальнейшей работе замысел Толстого существенно изменился: сын князя Андрея, маленький Николушка в сознании Толстого перестал быть статистом и стал вторым, тeneвым, смысловым центром всего этого эпизода...

В конспекте князь Андрей совершенно одинаково реагирует и на пожар Москвы («не понимает горя»), и на то, что его сын останется сиротой («не понимает, что тут жалкого»). Посмотрите, сколь различны его реакции на эти же обстоятельства в печатном тексте романа.

«Разговор был холодный, несвязный и прерывался каждую минуту.

— Мари проехала через Рязань, — сказала Наташа. Князь Андрей не заметил, что она называла его сестру Мари. А Наташа, при нем назвав ее так, в первый раз сама это заметила.

— Ну, что же? — сказал он.

— Ей рассказывали, что Москва вся сгорела, совершенно, что будто бы...

Наташа остановилась: нельзя было говорить. Он, очевидно, делал усилия, чтобы слушать, и все-таки не мог.

— Да, сгорела, говорят, — сказал он. — Это очень жалко, — и он стал смотреть вперед, пальцами рассеянно расправляя усы».

Когда же княжна Марья, прощаясь, поцеловала его и заплакала, он понял, что она плачет не о нем, а о Николушке, и это почему-то произвело на него неожиданное действие. Он уже не смотрит куда-то вперед, «рассеянно расправляя усы», а — напротив:

«Он пристально посмотрел на нее. (!)

— Ты о Николушке? — спросил он.

Княжна Марья, плача, утвердительно нагнула голову.

— Мари, ты знаешь Еван...».

Разговор их вполне связный и, главное, на одну и ту же тему — о Николушке. И фразы о Птицах Небесных и «Мари, ты знаешь Еван...» имеют непосредственное отношение к предмету их разговора. А это значит, что князь Андрей говорит не только о «смерти» (счастье и образе посмертного существования), но и о «жизни», именно — о счастье и жизни сына Николушки. И его сын, по Толстому все понявший, должен был понять и эти слова отца.

Если князь Андрей в выполненной по конспекту сцене (существует такая) говорил бы о Птицах Небесных, то княжна Марья вполне могла бы понять его: он говорит о себе, о своем откровении жизни, о посмертном существовании. Когда теперь, в печатном тексте романа, он все же сказал бы вслух о Птицах Небесных, то она должна была бы понять его в том смысле, что он, перед смертью думая о сыне, уповает на Бога или завещает его Богу, или, наконец, завещает ей привести его к Богу. Вот это и значит, по словам князя Андрея, понять «по-своему».

Сын же его, Николушка, «все понял» — не «по-своему», а в истинном значении. Каким же, спрашивается, образом, если все человеческие чувства и мысли ни на что не нужны?.. Видимо, нам предстоит рассмотреть вопрос, сама постановка которого может на первый взгляд вызвать недоумение: нам следует не только уяснить смысл и значение сцены в Ярославле, но и уяснить именно так, как понял ее семилетний Николушка Болконский, воспринявший ее подлинный, нам все еще недоступный смысл.

Читая роман Толстого, кажется, что один из его героев, сын князя Андрея Болконского воспринял и прочувствовал («понял») это место так же, как и мы, читатели — пусть несравненно лучше, глубже, острее (умирает его отец), но все же так же, как и мы. И в этом наше заблуждение — мы уже убедились, что вся эта сцена имеет некоторое скрытое значение, которое так или иначе должно повлиять на наше восприятие ее. И Николушка, которому так странно столь многое открыто, почувствовал ли, понял ли не только острее, глубже, полнокровнее нашего, но и иначе — понял и почувствовал другое и по-другому, нежели читатель.

Для княжны Марьи, которая, выйдя от брата, «беспрепятственно молилась, обращаясь душой к тому Вечному, Непостижимому, Которого присутствие так ощутительно было над умиравшим человеком», значение этой сцены в ощутимости непосредственного присутствия Бога. Для нее князь Андрей перед смертью исполнился высшей благодатью, которая и «поглощала его всего». Как и княжна Марья, Наташа видела, «как он глубже и глубже, медленно и спокойно опускался от них куда-то туда, и обе знали, что это так должно быть и что это хорошо». Но для Наташи значение этой сцены в том, что его собственно уже нет с ней, что он ушел в неведомую иную жизнь — туда, откуда не возвращаются.

Ну, а в чем значение сцены в Ярославле для Николушки? Он знал, что отец тяжело ранен, что это очень страшно, и «испуганно» смотрел на него, когда вошел к нему. Пробыл он у князя Андрея недолго и вышел от него в другом — не испуганном, а задумчивом — состоянии.

Что он понял? И отчего заплакал? Осознал неизбежность близкой смерти отца? Отчасти и это, хотя такое не сразу реально доходит и до взрослого, много пережившего человека, не раз встречавшего смерть на своем веку. Даже когда князь Андрей умер и тело его лежало в гробу, Николушка, по словам Толстого, «плакал от страдальческого недоумения, разрывавшего его сердце» — как так нет и никогда не будет отца... Как может его *не быть*?

Мог ли Николушка понять то, что лучше всех поняла княжна Марья, — что князь Андрей уже «умер наполовину», уже бабочка в обличье гусеницы, явившаяся в продолжающем функционировать теле Птица Небесная. Толстой часто сближает детское состояние души и совершенство агапического ее состояния. Если бы князь Андрей в Ярославле находился в агапическом состоянии, к которому он был близок в Мытищах — то Николушка — по крайней мере на тогдашний взгляд Толстого — мог бы понять его «лучше, глубже» любого взрослого человека. Но сейчас князь Андрей уже не в агапическом, он — в запредельном состоянии Птицы Небесной. И если Николушка понял состояние, сознание и чувство жизни *не этого существования*, то это такое же чудо, как и чудо «пробуждения от жизни» в земном существовании.

Впрочем, Толстой специально подчеркивает, что для того, чтобы понять то, что понял Николушка, не нужны ни знания, ни наблюдательность, ни опытность ума и души. Мы все силится понять значение этой сцены, опираясь на наши знания, руководствуясь своей наблюдательностью и наблюдательностью княжны Марьи и Наташи и полагаясь на свой и их душевный опыт. И Толстой говорит нам, что вся наша

житейская и душевная зрелость и опытность, все наши знания, все наши чувства и мысли непригодны для понимания того, что понял семилетний Николушка. «Он едва умел читать, он ничего не знал», и слова его отца о Евангелии или о Птицах Небесных ничего не сказали бы ему. Он чувствовал «лучше, глубже», понимая все не «разумом», а «сознанием» — он понял непосредственно из души в душу, не по каналам знания и душевного опыта, а *по прямой связи между сыном и отцом*, по сыновьей своей интуиции, для которой приобретаемое опытом жизни не нужно. То, что он «понял», он знал, как знают жизнь в себе.

Сказано, что Бог открывает не мудрым, искушенным в писаниях и жизни людям, а «младенцам», чистым душою, признающим свою сыновность и понимающим *просто*. И князь Андрей говорит: «А как это просто!» Таким образом, если Николушка «понял все значение той сцены», то прежде всего понял просто, простое значение — не так, как мы.

Заметьте еще, что Николушка находился в комнате князя Андрея всего несколько минут и присутствовал *только* при разговоре отца с княжной Марьей о нем. Сам отец не сказал ему ни слова и даже не знал, что говорить с ним. Все его простое знание могло основываться только на непосредственном чувстве и на мимолетном разговоре, который произошел в его присутствии.

Княжна Марья заплакала, отец «пристально посмотрел на нее» и переспросил: «Ты о Николушке?» и, получив утвердительный ответ, полностью убедившись, что понял ее слезы верно, что-то хотел ответить ей, но оборвал себя и запретил ей плакать. Тогда как для его тети, для княжны Марьи, смерть отца есть несчастье для него, сына, для самого же отца, для князя Андрея, это не так — ведь вот что первое должен был «понять» Николушка. Казалось, это должно было бы еще больше усилить его «недоумение», а он задумчиво вышел и «все понял»...

«Мы не можем понимать друг друга», — не для красного словца говорит князь Андрей. И надо ему верить: смысл его слов недоступен живому человеку. И если бы князь Андрей у Толстого так бы ничего не сказал ни себе, ни сестре, ни нам, то и выяснять было бы нечего — мы не можем понять, и все тут. Но он, пусть и про себя, но все же как-то выражает свою мысль и, значит, тут есть некоторая определенная мысль или представление, которое (или которая) была достаточно ясна самому Толстому, но не ясна, почему-то не может быть ясна нам. Одно можно сказать, что это должна быть мысль или представление, находящееся за пределами нашего понимания, в противоречии как с законами нашего человеческого мышления, так и с законами земной жизни вообще.

В том и состоит парадоксальность поставленной здесь задачи, что для ее разрешения нам необходимо выразить то, что понять как следует мы не можем, что имеет *трансубъективный* смысл, достоверный для самого Толстого, но недостоверный для нас.

«Отец! Отец! Да, я сделаю то, чем бы даже ОН был до-, волен...» — воскликнул, проснувшись среди ночи, пятнадцатилетний Николенька Болконский. На этих словах роман «Война и мир» окончен. Что-нибудь да значит, каким словом завершается такая книга?

Слово «отец», дважды повторенное, снабженное восклицательными знаками, все-таки кажется Толстому недостаточно выразительным и он еще раз выделяет в прямой речи — «даже ОН»... Прощаясь, Толстой указывает ввысь и вдаль, на свое видение сущности, хотя и не мира нашего, но оставшегося

и ставшего отцом для сына князя Андрея Николеньки Болконского.

Правомерность прямого сопоставления сна-пробуждения князя Андрея с завершающей «Войну и мир» сценой сна-пробуждения Николеньки нам пришлось бы доказывать сложными обходными путями, но счастливый случай избавил нас от такого рода работы. Просматривая первую, вчерне законченную рукопись Эпилога и собираясь переработать ее, Толстой делал на ее полях заметки, по которым мы теперь можем попытаться определить ход его мысли. Возле сна Николеньки Эпилога романа в этой рукописи он написал: «Князь Андрей сон, двери».

Запись эта прямо свидетельствует о внутренней связи двух снов. Но мало вероятно, чтобы Толстой в процессе работы записал для памяти себе то, что позабыть нельзя, на чем держится финальная сцена его произведения и что составляет существенный смысл его напряженнейшего семилетнего труда. Не только на само собой для автора разумеющееся сопоставление снов князя Андрея и Николеньки указывает эта запись, а еще и на то, что Толстой, еще раз взявшись за рукопись, хочет еще усилить ударение на том главном пункте, на котором строится сопоставление. Толстому важны именно подчеркнутые им «двери» сна князя Андрея — арена последней борьбы его со смертью, ужас, предшествующий пробуждению.

Ужас сна князя Андрея — смерть и вызван страхом смерти. Ужас сна Николеньки другого рода и вызван другим страхом. Князь Андрей видит свой сон перед своей смертью, уходя из жизни, тогда как его сын Николенька, входя в жизнь, *перед своей жизнью* видит во сне себя в наступающей радостной свободной легкости полета.

«Он видел во сне себя и Пьера в касках, таких, какие были нарисованы в издании Плутарха. Они с дядей Пьером шли впереди огромного войска. Войско это было составлено из белых, косых линий, наполнявших воздух подобно тем паутинам, которые летают осенью и которые Десаль называл «нитьями Богородицы». Впереди была слава такая же, как эти нити, но только несколько плотнее. Они — он и Пьер — неслись легко и радостно все ближе и ближе к цели. Вдруг нити, которые двигали их, стали ослабевать, путаться; стало тяжело. И дядя Николай Ильич остановился перед ними в грозной и строгой позе.

— Это вы сделали? — сказал он, указывая на поломанные сургучи и перья. — Я любил вас, но Аракчеев велел мне, и я убью первого, кто двинется вперед. — Николенька оглянулся на Пьера: но Пьера уже не было. Пьер был отец — князь Андрей, и отец не имел образа и формы, но он был, и видя его, Николенька почувствовал слабость любви: он почувствовал себя бессильным, бескостным и жидким. Отец ласкал и жалел его. Но дядя Николай Ильич все ближе и ближе надвигался на них. Ужас охватил Николеньку, и он проснулся.

«Отец, — думал он. — Отец (несмотря на то, что в доме было два похожих портрета, Николенька никогда не воображал князя Андрея в человеческом образе), отец был со мною и ласкал меня. Он одобрял меня, он одобрял дядю Пьера. — Что бы он ни говорил — я сделаю это. Муций Сцевола сжег свою руку. Но отчего же и у меня в жизни не будет того же? Я знаю, они хотят, чтобы я учился. И я буду учиться. Но когда-нибудь я перестану; и тогда я сделаю. Я только прошу Бога: чтобы было со мною то, что было с людьми Плутарха, и я сделаю то же. Я сделаю лучше. Все узнают, все полюбят, все восхитятся мною». И вдруг Николенька почувствовал рыдание, захватившее его грудь, и заплакал.

— Вы нездоровы? — послышался голос Десаля.

— Нет, — отвечал Николенька и лег на подушку.

«Он добрый и хороший, я люблю его, — думал он о Десале. — А дядя Пьер? О, какой чудный человек! А отец? Отец! Отец! Да, я сделаю то, чем бы даже ОН был доволен...».

И сон Николеньки, и сон князя Андрея есть прозрение в то, что предстоит: в свою смерть для князя Андрея и в свою грядущую жизнь для Николеньки. Пробуждение князя Андрея — «от жизни», Николеньки — «в жизнь». И во сне князя Андрея, и во сне Николеньки идет борьба. Первая — борьба со смертью, вторая — борьба темных и светлых сил жизни. Князя Андрея охватил ужас, когда половинки двери открылись, и смерть готова была поглотить его; Николеньку же охватил ужас, когда темные, грозящие уничтожением силы его сна, дядя Николай Ильич «все ближе и ближе надвигался на них» — своего рода открывающаяся дверь сна князя Андрея. Но если князь Андрей ужасается смерти, готовой поглотить его, то Николенька страшится того, что силится погубить не только его, но, что главное, *его отца*. И в ужасе за себя и отца, за то целое, которое составляет он и отец, Николенька просыпается.

Толстой особенно подчеркивает, что князь Андрей сна Николеньки «не имел образа и формы». Когда Николенька думал об отце, он, хотя и знал два похожих его портрета, не воображал его «в человеческом образе». Для него отец — Птица Небесная, то есть то, кем князь Андрей стал по своему «пробуждению от жизни».

Можно ли представить или изобразить белые косые нити-паутины сна Николеньки такими, каковы они у Толстого — когда не они движимы чем-то, а они сами двигают Пьером и Николенькой легко несущимися впереди них «все ближе и ближе к цели»? А как представить то, что есть «цель» их движения, то есть «слава, такая же, как и эти нити» (!) «только несколько плотнее»... Все это: воинство-нити, слава, отец без образа и формы — удобно перевести на язык мистики, но никак не на язык зримых образов.

В годы работы над «Войной и миром» Толстой пришел к мысли, что страшно не плотское уничтожение, смерть *в итоге* жизни, а уничтожение духовного в живущем человеке, смерть *в процессе* жизни. «Надавливаемые ужасным» двери сна князя Андрея для Толстого не только образ смерти, но и образ самой жизни человеческой. И не только потому, что в каждое мгновение жизни ее стережет смерть, а потому, что в душе человека не утихает противоборство движущих его сил «света» и духовного тяготения, с одной стороны, и того, что путает, обессиливает тончайшую паутину нитей тяготения, что загоразживает косые лучи духовного солнца и в каждое мгновение грозит разорвать нити и застлать свет.

«Война и мир» потому и завершается сном Николеньки, что этот его сон вбирает в себя то главное, что понял о жизни Толстой в последние годы работы над романом. Сон этот — устремлен в будущее, в грядущую жизнь Николеньки, — и есть видение о земной жизни.

Не смерть главная опасность жизни человека, а подавление духовного начала в нем в процессе жизни.

Кто же или что же способно выдавить из человека его духовное? «Магницкий, Аракчеев и тому подобное», то есть по определению Пьера в Эпилоге, «люди без веры и совести, которые рубят и душат все сплеча»? Нет, им это не по силам. Кто же тогда?

Ровно так же, как большинство людей мало что видят в повседневной жизни о борениях в ее сущности, ровно так же мы склонны не видеть общечеловеческого трагического смысла сна Николеньки. На последней странице «Войны и мира» мы умиляемся и на слезы Николеньки, и на его полудетский сон с иллюстрациями из Плутарха, «нитьями Богородицы», поломанными перьями и грозным дядей Николаем Ильичом, обещающим убить «первого, кто двинется вперед». И прочтя эту последнюю страницу романа Толстого, мы закрываем книгу

так же, как Десаль закрыл глаза — с добродушной уверенностью, что все здоровы, все в порядке и можно спокойно спать.

Что поделаешь, и Николенька видит свой сон о жизни под храп Десалья...

Николай Ростов — человек во многих отношениях достойный и не вызывает недоброго чувства, но в нем все то, что ослабляет силу духовного тяготения души и приводит человека к духовному равнодушию. Сам по себе Николай Ростов человек не злой, но в нем нет потребности духовного роста, и этим самым, — началом косности души, — он антипод князя Андрея и Пьера и противостоит им. То же противоборство и во сне Николеньки, где в видении борьбы грядущей жизни души, его *отец, его светлое духовное Я* борется за существование с чем-то грозным, строгим и могучим. Николенька чувствует, что счастливый исход борьбы отнюдь не предрешен, его охватывает ужас, и он просыпается в холодном поту. В этом суть его сна.

4

В сне Николеньки князь Андрей не герой романа и вообще уже «не человек», а существо, не имеющее земных образа и формы, дух, и между Николенькой и князем Андреем существует духовная связь «отца» и «сына».

Восемь лет назад у постели умирающего брата княжна Марья плакала о том, «что Николушка останется без отца», без непосредственного общения с ним. И теперь, накануне юности, Николенька постигает, что он не без отца, что отец пребывает с ним и в нем. И этот его родной отец и его духовный родитель — не понятие, не отвлечение, не слова, а «почти понятное и ощущаемое», в себе виденное и в глубинах своего Я реально, духовным прикосновением осязаемое, подобно тому, как каждый ощущает внутри себя своего плотского отца. В такой связи Николеньки с князем Андреем нет ничего генетического, нет ни сева, ни жатвы, — тут непосредственно в духе «отец» питает «сына».

Конечно, князь Андрей был прав: его сестре нечего было сокрушаться о душевном развитии и счастье мальчика, потерявшего отца. Князь Андрей сказал ей, что отец пребудет в сыне, и Николенька уже тогда понял его... Попробуем понять и мы.

Как только человек становится личностью, он приобретает способность судить самого себя. И если при этом он сам не препятствует себе, то неминуемо ощущает *таинственность* этой своей способности судить себя самого. По крайней мере духовная жизнь человека часто начинается именно с осмысления этого пункта.

Сначала то, *что* судит меня во мне, переживается мною как некоторая высшая инстанция, меня превосходящая и мне принадлежащая. Я обладаю способностью рассматривать себя с некоторой высшей и *непогрешимой* точки зрения. И эту-то свою способность называю совестью. Но носитель совести — Я, и вчувствуясь все глубже и глубже, я нахожу, что я вовсе не переживаю свою совесть как нечто само по себе непогрешимое (я даже могу не доверять ее голосу), а только как *ответственное*. Я начинаю понимать, что муки совести есть муки ответственности перед кем-то превосходящим меня и истинно непогрешимым.

Как только человек узнал, что он судит себя в своей совести лишь по праву своей ответственности перед кем-то непогрешимым, то он уже не может сомневаться в существовании некоторой духовной инстанции себя. Он не может не

чувствовать, что его Я и эта духовная инстанция находятся в постоянном взаимодействии.

Взаимодействие это ощущается в двух направлениях. В направлении из самого себя ощущается только ответственность перед этой духовной инстанцией, которую (ответственность) я волен принимать или не принимать. В другом же направлении — к себе — ощущается самая духовная инстанция как волящее сознание, как некоторое духовное тяготение, действующее на Я как бы извне, из источника, мне не принадлежащего, но мне однородного. Ощущение или чувство этой воли ко мне и ее неподвластности мне и есть то чувство, в котором создается «духовное тяготение» само по себе.

Но человеку мало ощущать или даже «сознать», ему еще обязательно нужно определить, *назвать*. Но — как? Как обратиться к этой духовной инстанции? Хотя бы — в каком лице?

Форма первого лица должна, казалось бы, обязательно присутствовать при этом обращении, так как то, к чему я обращаюсь, не может быть отделено от моего конкретного переживания; оно, как мой опыт, дано мне во мне, есть *со мной*, пусть и не в составе меня, а лишь *в единстве* со мной (мое тяготение).

Да, мое Я — духовно, то есть находится в слитности с духовной инстанцией меня, но определенно утверждать, что эта духовная инстанция есть Я — включена в меня или составляет мое Я — все же нельзя.

Столь же несовершенна здесь и форма второго лица. Говоря «ты» (то есть другое, но мне подобное, сродственное Я), мы утверждаем, во-первых, некоторое выделение мне близкого из многих других мне подобных, а во-вторых, подразумеваем, если и не равноправность и равноценность, то хотя бы соизмеримость «я», и «ты», чего нет в том чувстве, о котором мы говорим. (По этой же причине нельзя сказать и «мы»).

В форме же третьего лица — «он» — созданной человеком для обозначения постороннего или отсутствующего, нет элемента непосредственного и постоянного *присутствия* во мне того, к чему я обращаюсь. Можно было бы обойти это препятствие указанием на особую значительность и превосходство этой инстанции, — «Ты» или «Он» — но и это было бы неуместно, так как сознание духовного тяготения не есть еще Богосознание.

В глубине Я есть «точка», в которой загорается «свет» сознания и жизни. Для меня, то есть для всей структуры, выстроенной на этой «точке» и высвечиваемой от нее, она есть источник света и центр духовного тяготения, но есть ли она *действительный* источник света и духовного тяготения? — Вопрос. Самосознание, все более и более углубляясь, доходит до *семени* самого себя. Но семя не есть все же адекватное выражение носителя семени, семя свободно — хотя бы в смысле самоосуществления и самоформирования. Семя есть Я и одновременно не-Я, но такое не-Я, которое включает в себя Я.

Конкретный, живой опыт переживания своего духовного Я трудно описать только в понятиях «Я», «не-Я», «ты», «мы», «он», «оно». Необходимо какое-то иное лицо, которое не было бы ни первым, ни вторым, ни третьим, в положительной ли, в отрицательной ли форме, но включало бы в себя их всех и притом передавало бы живое чувство.

Само понятие «семени», потенции моего Я, дает нам намек. «Семя» это то, чем было мое Я до того, как я стал, мой первообраз, то, чей образ пребывает во мне и по образу которого Я стал — *отец*. Отец есть такое «он», в котором дано Я и вместе с тем — более полное, более «целое» Я, то, что произвело зачатие моего Я из самого себя. И потому чувство и сознание духовного Я лучше всего выражается в *четвертом лице* — в форме отношения и взаимозависимости сына и отца.

В духовных своих глубинах человек знает себя как сына — узнает себя в отце и его в себе. Но если в отношении плотского отца человек рано или поздно стремится к саморазличению и тем самым утверждает свою автономность, то в духовной жизни, в отношении духовного отца человек стремится к обратному — к утверждению своей сыновности как силы своего духовного тяготения.

Князь Андрей для Николеньки есть центр ближайшего духовного тяготения, его «духовное солнце», которое дает ему свет, непосредственно «питает» его. Или, выражаясь языком персонализма, князь Андрей есть личная духовная ипостась, личное Божество Николеньки и в этом чисто персоналистическом смысле — его «отец», его «четвертое лицо».

5

Николенька *клянется* сделать все, что бы «ни говорил» ему «отец». Но ни во сне, ни наяву князь Андрей ничего не «говорил» Николеньке. Это слово употреблено здесь Толстым расширительно и имеет смысл постоянно действующего предписания отца сыну. Отец Николеньки одобряет и предписывает ему не то, о чем говорил Пьер Николаю Ростову, а то, что было во сне Николеньки, когда он и Пьер шли впереди огромного войска «из белых косых линий» и впереди была «слава». В фразе этой князь Андрей «говорит» в том смысле, в которой Николенька во сне «видит» его, не имеющего образа и формы.

В последней сцене «Войны и мира» «отец», князь Андрей, посылает в мир своего, подобного себе сына и предписывает ему самоотвержение, славу-добро и любовь. То есть то «неотъемлемое от человека» счастье, «находящееся вне материальных сил», «счастье одной души, счастье любви», которое открылось князю Андрею в лазарете Бородина и о котором он думал перед бредом в Мытищах.

«Понять его может всякий человек, но сознать и предписать его мог только один Бог», — утверждал он тогда и спрашивал себя: «Но как же Бог предписал этот закон? Почему сын?..» Мы можем наметить ответ на этот вопрос: Бог предписал счастье одной души, закон любви, добра, и самоотвержения — посредством духовного тяготения между

«отцом», личной духовной ипостасью, и «сыном», человеком. Или: предписание Богом закона душе человеческой возможно благодаря сознанию ответственности «сына» перед «отцом».

В той фразе, которой заканчивается роман, все время восходящее чувство Николеньки перешло на еще одну, последнюю ступень: он уже мечтает не о *своей* славе и не о том, чтобы все узнали, полюбили и восхитились им, а о том, чтобы «даже ОН был доволен». Здесь уже не столько «я сделаю» и буду славным, сколько *сделаю себя* перед его «славою» — сделаю то, чем бы даже ОН был доволен. Цель его стремлений — исполнить некий сыновний долг, явить в себе духовного отца, стать им. Достигнуть «славы» — и той, которая была «впереди» во сне Николеньки, и той, которую он желает по пробуждении, — означает реализовать в себе, своею жизнью свое *духовное Я*. Эта цель предписана законом духовного тяготения.

Об этом-то внеэмпирическом законе воплощения отца в сыне и «говорил» перед смертью князь Андрей своей сестре и Николушке. И по тем же каналам духовного тяготения между отцом и сыном Николушка «понял значение» той сцены в Ярославле, понял то, что хотел сказать «отец» княжне Марье, «все понял»... Тогда он понял отца душою; теперь же, через восемь лет, накануне жизни, понял его и волею:

«Отец! Отец! Да, я сделаю то, чем бы даже ОН был доволен...»

Всего интереснее судьба князя Андрея в дальнейшей жизни и душевной судьбе самого Толстого.

«Самое сильное, я скажу единственное сильное впечатление, полученное мною от этого посещения, — говорил П. Струве о своем посещении Толстого в 1909 году, — можно выразить так: Толстой живет только мыслью о Боге, о своем приближении к Нему. Он уходит отсюда — туда. Он уже ушел. (Подчеркнуто Струве). Телесно он одной ногой в могиле, потому что ему восемьдесят один год, но он может еще прожить немало дней, месяцев и лет, ибо тело его еще не разрушилось — способен же он чуть не каждый день ездить верхом, что для многих из нас, вдвое его моложе, не только трудно, но и прямо непосильно. Но душевно и духом *он там*, куда огромное большинство людей приходит только через могилу, незримо и неведомо для всех других. А он ушел, и я это видел, чувствовал о нем и с ним. И в то же время я видел его. В этой очевидности ухода из жизни живого человека было нечто громадное и для меня единственное... Его смерть, поэтому, так исключительна и значительна. В ней, кроме физиологического состава умирания, не было смерти. Для меня это не «фраза», не «построение», для меня это очевидный психологический *факт*. Очевидный, ибо я его видел. Я видел не физическое умирание Толстого, не естественный физиологический акт, а таинственное религиозное преображение. Я видел воочию и с трепетом ощущал, как живой Толстой стоял вне жизни. И так же, как я считал своим долгом при жизни Толстого молчать об этом, так теперь, перед всеми здесь собравшимися, объединенными одной мыслью и одним чувством — религиозно почтить отошедшего Толстого, я *считаю своим долгом свидетельствовать об этом великом факте его религиозной жизни*. Великом, ибо тут была одержана труднейшая победа, тут *свершилось величайшее торжество — человека над смертью*».

Приведу еще одно свидетельство, на этот раз такого несомненно пророчливца, каким был Леонид Николаевич Андреев. Перед вами снимок с его картины (пастель), написанной с фотографии Толстого 1901 года/см. 3 сторона обл.)

«Глаза его смотрели на входящих. Увидав его лицо и встретившись с ним взглядом, княжна Марья вдруг умерила быстроту своего шага и почувствовала, что слезы вдруг пересохли и рыдания остановились. Уловив выражение его лица и взгляда, она вдруг оробела и почувствовала себя виноватою.

«Да в чем же я виновата? — спросила она себя. — В том, что живешь и думаешь о живом, а я!..» — отвечал его холодный строгий взгляд».

В сознании многих из нас Толстой живет пророком, обличителем и обвинителем человека во всех сферах его деятельности — в его личных, общественных и даже соборных делах, в его помыслах и самооправдании, в его вере и неверии. И в ответ на обвинения пророка у нас, как и во все времена, невольно вырывается извечный вопрос — у кого протестующий, у кого притворно недоумевающий, у кого искренне испытующий себя: «Да в чем же мы виноваты?». Мы молимся так, как нас учат, или работаем по мере сил на общее благо, или боремся за справедливость и свободу, или познаем мир, или учим людей воспринимать красоту его — чего ему надо? В чем мы провинились? «В том, что вы живете и думаете о живом, а я...» — как бы отвечает он, и мы чувствуем его глубокий, не из себя, а в себя устремленный взгляд, туда, где «что-то другое, важнейшее было открыто ему», «такое, чего не понимали и не могли понять живые, и что поглощало его всего».

Мы подошли к какой-то тайне, и я чувствую, сколь мало я приблизил вас к тому, что теперь нужно мне высказать. Но задача моя не доказать, а дать только почувствовать.

Если П. Струве счел своим долгом свидетельствовать о «таинственном, религиозном преображении» Толстого — о том самом «преображении», которое сам Толстой полстолетия назад

изобразил в «Войне и мире», то Леонид Андреев изобразил нам облик, вид этого преображения, который отчетливо напоминает облик князя Андрея в Ярославле...

Князь Андрей и Толстой на картине Леонида Андреева *сообразны*. И если раньше мы могли говорить о князе Андрее только как об образе обожения, то теперь, быть может, мы имеем основания говорить о нем как об образе *самоустановления* Толстого, образе², несущем в себе направляющую и воплощающую силу. Эта направляющая сила видна уже в последней главе «Войны и мира». Князь Андрей, «отец» посылает в грядущее, в жизнь, своего, подобного себе сына, то есть, как мы теперь понимаем, духовную ипостась Толстого — самого Толстого.

Сознавал ли тогда Толстой свое, говоря языком его учения, «посланничество» в жизнь? Вряд ли можно ждать четкого ответа на этот вопрос, но хочу все же напомнить, что в сцене прощания «отца» с «сыном» в Ярославле, где Николушка, собственно, и становится «сыном», и князь Андрей предугадывает ему посланничество, Николушка *понял* все значение этой сцены и все то, что хотел сказать «отец» князь Андрей княжне Марье о будущем воплощении «отца» в нем. Николушка (сам Толстой) никогда не может остаться без «отца», ибо отец во плоти нужен только сыну по плоти, для сына же по духу, вечной Птицы Небесной, которая ни сеет и ни жнет, «отец» всегда есть непосредственно, по существующей связи духовного тяготения между «отцом» и «сыном» — всегда питает, направляет, живит его. Таков достоверный только для Толстого транссубъективный смысл слов князя Андрея, слов, которые люди «не могут понимать», потому что положительный смысл их недоступен живущим на земле, отрицательный же их смысл в том и состоит, что все земные чувства и соображения *не нужны*.

Конечно, и сцена в Ярославле, и сон-пробуждение Николеньки не аллегорическое послание автора самому себе, художественный такт не изменяет Толстому, и все же впечатление такое, что он, не зная когда и как, уже тогда предощущал, что определит его будущее *благо*, и это таинственное, провидческое о себе знание сообщил не нам, конечно, а себе.

Многое из того, о чем «мечтал» Николенька, Толстой действительно совершил в своей будущей жизни. «Да будет воля не моя, а Твоя» — в последние годы чуть ли не ежедневно повторял Толстой, и с этими словами он ушел из жизни в Астапове, умер; с этими же словами он за сорок лет до смерти входил в новую жизнь: «Сделай то, чем даже ОН был бы доволен». В этой молитвенной клятве Николеньки, которой Лев Николаевич кончает свой роман, есть нечто такое, к чему боязно прикасаться и что на бумаге непременно выйдет грубо.

Толстовское видение князя Андрея перед смертью не мираж, в нем есть предвосхищающая и направляющая сила — сила предвидения, ведения о себе. Прежде, чем осуществиться, все сначала пребывало «представлением в уме», в созерцании, в «смотре». Сначала будущее названо как настоящее, несуществующее как существующее, а потом уже названное стало действительностью. Не означает ли это, что предвосхищающая и направляющая сила толстовского видения есть уже *не сила* (то есть слепое, извне вызванное действие, стремящееся удовлетворить и тем уничтожить причину своего возникновения), не сила, существующая только в производимом ею действии, а *воля* — самозаконное, не действующее, но *проявляющееся*, глубоко личное хотение, знаемое только в самом себе и не имеющее других причин,

2«Образ» в том смысле, который мы имеем в виду, говоря «образа», а не образы.

кроме себя; короче: назначающая и одновременно исполняющая воля, а не только выполняющая сила.

Может быть, теперь правильнее говорить не о предвосхищающей силе, и даже не о видении-предвидении, а о валящем видении, видении-волеии, о воплощающейся личностной сущности или о своем собственном, в себе сущем и в себе же воплощающемся духовном Я, в котором и начало, и конец, и причина, и цель, и то, через что зачато, и что рождено, возрождено и воскрешено. Видимо, Толстой изнутри знал действие этой сущности в себе — то, как духовное Я воплощается, осуществляется в реальной жизни. Это свое знание и это тайное явление своей духовной жизни он под названием «Разумения» или «сознания духовного Начала» положил в основание своего религиозно-мистического учения. Учение Толстого сочетает воедино понятия «отца» и «жизни» и является учением о жизни как зачатии, где человек — не рожденное, а только рождающееся, находящееся в процессе к рождению («в рожении», как говорил Толстой), в зачаточном, утробном состоянии — в становлении и проявлении, то есть в труде и процессе *духовного роста*.

Толстовское религиозное учение плодотворения или проявления духовного начала («отца») во времени, пространстве, движении не есть результат умозрения или рационализации, и не есть профанация чужого Откровения, а заключает в себе личный духовный и мистический опыт. Быть может, и само учение о воплощающемся Логосе в его толстовской интерпретации передает живую картину произрастания религиозно-духовного сознания — если и не у всякого человека, то и не только у религиозного учителя и религиозного художника, конгениального Льву Толстому. Не имеем ли мы в своем распоряжении *опорный факт*, значение которого нужно по достоинству оценить и осмыслить...

Все религиозные учения спасения в образе их основателей стремятся дать людям образец истинного совершенства, истинной жизни («Жизнь») — сам *образ* спасения. В этом смысле (или — и в этом смысле) христианство есть сам Иисус, буддизм — сам Сиддхартха Гаутама, магометанство — сам Мухаммед. Все стоявшие у истоков религий спасения люди, несомненно, были величайшими *религиозными художниками*, обладавшими невероятной силой самобытного творческого видения. Это их творчество отчасти сродни художественному творчеству живописца, музыканта или писателя; но если художественное творчество лишь *воссоздает* новые образы из существующего и есть акт сотворения, вторичного творения, то религиозно-художественное творчество создает «в образе то, что не имеет образа» (Достоевский), *создает* образ нового состояния души человеческой, новой структуры сознания, что и есть акт *творения* из самого себя. И как для читателя и самого писателя воссозданные им лица и положения столь же живы, как если бы они были в действительности, ровно так же для прозелита видение состояния спасения религиозного учителя столь же явственно и осязаемо, как если бы оно было уже реально осуществлено в душе.

Художник лишь *показывает и передает* другим себя и свои образы, пророк же *воплощает* свое видение, как самого себя, в души других людей, меняя самую структуру их сознания, их чувство жизни. Видение — явление не просто реальное, а, как видим, даже выразимое средствами реалистического искусства. Это и не род гипноза, а наивысший творческий акт, который только доступен одухотворенному существу.

Для того, чтобы учить людей Пути и Истине, надо прежде знать — и не отвлеченно, умозрительно, а живо и зримо — знать в самом себе жизнь истинную; прежде чем проповедовать спасение людям, нужно иметь видение самого *состояния спасения души в себе*. Образ умирающего князя Андрея — Птицы Небесной — и есть такое видение Толстого, посетившее его

задолго до начала его активной религиозной деятельности. На наш взгляд, это есть одно из самых значительных событий в духовной и творческой жизни Льва Николаевича.

Выходит, что мы здесь присутствовали (пусть издали и со слабым зрением) при первых схватках духовного рождения человека, по силе духа, способностям и творческим возможностям равного величайшим религиозным учителям человечества, о ранних стадиях духовного роста которых мы ничего или почти ничего не знаем, и, казалось бы, не могли ничего знать.

Часть вторая БЛАГО ТОЛСТОГО

(первичные понятия Пути жизни)

2.1. Рост

*«Видел во сне, что мне говорит кто-то:
«Помни, что ты едешь, а не стоишь. В этом
все».*

Лев Толстой .

В «Царстве Божьем внутри вас» Лев Толстой объясняет, как он понимает христианское учение:

«Жизнь по учению христианскому есть движение к Божескому совершенству. Ни одно состояние по этому учению не может быть выше или ниже другого. Всякое состояние по этому учению есть только известная, сама по себе безразличная ступень к недостижимому совершенству и потому само по себе не составляет ни большей, ни меньшей степени жизни. *Увеличение жизни* по этому учению есть только *ускорение является* к совершенству... Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нравственнее, лучше, *более исполняет учение*, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству. В этом-то смысле заблудшая овца дороже отцу заблудившихся. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже тех, которые не пропадали. Исполнение учения — в движении от себя к Богу» (28, 79) •¹

Таково учение Толстого, — учение не о совершенстве, а о бесконечном совершенствовании. По учению Льва Николаевича важно не достигнутое, а процесс достижения, не «большее», а «*все большее и большее*», не само по себе состояние праведности, а скорость, вернее, ускорение *духовного роста*, с какой бы ступени совершенства или несовершенства он ни начался.

Лев Толстой не принадлежит к числу святых какого-либо вероисповедания. Кроме его собственного. В истории, да и среди современников Толстого, было много людей, знающих

более его, лучше его умевших испытывать умом мир Божий. Во все времена найдется немало и таких, которые были по натуре доброжелательнее его, более талантливы к добру, любви, состраданию. Но кто еще обладал таким мощным запасом душевной энергии, таким огромным и никогда не убывающим стремлением к духовному росту, каким владел Толстой?..

Когда сеятель сеял, то семя Толстого упало в тернии, которые легко могли заглушить его. И учение Толстого обращено прежде всего ко всем, кому надо своими силами укорениться и взойти между камней, в репьях и на дороге. Опыт его нужен и тем, чье зерно упало на «добрую землю», кому повезло, и не оценим для высеянных не столь удачно.

Истинная жизнь, учил Толстой, только «в движении от себя к Богу», и сила истинной, то есть бессмертной жизни увеличивается и накапливается пропорционально не достигнутому, а самому движению. Так — в мгновении духовного роста — вершится здесь, на земле, жизнь небесная. Остановка же, на какой степени совершенства она бы ни произошла, есть отсутствие жизни, существование в гробах своих.

Надо подчеркнуть, что учение, признающее особое значение движений духовного роста, в корне изменяет общепринятые представления о праведности и Воле Бога. По такому учению можно родиться праведником, всю жизнь быть им и при этом стать менее угодным Богу, чем человек, рожденный злым, всю жизнь грешивший и только в последнюю минуту перед смертью испытывавший светлые чувства.

Евангелист Лука рассказывает, что тогда как один из распятых вместе с Иисусом разбойников злословил его, другой разбойник пытался урезонить своего товарища и сказал: «помяни меня. Господи, когда придешь в Царствие Твое». На что Иисус ответил: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк., 23.42—43).

Последние слова Толстой перевел: «и сейчас же ты со мной блажен» (24, 39). По Луке разбойник спасся тем, что покался в последнюю минуту и, главное, уверовал на кресте в Христа Бога; по Толстому разбойник получил жизнь и благо оттого, что раскаялся в своей прежней жизни в предсмертную минуту и, главное, *пожалел* человека Иисуса, что для него, безжалостного, было громадным нравственным скачком.

«Разбойник сжалился над Иисусом, и это чувство жалости было *проявлением жизни*. И Иисус говорит ему: ты жив»(24,781).

Мысль эту Толстой разъяснил и в рассказанной им истории смерти Ивана Ильича. Конечно, Иван Ильич не разбойник и провел жизнь «правильно, законно, прилично», но вся обычная жизнь этого обыкновенного человека была ложь и обман.

Заболев раком и мучительно страдая, Иван Ильич сознает, что его «жизнь, ряд увеличивающихся страданий, летит быстрее и быстрее к концу, к страшнейшему страданию». Смерть близка и неизбежна, и противиться ей нельзя. «Но хоть бы понять, зачем это? И того нельзя. Объяснить бы можно было, если бы сказать, что я жил не так, как надо. Но этого-то уже невозможно признать». Оказалось же, что не только не невозможно, а невозможно не признать.

За три дня до смерти Иван Ильич понял, что совсем пришел конец. «Все три дня, в продолжение которых для него не было времени, он барахтался в черном мешке, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила... Он чувствовал, что мучение его и в том, что он всовывается в эту черную дыру, и еще более в том, что не может пролезть в нее.

Пролететь же ему мешало признание того, что жизнь его была хорошая. Это-то *оправдание* своей жизни цепляло и не пускало его вперед и больше всего мучило его».

Какая-то невидимая сила *заставила* его хоть в последнюю минуту *сделать работу жизни*, признать то, что он не желал признавать — что «все то, чем ты жил и живешь, есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть». За час до смерти он все-таки признал это и «там, в конце дыры, засветилось что-то». Но это еще не все: его только заставили сделать то, что должно, но еще что-то он должен сделать сам.

«Да, все было не то, — сказал он сам себе, — *но это ничего*. Можно, можно сделать «то». Что же «то»? спросил он себя и вдруг затих». И он сделал «то», самую малость — как раз то, что и разбойник на кресте.

Привели сына. «Ему стало жалко его». Жена подошла. «Ему стало жалко ее». Он только пожалел семейных своих, и «как хорошо и просто» стало. После целой прожитой ложной жизни, после недель страданий и ненависти к остающимся жить ближним достаточно было в последнее мгновение одного этого истинно доброго движения в душе, и смерти не стало. «Вместо смерти был свет. Так вот что! — вдруг вслух проговорил он. — Какая радость! Для него все это произошло *в одно мгновение, и значение этого момента уже не изменилось*. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа... «Кончено!» — сказал кто-то над ним. Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, — сказал он себе, — ее нет больше». Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер».

Иван Ильич, как и князь Андрей, «пробудился от жизни», и у него, как у князя Андрея, значение этого момента уже не изменилось. Но если рождение Птицы Небесной ничем не мотивировано, то рождение Ивана Ильича вполне рационально объяснено: истинная, бессмертная жизнь проявилась в результате одномоментного ускорения духовного роста.

3.

В человеке действуют две неуничтожимые силы, или два начала, из которых складывается его жизнь: сила, начало или составляющая животная (психо-физиологическая) и сила, начало или составляющая духовная. Издревле смысл жизни усматривается в возникновении духовного из или вместо животного. По учению же Толстого смысл жизни состоит во все большем *проявлении* духовного в животном.

Жизнь в мире не разворачивается наподобие научной мысли — от простого к сложному, от предпосылок к выводу, от количественного накопления в частностях к качественным обобщениям — в жизни *сразу же и все дано*. Процесс жизни не развитие и не эволюция, а проявление — не явление, не появление, а *проявление*, подобное тому, как заданное в первичном излучении изображение проявляется на фотобумаге. Что же проявляется и через какой «негатив»?

Так же, как темнота есть лишь световое явление, созданное с помощью чего-то свет не пропускающего, непроницаемого светом, ровно так же и «тьма» не есть самостоятельное противоборствующее явление, а только отсутствие «света». Можно различать: источник света, сам свет, и свет, несущий определенное изображение, прошедший через негатив, то есть свет, ограниченный и проявляющийся как бы *из-за пределов*, установленных «темными» областями негатива. Источник света — Тот, Кто светит; сам Свет — невидимое всемирное духовное Начало; пределы. Свет ограничивающие, — в первом приближении, пространственно

и временно движущаяся материя, тело; и, наконец, прошедший через негатив Свет — дух в теле.

Свет до воображаемого негатива и после него — один и тот же Свет, имеющий один и тот же Источник, но до негатива он неотделенный, после же негатива заключен в пределы, не обязательно материальные, отграничивающие его и создающие отдельность, единичность и несливаемость его лучей.

Само по себе заключение «Света» в «пределы» есть существование в Мире, но это еще не жизнь. Живет тот, кто обладает сознанием жизни и чувством жизни, кто переживает жизнь в себе. Это изначальное знание и переживание дано каждому живому существу — по сознанию себя живущим, которое прежде всего есть *сознание единичности* своего существования. В сознании своей единичности, т.е. в сознании «Я», можно различить две стороны: во-первых, сознание своей нераздельности, единства себя, и во-вторых, сознание своей отделенности.

Сознание отделенности членится в свою очередь на сознание того, *чем* отделяется, и сознание того, *что* отделено. Первое есть сознание своих границ или пределов своей отделенности от других или другого — в первую очередь, сознание своего движущегося независимо от других существ в пространстве и времени тела. Поэтому сознание того, *что* отделено, нельзя относить к телу и, шире, материальной сфере существования вообще, которая есть только данное, нам известное, но не единственно возможное состояние отделенности.

Сознание своего тела, как пределов себя, не первично; оно возможно и возникает только потому, что есть нечто, *что* исходно сознает свою отдельность и отделенность: не материальное тело сознает себя отделенным, а то, что им отделено. Отсюда, заключает Толстой, само сознание себя отделенным возможно только для неограниченного, нетелесного, непространственного и невременного существа. Значит, понятие жизни можно относить только к заключенному в пределы тела и движения существу духовному и живет собственно и может жить *только* духовное существо.

Если на свет, прошедший через такого рода «негатив», темная область которого постоянно изменяется, смотреть извне, то мы увидим движущееся изображение, обусловленное изменением тех областей, в которых нет света (которые свет отграничивают). И нам кажется, что и само изображение создается темным, что движется и изменяется темное и что только оно и есть. Это изображение негативное, «изображение через тьму». Но можно смотреть на тот же самый свет после негатива не извне, а изнутри, и тогда явно станет, что изображение создается светом, который сам по себе неизменен, а лишь так или иначе отграничивается. Это изображение позитивное, «изображение через свет».

Ровно так же можно говорить о негативном и позитивном сознании своей отделенности — о «сознании тьмы» и «сознании света». И потому следует различать два основных состояния сознания жизни: первое — жизнь-тьма и второе — жизнь-свет. Это совершенно разные состояния жизнесознания и мирочувствования, в которых может находиться человек.

Человек, живущий в состоянии сознания тьмы, признает свою жизнью «те пределы, представляющиеся ему движущейся материей, которые отделяют его от всего, и полагает, что его жизнь материально-пространственна и само-движно-временна, и в движении этой материи видит свою жизнь. В прекращении же движения этой материи он видит прекращение своей жизни» (90, 140. «О сознании духовного

начала»).

Человек же, живущий в состоянии сознания Света, признает себя неизменным при любых изменениях в пределах; смерть для него это не более, чем прекращение сознания отделенности в данных пределах. «Так что люди приписывают два различных значения слову «жизнь» — учит Толстой. — Одно значение есть понятие движущейся отделенной от всего остального материи, признаваемой человеком собою, и второе — неподвижное всегда равное себе духовное существо, которое человек признает собою. Понятия эти кажутся различными, но в сущности это не два, а только одно понятие: понятие сознания себя **духовным существом, заключенным** в пределы. Признание жизнью пространственного и временного существования отделенного существа есть только недодуманность. Сознание себя отделенным от всего существом возможно только для духовного существа. И поэтому жизнь всегда есть жизнь духовного существа...» (там же).

Смена состояния сознания тьмы на состояние сознания Света, когда такая смена происходит, означает кардинальное изменение сознания Я, т.е. самой жизни человека, означает столь существенное изменение в его чувстве жизни, что он уже становится собственно другим существом, иначе живущим — имеющим иное представление о благе, действующим в Мире и понимающим Мир, себя, действительность иначе. Вот такую-то смену состояний жизни Толстой и называл «рождение духом» или воскресением человека к истинной вечной жизни.

С точки зрения повсеместно бытующих представлений жизнь есть жизнь, и может функционировать более активно или менее активно, либо может организоваться в высшие формы или формы низшие, но не может быть «более живой» или «менее живой». Такой взгляд имеет дело с так или иначе организованной, но всегда одной и той же себе равной единицей жизни, из которой строится и развивается все живущее. По взгляду же Толстого такой единицы нет, а есть множество степеней или качеств полноты жизни, так или иначе организовавшихся и функционирующих.

Собака, скажем, не есть просто живое существо высшей организации, а живет совсем не той жизнью, которой гусеница, — собака «более живая». Все дело здесь в степени проявления духовного (Света) из-за пределов отделенности (тьмы). Но пределы, о которых рассуждает Толстой, не только материальное неживое природы. «Тьмой» может быть и жизнь органическая, и растительная, и животная. Пределы же отделившегосяTM человека как человека даны индивидуализированной жизнью высшего разумного животного, которым он тоже является, и из-за пределов которой проявляется в нем духовное Начало. Та или иная степень проявления последнего зависит не столько от изменения духовной или плотской составляющих человека в отдельности, сколько от их *соотношения*. По Толстому, важны не величины этих начал или составляющих, а величина их отношения. «Увеличение» отношения духовной составляющей к плотской и есть духовный рост жизни.

Гипотетические пределы духовного роста это, с одной стороны, нулевая величина этого отношения, полная тьма, отсутствие жизни в любом смысле слова, с другой — бесконечно большая величина этого отношения, максимальная степень полноты жизни, жизнь Божеская.

Духовное Начало проявляется из-за своих пределов отделенности. Мир существует и может существовать только в качестве пределов отделенности духовного Начала.

Все существующее существует в Мире благодаря духовному Началу, вернее, благодаря процессу проявления его и — для самого процесса проявления. Сознание проявляющегося духовного Начала, Света во тьме и есть жизнь.

«Жизнь есть сознание неизменного Начала, проявляющегося в пределах, отграничивающих это Начало от всего остального», — постулирует Толстой. Степень жизни, степень сознания Света во тьме определяет и организацию пределов отделенности: больше сознание духовного Начала — ярче Свет — больше духовно-плотское отношение — больше степень полноты жизни — выше ступень организации ее отграничений. Жизнь органическая, растительная соответствует меньшему духовно-плотскому отношению, чем жизнь животная, которая тоже имеет свою градацию до жизни высших животных и человека.

Человек — более одухотворенное существо, нежели любое животное. Но это само по себе еще не имеет основополагающего значения: высшее или низшее достоинство и сила живого существа зависит не столько от того или иного значения духовно-плотского отношения, *сколько от его способности или возможности увеличения этого отношения.*

Та или иная возможность роста души задана для всего вида; для низших животных задана жестко, так что если и имеются какие-либо отклонения для отдельной особи, то они, по крайней мере на людской взгляд, исчезающе малы. Чем выше по лестнице жизни, тем шире заданные границы изменений духовно-плотских отношений животного вида. Шире же всех — у человека, и потому человек, как животный вид, обладает большей возможностью роста.

Люди одного поколения и даже в одной семье по своим прирожденным душевным качествам могут различаться не менее, чем высшие животные от низших. Кроме того, в каждом из нас в разные моменты жизни происходят такие изменения сознания Я и чувства жизни, такие душевные превращения, которых вполне, наверное, хватило бы обезьяне, чтобы сделаться человеком. С другой стороны, кто не помнит в своей жизни минуты или случая, когда он в полном смысле слова превращался в животное?

Мы общаемся с себе подобными, а эти подобные сплошь и рядом отличаются друг от друга и от меня так же, как существа высшие и низшие. И мало того: тот, кто сейчас ниже, может через пять часов или через пять лет стать на минуту или навсегда выше. Невероятно, как в таких условиях мы вообще можем вступать в контакт и понимать друг друга. Это было бы совершенно невозможно, если бы люди не обладали способностью создавать общую всем и независимую от качества душевных состояний, безличную, отвлеченную, условную и обманчивую область слов и понятий, в которой гасится напряжение разности душевных потенциалов личностей и через которую возможно общение.

Личность в учении Толстого это то особенное в животном или человеке, что не одно и то же в продолжение всей жизни, что так или иначе подвержено изменениям, превращениям, старению, а значит, и смерти. И это не только генетические и физиологические особенности живого существа, влияющие на его психологию, но и все, казалось бы чисто человеческие, развивающиеся индивидуальные способности и склонности к умозаключению, искусству, технологической деятельности и пр. Развитие этих способностей не есть духовный рост и не меняет чувство жизни

человека как природного существа, а лишь форсирует энергию его жизни, накаляет его плоть и душу, раздувает область того, что природный человек может признать своими благами — усиливает и усложняет чувство-сознание жизни, которое по сути остается одним и тем же. Поэтому вместо понятия «человека разумного», обозначающего высший природный вид, Толстой предпочитал пользоваться понятием «животной личности» человека.

В лестнице живых существ это высшее более жизнеспособно и более живо, в ком больше способность и возможность роста души. Высшие животные, включая человека, в продолжение единичной жизни обладают потенцией или возможностью роста. Каждое живое существо, которое можно было бы назвать по-толстовски «животной личностью», совершает от рождения до смерти некоторую работу душевных превращений. Работа эта обусловлена уже самим движением от возраста к возрасту, или из одних условий душевного бытия в другие. Строго говоря, эти вынужденные душевные движения не есть рост, а есть *путь*, в котором происходит или не происходит постоянное изменение духовной составляющей или духовно-плотского отношения. В один период жизни это отношение падает, в другой — увеличивается, но все же человек, как и каждое личностное животное, старея, совершает свой предустановленный труд жизни, одухотворяется. В этом смысле мы можем говорить о *вынужденном росте* пути его жизни.

Член Судейской палаты Иван Ильич Головин с точки зрения учения роста вел жизнь разумного личностного животного. Он находил для своей души соответствующую ей яму и недвижно сидел в ней, покуда это было возможно, покуда новый возраст или изменившиеся условия не заставляли перебраться в другую. Быть в душевной яме — душевной неподвижности ли или душевной суете — покойно и желательно, и если в его жизни и совершался некоторый духовный рост, то совершался сам собою, помимо его собственной воли. Духовная биография Ивана Ильича полуслучайна и в ней мало точек. Но вот за день до смерти «ему пришло в голову», что все те ловушки и западни жизни, в которых он побывал, — «и его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы, — все это могло быть не то». От этого сознания физические и нравственные страдания его удесятерились, но в этих плотских и душевных мучениях совершалось мощное ускорение роста.

Мучение Ивана Ильича более всего состояло в том, что он не мог пролезть в черную дыру, потому что «оправдание своей жизни цепляло и не пускало его» — он *вынужден* был сделать работу жизни. Конечно Иван Ильич мог и не быть духовно-пассивным человеком и в продолжение своей жизни, попадая в душевные ямы, мог стремиться выбраться из них, духовным своим усилием «преодолеть препятствия» пути своей жизни. Это не значит, что он вообще выбрался бы из расставленных на его пути ловушек души, нет, конечно, и выбираясь из одной, он непременно попадал бы в другую; но это не столь важно. Важно напряжение души на преодоление, усилие духовное, которым и совершается рост, и рост невынужденный.

Толстой рассказывает, что у Ивана Ильича были «чуть заметные *поползновения борьбы* против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим, поползновения чуть заметные, которые он тотчас же отгонял от себя». Перед смертью он понимает, «что они-то и могли быть настоящие» — *свойственные только человеку*. Не в том дело, что человек

вечно попадает в душевные западни, — на то соблазны и должны прийти в мир и быть в мире — а то, что он обладает способностью выбраться из каждой из них — взлететь над собой, пусть даже для того, чтобы тотчас упасть, но уже не туда, а в другое, новое состояние души. Заметны или чуть заметны, часты или редки такие взлеты в жизни человека, но они есть, и они-то и составляют духовную биографию человека, биографию его роста, *роста* пусть *естественного*, но уже *не вынужденного*, как у животного, а свободно-естественного, человеческого.

В отличие от любого животного кривая пути роста человека прерывается или всегда, в любой момент может прерваться бросками свободного роста. Изредка в человечестве рождаются люди, путь жизни которых преимущественно и складывается из таких бросков. Это люди феноменальной духовной энергии, способные безостановочно преодолевать душевные ямы и тем самым постоянно *осуществлять* самих себя — явление чрезвычайно редкое во все времена. Ясная Поляна стала местом, где жил человек, обладавший такой способностью к росту и в конце концов духовно осуществивший самого себя. Временами Толстой растет с такой скоростью, что исследователю его духовной биографии за ним не уследить. Таковы, например, 1868 — 1869 годы в его жизни, где нет недели пассивного состояния души.

Для науки о *естественном пути жизни человека* духовная биография Льва Николаевича незаменима. Говорим о «естественном пути» потому, что духовный рост такого рода пути *основывается исключительно на преодолении, на бросках и взлетах*, и возможен только *благодаря* естественно расставленным на пути жизни душевным ловушкам, которые служат для его роста точкой приложения его духовных сил. *Рост* тут не вынужден, *свободен*, но сам путь жизни подчинен *естественной* необходимости, и его не назвать свободным.

5.

Каждый человек, человек как таковой есть, по учению Толстого, сын Бога. Но Богосыновность человека может быть двоякого рода: естественная, по происхождению, и свободная, по призванию. Чтобы достичь Богосыновности по призванию, человек должен «признать Отца», сознать свою сыновность духовному Началу, то есть признать свою жизнь как проявление духовного Начала, заключенного в пределы. Сын Бога тот, в ком произошла смена чувства жизни и сознания Я с «сознания тьмы» на «сознание Света». Этот процесс Толстой называл процессом *духовного рождения* человека. Главное в духовном рождении то, что человек, переходя в совершенно новое состояние сознания жизни, приобретает и совершенно новые возможности и способности одним своим усилием увеличивать духовно-плотское отношение в себе и тем самым автономно ускорять рост, приобретать большую полноту жизни, а значит, *становиться все более и более живым*.

Для свободного роста естественного пути жизни человека необходимы, как мы уже сказали и будем еще подробно говорить, душевные ловушки, преодоление которых осуществляет в человеке его потенцию роста. Для действия же духовных сил роста после духовного рождения препятствия все менее и менее нужны, так как движущая сила роста на этом, новом *духовном пути жизни* уже проявилась, существует сама по себе и для своей актуализации ничего не требует.

Закон жизни в ней самой есть рост. Этот закон так или

иначе осуществляется как в развитии существ по лестнице жизни, так и в истории человечества, так и в истории единичной жизни личности. В одних случаях осуществляется вынужденно, в других — свободной волей человека, но всегда в рамках естественного пути жизни. Существо же, могущее *исключительно* по своей воле, *вполне свободно* актуализировать потенцию роста в своем единичном существовании, осуществляет *свободный путь жизни* — более всего выражает, осуществляет, воплощает духовное Начало и тем самым становится, по слову Толстого, «вполне сыном Бога», Его *воплощением* в существовании.

В дальнейшем мы часто будем пользоваться толстовским понятием «человека живого». В широком смысле «живым человеком» Толстой называл всякого, в ком совершаются движения духовного роста. В узком же смысле «человек живой» это человек, прошедший духовное рождение. Такой человек рождается (в смысле: может родиться) в процессе естественного пути жизни «человека разумного» и по отношению к последнему является качественно новым и высшим существом — «воскресшим» из гроба «животной личности».

Естественный путь жизни переходит в духовный путь жизни через духовное рождение. Но и в самом духовном пути жизни, пути жизни «воскресшего» человека Толстой различал две стадии: переходную, которую мы назовем путем *духовного освобождения*, и конечную, которую у Толстого проходит человек «воплощающийся» и которую мы и будем называть свободным путем жизни. Путь духовного освобождения переходит в свободный путь жизни через *рождение духовной свободы* в человеке духовного пути.

Таким образом, человек может иметь три совершенно различных качества полноты жизни:

- качество человека природного, умного животного, животной личности, существа свободного роста в естественном пути жизни;
- качество человека воскресшего, существа духовного пути жизни;
- и качество воплощения существа, нашему существованию по сути уже не принадлежащего, о процессе и пути жизни которого мы, собственно, говорить не можем.

Состояние воплощения свободного пути жизни по отношению к состоянию воскресения пути духовного освобождения столь же новое и высшее качество полноты жизни, сколь человек воскресший, находящийся на духовном пути жизни, есть высшее существо по отношению к человеку, находящемуся на естественном пути жизни. Иисус, по Толстому, «воскрес», стал «человеком живым», сыном Божиим не после плотской смерти, а после искушений в пустыне. Вся дальнейшая евангельская история жизни Иисуса — путь воплощения Отца в сыне; и на этом пути Иисус по Толстому еще попадал в ловушки соблазна: то гневался на фарисеев, то выгонял торговцев из Храма, и даже чуть было не решил защищать свою жизнь с мечом в руках, противиться насилию. Полное воплощение произошло в Иисусе только на кресте.

Чтобы ориентироваться в этой терминологии, надо различать две стороны одних и тех же понятий «воплощения» и «воскресения». «Воплощение» можно понимать как *акт* «воплощения» духа Бога в существование, акт полнейшего осуществления в живом существе закона самой жизни, конечного возобладания духа над плотью; и можно понимать как *процесс* «воплощения» — процесс работы жизни на пути духовного освобождения. Точно так же самое под «воскресением» можно понимать и акт «воскресения», рождения

существа духовного пути жизни, рождения духом, смены чувства-сознания жизни, и процесс «воскресения», происходящий в животной личности, в естественном пути жизни под действием сил свободного роста, приводящих к «воскресению». Впрочем, под «воскресением» как процессом у Толстого понимается не весь естественный путь жизни животной личности, а только один — последний — отрезок этого пути.

Естественный путь жизни состоялся не по «воскресению», а по *пробуждению* «разумного сознания». Акту смены сознания жизни, «воскресению» предшествует *акт возникновения нового духовного сознания*, пробуждения. До пробуждения человек живет в «сознании тьмы», после пробуждения — *в борьбе света и тьмы*, и только этот отрезок общего пути жизни от пробуждения «разумного сознания» до победы его Лев Николаевич и называет «воскресением».

Критики часто упрекают Толстого в декларативности последней главы «Воскресения»; однако Нехлюдов у Толстого проходит весь процесс воскресения и в последней главе подходит вплотную к акту воскресения, — и тема романа (процесс воскресения) исчерпана. Труд процесса воплощения, т.е. жизни на пути духовного освобождения, составляет содержание другого произведения Толстого тех лет — «Отца Сергия».

Первые признаки пробуждения самого Толстого можно обнаружить в его жизни к тридцати трем годам (после смерти брата Николая Николаевича); и с этого момента процесс пробуждения в нем идет весьма спокойно вплоть до сорокалетнего возраста. С конца 60-х годов Толстой вступил в полосу «борьбы и страдания родов» духовного рождения. Этот этап длился лет десять. На пути духовного освобождения Толстой прожил 80-ые и 90-е годы. Так что процесс воскресения в нем длился три десятилетия и закончился только к началу нашего века. Девятисотые годы для Толстого есть, на наш взгляд, период свободного пути жизни, возвеличивания сына Божьего в человеке, воплощения Отца в сыне или воплощения «внутреннего я», как говорил Толстой в середине 80-х годов.

Тот же путь проделал у Толстого князь Андрей в «Войне и мире»: первое пробуждение, пробуждение Неба произошло в нем на поле Аустерлица, пробудился окончательно он после посещения Пьера, воскрес — в лазарете Бородина; но и после воскресения у него были взлеты и падения, борьба любви Божеской и человеческой, и он чуть было не потерял то новое духовное самосознание жизни, которое он обрел; и только в Ярославле за два дня до приезда княжны Марьи и Никулушки произошло, как чудо, самовоплощение, и он стал Птицей Небесной, «отцом», предписывающим сыну *свое* воплощение в нем.

В учении роста Толстого надо различать по крайней мере две части: учение о росте естественного пути жизни и учение о росте духовного пути жизни. Большинство обнаруживаемых критиками Толстого несоответствий и противоречий в его учении мнимы и вызваны тем, что положения одной части его учения неправомерно сопоставляются с положениями другой части. Таковы, например, все недоразумения, связанные с анализом роли разума в его учении.

Естественным путем жизни и его ростом движет сама жизнь — ее радости, мучения, страдания, смерть, которые по словам Толстого «со всех сторон ухают на человека» и «волей-неволей загоняют человека на единственный истинный путь жизни». Человеку на естественном пути жизни необходимо то, что способствовало бы естественному духовному росту и

пробуждению, что наполняло бы мучительными противоречиями его душу; ему нужна книга Экклезиаста, пересказываемая Львом Николаевичем чуть ли не в каждой работе, а не Нагорная проповедь и притча о талантах, утверждающая, в интерпретации Толстого, необходимость духовного роста для спасения. Вполне понятно, что в учении о процессе воскресения разум создает неразрешимые противоречия и является чём-то родовспомогающим — не тем, что обуславливает рождение, а тем, что, так сказать, делает родовые схватки. Разум создает противоречия как в бытии человека так и, главное, в его сознании. Это противоречие в сознании, «раздвоение сознания» может доводить человека до последней степени душевного напряжения.

«Вся жизнь моя есть желание себе блага», — говорит себе человек пробудившийся, — «разум же мой говорит мне, что блага этого для меня быть не может, и что бы я ни делал, что бы ни достигал, все кончится одним и тем же:

страданиями и смертью, уничтожением. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумного смысла, а во мне и во всем окружающем — зло, бессмыслица, смерть. Как быть? Как жить? Что делать? И ответа нет. (...) И человек сознает себя одним во всем мире с теми страшными вопросами, которые разрывают душу. А жить надо. (...) Разум, та высшая способность человека, необходимая ему для жизни, которая дает ему, нагому, беспомощному человеку, среди разрушающих сил природы, — и средства к существованию, и средства к наслаждению, — эта-то способность отравляет его жизнь» (гл. VI «О жизни» — 26, 340—341).

Разум ставит человека в безвыходное положение в его сознании жизни — такова чисто отрицательная роль его в учении о процессе пробуждения и воскресения, в «Исповеди», «В чем моя вера» и трактате «О жизни». В учении же о воплощении дело разума не чисто отрицательное, хотя и здесь он не двигатель свободного роста, не творец, а критик или цензор, отвергающий худшие из возможных альтернатив свободного роста. Таково истинное, до этого момента пути жизни скрытое назначение разума. Так его функции и определены в учительских местах толстовского перевода Евангелия, в «Христианском учении» и «Царстве Божьем внутри вас».

6.

В понятии прогресса заключено утверждение разумности Мира: существующий мир таков, что в нем несомненно *возможно* движение прогресса для человека и человечества. Все в нем словно устроено или создано в видах человека, для возможности осуществления им своего блага — личного или общественного, в этой жизни или будущей. Человеку вполне достаточно познать и сообразовать свою жизнь с законами столь разумно и выгодно для него устроенного Мира, и дело прогресса делается само собой. Поэтому достижение целей прогресса во власти человека — умеет он только пользоваться теми *дарами*, которые есть. По воззрениям прогрессистов (светских или клерикальных) человек хозяин или сохозяин своей жизни, существо, которое имеет *свои* цели и в состоянии достигнуть их. Для Толстого дело человеческое в другом.

Бог не ставит своей целью благо человека или человечества — на земле или в иных существованиях. У Него Свои цели, о которых Он знает. Ясно одно, что цель Бога разумна и *не осуществлена* еще, не существует. Все же, что существует — весь Мир и бытие человека в нем, — существенно неразумно. Общее движение от неразумности к разумности —

цель Бога-Хозяина, а не человека, которому здесь отведена роль работника, своих целей не имеющего. Никакой возможности достижения своего блага — именно как своего — человеку не дано; человек не только не хозяин или сохозяин жизни, но и вообще не принадлежит себе, не имеет власти или силы на достижение блага себя как личности — он нужен Богу поскольку выполняет Его дело, Его волю, определяющую смысл человеческой жизни.

Предназначено же человеку Богом — служить, работать на Бога, и только для того, чтобы человек-работник мог выполнять эту работу, в его сознание жизни вложено в качестве движущего мотива жизни желание блага как чего-то несуществующего, идеального, но истинно разумного. Само стремление к достижению блага вложено в человека не для человека, а для Бога. Человек не может иметь своих целей, в том числе цели блага себе (себе лично, или своим, или всем). Не должен он и пытаться ставить свои цели, а тем более стремиться достигать их — это наверняка лишит его единственно свойственного ему блага как орудия Божьего.

Благо человека — работать на Бога и не думать, что из этого выйдет для себя или всех, так как только в этом случае благо человека и человечества в целом. Царство Божие на земле, достигается *попутно*, в процессе производимой Хозяином с помощью орудия-человека работы по усовершенствованию Его земного имени.

Основная мысль учения роста Толстого в том, что воля Бога и смысл жизни не в достижении, а в движении. «Дело твое не в том, чтобы достигнуть совершенства, — говорит Толстой, — а в том, чтобы все больше и больше приближаться к нему» («Путь жизни» XX, III, 7).¹ То соответствует Воле Бога, что душевно не неподвижно, в чем все больше и больше проявляется духовное Начало. Более же всего может осуществить волю Бога человек свободного пути жизни. Но в такого человека никого превратить нельзя, нельзя ни сделать, ни заставить сделаться живым, но можно душу любого человека побудить не спать, а работать, и тем вызвать рост ее.

Для того, чтобы побудить душу работать, прежде нужно побудить человека жить не чужой, а *своей*, ему одному свойственной внутренней жизнью, сделать его существом автономным, освободить его от груза внушений, идеологических и душевных насилий, короче — побудить его жить своей собственной жизнью и иметь свои, а не чужие взгляды. В душе человека свободного сознания, отрешившись от идолов и идей, уже можно зажечь идеал полного совершенства, который сам собою работает в людях и «подвигает их к деятельности».

1 «Путь жизни» — книга, написанная в последние годы жизни Толстого — канон его учения. С толстовским учением о жизни можно ознакомиться за десять минут; все оно выражено в тридцати одном пункте Предисловия к «Пути жизни», соответствующих тридцати одной части самой книги.

Только через установление идеала совершенства в душе человека и может происходить ускорение свободного роста как естественного, так и духовного пути жизни. Идеал этот один и тот же как для человека пробуждающегося, так и воскрешающегося, так и воплощающегося — как и для того, так и для другого и для третьего идеалом задается одно и то же *направление* свободного роста, и потому, говоря теоретически, можно разработать единую стратегию свободного роста для всех, на какой бы ступени полноты жизни ни находился каждый. Эту-то практическую задачу и взял на себя Лев Толстой.

Разумеется, без более или менее полного изложения его

учения и проповеди нельзя дать полностью и его решение этой задачи, но некоторые принципиальные моменты решения всё же можно отметить здесь.

Учение Толстого руководит людьми «иным способом», нежели общественные законы любого рода. По этому учению нет и *вообще не может быть никаких* правил и законов, «никакое исполнение законов не составляет исполнение учения» и «всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны перед этим учением». Иисус, по Толстому, не судит человека по тому, сколь он отклоняется от идеала. Его цель — выразить то, что каждый человек, *как духовное существо*, носит в своей душе.

Однако человек не только духовное, но и животное существо, и поэтому Иисус, учит Толстой, давая свой идеал, не имеет намерения *направлять* человека на достижение этого идеала, а только стремится *отклонить* течение его жизни. Идеал полного, бесконечного, Божеского совершенства в сознании человека есть силадвигающая его, но, разумеется, двигающая *не по* направлению течения его плотской жизни и *не против* течения этой жизни, а *поперек* этого течения. Это не противотечение, сила останавливающая или ограничивающая силу движения животной личности, какова сила законов общества, а поперектечение, сила перпендикулярная течению животной жизни.

«Христос учит не ангелов, но людей, живущих животной жизнью и двигающихся ею. И вот к этой животной силе движения Христос как бы прикладывает новую, другую силу сознания Божеского совершенства, — направляет этим движение жизни по *равнодействующей* из этих двух сил» (28, 77).

Какие могут быть законы исполнения такого учения? Человек складывается из животного и духовного, но обе эти силы в нем направлены не встречно — тогда возможны были бы какие-либо законы столкновения, — а таким образом, что каждая из них сама по себе не воздействует на другую. Человек не арена борьбы противоборствующих сил, в том смысле, что одна сила в нем подавляет другую, а точка приложения независимых друг от друга, конкурирующих сил, каждая из которых отклоняет или сдвигает его. Человек — *как вектор*, имеющий две проекции на перпендикулярные оси: вертикальную духовную и горизонтальную животную. Пользуясь графическим образом вектора, будем помнить, что в соответствии с учением Толстого жизнь человека в каждый данный момент определяется не этими «проекциями» самими по себе, а их отношением, то есть углом сдвига вектора, а не его «модулем», величиной.

Собственно, в учении Толстого не один, а два идеала человеческой жизни. Первый — тот, который дан в Нагорной проповеди. Второй тоже обладает всеми свойствами, какими обладает идеал религиозного учения; он одновременно должный, полный, достижимый и недостижимый. Вот как этот собственно толстовский идеал сформулирован в «Царстве Божием внутри вас»:

«Тысяча восемьсот лет тому назад среди языческого римского мира явилось странное, не похожее ни на какое из прежних, новое учение, приписывавшееся человеку Христу... Доказательств учения не выставлялось никаких, кроме истины, кроме соответствия учения с истиной. Все учение состояло в познании истины и следовании ей, в большем и большем постигновении истины и большем и большем приближении к ней в делах жизни. Нет по этому учению поступков, которые могли бы оправдать человека, сделать его

праведным, есть только влекущий к себе сердца образец истины для внутреннего совершенства в лице Христа, а для внешнего — в осуществлении Царства Божия... Исполнение учения — только в движении по указанному пути. Больше или меньше благо человека зависит по этому учению не от той степени совершенства, до которой он достигает, *а от большего или меньшего ускорения*... Всякое состояние по этому учению есть только известная ступень на пути к недостижимому внутреннему и внешнему совершенству и потому *не имеет значения*. Благо только в движении к совершенству, остановка же на каком бы то ни было состоянии есть прекращение блага...

Исполнение учения только в *безостановочном движении* — в постигновении все высшей и высшей истины, и все в большем и большем осуществлении ее в себе все большей и большей любовью, а вне себя все в большем и большем осуществлении Царства Божия» (28, 40—42).

Такова формула *исполнения* учения Толстого. Идеал этого исполнения не высшее совершенство, а «безостановочное движение»: непрерывное ускорение роста души, непрерывное увеличение отношения духовного к плотскому, безостановочный *сдвиг* вектора жизни, увеличение не величины, а угла между ним и его плотской составляющей.

Про каждое положение вектора состояния жизни нельзя сказать, разумно оно или нет; разумно лишь движение от одного, существующего, состояния к другому, высшему, не существующему еще, осуществляемому. Поэтому полная Истина, совершенное Разумное заключено в идеале безостановочного постигновения все высшей и высшей истины.

Только рост может создать новое качество полноты жизни, только рост — разумен и только рост — благо. Истинное благо человека зависит «от большего или меньшего ускорения» роста. Разумеется, такой ряд представлений не может не основываться на некоторых мистических положениях и, в частности, на своеобразных представлениях о посмертном существовании. О своих мистических откровениях и представлениях Толстой, чтобы не ввести в соблазн, предпочитал не говорить в публичных выступлениях. Далеко не полную картину мистики Толстого можно теперь реконструировать по его дневникам, письмам и черновикам, но все, что возможно, мы постараемся представить в последующих частях нашей работы. Теперь только укажем, что и по стратегии спасения человека в земной жизни, и по мистическим основам учение Иисуса, как ни понимай его — не учение Толстого. Даже евангельский идеал нравственного совершенства и сам образ Иисуса в учении Льва Николаевича по сути дела лишь *главный вспомогатель* идеала безостановочного роста толстовской религии. Живой образ абсолютного исполнения религии роста — сам Лев Толстой.

Исполнение религии Толстого (будем называть вещи своими именами) — «в движении от себя к Богу». Истинная вечная жизнь — в ускорении роста. Идеал толстовской религии есть непрерывное, не прекращающееся ни на какой ступени совершенства ускорение роста. Но как это возможно? Может ли человек расти все время, во все периоды жизни, всегда постигать все высшую истину и непрерывно осуществлять ее в себе и вне себя? В реальности нет, конечно; но в идеале — представимо. Может ли рост на более высоких ступенях совершенства идти с той же скоростью, что и на низших ступенях? Не должен ли он неминуемо замедлиться? Конечно, должен; но сколь это ни противоречит всем нашим представлениям, в идеале и это возможно, если и не на естественном, то на свободном пути жизни. Но ведь по учению

Толстого желательно и необходимо даже не сохранение непрерывной скорости роста, а *ускорение* движения — непрерывное увеличение скорости роста. Такое немислимо и в качестве идеала. Кажется, что это уже не только «странное, не похожее ни на какое из прежних, новое учение», новое и для людей древности, и для людей нашего века, но и невероятное учение. Дадим хоть самое первое, беглое представление о том, как осуществим этот идеал ускорения роста в учении Толстого.

7.

Состояние жизни, качество полноты ее или степень проявления духовного начала и сознания его в каждый данный момент может быть условно отображено представлением вектора, проекция которого на вертикальную ось есть духовная составляющая жизни, а на горизонтальную ось — животная, природная или плотская составляющая. Величина отношения духовной составляющей к плотской определяет положение вектора, его сдвиг, и соответствует величине угла между ним и его горизонтальной, плотской составляющей. Рост, «движение от себя к Богу» — это подъем вектора жизни, увеличение этого угла. Увеличение энергии жизни, форсирование сил жизни без изменения степени полноты ее — это увеличение модуля вектора, его величины без изменения его угла.

Два крайних положения вектора состояния жизни таковы. Минимальная полнота жизни (жизнь органическая, стыкующаяся с нежизнью) соответствует крайнему положению вектора около горизонтальной оси, а состояние идеала совершенства, «к которому свойственно стремиться каждому человеку», соответствует крайнему положению вектора около вертикальной оси.

Смерть может застать живое существо при любом положении вектора, и тогда плотская составляющая падает до нуля, а оставшееся духовное возвращается, как считал Толстой, к Источнику жизни, к общему духовному Началу. Так что несмертность в каком-то смысле достигается сама собой — Сеятель сеет, где придется, и все равно собирает Свою жатву, хотя бы столько, сколько посеял Он. Но такое растворение духовной основы собственной личностной жизни не есть спасение, бессмертие, понятие которого неизбежно входит в понятие истинного блага человека. Истинное благо человека (как и продолжение существования «духовного Я» после смерти) куется в земной жизни и в том числе зависит от ускорения роста, то есть от все большего и большего приращения величины духовно-плотского отношения, увеличения скорости роста, не прекращающегося ни при каком положении вектора, ни при какой степени совершенства.

Увеличение угла вектора жизни или рост можно достигнуть двумя путями: либо уменьшением плотской составляющей, аскетическими усилиями, либо увеличением духовной составляющей, скажем, усилиями любовности. При этом величина вектора состояния жизни, то есть сама энергия жизни в первом случае уменьшается, во втором увеличивается. Но ни те, ни другие усилия сами по себе не соответствуют требованиям учения Толстого.

Как таковой аскетический путь непригоден для Толстого по многим причинам (и не в последнюю очередь потому, что здесь умалывается энергия жизни), но, главное, потому, что он не бесконечен и в конце концов замедляется. Увеличение духовной составляющей теоретически беспредельно, конечно; но человек, пока он живет в теле, не станет духовным

существом, не перестанет быть животным, чтобы стать ангелом — он *«хочет быть зверем или ангелом, но не может быть ни тем, ни другим»* (39, 123). Мы, к сожалению, не можем разбирать тут эту замечательную и в высшей степени продуктивную мысль Льва Николаевича, можем только еще раз указать, что она основывается на представлении о человеке как *«существо рождающемся»*. Человек по Толстому это *«ангел, рождающийся из зверя»*, и вся его земная жизнь «есть не что иное, как это рождение». В рождении этом участвует как духовное, так и плотское начало, и увеличение одной духовной составляющей само по себе не решает дела.

В период от 40—42 до 48—50 лет в Толстом шел бурный духовный рост. Если достигнутый им в конце 70-х годов уровень одухотворенности души сравнить не с данными высшего самосознания, достигнутого человечеством за века, а с его же собственным духовным самосознанием конца 60-х — начала 70-х годов, то мы увидим, какой огромный скачок он совершил. И что же? В конце этого периода он отчетливо почувствовал, что его рост застопорился. Произошло нечто подобное бурению, когда первые десятки метров еще относительно легки, но чем глубже, тем труднее и труднее. С определенного для каждого конкретного человека уровня духовности каждый последующий шаг в этом направлении требует все большего и большего напряжения и в конце концов становится непосильным. Одним увеличением духовной составляющей не достигается не только непрерывное ускорение, но и непрерывная скорость роста.

Для многих людей особенно важно представление, по которому сила духовная захватывает, преображает, одухотворяет телесную жизнь и тем неразрывно связывает ее с собою. Такое представление, на котором мистики обосновывают победу духа над смертью и неизбежность воскресения во плоти, на нашем условном графике можно понять как самоповорот вектора состояния жизни вверх, когда уменьшающаяся плотская составляющая все более и более сама переходит в увеличивающуюся составляющую духовную. Есть некоторая чудесная поворотная сила вектора состояния жизни, которая сдвигает человека, производит рост — увеличение угла. Эта-то сила и обеспечивает максимальный рост в каждый из моментов; у нее нет раз и навсегда установленного направления и для каждого состояния, для каждого положения вектора она имеет свое, строго определенное направление действия. Чтобы обеспечить максимальный поворот, вся она должна тратиться только на этот сдвиг и, следовательно, не должна никак влиять на величину вектора состояния жизни, то есть должна быть направлена как бы перпендикулярно ему. Постоянное ускорение роста достигается постоянным увеличением этой силы.

Уже при первом взгляде на наш график видно, что перпендикулярная вектору состояния жизни поворотная сила почти вертикальна на нижнем положении вектора и почти горизонтальна при его верхнем положении. Это означает, что на низших ступенях одухотворенности в стратегии безостановочного ускорения роста должна преобладать духовная сила, и тем более преобладать, чем меньше угол вектора; на высших же ступенях одухотворения должна преобладать сила противоположная, аскетическая, и тем более преобладать, чем духовно совершеннее человек. В исходном состоянии, в начале роста, рост обеспечивается преимущественно духовными усилиями, аскетические же усилия самоподавления приобретают все большее значение только на высших ступенях совершенства души. Достаточно бегло

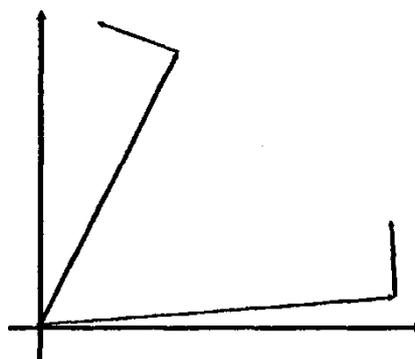
проанализировать «Христианское учение» Толстого, чтобы убедиться, что в его учении дело именно так и обстоит.

8.

Последовательность самосовершенствования по «Христианскому учению» Толстого такова.

В начале каждый человек должен преодолеть то, что Толстой называл «обманом веры», то есть внушениями на душу извне, лишаящими человека духовной самостоятельности и оскопляющими душу его и разум. Освободиться от «обманов веры» значит душевно раскрепоститься, начать жить своей, а не навязанной другими душевной жизнью, стать существом душевно самостоятельным и духовно подвижным. По Толстому «обман веры есть основа всех грехов и бедствий человека». Обман этот опасен тем, что приводит человека в состояние неподвижности, остановки, отсутствия роста — главное зло в жизнеучении ускорения духовного роста. Незакабаленная извне духовная сила, убежден Толстой, сама неизбежно начинает действовать в человеке и производить рост.

Стратегия свободного роста (особенно на естественном пути жизни) вообще не состоит в особом наращивании духовной силы, а только в ее освобождении, и тем самым в ее увеличении. «Христос признает существование обеих сторон

параллелограмма, обеих вечных, неуничтожимых сил, из которых слагается жизнь человека: силу животной природы и силу сознания сыновности Богу. Не говоря о силе животной, которая сама себя утверждая, остается всегда равна самой себе и находится вне власти человека, Христос говорит только о силе Божеской, призывая

человека к наибольшему сознанию ее, к наибольшему освобождению ее от того, что задерживает ее, и к доведению ее до высшей степени напряжения. В этом *освобождении-увеличении этой силы и состоит* по учению Христа истинная жизнь человека.» (28, 77).

Следующее после обмана веры освобождение-увеличение духовной силы состоит в освобождении от самооправданий, то есть собственных лживых соображений в оправдание зла подобием добра — соображениями счастья детей или народа, подготовкой к будущей важной деятельности и т.п. Отказ от соображений такого рода не в натуре человека и требует от него редкой духовной силы. Толстой же, однако, постулирует преодоление самооправданий на относительно низких ступенях нравственного и духовного сознания, где рост должен производиться преимущественно все увеличивающейся духовной силой души.

Только освободившись от лжи, настаивает Толстой, человек может приступить к борьбе с грехами, в которой тоже есть своя последовательность. Людям, не давшим себе труд ознакомиться с толстовским учением, кажется откровенной фальшью, что Лев Николаевич, с одной стороны, не курил, сам тачал себе сапоги, работал в поле, был вегетарианцем, а с другой — продолжал жить с женою в богатом Яснополянском доме. Многие серьезно утверждали, что Толстой делает себе славу святого праведника на мелочах, на преодолении простительных слабостей, а все, что по-настоящему трудно побороть, все то позволяет себе.

Всякое учение о самопреодолении содержит понятия больших и малых грехов и нацеливает людей на преодоление прежде всего грехов больших. Так, по традиционным представлениям блуд и властолюбие — грехи большие, которые следует побороть в первую очередь. Жить в роскоши и копить богатства — грехи, но меньшие. Конечно, ни один пастырь не скажет, что опьянение или праздность дело хорошее, но сочтет, что начинать с этого дело самоусовершенствования, когда не побеждены грехи большие, нелепо. Но будем помнить, что Толстому важен только рост, а не достигнутая степень нравственного совершенства, и потому у него совсем другая последовательность.

На взгляд Льва Николаевича, одного только освобождения от обманов веры вполне достаточно для «пробуждения» человека, то есть для того, чтобы в нем начался процесс воскресения; освобождение же от самооправданий неизбежно приводит человека к акту воскресения (как это отчетливо прослежено Толстым на судьбе Нехлюдова). Поэтому тактика преодоления грехов в «Христианском учении» (работе до конца не доведенной) рассчитана на человека, находящегося у

границы духовного рождения, или «человека живого», который должен и может «всегда помнить и понимать, что положение человека в мире таково, что всякое искание им личного блага после того, как в нем пробудилось разумное сознание, лишает его этого самого блага и что, напротив, он получает благо только тогда, когда не думает о личном благе, отдавая силы на служение Богу». Впрочем, та последовательность борьбы с грехами, которой учит Толстой, пригодна для всякого, кто по той или иной причине склонен к аскетическому усилию.

«Христианское учение» подразделяет все грехи на шесть видов. Последовательность их преодоления такова. Дело самопреодоления начинается с освобождения от того, что Толстой называет грехом опьянения, понимаемого . очень широко, не только в смысле пьянства и наркомании, но и вообще всего того, что производит искусственное возбуждение телесных и умственных сил — всяческая торжественность, празднования, пляска, умственно утонченные книги, раздражающая душу музыка и прочее. Затем следует освобождение от греха праздности. Далее — «грех похоти, состоящий в том, чтобы приготавливать себе удовольствие от удовлетворения потребностей» («Хр. уч.» 16, 2) — чревоугодие, например. Никакой уважающий себя аскет не сочтет эти три греха достойными страстного аскетического усилия. Толстой же на преодоление только этих грехов потратил чуть ли не десять лет жизни и считал, что иначе нельзя быть.

Четвертый в толстовской последовательности грех — «грех корысти, состоящий в том, чтобы приготавливать себе возможность удовлетворения потребностей в будущем» (там же, 16, 4); в частности, тут имеется в виду и собственность. И только после всего этого, в последнюю очередь, на высших ступенях, следует направлять усилия воли на то, что Толстой называл или грехом властолюбия или в самом широком смысле грехом борьбы, «включенного во все грехи и вызываемого всеми другими грехами» (там же, 51, 9). Конечный результат всех этих долгих усилий, на которые может не хватить и десяти жизней — полное подавление греха борьбы, исполнение того, что большинство людей считает первейшим практическим требованием в учении Толстого — заповеди непротивления злу насилем...

В главе 51 «Христианского учения», устанавливающей принцип последовательности борьбы с грехами, грех блуда вообще не назван. Но как в перечислении грехов пункта 3 главы 52, так и в дальнейших главах, конкретизирующих борьбу с каждым грехом в их последовательности, грех блуда назван и рассматривается последним, вслед за грехом борьбы. По-видимому, Толстой считал, что к делу подавления половой похоти, требующего наибольшего аскетического усилия, человек активно может приступить только тогда, когда преодолены по крайней мере первые четыре греха (вспомните, кстати, историю отца Сергия).

Отметим сразу же, что если специально не перетолковывать стихи Нагорной проповеди, то в ней нет ничего, что можно было бы отнести к первым трем грехам; четвертому греху — греху корысти — соответствует стихи 19—21 и 25—32 гл.б Мф. («не собирайте себе сокровища на земле» и пр., слова о птицах небесных и полевых лилиях). Все же, что составляет христианский идеал нравственного совершенства, все шесть заповедей по гл.5 Мф. можно соотнести только с последними грехами в последовательности Толстого — грехами борьбы и блуда. Таким образом, к конкретному воплощению идеала нравственности Нагорной проповеди надо по Толстому приступать в аскетическом усилии в последнюю

очередь. Конечно, установленная последовательность грехов «не значит того, — оговаривает Толстой, — что не надо бороться со всяким грехом во всякое время, но значит то, что для успешной борьбы с грехом надо знать, с какого надо начинать или, скорее, с *какого нельзя начинать*, чтобы борьба была успешной» (там же, 51,3).

С грехами надо бороться во всякое время, но в каждое время — с различными проявлениями грехов. Каждый грех Толстой делил как бы на три рода или пласта. В человеке исходно существует стремление к отдыху («праздность»), или, например, к вкусной пище («похоть»), или к собственности («корысть») — это прирожденный, корневой пласт греха. Второй пласт — те привычки к комфорту, пище, собственности, власти, которые человек получил от предшествующих поколений — проявления греха наследственные. И самый верхний пласт греха — проявления личные, которые отдельный человек сам создает, придумывает сверх грехов прирожденных и наследственных. Принцип борьбы с грехами во всякое время означает то, что в то время, когда идет активно преодоление «греха опьянения» в его корне, в грехе блуда и борьбы срезаются верхние пласты — воздержание от новых, еще не усвоенных приемов разврата и неусиление и нерасширение уже существующей области борьбы с другими людьми.

В совокупности такая тактика аскетического самопреодоления обеспечивает непрерывное, постоянное, хотя и малое ускорение роста. Против нее (ее эффективности), наверное, можно выставить немало возражений. Но нужно учитывать, что само по себе освобождение от грехов у Толстого не самоцель, а дело, имеющее целью освобождение силы истинного двигателя роста — любви.

«Для исполнения своего назначения человек должен увеличивать в себе любовь и проявлять ее в мире — и это увеличение любви и проявление ее в мире есть то самое, что нужно для совершения дела Божия... Любовь в человеке заключена в пределы отдельного существа и потому естественно влечется к расширению своих пределов, так что человеку ничего не нужно делать, чтобы проявлять в себе любовь: она сама собою стремится к своему проявлению, человеку нужно только устранять препятствия к ее проявлению»—грехи. («Хр.уч.» 12, 1-2).

2.2. Гребец Царства Божьего

«И было слово Господне к Ионе, сыну Амафину: Встань, иди в Ниневию — город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня».

(Иона 1:1-2) 1.

Ценно не только то, что человек хорош и умен, но, конечно, еще ценнее, если он в процессе жизни становится лучше и умнее. Не умнеющий умный глупеет. Не становящийся лучше хороший человек постепенно оскудевает, вырождается душою. Вот факт повседневной жизни.

Но для Толстого такого рода факты выражают более, чем законы и тенденции развития души. Тут он видел высший Закон жизни, Волю и Замысел Бога на человека, то есть то, что одно только и может служить основанием религиозного учения о человеческой жизни.

«Различие христианского от языческого учения добра в том, что языческое учение есть учение конечного, христианское

же — бесконечного совершенства. (...) Достижение высшей добродетели по языческому учению возможно, и всякая ступень достижения имеет свое относительное значение: чем выше ступень, тем больше достоинства, так что люди с языческой точки зрения разделяются на добродетельных и недобродетельных, на более или менее добродетельных. По христианскому же учению, выставившему идеал бесконечного совершенства, деления этого быть не может. Не может быть и ступеней высших и низших. По христианскому учению, указавшему бесконечность совершенства, все ступени равны между собой по отношению к бесконечному идеалу. Различие достоинства в язычестве состоит в той ступени, которая достигнута человеком; в христианстве достоинство состоит только в процессе достижения, в большей или меньшей скорости движения» (29,60) •¹

Если достигнуть идеала совершенства нельзя, то, видимо, есть какие-то силы, которые не допускают этого, значит что-то в мире противится движению к совершенству. По этой причине сохранение праведности в иных случаях требует затраты куда большей душевной энергии на самопреодоление, нежели та, которая идет на начальные движения непросветленной души. Отец Сергей находится в постоянной борьбе, важность которой ничуть не меньше от того, что эта борьба порою ведется не за новую ступень совершенства, а за сохранение достигнутой. Святые люди ежедневно встречают, надо полагать, множество непредвиденных препятствий, искушений, обольщений, соблазнов житейской реальности, труд преодоления которых с любой точки зрения несомненно не менее достоин, чем какая-то другая внутренняя работа.

Чем духовнее и нравственно выше человек, тем, как правило, сильнее встречный ветер мирского противодействия ему. Праведник часто неподвижен от того, что идет на встречный ветер, тогда как начальное движение роста всегда находит попутную струю и опирается на нее. Духовную неподвижность вообще нельзя понимать как не-рост, а как анти-рост, то есть как *душевное движение противодействия* ускорению движения «к бесконечному идеалу» — усилие остановки дыхания жизни, стремление самой души к застою, равновесию, статичности, а не просто отсутствие продвижения от одной низшей ступени к другой, высшей.

Найдется немало людей прагматичных и бездуховных, которым идея роста придется по вкусу — в ней есть и нечто соблазняющее.

«Человек должен всегда стремиться к тому, чтобы преодолеть свои границы. Как только он останавливается в своих стремлениях, он опускается ниже человеческого уровня и становится полуживотным (...) Движение — это все. Необходимо быть постоянно в движении, потому что мир — зло (...) Нам нужны свободные люди, которые Бога чувствуют в себе самих... Я разрушаю догмат об искуплении человека муками и смертью Христа и основываю новый догмат об искуплении человека жизнью и активностью...». Конечно, это не Толстой. Но все же — близкий ему человек? Так вот, слова эти принадлежат Адольфу Гитлеру.

Еще одно соображение, приходящее на ум при первом знакомстве с учением роста.

Мы различили понятия духовного и естественного пути жизни. Быть на духовном (тем более на свободном) пути жизни значит, кроме прочего, достигать все большего и большего сознания истины. На духовном пути жизни истина становится двигателем роста. Иначе на естественном пути жизни, ростом которого движет сила душевных противоречий, создаваемых самой жизнью.

Не истина движет ростом невоскресшего, пробуждающегося человека, а скорее уж отсутствие ее. Не видя этого, легко перевернуть многие бесспорные нравственные представления; достаточно приложить стратегическое орудие духовного пути жизни к тактическим проблемам естественного пути жизни, и для человека не будет греховного действия, нравственного падения, а будет только неопределенное греховное состояние душевной неподвижности или суетности. Хитрость в том, что человеку, выходит, совсем не обязательно делать какие-то особые нравственные усилия, а вполне достаточно «быть в росте», то есть уловив подходящий момент, подталкивать себя. Это легко, приятно и, мало того, глушит совесть — любой человек в любой момент может не только оправдать себя (я расту), но и счесть себя выше, достойнее кого угодно, даже самого святого из святых (он неподвижен). Столь неопределенно и расширительно толкуемая идея роста не менее других знаменитых идей *выгодна*, привлекательна для целей самообмана.

Идеал бесконечного совершенства играет в учении Толстого роль маршевого двигателя роста, а не действительной цели движения жизни. В этой жизни, учил Толстой, творится жизнь иная, так что итог нашего земного существования вне его — в существовании посмертном. И потому результат всего *Пути жизни* — пророст и укоренение в ином существовании.

Сеятель сеет семена, и те гибнут или в некоторый момент оживают, воскресают, дают росток и прорастают. Сеятель — Бог; семена — мы с вами; почва, куда высеивает Бог, — наше земное существование; семя ожившее — духовное рождение. По такому взгляду вся жизнь делится на две части: до и после духовного рождения, а весь Путь жизни — на две дистанции: естественный путь и духовный путь жизни, каждый из которых имеет свою особую стратегию роста. Поэтому нельзя сравнивать достоинства этих двух различных состояний жизни. Нельзя спрашивать: что достойнее — зерно проросшее или непроросшее? Можно говорить о сравнительном достоинстве двух «живых» семян и двух непроросших, но не сравнивать те и другие.

Есть рост естественного и есть рост духовного пути жизни, и ни смешивать их, ни сравнивать их нельзя. Нельзя человека, стремящегося по всевластной душевной потребности строго исполнять заповеди, сопоставлять с казнимым злодеем, как бы громко и искренне он ни раскаивался в содеянном. Можно указать на то, что злодей этот стал нравственно выше добропорядочного, но самодовольного обывателя, однако его предсмертный нравственный рост — рост естественного пути жизни и его нельзя смешивать с состоянием жизни духовной.

Впрочем, Евангелие рассказывает не о *раскаивающемся* в содеянных злодеяниях преступнике, а о человеке, который, живя грешником, на кресте уверовал в Христа-Бога, то есть повествует о вероисповедальном перевороте в его сознании. И Толстой говорит не о раскаивающемся бандите, а о признанном преступником человеке, который сам, будучи распят на кресте, пожалел, полюбил другого распятого — Иисуса. Это, безусловно, мощный духовный акт, мощный пророст, как бы акт свободного пути жизни, и потому толстовская оценка роста *души кающегося* разбойника понятна.

Другое дело, как сравнивать скорости роста. Нужно ли? Возможно ли? Но даже не говоря об этом, как, скажем, можно сопоставить рост отрока и духовно зрелого мужа? Это два различных состояния, которые рядом ставить нельзя. Для такого сравнения у нас нет и быть не может никаких критериев, и мы ничего не можем сказать про духовное достоинство их относительно друг друга.

Рост естественного и рост духовного пути жизни различны не только по стратегии, но и по целям. Цель естественного пути жизни — духовное рождение. Цель же духовного (точнее свободного) пути жизни (и только в этом смысле всего Пути жизни и роста вообще) — пророст из этого в иное существование. Такова делящая жизнь на две части схема, которой мы и придерживались в предыдущей статье. Схема эта основана на том, что в каждом из нас исходно заложено семя Божье, и все различие в нас и нашем ходе жизни обусловлено по большей части той почвой, куда высеяно зерно и условиями его оживления и произрастания. И потому, улучшая эти условия, взрыхляя и удобряя почву, можно добиться всхода любого зерна, духовного воскресения *любого* человека — надо только умело оросить, найти нужные орудия и начать возделывать почву. Собственно, на этом взгляде было основано убеждение Толстого в возможности реального осуществления Царства Божия на земле — общая иллюзия XIX столетия и особенно русской культурной жизни 80-х годов.

В 90-х годах взгляд Толстого изменился. Он понял, что осуществление Царства Божьего на земле — цель идеальная, которая если и будет когда достигнута, то никак не «воскресением» всех и каждого или хотя бы большинства людей. Неуспешный опыт своей проповеди заставил Толстого признать, что Царство Божие на земле может быть достигнуто только при пассивном участии большинства. В человеческом обществе, учил Толстой, всегда есть из века в век в среднем увеличивающийся процент *потенциально* живых людей, способных активно совершить рост и достигнуть точки рождения духом. Таких людей еще не много (Толстой тогда определял по глазам детей: процента два), пусть их становится все больше и больше, но они никогда так и не станут большинством (см. 2.2.13).

Таким образом, Толстой вынужден был, хоть и глухо, признать какое-то исходное духовное неравенство людей...

Пройдитесь по улицам большого города, заглядывая в глаза людям, и вы через пять или двадцать пять минут непременно встретите того, в котором нет и тени духовной жизни. Попадая в общество, сплошь состоящее из таких людей, испытываешь своего рода страх от гнетущего ощущения бессилия духа. Хотим мы того или нет, но везде и всегда есть люди, которые пришли только сюда, обречены только на земное существование. Не по недостатку вдумчивости или воображения, или другому душевному недугу, а по самому своему чувству жизни они достоверно *знают*, душою ведают, что никакого другого, кроме этого, существования для них нет. Они могут быть хищными или безобидными, даже добрыми людьми — неважно, важно, что они есть, что есть люди, про которых никак нельзя сказать, что они «семя», в которых собственно нечему прорасти. Конечно, говоря так, можно ошибиться в каждом конкретном случае, но вообще не признать этого нельзя. Значит, сам по себе человек, по одной лишь принадлежности к человечеству, не семя; значит, *семя, прежде чем прорасти, само творится, образуется в процессе человеческой жизни*. При таком взгляде Путь жизни разделяется уже не на две дистанции.

«Человечество и каждый человек переходит от одной поры к другой, следующей, — писал Толстой в конце жизни (1909 год), — от зимы к весне, сначала ручьи, верба, трава, береза и дуб пробрался, а вот цветы, а вот и плод...» (52, 62). В единичной человеческой жизни могут быть периоды цветения и оплодотворения, завязи плода и его созревания, отпадения плода и оживания семени, его пророста, выхода на поверхность и укоренения. Так что надо говорить не об одном, а о

последовательном *ряде рождений*:

рождении цветка, рождении плода (завязи), рождении автономной жизни плода (его отпадении), рождении и оживлении семени, рождении ростка и выходе его к солнцу, к другому источнику питания, на поверхность.

Каждое из этих рождений не менее важно, чем другое, и каждая точка на любой стадии развития не менее достойна, чем любая другая. В каждой из точек рождения, на каждом переломе Пути жизни можно не родиться и в любой точке развития можно остановиться, завязнуть или вообще сойти с Пути в тупик, к следующему рождению не ведущий.

Человека можно рассматривать как носителя семени и как само семя, высеваемое Богом в мир. На человека можно смотреть как на носителя процесса плодотворения и как *на сам процесс*. По учению Толстого, человек не столько рабочий, сколько работа или даже орудие работы. Только в этом смысле он есть создатель и плода, и семени плода, и новой, иной жизни этого семени. Прежде всего *человек есть Путь*, а потом уже идущий по Пути.

Путь этот из одной Обители, как любил говорить Толстой, в другую, т.е. из предшествующего существования в существование последующее. Переходит или не переходит человек сам, и когда переходит, и когда не переходит — вопросы для Толстого не первой важности, главное для него то, что *человек переносит* некоторую *духовную сущность* или, вернее, некоторая духовная сущность переносится человеком (как орудием или процессом) *из одной Обители в другую*. Не Бог работает на человека и не человек для Бога, а Бог работает человеком, т.е. *человек — самостоятельно валищий труд Бога и Его орудие*, самодвижущая личностная лопата Бога, имеющая призвание *быть работой* и исполнять предписанную Им работу, не думая ни о последствиях, ни о личном переходе-спасении.

Человеком Бог творит Пути Свои, человек есть не носитель, а носильщик Бога и вместе с тем сам процесс ношения. Но в его воле (хотя и вполне ли?) нести или не нести, быть носильщиком однократного или многократного использования, или быть или не быть носильщиком. Человек — процесс, но процесс самовластный. Его можно уподобить течению или волне, но такой волне, которая может держать корабль, а может потопить его или выбросить на берег, и такому течению, которому отчасти дано самому выбирать, куда течь, во власти которого течь быстрее или медленнее, превращаться ли в пруд, болото или струю, ручей, водопад или уйти в песок.

Все в здешнем мире создано исключительно для блага и во благо дела ношения, а не для приятности и облегчения носильщика, так как легче всего свалить ношу и жить вхолостую. Так что все то или многое из того, что представляется носильщику злом, есть добро для ноши, либо есть сам процесс ношения, либо возникает в результате нежелания носильщика нести.

2.

Если есть Отец — Сеятель, сын — семя и то, куда высевается, — плоть, то человек — высеянное на плоти семя Бога. Если есть Отец — Хозяин ноши, сын — одновременно и ноша хозяйская и носильщик, то человек — сам Путь Божий и Его носильщик, способный вступать на Пути в самые различные отношения сродства и отчуждения со своей ношей. В первом случае человек — готовый светильник, который надобно только зажечь, во втором человек — лишь разрозненные части светильника, который надо в строгой последовательности

собрать, заправить горючим, зажечь и обеспечить его независимое горение. Смысл жизни для человека как семени Бога — одухотворение, возгорание. Смысл жизни человека, понимаемого как Путь (или — носильщиком у Бога), — в самом прохождении Пути, в безостановочном движении по нему, в совершении, самосозидании, самотворении, *прокладывании Пути восхождения* своей жизни; что с позиции такого учения и означает творить самого себя.

Разумеется, человек сам не способен определить Путь свой, он только способен идти или сойти с него. Сам же Путь, его план — его этапы, вехи, повороты, подъемы — должен быть задан,¹ хотя и не столь жестко, как природой задается план возникновения новой яблони из яблони старой. Более или менее жестко размечен от возраста к возрасту и график движения Пути, по которому человек должен следовать. Конечно, каждый имеет свою путевую судьбу, но *должный Путь восхождения* — един для всех. Задача наша в том, чтобы узнать этот *нормативный Путь*.

Путевая судьба каждого имеет свой собственный рисунок, и можно полагать, что проект его существует до того, как мы пришли в эту жизнь. Действительно, ты и Путь, и идущий (несущий) по Пути. Сам Путь задан, надо только проложить его в соответствии с общим планом. Но' поскольку Путь этот — ты сам, то прокладывает человек самого себя — того самого себя, которым ты должен стать и который, выходит, в качестве образа уже есть (отсюда понятие «воплощение»). Можно, значит, знать этот свой осуществляемый образ. Толстой, как мы видели, еще в середине Пути своей жизни смог даже изобразить его в «Войне и мире».

Смысл жизни человека — в путевом прокладывании самого себя. Отсюда самый важный момент жизни это момент настоящего, в котором только и прокладывается Путь, и самое важное дело то, которое делается сейчас, и самый нужный человек — с которым сейчас находишься в общении. Так утверждала толстовская «мудрая девица». К этому надо добавить, что самое важное для человека рождение — то, к которому он ныне движется, растет, идет по Пути.

С точки зрения представлений, изложенных в предыдущей статье, жизнь человека в одухотворении его, процессе бесконечном. По этому воззрению должная кривая Пути жизни человека есть парабола, бесконечно стремящаяся к своей асимптоте, и растет человек в бесконечность к идеальному состоянию совершенства, одновременно являющемуся подсобным орудием роста. По воззрению здесь излагаемому, человек растет не в бесконечность и не к идеальному состоянию никогда не достижимого нравственного или духовного совершенства, *а к новому на Пути рождению*, к некоторой поворотной точке Пути восхождения, после которой жизнь приобретает качественно иное содержание и направление. Оба эти представления о Пути восхождения и росте не конкурирующие. Мы согласуем их в своем месте. Пока что уясним оба взгляда.

Каждый период жизни, каждый возраст имеет позади и впереди себя такие точки перелома, которые могут быть поняты и как завершение утробного развития, и как проявление заданного, просветление уже имеющегося, т.е. могут быть поняты и как рождение, и как повторное возникновение, воскресение. В этом смысле можно говорить о *последовательном ряде рождений или воскресений Пути восхождения*, ряде, в котором духовное рождение (то, что мы прежде единственно и называли воскресением) есть отнюдь не последняя и, быть может, не центральная переломная точка в жизни.

Весь Путь восхождения идет от рождения к рождению и через рождение. На Пути этом кое-что отживает, но ничто не умирает, напротив, все — воскресает и воскресает, то есть неизменно происходит процесс обратный смерти; и потому как же предположить, что в конце такого пути последовательных воскресений неизбежно произойдет авария, ликвидирующая весь ряд воскресений?..

Чтобы изобразить путевое движение жизни так, как это мы уже делали в векторной притче, нужно не два, а три измерения, и не просто подъем вектора, а движение вектора в плоскости, скачками поднимающейся с горизонтального в вертикальное положение.

Вся жизнь человеческая есть рост, и Путь восхождения идет от рождения к рождению. У каждой? периода жизни свой рост (или свой характер роста), и именно рост ведет к путевому рождению. Можно даже сказать, что рост есть такие душевные движения, которые ведут к следующему на Пути скачку жизни, в новую плоскость, на новую кривую путевого движения.

Чтобы выйти на новую кривую Пути восхождения, надо преодолеть инерцию движения настоящего периода Пути, в некотором роде отказаться от себя, вырваться из привычного поля тяготения. Это преодоление тяготения на Пути жизни совершается так же, как и в мире физическом, — увеличением ускорения. Оттого-то, по Толстому, лучший работник для Бога, лучший носильщик Божий не тот, кто свято исполняет все заповеди, законы, обряды, как бы важны они ни были, а тот, кто способен на большее ускорение роста и потому способен нести, прокладывая себя и Путь.

Из всего сказанного ясно, что не только нельзя сопоставлять достоинства роста естественного пути жизни и роста духовного пути жизни, но такое сопоставление неправомерно и в отношении любых двух различных периодов жизни. Так то, что для одного периода полезно и есть признак роста (скажем, пристрастие к поэзии), то для другого безразлично, а для третьего — дурной признак.

В человеческой жизни нет, пожалуй, такого явления, которое можно было бы вполне понять, не приписав его предварительно к тому или иному периоду жизни. Приятно произведение искреннего искусства может быть всегда, но полезно и нужно только в определенный момент жизни. То же самое, надо думать, и в области мысли. Взгляды человека не просто изменяются с опытом и возрастом, они изменяются в соответствии с его путевой судьбой. Особенно это относится к Толстому, у которого кривая Пути жизни делала поворот каждые несколько лет.

Чтобы расчертить Путь восхождения, надо наметить в нем его основные, переломные точки — точки рождения на Пути. Книга эта — о Пути восхождения, в ней, до самого ее конца, мы будем говорить о сущности, значении и проявлении путевых рождений человека. Пока что только назовем их.

Свое второе (вслед за плотским) рождение человек по большей части переживает в отрочестве. Есть время, откуда *начинаются* внутренние борения, активная жизнь души. В этот момент что-то лопаются в душе и она впервые ощущает свою отделенность, единственность и единичность, изо всех сил пытается определить саму себя и жить самостоятельно. Пора цветения ушла, настало время завязаться плоду души. Не все проходят через второе рождение, но и те, кто проходит, переживают его и помнят его по-своему. Плод родился, сознание жизни отрока вдруг просветлело, и в просветлении этом мучительно сознаешь свое одиночество в мире, или, еще более отчетливо, неминуемость грядущей смерти себя и близких, и ощущаешь ужас реальности ее; кому-то памятен

ненасыщаемый голод души и ее жажда, кому-то острота страдания от своей душевной оголенности, от грубых прикосновений, от поругания чистоты своей, только что родившейся к самостоятельной жизни души. Но, пожалуй, каждый, прошедший второе рождение, припомнит одно: как душа его прозрела и в прозрении своем увидела Идеал. Если вам знакомо это отроческое состояние переживания Идеала, которым меряется все, которым обуславливаются все ценности и дела жизни, то вы по себе знаете, что такое рождение душою, *душевное рождение*.

Другую поворотную точку человек проходит скачком лет через пятнадцать. Душевнорожденный мужчина к тридцати годам (женщина раньше) принуждается заново решать свою жизнь. В этот критический момент он ищет не то, как *должно* жить вообще, не что хорошо и дурно, а как *нужно* жить именно *ему*. Наступает момент, когда начинаешь испытывать настоятельную потребность жить, худо ли, бедно ли, но своей, одному себе свойственной жизнью. Пусть хуже, мельче, ниже, менее содержательно, но только не чужой, а своей жизнью. В эти годы смены жизненной позиции рушатся прежние идеалы и идолы, идеи и убеждения, даже вероисповедание, разрушаются и создаются новые семьи, появляются новые друзья и вообще происходит многое такое, чего никак нельзя было ожидать. Тот утробный период развития личности, когда ей необходимо было питание чужими мыслями, вдохновениями, чувствами — кончился, плод отпал, человек становится существом автономным и той или иной ценой стремится понять и осуществить то, что нужно *самому* себе. Этот момент проявления своего собственного, движущего, личностного самосознания можно назвать третьим, *личностным рождением* человека.

Конечно, и пройдя ступень личностного рождения, человек не обязательно сразу же становится личностью в ценностном значении этого слова, то есть человеком, самостоятельно думающим и чувствующим, имеющим свои взгляды, свой вкус и свой самобытный облик одушевленности. После личностного рождения человек становится *самим собою*, лучше или хуже, избирает свой особый путь, пусть даже в нем на первых порах не видно самобытности и сам он схож со многими другими. Как бы там ни было, только с этого момента человек в состоянии ответственно решать проблемы своей и общественной жизни.¹ Только с этого момента человек *может стать* личностью, и только став личностью (повторим еще и еще раз), человек может, продолжая рост, достигнуть того, что ранее названо *духовным рождением*, воскресением — *четвертым рождением* на Пути.

«Человек живой» потому и «живой», что растет, вырастает, всегда находится «в рожениц», в утробном развитии, всегда рождается. Толстой применял это определение в отношении человека, прошедшего через духовное рождение. «Человек живой» для Толстого это человек духовно рожденный и растущий, то есть это человек, все еще находящийся в родовом процессе, растущий к новому рождению, следующему за рождением духовным.

Как после рождения плотского и затем душевного, человека ждет рождение личностное, так же ровно после рождения духовного человек, следуя по Пути, должен двигаться к освобождению активности своего духовного Я, к своей духовной свободе. На кривой Пути восхождения вслед за *точкой духовного рождения*, когда семя сначала набухло, а потом дало росток, следует точка выхода на свободный путь жизни — момент *пятого рождения*, которое назовем *рождением духовной свободы*.

Эта точка выхода на поверхность, к свету является не

целью, конечно, *з*: итогом жизни, желаемым результатом Пути восхождения, что не означает конец Пути и прекращение родовых процессов жизни. Путь духовной свободы бесконечен, и в пределе его — полное самовоплощение, абсолютное осуществление своего образа установления Пути, окончательное проложение духовного Я, то состояние полной свободы от уз тяготения земного существования и его дел, то состояние «уже не человека», которое Толстой для себя осмыслил и изобразил в образе-иконе умирающего князя Андрея. Это воплощение, осуществление, завершение принадлежит уже собственно к иному существованию Птиц Небесных.

Образ древа, как образ Пути жизни, возможно, есть нечто большее, чем простая аллегория. На древе всеобщей земной жизни непрерывно и одна за другой лопаются почки, цветут и опадают цветы, созревают и падают плоды, гибнут, набухают и прорастают семена, вырастая в другой Обители в новое древо иной жизни. Никому не дано знать, что это за Древо новой жизни, но оно уже есть, заложено и в произрастающем здесь семени его, и в плоде, хранящем семя, и в цветке, из которого пошел плод, и в почке, из которой цветок. Будем надеяться, что хоть некоторые из нас, рождаясь на свет, уже несут в себе образ какого-то иного Древа жизни, свою, особенную Птицу Небесную, которая питается пищей не нашего существования.

3.

От момента плотского рождения и до последней минуты плотской смерти мы насчитали шесть переломных точек рождений или пять расположенных между ними отрезков жизни. Поскольку специальное рассмотрение этих периодов входит в задачу других статей, мы здесь, их назвав, воздержимся от какого-либо обозначения или определения их. Скажем только, что говоря о рождениях и периодах жизни, надо различать *перелом сознания* (самосознания) человека и *перелом* самого Пути его жизни.

Хорошо известно, что человек длительное время способен жить жизнью, не соответствующей его изменившемуся сознанию. Это кризисное время родовых схваток между изменением сознания и переломом в кривой Пути всегда мучительно. Плотское рождение длится часы, иногда сутки, душевное — месяцы, редко год—два. Еще длиннее рождения личностное и духовное. Процесс поисков себя и своего может в иных случаях длиться многие годы, в чем вовсе не следует соревноваться и чему, тем более, не следует умиляться. Человеком духовного самосознания Толстой, как мы видели в первой части, стал к сорока годам (1868—1869 годы), но духовное его рождение, как акт перелома Пути жизни, произошло только через 10—15 лет. Такого его родовое время духовного рождения.

Надо сказать, что уже в конце 1878 года Толстой осознал себя духовно свободным, но встал на свободный путь жизни он через четверть века, к концу жизни. Родовое время рождения духовной свободы длилось у него не месяцы и годы, а десятилетия. И это у Толстого с его феноменальной энергией роста... Что же до времени родов Птицы Небесной, то оно, выходя за рамки нашего существования и нашего времени, уже не имеет исчисления.

Плотское рождение человека установлено природой, не требует от самого рождающегося никаких усилий, требует столько времени для рождения, сколько для этого нужно не ему, а природе. О свободе этого рождения можно говорить только как о случае, по которому именно я появился на свет.

Душевное же рождение есть по большей части следствие совокупного культурно-исторического действия многих свободных волей, тысячелетняя работа которых только и создает ту духовную атмосферу, вне которой трудно ожидать саморождения души. Для рождения душевного необходима предназначенная мне и на меня направленная свободная воля человечества (народа), но при наличии и соответствующем восприятии ее; душевное рождение отдельного человека, вообще говоря, столь же неизбежно, как и плотское. Правда, душевное рождение требует от молодого человека немалой траты внутренних сил, но трата эта не зависит от его свободного решения или его целенаправленных усилий.

Время душевного рождения определяется соотношением размеров рождающегося плода и свойств того, кто понесет этот плод. Любое рождение — мука, страдание. Желать страдания нельзя (хотя можно понимать их благотворность и необходимость), и потому на Пути, ведущем через рождение, всегда есть силы, стремящиеся остановить его. Не допустить свое плотское или душевное рождение *сам* человек не может, но он может сам избежать и страдания родов и самого личностного рождения. В этом он свободен. Жить чужой и уже накатанной жизнью легче всего, и при большом желании можно и не послушаться призыва в себе, требующего продолжать Путь.

Таким образом, для рождения личностного требуется столько времени, сколько нужно, чтобы побороть в себе созданный чужими мыслями, чувствами, воображением, образ себя, основанный иногда на самых возвышенных представлениях и уже почти всегда более значительный, чем ты есть на самом деле. Отказ от этого образа себя в себе представляет мучительную задачу, и нередко (особенно, когда с этим образом себя связаны особенные успехи) человек не справляется с ней: убивает себя или сходит с трассы жизни и продолжает безличностное или псевдоличностное существование. И не большая ли часть людей живет так после тридцати? Не исключено, что и оставшиеся желали бы жить так и бессознательно ищут себе помощи. И, конечно, находят ее...

Разумеется, в человечестве всегда есть люди, преодолевшие барьер третьего рождения и продолжающие Путь восхождения к духовному рождению. Духовное рождение требует того и отчасти состоит в том, что называется смирением, оно состоит в личностном самоотречении, в отречении от того самого, что составляло достижение предыдущего рождения. Плод разлагается и погибает, чтобы собой напитать семя и оживить его. И хотя вся жизнь, как писал Толстой, прямо-таки загоняет личность к духовному рождению, человек нередко избегает утрат, мук и превращений его. Если для личностного рождения необходимо только побороть свою душевную лень, отказаться от химер и признать очевидное (все усилия преодоления пассивности), то для духовного рождения требуется победа в борьбе.

Борьба эта начинается в человеке с возникновением отчетливого духовного самосознания. Причем, если вся жизнь готовит человека к духовному рождению в самосознании, то рождение духом, как поворот на Пути жизни, есть почти исключительно личная задача собственной воли. Духовное рождение предполагает уже значительное свободное душевное усилие, усилие сверх того, что так или иначе запрограммировано в человеке, и потому не многим под силу. И все же кое-кто из людей, подошедших к этому порогу, переступают его. Однако духовное рождение (и в сознании и на Пути жизни), еще не означает полный переход в то качество

проявления духа, которое Толстой вкладывал в понятие «воскресения».

В любой момент жизни рост человека не должен останавливаться. С первого плотского рождения и до отживания плоти в жизни человека не должно быть момента, когда процесс нового рождения мог бы прекратиться. Мы связали рост и рождение: любая остановка роста равносильна смерти, и нет «рождения» — нет и жизни. Смерть не только неподвижность, но и *нерождение*. Человек, недвигающийся к новому рождению, сколько бы он ни прогрессировал в других отношениях, — мертв. И это так во всякую пору жизни, на любом отрезке кривой Пути восхождения, и до духовного рождения, и после него.

Люди, не прошедшие душевное рождение, никогда и не знают свою душу, не чувствуют потребности в ней, навсегда остаются существами в высшем значении слова неодушевленными, и в этом смысле мертвыми. Людям этим совершенно неведомо состояние борьбы с самим собою, нравственной борьбы.¹ Отсюда их душевная непробиваемость, окаменелость самосознания правоты, неспособность самому внутренне образовывать себя и ясно чувствовать других людей.

Кому не приходилось сталкиваться с людьми нравственно грубыми, а то и крайне жестокими, которые, к вашему удивлению, вдруг заявляют нравственные требования такой высоты и чистоты, что не под силу и святому. И они не лукавят, не фальшивят — просто не знают вовсе ценности того, о чем говорят, не представляют усилий, необходимых для исполнения тех или других нравственных требований, и потому не чувствуют разницы между ними и с легкостью заявляют высшие требования. Беда, когда такие люди почему-либо набирают силу и занимаются в жизни своей не вещами (как они должны бы), а людьми. Тогда они могут стать бесами, выкидышами из человечества, в которых чувство жизни вырождается в чувство спорта, а сознание своего Я — в косную самоуверенность.

Душевнонерожденные бывают и весьма добрыми людьми. «Есть добрые люди, — заметил как-то Толстой, — которые до такой степени лишены духовной жизни и вследствие этого — понимания духовной жизни других, что они были бы в отчаянии, если бы сознали себя виновниками телесного страдания других, особенно близких людей, но которые с совершенно спокойной совестью наносят самые тяжелые страдания духовной стороне жизни других людей:

ставят их в необходимость тяжелой борьбы, оскорбляют самое святое, дорогое им» (57, 159). Основная черта этих бездушных, но добрых (вернее, мягких) людей — их душевная тупость, размеры которой мы, часто даже столкнувшись с ними близко, не представляем. Жить неодушевленным среди одушевленных и наравне с ними нельзя, и потому люди эти, обладая человеческой способностью к нравственной мимикрии, приобретают необходимые навыки душевной жизни. В наше время этой мимикрии, этим навыкам обучают и, надо сказать, столь успешно, что иногда не различишь, где кто.

Людей, прошедших душевное рождение, но уклонившихся от *личностного рождения* всегда немало. Явление это чрезвычайно разнообразно, особенно в те моменты истории, когда распространение людей, предпочитающих жить не своею жизнью, становится повальным бедствием, доходящим до абсолютно главенствующей, все забивающей черты общества. Есть страх стать личностью и страх перед самим собою. Дойдя до личностного барьера, душевно рожденный человек начинает бояться самого себя и этот испуг перед самим собою гонит его от себя, под спасительный идеократический наркоз, например.

И еще неизвестно, хорошо ли это или дурно: вполне может случиться, что он прав в этой своей боязни *себя*... Мертвенность у не прошедших личностное рождение людей проступает к годам 50—55, когда они, что называется, «теряют лицо», становятся как личности неразличимы и, словно особи, живут исключительно загодя приобретенными навыками и привычками. Конечно, и тут есть своя мимикрия, мимикрия личности, но — какой?

Личностное рождение означает не только самоопределение в смысле приобретения душевной автономии, но и в смысле выбора себя и своего курса в жизни. «Я» человека не одно и то же, «меня» много, личность многогранна, и каждая грань обращена в свою сторону. Поэтому и прошедший личностный барьер человек далеко не всегда оказывается на ведущей к духовному рождению кривой. В каждом есть такие стороны, которые, будучи осуществленными в трудах личностного рождения, ни к какому духовному рождению не ведут, заводят Путь жизни в никуда, в тупик.

Тупиковые дороги отходят чуть ли не от каждой точки Пути жизни, и не свернуть хоть на один из них невозможно. Важно вовремя вернуться назад, чего чаще всего не бывает. В тупиковую личностную трассу человек входит как-то увлеченно, цветет пышным пустым цветом и увлекает цвести на эту трассу других. И уклонившиеся от личностного рождения люди обычно избирают в качестве объекта мимикрии не духовных людей и не людей, находящихся на дороге к духовному рождению, а тех ярких личностно людей тупиковой трассы, характер цветения которых почему-то особенно подходит среде или эпохе.

Каждая эпоха выдвигает на первый план в обществе такие пустоцветущие и нередко борющиеся между собой личности, за которыми следуют сонмы подражателей, подменяющие ими свое собственное личностное рождение. Это то, что на литературоведческом жаргоне недавно называлось «типом». Конечно, большой писатель или мудрец толпу не обслуживает, он стремится воплотить не общественную эпидемию такой-то личности, не «тип», а саму личность. Печорин, как его писал Лермонтов, — личность, а для тогдашней толпы личностно нерожденных людей он — «тип», объект личностной мимикрии.

Среди основных героев Толстого вообще, кажется, нет «типов». Этим объясняется то, что у Толстого так мало разночинцев и интеллигенции. Взгляните на ряд крестьянских лиц толстовского «Утра помещика» — все личности, никто никем не притворяется, хотя каждый и притворяется для своих холопских нужд перед бариним. А в культурной среде? Кто же будет возражать, что именно в культурной среде — и особенно в искусстве — чрезвычайно много «типов», то есть личностно нерожденных людей, руководящихся в жизни принципом: «как все» (как «свой тип»).

Те или иные ушедшие после личностного рождения на тупиковую трассу люди образуют сообразно эпохе «тип» или «типы», который или которые определяют общественную жизнь и в известном смысле правят обществом. Задают тон обществу и управляют им всегда личностно нерожденные люди, которые сообразно со своим «типом» и «приводят в движение» людей *душевно нерожденных*. «Тип» — это не социальное, а душевное объединение людей, обошедших личностное рождение и следующих одному и тому же «образу установления».² Речь идет не только о самоотождествлении, а о причислении человеком себя к такому-то типу и усвоении им соответствующего ему стиля чувств и поведения. Для душевнонерожденных это «роль», как говорят психологи, для

рожденных душою — подмена личностного рождения в типе.

Правда, некоторые душевнорожденные люди, следуя за удачно выбранным «образом установления», действительно проходят таким образом свое собственное личностное рождение: это — «личности», но которые непросто отличить от «типа». Вот один признак, отчасти позволяющий сделать такое различие. Человек-тип выглядит на людях всегда выше самого себя, выше того, каким он бывает сам с собой или вдвоем с кем-то, а человек-личность — наоборот.

Думается, что человеческим обществом управляют (или, быть может, человеческое общество управляет собою?) лично нерожденные люди, люди-типы, которые в зависимости от режима общества или конкурируют, или враждуют между собой, или образуют систему властвующих и подчиненных. При кастовой или сословной системе вражда и борьба типов несколько приглушена, но становится главенствующим фактором всей общественной жизни в тех системах, где уместно говорить о «новом типе» человека или о новом его образе установления, олицетворяющем власть и царствующий порог самосознания, переступить который в данном конкретном обществе жестко возбраняется.

4.

Выйдя на Путь своей собственной душевной жизни, человек в процессе роста может в конце концов вполне осуществить себя как личность, дойти до истоков самого себя, углубиться до сознания своей «ноши», своего духовного Я, своего «отца», до духовного самосознания. Самый прямой путь к духовному рождению в сознании это путь личностного самовыявления и самоуглубления. Его-то и лишен человек, ставший «типом», уклонившийся от труда души в пору личностного кризиса жизни.

Путь — гонка, и не просто гонка, а гонка по лабиринту, в котором изредка можно притормозить, чтобы перевести дух или вернуться из тупика, но нельзя остановиться ни на прямой, ни на повороте. Остановившийся должен или догонять или сойти с Пути. Блаженны те, которые могут жить мощными рывками, но для большинства каждая заминка грозит путевой катастрофой...

Чем ближе к духовному рождению, тем чаще или длиннее остановки жизни, описанные Толстым в первых главах «О жизни». Кривая Пути восхождения делает решающие повороты, человек останавливается перед одним из этих поворотов, не видит дороги дальше, не может и боится сделать бросок или, как ему кажется, прыжок через пропасть. Легче выходят на духовный путь жизни люди, умеющие жить бросками, для всех остальных это тяжелейшая задача, с которой большей частью люди самостоятельно справиться не в силах. Нужна помощь, но ее нет, и большинство так до конца и остается перед этим заветным порогом и, лишённые движения, нередко выгнивают заживо. Старость человека должна быть величественна и красива. «Старость — это награда», как, кажется, говорил Аристотель. Вид бездуховной старости безобразен своей трупностью. В наше время мы так привыкли к этому виду, что не замечаем его духовной противоправности.

На Путь жизни человека могут быть два взгляда, оба справедливые, хотя и логически противоречащие друг другу. На один взгляд, все точки Пути восхождения, будь они до душевного или после духовного рождения, равно важны и достойны, как и все точки перелома равнозначительны. По другому взгляду, особенно важен и значителен момент духовного рождения, делящий весь Путь на две части. Ду-

шевная биография человека мало что не завершается с его духовным рождением, а начинается заново; с этого момента одна биография, биография личинки, завершилась, и началась по новому кругу другая биография, биография гусеницы, которая, по известному нам изречению Толстого, должна стать бабочкой, воплотиться в этой или уже не в этой жизни. На таком новом кругу жизни — духовном пути жизни — тоже есть свое младенчество и детство, юность и возмужалость. Изредка люди доживают и до духовной зрелости. Для чего, кроме необходимого запаса земных жизненных сил, надо иметь такой мощный источник духовной энергии, который смог бы сделать жизнь на духовном пути столь же динамично развивающейся, как и на естественном пути жизни. «Младенец» духовного пути жизни становится духовно зрелым и самостоятельным человеком исключительно собственными силами. Человек жив, пока он растет, и вот тут-то наступает момент, когда его жизнь находится полностью в его руках.

Кривая Пути после духовного рождения может быть не менее, а более сложна, и на ней может быть более изломов, чем на каком-либо ином участке Пути восхождения. Остановиться, застыть, сойти с Пути можно везде, как и до, так и после духовного рождения. Последствия и тут и там в определенном смысле одинаковы. Остановка роста или нерождение во времена пробуждения равносильно смерти, остановка роста по выходе на духовный путь жизни означает, что человек исчерпал свои ресурсы для исполнения работы этой жизни, завершил Путь.

Конечно, далеко не все так и остаются духовными младенцами, многие встают и, опершись на перильца, пытаются, держась за них, идти на своих собственных ногах. Однако большинство из них так и вырастают и входят в возраст вблизи этих перил, на которые они, будучи детьми, опирались. Зачем? Им, духовно взрослым людям, эти перила не нужны, они уже не боятся упасть — так что же их держит? У каждого свои причины. Чаще всего просто страшно, как бывает страшно на краю высокого берега, — даже если выросли крылья и нужно только прыгнуть с высоты и полететь. Не разбиться страшно, а потерять контакт с землей, оторваться от материнской земной стихии жизни и перейти в другое, небесное лоно, пусть более высокое и манящее, но в котором я, справедливо или нет, заранее уже чувствую себя одиноким. Люди, бывает, не становятся духовно свободными существами только потому, что не в силах перейти грань, за которой оказываешься в области жизни, которую подавляющее большинство людей не понимает и куда последовать за тобой не могут. Преодолеть порог духовного пути жизни им трудно из-за страха разом потерять контакт с многими дорогими людьми, оторваться от них, разорвать с ними душевную связь. Это все равно, что в пожилом возрасте одному переселиться в другую страну, куда тебя тянет, но где никого из близких нет.

На определенной ступени духовной жизни требуется разорвать тяготение всего прошлого пути, отказаться от накопленных личных привязанностей, перейти на другое питание, и надо либо остановить Путь и рост, либо последовать этому повелению. Многие останавливаются, иные идут дальше, — значит, Путь их не кончен. Впрочем, это только одна из ступеней лестницы, ведущей к духовной свободе, на ту вершину, с которой начинается свободный путь жизни. Единицы достигают ее и становятся теми, кто жизнью своей раскрывают людям новую грань Истины.

Познавая открытую истину, люди, конечно, делаются свободными, но тот, кто открывает им освобождающую их истину, становится свободным прежде, чем сам познает ее.

Сделайтесь свободными, и вы познаете истину, и эта истина, познанная другими, освободит и их. Драматизм первой стадии духовного пути жизни в том и состоит, что идущий по нему человек есть и тот, кому нужно сделаться свободным, чтобы познать истину, и тот другой, который становится свободным, познавая уже открытую истину. Здесь есть тормоз, так как усвоение ранее открытой грани истины способствует ускорению духовного роста до определенного предела — того самого, с которого, собственно, и начинается духовная свобода, включающая способность познания новой, только тебе доступной грани Истины. Вступивший на свободный путь жизни находит такую свою грань, которая вводит что-то новое и отрицает нечто старое, и тем самым неизбежно входит в конфликт с установившейся традицией истины. Надо не бояться, а приветствовать это, отсеивая в словах нового учителя то, что говорено им в пылу полемики или борьбы с самим собой (то есть то, что порождено исключительно процессом рождения духовной свободы), от того, что составляет сущность его учения. Для этого прежде всего необходимо определить то, что создано им в оба указанных периода духовного пути жизни.

В периоде свободного пути жизни Толстой прожил последние десять лет, и изложение его учения надо искать в его работах, дневниках, письмах, начиная с трактата «Царство Божие внутри вас», который в большей части еще носит черты предыдущего периода *духовного освобождения*. В этот период, продолжавшийся два десятилетия,¹ Толстой написал все то, что признано по недоразумению каноническими книгами его учения: от «Исповеди» и «В чем моя вера» и до «О жизни» и «Крейцеровой сонаты».

10.²

«Люди, связанные друг с другом обманом, составляют из себя как бы сплоченную массу. *Сплоченность этой массы, и есть зло мира*. Вся разумная деятельность человечества направлена на разрушение этого сцепления обмана, — пишет Толстой во «В чем моя вера». — Все революции суть попытки насильственного разбивания этой массы. Людям представляется, что если они разобьют эту массу, то она перестанет быть массой, и они бьют по ней; но, стараясь разбить ее, они только куют ее. Но сколько бы они ни ковали ее, сцепление частиц не уничтожится, пока *внутренняя сила не сообщится частицам массы и не заставит их отделяться от нее*» (23,464).

Зло зиждется на силе сцепления сплоченной суевериями людской массы. Разбить эту сплоченность массы ложью можно только разрушением лжи, раскрытием обмана, выявлением заблуждения, то есть узнаванием истины. Но как человек, сцепленный ложью с другими, может узнать истину? Только истина расцепляет, и только расцепившись можно познать истину. Вот порочный круг, который дает крепость суевериям и злу. Разорвать этот порочный круг возможно, только ускорив процесс роста в другом, указав ему на обман той сплоченности, в которой он находится, разрушая в нем саму силу сцепления. Но это уже деятельность пропагандистская, которая неминуемо переходит в деятельность агитационную — ратующую за новый образ установления, за отмену прежней и замену ее новой сплоченностью, лучше или еще хуже, лживее прежней.

Не делу подмены лжи ложью, одного суеверия другим посвящает себя Толстой, а единственно «разумному» делу — разрушению суеверия как такового, а значит, и как таковой ложной людской сплоченности — государственной, партийной,

сословной, семейной, церковной или сплоченности «типа». По этой причине Толстой безусловно отвергал всяческие тайные и явные общества, конгрессы и секты. Это не анархизм — течение общественное, хотя и антиобщественное: позиция Толстого *внеобщественна* и, по его же собственному сравнению, столь же близка анархизму, сколь близки два конца разомкнутого кольца: они, хотя и противоположны, рядом — а между ними пропасть. Толстой совсем не собирался разрушать общество или общественность, его «разумная деятельность» направлена на то, чтобы изнутри заставить человека отделиться от его сплоченности, для чего каждому нужно сообщить «внутреннюю силу», духовную энергию, необходимую для преодоления сил сцепления.

Люди чаще ищут не себя, жизнь *свою* и свой курс в жизни, а сцепление для себя. В момент душевного рождения человек впервые глубоко сознает свое душевное одиночество; это явное или подспудное сознание своего одиночества многих никогда не покидает и гонит их в такие людские сцепления, в которые они не вошли бы иначе. Весь второй отрезок Пути, от душевного до личностного рождения, человек, переживая превращения жизни, то и делает что переходит из одних людских сцеплений в другие — среды, содружества, сословия, кружки.

В двадцать лет можно быть каким угодно, но не человеком внутренней свободы. Личностную автономию в эти годы приобретают редкие люди, которые от того еще глубже ощущают одиночество своей души; судьба такого человека, если он не обладает крупным талантом, и не баловень судьбы, обычно трагична. Молодой человек, как правило, не может и не желает жить своею жизнью и постоянно находится в составе какой-либо сплоченности, принимая в себя ее взгляды, настроения, речь и стиль поведения. Эта-то сплоченность едва ли не более всего мешает полноценному личностному рождению, которое для многих сопровождается заменой одной сплоченности на другую, более «свою», себе соответствующую. Личностное рождение — уже расцепление, замыкание на себя и самоконцентрация.

Духовное же рождение (по крайней мере в сознании) человек должен переживать один.

Толстой утверждал, что подвинуть других к Царству Божьему можно и что возможность эту ему открыл Иисус, но не столько в учении, сколько своей жизнью, своими делами Истины. Именно проникновение в личность Иисуса и дела его сообщили Толстому ту добавочную энергию, которая помогла ему духовно «расцепиться». По своему личному опыту Лев Николаевич знал, что только делами Истины одного человека может передаваться истина другому. Он говорил, что мало возвещать истину, надо свидетельствовать об Истине делами Истины — заражать людей своей душевной страстностью в истине и, главное, возбуждать в них душевную энергию примером исполнения истины на деле в своей жизни. Девизом жизни Толстого того времени стали слова Нагорной проповеди: «так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5:16).

По всеобщему уважению, нравственному авторитету и славе гениального человека никто не мог лучше Толстого исполнить это дело. Оно, казалось, было поручено ему, и он не должен был, как пророк Иона, пытаться отказать от исполнения своего назначения. Так думал и сам Лев Николаевич. «Я верю, — пишет он в своем «Символе веры», — что я — Ниневия по отношению к другим Ионам, от которых я узнал и узнаю истину, но что и я Иона по отношению к другим ниневитянам, которым я должен передать истину. Я верю, что

единственный смысл моей жизни — в том, чтобы жить в том свете, который есть во мне, и ставить его не под спуд, но высоко перед людьми, так, чтоб люди видели его» (23, 461—462).

11.

Кто-нибудь расскажет миру о душевной драме пятидесятишестилетнего Толстого? Человек такой душевной силы и воли, исключительной одаренности, самовластия и редчайшей способности править над другими душами вдруг словно лишается всех этих сил и, несмотря на гигантские усилия, не в состоянии сделать то, что потом совершали сотни его учеников по всему свету. Всю последующую жизнь Толстой мечтал или раздать имущество, или уйти из дома нищим и смиренным и, *будь его воля*, осуществил бы эту свою мечту еще в 1884 году, а не за десять дней до смерти.

Кто или что помешало ему? Семья? Так считают. А смешно подумать. Пророк и мудрец, осознавший свое назначение, идущий исполнять призыв Бога, остается на месте, не в силах оторвать от себя жену. Смешно. Да если бы даже сам Дьявол загородил ему дорогу, то и тогда он не смел остановиться и свернуть с дороги. Что же произошло?

После «В чем моя вера», где он громогласно объявлял о долге пророка, у Толстого уже не было иного выхода. «Мне нужно читать это» (49, 73) — говорил он про эту свою книгу. Но «как светить светом, — сокрушается он в Дневнике, — когда еще сам полон слабостей, преодолеть которые не в силах?» Чтобы быть способным исполнить свое пророческое предназначение, осуществить Истину в мире, надо свидетельствовать о ней людям делом, т.е. на деле осуществлять ее в своей жизни. «Я грущу, что дело не растет. Это все равно, что грустить о том, что посеянное не всходит сейчас же, что зерен не видно. Правда, что поливки нету. Поливка была бы — дела твердые, ясные, во имя учения. Их нет, потому что не хочет еще Бол>».

Последние слова о Боге не просто фраза, а отображение реального тогдашнего положения Льва Николаевича. Кое-что об этом положении и о развитии событий в жизни его мы знаем по его письмам, кое-что по воспоминаниям, по автобиографической «большой драме» «И свет во тьме светит» и по подробному Дневнику его, который он до того не вел чуть ли не двадцать лет, вдруг начал в марте 1884 года и прекратил в сентябре того же года, то есть в самые критические месяцы своей жизни тех лет.

Поначалу Толстой думал, что ему удастся, хотя и не сразу, убедить всех взрослых семейных изменить жизнь. О каком реальном воздействии пророка на мир может идти речь, когда он не может подвинуть свою собственную жену... Если верить первому действию «большой драмы», для Толстого был полной неожиданностью отказ жены отдать ему свое мировоззрение (первейшее стремление женской любви, как считал Толстой) и изменить свой образ жизни. В мае 1883 года Толстой выдает ей доверенность на ведение всех имущественных его дел. Это не возымело действия, а, наоборот, превратило Софью Андреевну из стороны защищающейся в сторону нападающую, активно ему противоборствующую. «Ходил за грибами. Жена не пошла за мной, и пошла, сама не зная куда, только не за мной, вся наша жизнь» (49, 118).

Толстой продолжает увещевать жену и старших детей. По его плану два его имения раздаются бедным; он с женой и малыми детьми продолжают жить в Ясной Поляне, оставив временно себе доход две-три тысячи рублей. Жить

предполагалось в пяти комнатах: комната мужская, женская, библиотека для умственных занятий, еще одна общая, рабочая, да «по баловству нашему и комната отдельная для слабых». Прислуга остается на первое время, «чтобы помочь нам переделать и научить нас... Жизнь, пища, одежда — все самое простое. Все лишнее: фортепьяно, мебель, экипажи — продать, раздать». Работа, учение, хозяйство, помощь людям, воспитание детей. Трех взрослым детям предоставляется выбор: или «брать себе от бедных» (т.е. от дохода имений, которые должны отойти бедным) или же, «живя там, содействовать тому, чтобы деньги эти шли на добро, или, живя с нами, помогать нам» (49,122—123). Этот-то план жизни Толстой и предлагал своим семейным, и продолжал «долбить» даже тогда, когда они наотрез отказались принять его. «Не знаю долбит ли моя капля, а неволью капля все падает», «...надо ее заставить любить»; «надо найти жену в ней же. И должно, и можно, и я найду. Господи, помоги мне». Так писал он 20—26 мая; 30 мая: «отчуждение с женой все растет». 4 июня: «И в самом деле, на что я им нужен? На что все мои мучения? И как бы ни были тяжелы (да они легки) условия бродяги, там не может быть ничего, подобного этой боли сердца».

Что же задерживало Толстого? Во-первых, вдруг навалившаяся на него душевная и физическая «смертельная слабость», о которой десятки раз упоминается в Дневнике с апреля по август. Другое — беременность Софьи Андреевны, которая вот-вот должна была родить. В десятых числах июня Толстой кратковременно почувствовал себя «сильнее духом», «тверже», и — нужно же было такому случиться! — он, не выдержав очередного скандала, уходит с котомкой за плечами. Через час пути ему становится мучительно жалко Софью Андреевну, и он возвращается обратно. Произошло это вечером 17 июня, а на следующий день Софья Андреевна родила дочь, Александру Львовну, всю жизнь посвятившую отцу.

Уход отложен, но не отменен. Толстой должен «сделать свое дело». «Целый день прошел без событий, — пишет он в Дневнике 12 июля. — Ночью вошел наверх. Объяснение. Не понимаю, как избавить себя от страданий, а ее от погибели, к которой она стремительно летит... Видел сон о Черткове. Он вдруг заплакал, сам худой, и я вижу, что он сошел с ума». Через два дня Толстой рассказывает, что все же произошло в ту ночь. Софья Андреевна «с холодной злостью» оскорбила его. «Я не спал всю ночь. И ночью собрался уехать, уложился и пошел разбудить ее». И не уехал, только записал: «напрасно я не уехал. Кажется этого не миную. Хотя ужасно жаль детей. Я все больше и больше люблю и жалею их» (49, 112—113). Толстому уже совершенно ясно, что «она до моей смерти останется жерновом на шее моей и детей. Должно быть, так надо. Выучиться не тонуть с жерновом на шее.» — Вот задача...

И, странное дело, все, хотя и ненадолго, переменялось с того дня. Сначала полное счастливое примирение со старшим сыном, потом с другими детьми, а через десять дней Толстой записывает: «София хороша...» И на следующий день: «Дома дружно. Думал: мы упрекаем Бога, горюем, что встречаем препятствия в осуществлении учения Христа. — Ну, а что, если бы мы все были без семей несогласных. Мы бы сошлись и жили счастливо и тускло. Ну, а другие? Другие бы и не знали. Мы хотим собрать огонь в кучу, чтоб легче горел. Но Бог раскидал огонь в дровах. Они занимаются, а мы тоскуем, что они не горят.» (49, 70—120). Не часто встретишь у Толстого такую запись. Месяц длилось это перемирие, а через месяц все началось заново. Еще через месяц Толстой перестал вести Дневник... Уход не состоялся. Казалось, дело Истины было

испорчено. Кто же победил? Софья Андреевна? мирское? сила плоти? Дьявол? «сцепление лжи»? Нет. Тут не победа плоти над духом, «начала косности» над началом роста. Перед нами вообще не столкновение добра и зла. Бога и Дьявола, характерное для времен «пробуждения».

Не Софья Андреевна, конечно, остановила Толстого — ее поведение только способствовало его намерению покинуть дом, и именно в этом направлении она «покачнула весы» его решения. Если что-то победило, и что-то было побеждено, то это что-то надо искать не вне, а внутри Толстого.

Говоря о душевных борениях человека, мы обычно предполагаем борьбу полярных сил души: света и тьмы, силы и слабости, духа и плоти — или столкновение в душе чувств неопределенной полярности, драматичное именно своей неопределенностью. На таком взгляде стоит почти вся европейская классическая литература от Шекспира и до Достоевского, что доказывает только, что она создается людьми и обслуживает людей, для которых интересны, важны и глубоко проблемы периода жизни между личностным и духовным рождением. Искусства духовного пути жизни, которое Толстой считал истинно христианским искусством, у нас практически нет, и потому мы не ведаем душевных конфликтов этого периода. Мы легко представляем, зная по себе, противостояние различных пристрастий в душе, каждое из которых может считаться светлым и хорошим. Но нам трудно понять, не говоря уже трагедийную силу, а просто напряженность борьбы между, скажем, стремлением к Истине и любовью к ближним. Такая борьба нам покажется пресной и, поскольку не касается проблем нашей жизни, неинтересной. Однако именно такую борьбу в себе и выдержал Толстой в летние месяцы 1884 года, когда ему исполнилось пятьдесят шесть лет, «2х28», как не без смысла подсчитал он.

Года через два, весной 1886 года Толстой, отвечая на вопрос П. Буланже, косвенно объяснил, почему он не ушел тоща: «Я скован с другим человеком цепью, которую я сам сковал и которую считаю священной.» Но чем же он нарушал священные узы? Разве он бросал жену для свободы удовольствий или полюбив другую? Да и Петр-хлебник, пьесу о котором он начал в том же 1884 году, наткнувшись на такое же сопротивление жены, продал себя в рабство, исполнил дело Истины, не помышляя о том, что он рвет священные цепи. Толстой просто не смог, хотел, но не смог, оставить детей и жену одних — *жалко*. Через два года он пробует «рационально» объяснить это. Продолжим прерванную цитату:

«Я скован с другим человеком цепью, которую я сам сковал и которую считаю священной. Мне хочется пить, и я знаю, что тут под горой источник; но тот, с кем я скован, думает, что под горой пропасть, в которой мы оба погибнем. Что же мне делать? *Разорвать цепь? Не могу.* Я считаю эту связь не своим делом, а исполнением Воли Бога. Насильно тащить этого другого под гору? Не могу. Я знаю, что я этим не привлеку его, а оттолкну от источника, который нужен ему, как и мне. Что ж мне делать? Ничего. Т.е. не делать того, что противно моему разумению и Воле Бога. И будет то самое, что должно и нужно. Жажда, которая есть во мне, не уничтожится, а только увеличится. Сострадание к тому, кто лишает себя блага, точно так же и стремление мое останется тем же. Всегда, во всякую минуту, когда я, не разрывая связи и не причиняя боли, могу приблизиться к тому, в чем я вижу благо, я буду приближаться и приближать его».

Бог требовал от него пророческого служения на всеобщее благо, и Бог же устанавливает в сердце нерушимую связь с близкими людьми, при разрушении которой только и можно

исполнить общую задачу пророка. Требования Бога противоречат одно другому. Как же совместить первые требования Бога, *требования Истины*, и вторые требования Бога, *требования Любви*? На дороге Толстого встал не дьявол, а Бог любви, который заявил, что служить ему надо не только в Истине.

Об этом конфликте служения Истине и требований любви к ближнему рассказывают многие, кто в разных частях мира пытались следовать учению Толстого тех лет. Во многих случаях люди, зная требования толстовской Истины, упорствовали и в конце концов губили и созданную таким трудом жизнь, и дело, которому они намеревались посвятить себя. Над их трагедиями (а были и действительно трагедии) мирской мир злорадствовал, видя в них оправдание себе.

Задуманное Толстым дело Истины, столкнувшись с делом Любви, рухнуло, не успев начаться. Но в отличие от многих своих последователей, Лев Толстой учился познавать волю Бога в жизни и жизнью, а не только умом и самовнушением ума, и потому смог, не доводя до краха, изменить свою позицию в жизни. Уже в ноябре 1884 года, то есть всего через три месяца после описанных событий, Толстой делится с Чертковым:

«Я спокоен, и мне и вокруг меня хорошо. — Жизнь моя не та, какую я одну считаю разумной и не грешной, но я знаю, что изменить ее сил у меня нет, я уже пытался и обломал руки, и знаю, что я никогда или очень редко упускаю случай противодействовать этой жизни там, *где противодействие это никого не огорчает*» (85,118).

12.

К порогу *духовного рождения в сознании* Толстой приблизился в сорок лет, когда в последние дни января 1869 года ясно осознал себя сыном, выдвинул из себя «отца», свое четвертое лицо, и в сцене прощания князя Андрея с сестрой появился другой «теневого» центр сына Николеньки. С этого дня начался в жизни Толстого период борьбы, период «выхода из пустыни жизни», ознаменовавшийся уже через семь месяцев «арзамасским ужасом». То были месяцы мощного духовного роста и постепенного, но все увеличивающегося и увеличивающегося душевного напряжения: жизнь, внешняя жизнь, продолжала по инерции идти, как прежде, со своими заботами и работами, и ее течение все более и более не соответствовало углубляющемуся духовному сознанию Толстого.

. Одна линия его жизни — линия Анны Карениной — сколь бы она ни казалась чистой, благородной, возвышенной и даже «великой», продолжалась сама собою, по своим накатанным душевным и житейским законам и так, словно никакого свободного духовного роста не происходило. И в то же время линия жизни его «духовного Я» — линия Левина — поначалу почти не противоречащая личностным устоям течения жизни, все резче и резче расходилась с ними, и это столкновение духовного сознания жизни и ее течения в конце концов столь обострилось, что Толстой чуть было не сошел с ума и несколько месяцев боялся убить себя.

Любовная встреча Левина и Анны в конце романа в жизни Толстого не произошла и произойти, видимо, не могла; его «духовное Я» окончательно разошлось с его «животной личностью», и выход из этой драмы души мог быть для него один: отречение от своей «животной личности», потребностями которой он до того жил всю жизнь, крах Анны. Иного выхода на его Пути восхождения не было, не могло быть, и он сам заранее знал это, и потому, завершая «Анну Каренину», он

опередил себя на полгода—год, описал тот перелом, который только предстояло ему пережить.

Однако Толстой не все угадал, его Левин не пережил, не осознал и половины того, что пережил и осознал Толстой, когда действительно пришел его черед духовного рождения на Пути жизни. Левину, одному Левину без Анны, легко было, он мучился только бессмысленностью жизни, неудовлетворенностью потребности духовного Я в понимании своего назначения в жизни — Левин маялся без цели жизни и хотел убить себя, не видя смысла продолжать ее, тогда как Толстой страдал, терпел муки родов и хотел убить себя, чтоб прекратить *страдания духовных родов*.¹

На грань катастрофы Толстого привел конфликт между жизнью, основанной на прежнем самосознании, и новым, более глубоким сознанием мира и себя. Духовное рождение в сознании вело и, наконец, привело к *духовному рождению на Пути* жизни. Так теоретически. Практически же важно то конкретное чувство, которое могло столь резко развернуть жизнь. Конечно, в эти годы в Толстом произошла коренная ломка его мистических и метафизических представлений; конечно, эти новые представления и произвели страдания, перенаправили его жизнь по новому руслу — но что же это за страдания, о чем они? и как они выражаются? Как у многих других людей, прошедших через рождение духом, душевные страдания четвертого рождения были вызваны процессом духовного роста и выражались в *чувстве* ужаса перед самим собою и за людей.

Толстой вдруг *увидел себя вооруженным рассудком животным*, лишенным всякого понимания своей жизни (религии), и увидел кругом всех людей такими. Я тогда ужаснулся и удивился только тому, что люди не режут, не душат друг друга. И это не фраза, что я ужаснулся тогда... Я — как человек, стоящий на тендере поезда, летящего под уклон, который ужаснулся, увидав, что нельзя остановить поезда.» (55,156—157).

«Чувство, которое я испытал тогда, — вспоминает Толстой в другом месте, — было так сильно, что я *чуть не сошел с ума, глядя на спокойствие и уверенность людей вокруг меня, живущих без всякой религии, без всякой заботы о чем-нибудь другом, кроме своих удобств и приятностей жизни...*» (76, 76).

Если духовному рождению в сознании сопутствует радостное озарение себя и высших истин духа, то духовное рождение на Пути сопровождается тяжелейшим прозрением о себе и людях вокруг себя. Человек поднялся на высшую ступень духовного сознания и, оглянувшись с этой новой, более высокой точки на себя и людей, вдруг *видит* себя и всех. Люди — не люди, и в них, кроме «сцепленности», нет ничего, что бы удерживало этих мнимо-людей от всеобщей звериной грызни. Что, кажется, может произойти в любой момент. А в самом тебе?.. Есть от чего сойти с ума и прятать с глаз веревку.

Наступил момент, когда Толстой увидел и крушение жизни «животной личности» вообще, сколь бы возвышенны ни были ее мотивы, и неминуемое крушение поезда общественной жизни, слагающейся из множества мнимо-одухотворенных существ. До духовного рождения на Пути люди не сознают весь ужас жизни, и первый вопрос сознавшего этот ужас Толстого: где свое и всех спасение, или почему и чем люди живы? При толстовском темпераменте ответ на этот вопрос означал и активнейшую общественную деятельность в соответствии с найденным ответом. Когда года через два ответ — мистическое единство Сына человеческого — был найден, Толстой страстно начал свою проповедь — не ради своей славы, а во спасение людей. Его прозрение, увиденный им ужас жизни был так ярок

и спасение от него так очевидно, что, казалось, люди не видят первого и не понимают второго по недоразумению. Каждому, наверное, знакома та уверенность в самоочевидности только что открывшейся истины: кажется, что не понять ее всякому человеку нельзя, для чего достаточно суметь лишь вразумительно *сказать* ее. А вразумительно говорить и заставить всех себя слушать Толстой умел. Надо дать увидеть людям ужас жизни, — и Толстой пишет «Исповедь». Надо передать людям истину спасения, для чего нужно прежде обличить мешающую восприятию истины ложь, — и он сначала пишет «Критику догматического богословия», а потом свой труд о Евангелиях.

Но еще до того, как эти его работы стали широко известны, Толстой убеждается в том, что его проповедь, исполнение которой так легко, возможно и прямым осуществлением Царства Божие на земле, что его слова не достигают цели. Кто-то увлекся его «идеями» и только. То, что, казалось бы, должно было осуществить Царство Божие, произвело лишь легкое волнение в душах и умах и отнюдь не достигло сердцевины человека. Почему же? Что мешает? — Сплоченность обмана, решил Толстой. Надо ее разрушить. Как? Так же, как Иисус — делами истины. Толстой попробовал, но почему-то нельзя было. В качестве цели жизни дело Ионы провалилось. Оно и не могло быть иначе.

Люди, прошедшие духовное рождение, и люди, не дошедшие до него, — это разные люди, стоящие на разных основаниях, разговаривающие на разных языках, и понять друг друга им трудно. «Исповедь» Толстого способна усилить уже возникшее сознание ужаса жизни, но не способна заразить чувствами духовного перелома жизни, если человек вам еще не готов к нему. Нельзя выполнить работу жизни за другого, и каждый дорастает до всего сам. «Жизнь есть рост» (54, 254), и можно ли жить за другого?..

Однако стремление выполнить работу жизни за другого не предмет для обличения. Его надо рассматривать не как ошибку и не как уклонение *на пути духовной жизни*, а как неизбежный и вполне законный момент периода духовного освобождения. Так это впоследствии (в 1893 году) понимал и сам Толстой.

Тот период, в котором Толстым написаны религиозные труды и письма, на которые обычно ссылаются его критики и исследователи, есть период переходный, когда он находился в тяжелом положении невозможности бездействия и незнании действия и потому, как и должно в этот момент жизни, нашел спасение «в новой, совсем новой, другой христианской деятельности: содействии установлению Царства Божия» (52, 104). Как бы и в чем бы ни выражалась эта по сути своей *общественная* деятельность, ее нельзя определять как деятельность легкомысленную, а тем более порочную. Это — детство духовного пути жизни, через которое нужно пройти, полезно пройти и должен пройти всякий, вступающий на этот путь.

Этап этот имеет свое назначение, свою цель и свою ценность не только для того, кто проходит его, но и, надо полагать, для общечеловеческой, и для общественной жизни.

13.

Для душевно рожденных людей могут быть два *устойчивых* состояния жизни: роста и вхождения в ту или иную сплоченность. И как все в мире стремится к устойчивости, так и душа человека стремится к одному из этих состояний, хотя вместе они трудно сочетаемы. Сила сцепления обычно обратно пропорциональна силе роста, а способность к несвободе

сцепления — способности к росту. Обычно: остановился — сцепился. И наоборот, выход из неподвижности, начало движения роста уже означает ослабление сил сцепления, разрушение данной сплоченности. Все в жизни, со всеми переломами, рождениями и застоями, суть обретения устойчивости и утрата ее. И за утратой следует обретение, а за обретением утрата. Рвутся одни силы сцепления, в одной, скажем, мирской, языческой сплоченности, человек растет, проходит через духовное рождение и попадает из одной сплоченности в другую, еще более сильную, со своими, еще более крепкими узлами.

Этот процесс жизни отменить нельзя.

Духовное единство в Едином — каждый знает в глубине души. Потому-то так сильно и неистребимо стремление души к единению — либо псевдоединению, к сплоченности лжи или «типу». И то и другое основано на данном в сознании жизни законе, но зависит от периода Пути жизни человека и от уровня его духовного самосознания. Более глубокое духовное самосознание вырывает человека из одной сплоченности и, обычно, вводит его в другую. Это происходит само собою в процессе роста. Именно рост, говоря словами Толстого, отрывает «частицу людского сцепления», и для расцепления в каждом конкретном случае нужно то или иное ускорение роста. Не в сцепленном состоянии может находиться только ускоренно растущий, особенно «живой» человек. Когда этого нет, человек подвластен силам тяготения, исходящим от совокупности других людей. Это не означает, что человек жизнью своей создает духовное единство — единство это собственно есть (в едином духовном Источнике) — но он, по мысли Толстого, призван осуществлять закон проявления Света Единого духовного Существа. Для исполнения этого призвания способный к исполнению его человек переходит из одного состояния сознания жизни в другое, непосредственно в росте или попадая из одной сплоченности в другую. Но чем дальше по жизни, тем последнее все труднее...

Всякому духовному единению соответствует определенный уровень духовного самосознания включенных в него людей. Чем ниже этот уровень, тем более человек склонен создавать псевдоединства, основанные на сплоченности суеверия. Чем этот уровень выше, чем одухотвореннее человек, тем на более глубоком духовном уровне он способен к сплочению с другими существами. Но во всех случаях человек более всего боится — боится как смерти — разорвать ту сплоченность, в которой он находится. Жизнь, ее основа — в Едином, и потому человеку кажется, что жизнь — в сцеплении, вне которого — смерть, и смерть более страшная, чем физическая. Казнимые своими же в последнюю минуту жизни часто больше всего боялись стать ничьими и нередко умирали со словами хвалы Богу, богам, вождю или народу, во имя которого или по приговору которого их убивали. Хвалой этой они, конечно, и упрекали, но в их предсмертном упреке было все то же — способствовать через раскаяние гонителей посмертному восстановлению себя в их рядах.

Не измена «своих», и не жестокость их заставляет человека порывать с ними душевную связь, а только свой рост. В молодости, во времена быстрого роста естественного пути жизни, это делается легче и проще. С возрастом — все труднее и труднее и требует все большей и большей силы свободного ускорения роста. Чем старше человек, тем в общем случае он менее способен воспринимать в себя духовную энергию извне, тем менее эффективна духовная помощь, которая могла бы быть оказана ему другими. «Выбить» человека, подменившего личностное рождение вхождением в сплоченность своего типа,

практически невозможно. Люди-типы как «частицы сцепления» невыбиваемы. А они-то и определяют общественное сознание.

Установившийся тип перековать нельзя, его можно только физически уничтожить, что было первейшей задачей всякой революции, в результате которой происходила замена находящегося у власти типа. Поэтому всякая революция опиралась на человека до личностного рождения (до тридцати), способного установить новый тип, а практически осуществлялась совсем молодыми людьми, которых легко ввести в любую сплоченность, отличную от той, которая властвовала в обществе в момент их душевного рождения.

Немудрено, что Толстому-проповеднику, несмотря на весь его авторитет и духовную энергию, не удалось сдвинуть ни одну из сплоченностей «типа» его времени; на проповедь его ринулись по большей части юноши и девушки, которые, повзрослев к началу 90-х годов, отрекались от него. Но в эти годы Толстой уже переложил дело установления Царства Божия на земле с плеч Ионы — на процесс возрастания духа в Истории.

Существование определяющей всю общественную жизнь инертной массы, и в том числе наличие установившихся типов в обществе, отнюдь не зло, по Толстому. Консерватизм правящих людскими массами «типов» и сама «сплоченность» инертной массы для семидесятилетнего Толстого уже не то, что надобно разрушить, а полезное явление, с которым надо считаться. Наибольшее зло — это стремление насильственным путем разрушить существующий тип сплоченности, так как от такого «перекувыркивания телеги» может выйти только крушение, в результате которого произойдет все, что угодно, но не духовный рост членов общества. Вполне своевременная и тогда и сегодня мысль. Консерватизм — необходимое условие для устойчивого равновесия и правильного хода общества в истории. Косность масс, управляемых уклонившимися от личностного рождения людьми, только кажется главным злом, на самом деле она служит той же цели, что и балласт корабля. «Не будь балласта, судно не сидело бы в воде и изменяло бы свое направление при малейшем изменении условий. Балласт этот, несмотря на то, что он кажется излишним и даже задерживающим ход судна, есть необходимое условие движения его». Этим соображением и определяется в 90-х годах вся толстовская стратегия установления на земле Царства Божия.

К концу третьего десятилетия жизни мужчина должен на Пути подходить к личностному рождению. Одни, малая часть, проходят его и продолжают прямой, обходный или тупиковый, но свой путь. Другие, тоже не большая часть, находят свой характерный тип и включаются в него, независимо от того, какой вес и значение он имеет в обществе; таковы все сектанты (религиозные или светские), которые таким образом находят *себя*. Третьи же, уклоняясь от личностного рождения, не чувствуют особой приверженности к тому или иному типу и образу установления и принимают тот, который навязывается властвующим типом и принадлежность к которому сулит наибольшие выгоды; это люди, продающие свою совесть, то есть совершающие в момент личностного рождения лучшую и всегда выгодную сделку в жизни (по одному этому незачем хотя бы спешить с ней). Но и таких людей не так уж много. Большинство тоже принадлежит к этому последнему, третьему типу, но предпочитает сцепляться с наиболее широко распространенным типом («как все»), который, в общем случае не есть тип властвующих и может быть вполне равнодушен к делам власти. Эти-то люди и составляют тот балласт общества, с мнением которого не может не считаться любая власть и

состояние которого определяет лицо общества.

В отличие от многих других его современников, Толстой с конца 80-х годов ждал преобразования человечества не от обязательного личностного рождения всех и каждого и не от духовного воскресения всех Провидением, а от изменения духовного самосознания этого «балласта».

«Переход людей от одного устройства жизни к другому совершается не постоянно, так, как пересыпается песок в песочных часах: песчинка за песчинкой от первой и до последней, а скорее так, как вливается вода в опущенный в воду сосуд, который сначала только одной стороной медленно и равномерно впускает в себя воду, а потом от тяжести уже влившейся в него воды вдруг быстро погружается и почти сразу принимает в себя всю ту воду, которую он может вместить».

Это положение Толстой далее поясняет так:

«Всякая новая истина, изменяющая склад человеческой жизни и двигающая вперед человечество, воспринимается сначала только самым малым количеством людей, понимающих ее внутренним путем. Остальные же люди, принявшие по доверию предшествующую истину, ту, на которой основан существующий строй, всегда противятся распространению новой истины.

Но так как, во-первых, люди не стоят на месте, а непрерывно движутся, все более и более познавая истину и приближаясь к ней своею жизнью, и, во-вторых, все они по своему возрасту, воспитанию, породе расположены в постепенной градации от людей, наиболее способных понимать новые открывающиеся истины внутренним путем, до людей, наименее способных к этому, то люди, ближе других стоящие к тем, которые усвоили истину внутренним способом, одни за другими, сначала через длинные промежутки времени, а потом все чаще и чаще переходят на сторону новой истины, и количество людей, признающих новую истину, становится все больше и больше, и истина становится все понятнее и понятнее.

А чем больше людей усваивает новую истину и чем истина понятнее, тем более возбуждается доверие в остальных, на низшей ступени по способности понимания стоящих людях, и тем легче для них становится постигновение ее, и тем большее число усваивает ее. И так идет движение, все убыстряясь и убыстряясь, расширяясь и расширяясь, как ком снега, до тех пор, пока не зарождается при этом согласное с новой истиной общественное мнение и вся остальная масса людей, уже не поодиночке, а вся сразу, под давлением этой силы не переходит на сторону новой истины и не устанавливает сообразный с этой истиной новый склад жизни.

Люди, переходящие на сторону новой, дошедшей до известной степени распространения истины, переходят на ее сторону всегда сразу, массами и подобны тому балласту, которым нагружают всегда сразу для устойчивого равновесия и правильного хода всякое судно» (28, 197—199).

Не надо думать, что процесс этот произойдет эволюционно сам собой: Царство Божие не эволюцией, а усилием берется.

«Часто слышишь рассуждения о том, что все усилия для улучшения жизни, для искоренения зла и установления справедливой жизни — бесполезны, что все это делается как-то само собой. Люди плыли на веслах, но гребцы доехали и вышли на берег, оставшиеся же в лодке путешественники не берутся за весла, потому что думают, что как прежде двигалась лодка, так она будет двигаться и теперь» («Путь жизни», XX, У:3).

Чтобы вполне оценить эту мысль, надо вспомнить основное положение толстовского учения роста (см. 2.1.7). Жизнь идет по равнодействующей двух перпендикулярных сил: силы

течения реки плотской жизни и духовного усилия гребущих поперек этого течения. Лодка общей жизни не опрокидывается потому, что существует «балласт» путешественников, которые располагаются в ней так, чтобы своим положением способствовать тому направлению, по которому идет лодка. Направление же лодке создают гребцы, гребущие поперек течения. Но когда они «выходят на берег» (покидают этот мир), то перед каждым остающимся в лодке встает задача: все более с убылью гребцов пускать лодку по течению, и в соответствии с этим так и менять крен ее, или же самому браться за весла вместо сошедших. Первое легче, и потому большинство всегда будут поддерживать то направление, по которому уже идет лодка. Второе труднее, и потому ему следуют только редкие люди.

Эффективность их труда и ход судна во многом зависят от того, какой крен придает лодке балласт ее, негребущие «путешественники». Кто может понудить их развернуться в ту сторону, куда гребут гребцы? Конечно — только гребцы, то есть, по Толстому, воскресшие, духовные люди. Но не все из них в равной степени способны делать это. Одни сами находятся в мучительном состоянии борьбы и разлада, завершающегося состоянием ужаса за себя и людей, и могут только раскачивать «балласт», но не переориентировать его. Другие, находящиеся на свободном пути жизни, столь далеки, что люди-типы обычно не понимают, что и о чем они говорят. Даже люди, ищущие Царство Божие в себе, вызывают уважение или равнодушие, но могут стать «своим» образом установления для небольшого круга людей, активно выбирающих этот образ.

Перемещение балласта могут произвести люди, духовными усилиями ищущие осуществления Царства Божия на земле, гребцы Царства Божия — его пророки. Этот пророческий дух особенно силен во времена духовного освобождения и *составляет главное достоинство и назначение этой поры духовного пути жизни*. На толпу наиболее воздействует не проповедь человека воплощения, человека свободного пути жизни, а проповедь людей, находящихся в тяжелом переходном периоде духовного освобождения, т.е. людей, для которых такая проповедь обоснована внутренней потребностью. Пожалуй, этим и объясняется, что до сих пор общее значение имеет лишь то, что Толстой написал в первой половине 80-х годов.

Библейский пророк Иона не был святым человеком и, тем более, послушником Божиим. Но именно его, несовершенно Иону, избрал Господь для проповеди ниневитянам. И погрязшая в злодеяниях Ниневия, от мала до велика, все сто двадцать тысяч, поверили пророчеству гибели, о которой возвестил Иона, и раскаялись. Видно, слова его, человека только идущего от мирской жизни к жизни духовной, были более близки им и более внушительны, чем могли быть слова человека вполне святого. И потому *стадия духовного освобождения, годы юности духовной, есть наиболее активное в отношении общества время, словно предназначенное для проповеди*.

До этого момента, то есть до момента духовного рождения человек не пригоден для проповеди, не созрел до нес, не может не быть лицемерен в ней и не должен выходить с нею к людям. После этого момента, то есть с наступлением времени духовного возмужания, гребец гребет сильнее, но его старания и его работа все менее и менее заметны пассажирам на судне.

2.3. Духовное освобождение 1.

Мысль человеческая, силясь разрешить самые общие проблемы жизни, склонна, часто не замечая того, решать поставленную себе всеобщую задачу сообразно частной задаче того периода Пути жизни, который переживает сам мыслитель. Немудрено, что Толстой в периоде духовного освобождения (тоже своего рода расщепление духа) видел зло в сплоченности обмана, а борьбу со злом полагал в освобождении «частицы людского сцепления» силой дел Истины.

Само по себе высвобождение из «сплоченности лжи» в конце концов приведет, на взгляд Толстого, к существенным изменениям в состоянии сознания человека и, как следствие, к установлению Царства Божьего на земле. Позиция эта, чтобы иметь силу, должна была обосновываться и мистически.

В годы духовного рождения Толстому естественно было думать, что цель жизни в рождении духом. И потому в это время Толстой, говоря его словами, «познал единство Сына Человеческого», то есть духовной основы всех людей, и пришел к выводу, что достижение этого единства есть цель жизни: человек, рождаясь существом потенциально духовным, в течение жизни превращается (должен превратиться) в существо вполне одухотворенное и осуществляет единство Сына Человеческого в любви. Духовность и единство Сына не даны в качестве естественного состояния, а заданы и есть цель.

Вскоре, однако, взгляд Льва Николаевича вновь приобрел сходство с его прежними представлениями времен работы над «Войной и миром».

«Христос показал мне, — сказано в «символе веры» Толстого 1883 года, — что единство Сына Человеческого, любовь людей между собой не есть, как мне прежде казалось, цель, к которой должны стремиться люди, но что это единство, эта любовь людей между собой есть их *естественное блаженное состояние, то, в котором, рождаются дети*¹, по словам его, и то, в котором живут всегда все люди до тех пор, пока состояние это не нарушается обманом, заблуждением, соблазнами» (23,454).

Царство Божие на земле есть, собственно, актуальное достижение единства Сына Человеческого. Но важно, *задано* это единство или *дано*. Если оно задано и есть цель, то установление чаемого Царства возможно только по достижении цели — либо в Истории, либо в конце времен, либо вне времени, либо никогда. Если же единство это дано и есть «естественное блаженное состояние», в котором рождаются дети, и только нарушается в процессе жизни, то для скорейшего установления Царства Божия необходимо уничтожить ту силу, которая произвела это нарушение.

Зло мира есть сцепление масс суевериями, — и нарушение данного единства Сына Человеческого связано с тем, что рожденный в блаженном состоянии ребенок, вырастая, входит в «сплоченную массу», становится «частицей людского сцепления». Если только уничтожить силу сцепления, то раскрепостившийся человек сам возвратится в исходное естественное душевное состояние единства в любви. Это возвращение и есть рождение духом или воскресение, понимаемое в данном случае буквально, как восстановление утраченной жизни.

В трактате «О жизни», который Толстой начал в 1885 году, ничего подобного найти нельзя, и основные мысли этого трактата никак не совместимы с пророчеством восстановления. Как видите, в периоде духовного освобождения сознание жизни и ее установки ломаются и меняются даже чаще, чем на естественном пути жизни.

При духовном рождении центр жизни человека перемещается на его духовное Я. Эта кардинальная смена сознания

застает человека в любых, и всегда более или менее житейски неподходящих для этой перемены положениях. Рождение духом не стирает весь предшествующий ему Путь, человек после духовного рождения не начинает жить заново, с чистого листа, он погружен в свое же прошедшее, в свою судьбу, которая к этому моменту уже связала его с другими людьми и наложила на него всевозможные мирские обязательства — сцепила его. Из такого сцепления надо выйти, и само это *выхождение* из противоречащего духовному сознанию мирского положения есть в это время Пути один из основных элементов духовного роста — главный *труд жизни* периода духовного освобождения.

Уклониться от этого труда, разрубив узел ложных мирских сцеплений, нельзя; чтобы своим духовным рождением не причинить зла (а это возможно), узел, завязанный прежде, надо терпеливо развязать — даже если это и будет иметь вид непоследовательности. Наиболее последователен — Алексей Божий человек, ушедший из дому в свою брачную ночь и четверть века заставлявший мучиться жену и родителей. Духовное богатство нельзя получить вдруг, единым волевым актом, как добывал его этот святой. По Толстому, свое духовное богатство надо вытрудить (64,207).

«Люди, не понимая того, что выходение правдиво и любовно из ложного положения (увлекая с собой других) и есть сама жизнь, представляют себе жизнь только уж после освобождения от лжи и стараются освободить себя от лжи ложными средствами, обрубая жестко, не любовно связи с людьми, только бы поскорее начать новую жизнь, которую они известным внешним способом определяют. Это обман. Старый обман — *сделать жизнь похожей на истинную*, такой, как будто люди любят добро. Это зло худшее» (50, 169).

Праведность внешней жизни есть подобие истинной жизни и в этом смысле обман, видимость, ложь — худшее зло. И святым можно стать по-разному — по духовным законам и в обход их. Цель не в том, чтобы стать святым, любой ценой достигнуть праведности — это *обман праведностью* — а в том, чтобы выполнить работу жизни и, лучше, *всю* работу жизни.

Человек, прошедший через духовное рождение, приобретает способность к свободному пути жизни, подобно тому как после душевного рождения отрок приобретает способность стать личностью. И как человек, желая быть личностью, стремится задолго до личностного рождения сделать свою жизнь подобной личностной (и при удаче достигает большого совершенства мимикрии), так и человек, только что вышедший на духовный путь жизни, стремится тотчас мимикрировать своею жизнью свободный путь воплощения. А это и ложь, и обман; на свободный путь жизни нельзя выйти иначе, как через путь духовного освобождения, на который сам Лев Николаевич потратил двадцать лет духовно-трудовой жизни. Другой человек на месте Толстого так никогда и не вышел бы из этого периода жизни.

Указание на необходимость работы периода духовного освобождения — одна из заслуг Толстого, как учителя человека на его Пути. Но сам Толстой к этому положению пришел лишь в конце 80-х годов.

Бог возложил на Иону пророческое служение. Иона же решил бежать от лица Господня, но, как он ни старался, ему все же пришлось выполнить предначертанное Богом. Убежать от лица Господня невозможно, и если поручено пророческое служение, то надо идти в Ниневию. По библейскому рассказу Иона должен был пророчествовать и обличать словом, для Толстого же пророчествовать означает не только говорение истины, но и, главное, свидетельствование об истине делом.

Дело это не в том, чтобы совершить какой-то подвиг святости, а в том, чтобы исполнить работу жизни, *осуществить в себе духовное Я*; и свидетельствовать об истине надобно не каким-либо поступком, протянувшимся на всю жизнь, а собою, *проявлением своего духовного Я в Пути восхождения* и в этом смысле *всей* своею жизнью.

Представление о человеке как о сначала формирующейся, а потом развивающейся личности не совсем точно. Под словом личность обычно понимают нечто, хотя бы в самых общих чертах рожденное, готовое и установившееся — вроде невыписанной, но вчерне полностью готовой картины, или даже картины вполне завершенной, с которой в дальнейшем происходят более или менее существенные превращения. Путь жизни человека по такому взгляду есть процесс развития так или иначе уже сформированной (т.е. данной) личности. По учению же, которое мы тут разбираем, Путь восхождения не развитие, а рождение (вернее, последовательный ряд рождений), и сама личность человека есть созревающий плод — не до конца написанное сочинение, частично, не во всех контурах нарисованная картина. Каждый из нас — недоигранная мелодия, в которой можно различить отдельные цельные музыкальные фразы, но нельзя разобрать ее всю. Эта незарисованная картина или недоигранная музыка своей жизни может быть уродлива или прекрасна и в качестве таковой восприниматься другими людьми.

«Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к одному настроению. Нет равного по силе воздействия и по подведению всех людей к одному и тому же настроению как дело жизни и, под конец, целая жизнь человеческая. Если бы только люди понимали все значение и всю силу этого *художественного произведения своей жизни!* Если бы только они так же заботливо лелеяли ее, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-нибудь и произвести его во всей возможной красоте». (52,113).

Исполнять пророческое служение человек, по зрелому учению Льва Николаевича, должен уже не делами истины, как учил Толстой в начале духовного пути жизни, а всею жизнью в этой Обители, всем, взятым целиком, курсом жизни от рождения плоти и до отживания ее.

Жизнь есть рост, иначе — проявление заданного образа духовного Я. «Есть сочинение, а нет строк, букв», — как писал Толстой в конце жизни (57, 19). Посредством строк и букв это сочинение жизни *пишется* на времени. Время — пустой лист несозданного и несуществующего «художественного произведения своей жизни»; на этом листе ничего нет, и его самого тем самым собственно нет, а есть только то, что написано, и сам процесс писания. Это-то написанное и пишущееся «буквами» сочинение и есть моя жизнь. В какой степени я могу писать или не писать сочинение-жизнь, пока разбирать не будем; ясно только, что можно испортить картину своей жизни и можно «произвести ее во всей возможной красоте».

Но как узнать, что портит, а что красит — что нужно сделать, а что делать нельзя, что прежде, а что потом, как поступить и когда не поступать? Частично на эти вопросы могла и обязана была бы ответить духовная наука, которой поначалу достаточно было бы извлечь сказанное по этому поводу мудрецами, учительствовавшими в человечестве. Одно это спасло бы великое множество людей от всевозможных уклонений и ошибок, но никогда все же не застраховало бы от неудач жизни. Для того, чтобы не испортить свою жизнь, надо обладать чем-то сверх того знания, которое может быть почерпнуто из сокровищницы духовного опыта человечества.

Это-то «свое», непосредственное, личное сверхзнание Толстой определял как руководящее жизнью *религиозное чувство* в человеке. Именно оно и не дало Толстому поступать по пророческой своей страсти и тем «во всей возможной красоте» спасло воплощенное в Пути «сочинение» его жизни.

2.

Широко используя в своих трудах понятия «религия», «религиозное сознание», «религиозные требования», «любовь к Богу», Толстой все же предпочитал избегать понятия «религиозное чувство». Понятие это обычно употребляют в одном из двух значений: или непосредственного, личностного переживания человеком Бога, или в значении некоторой вложенной в личность исходной духовной силы интуиции, которая есть во всех — верующих и неверующих — и которая в разной степени движет жизнью людей в противовес повелениям их «порченной» или их низшей природы. О религиозном чувстве в первом смысле Толстой, хорошо зная его, не говорил потому, что само слово «чувство» по отношению к Богу уже предполагает Его личностное понимание, что, на взгляд Льва Николаевича, немислимо — оно ограничивает, антропологически унижает Его. Истинное переживание Бога — внелично, а значит, и внечувственно.

Конечно, верующий во Христа имеет и объект личностного религиозного чувства (тем, среди прочего, и притягательно христианство), но без Христа этого чувства, как чувства, нет. Не признавая и не чувствуя Иисуса Богом, Толстой не мог иметь и не имел того личностного религиозного чувства, которое испытывает верующий христианин.

О религиозном чувстве как силе души Толстой не говорил потому, что такого движущего жизнью чувства (например, побуждающего к альтруизму) в человеке по его мнению нет. В 1903 году Толстой получил от Черткова книгу Г. Макдональда «Чувство религии с научной точки зрения», в которой рассматривалось развитие религиозного чувства от низших к высшим животным и далее в человеке. Казалось бы, автор, укоренив религиозное чувство в самое основание жизни и объяснив им истоки самоотверженности людей, мог рассчитывать на сочувствие Толстого к своему труду. Но книга эта вызвала лишь раздражение Льва Николаевича: «Он пишет о том, чего не знает, как слепой о цветах. Религиозного чувства никакого быть не может. Есть *религиозное сознание*, сознание в себе Бога, и это сознание заставляет иногда человека поступать сообразно законам и самоотвержению, но не имеет ничего общего с служением обществу» (88, 313).

Бога, и именно Бога живого, человек в своем религиозном опыте знает сознанием, а не чувством, потому что чувствование — принадлежность отделенное™ (того, чем отделено), сознание же — качество того, что отделено (которое сознает — имеет — духовное сродство и единство; см. 2.1). И все же Толстой в поздние годы употреблял термин «религиозное чувство», который в учении Пути восхождения приобретает совершенно особый смысл.

Понятие о религиозном чувстве в человеке сложилось у Толстого одновременно с учением роста (в 1891 году).

«Я говорю о религиозном чувстве. Что это? Надо определить. Религиозное чувство, то, которое бывает в разных степенях у людей и у некоторых доходит до кажущегося полного отсутствия, есть провидение (от того религиозных людей и называют пророками), *такое ясное представление того, что должно быть, что это представление служит руководством жизни*. Не имеющие или в малой степени

имеющие это чувство руководятся, напротив, тем, что было, прошедшим, верят в то, что было, и их-то, этих людей, толпа называет религиозными. Человек же, видящий законы будущего, пренебрегает прошедшим и потому представляется толпе безбожником» (52,51).

Религиозное чувство есть руководящая жизнью сила души, но сила эта не своего рода «духовный инстинкт», передаваемый и развиваемый воспитанием, наподобие, скажем, чувства чести; религиозное чувство в толстовском смысле слова есть *дар провидения* того, что должно быть по велению Бога, и руководящая сила этого чувства зависит от четкости провидения, ясности «представления того, что должно быть», духовной *самопроницательности* человека.

Вера людей и, значит, их жизнедеятельность зависит от уровня их духовного сознания. Люди руководствуются в жизни теми представлениями, которые им ясны. Наиболее же ясна уже пережитая степень духовности, и потому люди часто руководятся прошедшим: преданием. Так это происходит не только в периоды застоя духовного роста, но и тогда, когда уровень духовного сознания в обществе постепенно повышается: общество всегда живет законами, обоснованными духовным сознанием ниже того, которым оно обладает. Такой консерватизм толпы, верящей «в то, что было», имеет, как понимал Толстой, не одни только недостатки: вера предков проверена и отшлифована веками и до определенного предела обеспечивает устойчивое бытие общества и отдельного человека. Поэтому тот, кто «пренебрегает прошедшим», как Толстой — церковным учением, не без оснований «представляется толпе безбожником».

Вполне может быть, что этот «безбожник» видит и проповедует «законы будущего», то есть те нормы жизни, которые соответствуют наивысшему, или следующему, более высокому уровню духовного самосознания и которые будут установлены потом. Но толпа не обладает пророческим чувством (иначе не было бы и Истории), и потому удел пророка — непонимание, ругань, гонения. Проповедь «законов будущего» в настоящем обречена на провал, и вообще создается впечатление, что «религиозное чувство», как провидение высшей духовной ступени, обществу не нужно, а активная проповедь этого провидения даже опасна для него.

Иначе в личной жизни, в которой ясность представления «того, что должно быть», играет решающую роль. Если жизнь есть Путь, «сочинение», пишущееся на времени, то религиозное чувство, в качестве провидения должного, есть способность прозрения цельной картины «художественного произведения своей жизни» — *своего* воплощения на *своем* Пути. Без этого руководящего чувства нельзя выдержать гонку по лабиринту Пути жизни. Человек должен уметь быть пророком для самого себя — иначе он неминуемо изменит себе. Отсутствие или притупление этого чувства есть одна из основных причин неудачи Пути.

В начале этой книги мы рассуждали о видении, получаемом и вырабатываемом из впечатлений действительности, и видении, получаемом, как образ, из глубин «Я» и являющемся мотивом творчества религиозного учителя. На первом, видении, зиждется художественное творчество, акт со-творения, вторичного творения, воссоздающего новые образы из существующих; на втором, видении, основывается то, что мы называли религиозно-художественным творчеством, которое есть акт *творения* из самого себя и создает новый, неведомый образ высшей ступени души и высшего состояния сознания. Мы говорили, что видение состояния спасения может быть так явственно, как если бы оно было уже осуществлено в душе, и

что религиозно-художественное творчество есть наивысший акт, который только доступен человеку. Если художественное творчество показывает и передает нечто другим, то религиозно-художественное творчество *воплощает* в души других людей свое видение, как себя.

Князь Андрей, перед смертью посылающий в жизнь «сына», Николеньку, есть для Толстого лик, видение состояния своего воплощения, «отцовский» образ самоустановления, который сам Толстой реально осуществил в конце жизни и который, значит, вел его на Пути восхождения. Толстовское видение князя Андрея не мираж, утверждали мы выше, в нем есть предвосхищающая и направляющая сила — сила ведения о себе, провидение того, что должно быть. Прежде чем названное стало действительностью — несуществующее будущее названо было как существующее настоящее; это дало нам основание говорить не только о предвосхищающей и направляющей силе, но и о назначающей и исполняющей самозаконной *воле*, о водящем видении — видении воплощающегося личностного духовного Я, *своей* личной духовной ипостаси. Так что и обо всем Пути человеческой жизни можно говорить как о едином акте *религиозно-художественного действия*, в котором воплощается водящее видение назначающего Пути духовного Я — «Бога своего», по терминологии Толстого. Религиозное чувство Пути жизни есть руководящее ростом представление должного быть, *чувство Бога* своего.

Религиозное чувство в человеке есть высшее качество находящегося в отделенности духовного существа, проявляющееся в чувстве «Бога своего» и выражающееся в представлениях идеала, т.е. должного быть. Это основанное на провидении себя чувство, это предвосхищающе-направляющее качество отдельного духовного существа работает на Пути не только положительно, но и отрицательно.

Религиозное чувство учения Пути жизни это чувство невоплощения в нем, сила контроля на Пути, чувство трассы жизни — чувство того, что заводит в тупик. По такому чувству человек, даже без непосредственного видения образа установления, не зная что создает Путь, все же знает, куда идти нельзя и что нельзя, — что портит, губит и что опасно. Религиозное чувство в немалой степени сигнал несоответствия, а не указатель соответствия, даваемого духовным сознанием. Поступать, делать заставляет человека его духовное сознание (и то «иногда», как подчеркивает Толстой), религиозное же чувство в нем, если что и заставляет человека, то большей частью — не делать. Поэтому-то связанные с религиозным чувством этические требования совести большей частью отрицательны и только в таком качестве продуктивнее всего могут работать в человеке.

Путь жизни есть религиозно-художественное действие воплощения «*своего* Бога». Духовное сознание есть действующее, «рабочее» создание Бога и, прежде всего, Бога в душе; в процессе воплощения (на Пути) духовное сознание все более и более *проявляется* и, все более перенося центр жизни в духовное, начало, тем самым руководит жизнью. Религиозное чувство есть чувство себя заданного — воплощенного «своего Бога», — и может быть сильнее, слышнее, или слабее, глуше. Духовное сознание, проявляясь, как бы постоянно меняет свой центр, устанавливая новое соотношение света и темноты; религиозное же чувство всегда сигнал из одного и того же центра, который *усиливается*, становится громче — как бы от приближения к источнику звучания. Если духовное сознание есть Свет и силу его можно понимать как духовное ясновидение, духовное *зрение*, то религиозное чувство можно понимать как духовный *слух* — яснослышание Гласа «Бога

своего», неперебиваемое для осмысления.

В Пути восхождения человек не должен быть ни «глухим», ни «слепым» — должен *идти на голос*, руководствуясь при этом тем, что «видит». Слепой непременно споткнется, упадет, не дойдет до цели; глухой — собьется с пути. Каким острым духовным зрением ни обладай, без религиозного чувства не может быть процесса воплощения. Без него, видимо, не продуктивен и духовный рост.

В первом приближении духовный рост означает изменение соотношения требований «животной личности» и духовного Я. Если допустить, что рост этот, как нередко бывает, идет исключительно за счет проявления духовного сознания, то состояние духовного роста есть одно из самых мучительных состояний, которое только можно представить. Происходит это оттого, что все время изменяющиеся требования духовного сознания каждый раз абсолютны и при каждом сдвиге категорически диктуют новые действия, противоречащие прежним. Поэтому для стороннего наблюдателя духовно растущий человек нередко человек мечущийся, несчастный, неустойчивый, вызывающий жалостливое пренебрежение своей бесхребетностью и противоречивостью.

Как всякое природное существо, человек жаждет жизненной устойчивости, мировоззренческой твердости, и ему претят всякие качания, независимо от того, чем они вызваны. Одна из причин стремления человека к духовной неподвижности, а значит, и отказа от религиознохудожественного действия жизни, есть эта неустойчивость, в той или иной мере всегда сопровождающая духовный рост человека. Есть рост — есть и противоречия мысли и действий, которые сами по себе никого не должны смущать; стремление свести концы с концами, не допустить противоречий (которые так легко выискивать в учении Толстого) не должно быть самоцелью. Человеку важно одно — не допустить остановки творчества жизни. Жизнь останавливается сама, как только нет чего-то, что при всех метаниях собирает ее в единое целое, устремляет ее в одном направлении.

Качания души при росте явление неизбежное, но они должны быть «упорядочены» вдоль одной осевой линии — иначе человек, будучи не в состоянии двигаться по Пути, или замрет, или лишит эти свои качания серьезности, серьезного значения в делах жизни. Первые становятся догматиками и на это кладут всю свою, часто незаурядную, духовную энергию, вторые превращают качания духовного роста в игру для себя, в источник разнообразных «духовных удовольствий», в чем и видят полноту жизни.

Чтобы двигаться по Пути, человеку надо обладать духовной энергией — и чем дальше, тем большей, — но одной ее, какой бы она ни была, мало. Для непрерывного роста в жизни надо иметь еще религиозное чувство, не позволяющее духовной энергии тратиться не на рост или вхолостую. Оба этих условия возможности воплощения — духовная энергия и религиозное чувство — редко сопутствуют человеку. Хорошими носильщиками Божьими могут стать немногие, но, видимо, не каждая ноша даже этих немногих нужна Ему... Чем определяется Божий выбор на воплощение мы знать не можем, но на кого он пал, тому и дано чувство себя воплотившегося, зов своего Пути, голос которого всегда один и тот же и становится чем дальше по жизни, тем громче.

3.

Серединой пути жизни в древности считали тридцать пять лет. К этому времени человек на Пути переживает душевное и

личностное рождение и проходит часть дистанции от личностного к духовному рождению. Если годы от душевного (13—14 лет) рождения до личностного (27—30 лет) рождения разделить на два равных периода жизни, то с момента душевного рождения и до середины жизни мы можем различать три периода. *Период идеалов* — от душевного рождения и до двадцати лет. *Период «чуждой жизни»* — от двадцати лет и до личностного рождения. И третий период, который для прошедших личностное рождение будет собственно *периодом своей жизни*, а для уклонившихся от личностного рождения в типе — периодом идолов (в смысле образа установления типа).

Период своей жизни, бывает, затягивается, но его в полной мере проходят все так или иначе личностно рожденные люди, так как расхождение тупикового курса и курса, ведущего к духовному рождению, обнаруживается только после, в следующем периоде, длящемся обычно до сорока — сорока четырех лет, *периоде пробуждения* для одних, идущих к духовному рождению, и *периоде успокоения* для других, завершающих на этом свой Путь восхождения.

Религиозное чувство возникает в человеке в момент душевного рождения и сразу же поглощает всю жизнь. В периоде идеалов человек слеп во всех отношениях, нет еще в нем и духовного самосознания, и он знает, ощущает сам себя исключительно духовным слухом, обретенным религиозным чувством, которое только в этот единственный момент жизни вполне заменяет духовное сознание. Это пора, когда юноша слепо, но тем не менее предельно обостренно, знает, чувствует, слышит голос воплощенного себя и всеми имеющимися у него средствами душевной культуры творит свой идеальный мир. И *узнает* самого себя в идеале.

Юные подвижники, которыми наполнены христианские жития, и юные святые, которые иногда встречаются среди нас, живут исключительно под влиянием «слепого» религиозного чувства. Не знаю, возможна ли вообще в этом возрасте духовная зрелость.

Активно прошедший душевное рождение юноша везде — и в литературе, и в преданиях, и в примерах окружающей его жизни — ищет возбуждения своего религиозного чувства. Максималистические юношеские идеалы не даром поразительно точно совпадают с мыслями и чувствами того же человека в старости, на духовном пути жизни. Человек в старости, все более позабывая прошедшее, вдруг обретает память себя ребенком, идущим к душевному рождению, и себя в периоде идеалов, то есть как бы воплощающегося и воплотившегося себя. Эти старческие грезы о воплощении под стать юношеским мечтам о себе и своем Пути жизни. Старик ищет *состояние* воплощения в памяти *прошедшего* Пути жизни, юноша руководится провидением должного быть себя, и, в некотором смысле, им движет «память» своей духовной ипостаси — память будущего, своего воплощения. Недаром все эти годы юноша ищет только *желаемого состояния* души: состояния чувства любви или состояния качества своего превосходства, а не любви или силы превосходства. Отсюда и мечтательность всей его душевной работы. Даже любовь для него это прежде всего осуществленное состояние мечты о *своем* счастье в будущем с помощью другого существа, исполняющего в этой мечте о Пути жизни функциональную роль.

Можно согласиться с теми, кто утверждает, что в юности для развития души полезна неразделенная любовь, хотя разрушение состояния мечты о счастье иногда смерти подобно, переживается как крах жизни и есть причина тра-

гедии многих молодых людей. И все же удовлетворение юношеской любви, показывающее ему житейскую эфемерность всей его душевной работы, несомненно тушит что-то в душе и снижает ее общую потенцию к росту. Религиозное чувство, как провидение воплощения, должно в периоде идеалов как можно более полно реализоваться в состояниях мечты и в видах всего будущего Пути восхождения *остаться в памяти*, как реально неосуществленное, но продолжающее быть жизненно притягательной мечтой. Это — *призрак* ненаписанного «сочинения» жизни, появившийся в ее прологе.

Возникновение религиозного чувства в момент душевного рождения происходит у всех; у кого оно слабее, у кого сильнее, и это, разумеется, откладывает отпечаток на все, что происходит с молодым человеком в пору пролога Пути жизни. Если религиозное чувство в нем слабо и не в состоянии обуздать его страсти, то юноша (девушка) идет вразнос, что в большинстве случаев сразу же сносит его с Пути восхождения. Оно и закономерно. С дефектом религиозного чувства идти по Пути нельзя; незачем тогда и выходить на Путь, а значит, и вообще быть на нем.

Не нужно никаких статистических изысканий, чтобы увидеть, что по минимальному счету добрая половина душевно рожденных людей сходит с Пути восхождения еще в периоде идеалов по недостатку силы религиозного чувства в них. Вместе с душевно нерожденными людьми такие люди составляют инертную массу, лишенную творческого начала («толпа») и управляемую людьми-типами господствующего в обществе образца. Нет оснований считать, что такое положение может когда-либо измениться. Из чего, конечно, не следует делать общественно-правовых выводов. Все люди равны в своих правах, все люди и равны как люди, но одни растут, движутся по Пути, другие стоят и могут, где остановятся, — там выстоять всю жизнь.

В сне пятнадцатилетнего Николеньки, которым завершается «Война и мир», он и Пьер «неслись легко и радостно» впереди «нитей Богородицы», которые двигали их. Они неслись, *толкаемые* этими силовыми линиями света и тяготения, — к цели, к «славе»: «Впереди была слава, такая же, как и эти нити, но только несколько плотнее». Давая этот образ движения человека в поле духовного тяготения, Толстой в то время вряд ли четко осознавал, что это за поле. Поначалу все то, что видит Николенька — двигающие нити за собой и такая же, как они, «слава» впереди себя, — призрачно, полудостоверно, как и вообще для большинства призрачна и полудостоверна духовная жизнь.

Духовные силы в нашем представлении это нечто вроде того войска сна Николеньки, которое «было составлено из белых косых линий, наполняющих воздух». Их как бы нет, но они есть, это нечто, что есть во мне, что даже и есть «Я», но такое «Я», которое не может быть в форме, которое никак нельзя явить и которое стремится проявиться во мне как «Я». К «Я» такого рода возможно только отношение в четвертом лице — «отец». И когда Николенька в критическую минуту сна оглянулся туда, откуда шли толкающие его лучи, то там, позади него, был «отец», князь Андрей. «И отец не имел образа и формы, но он был, и, видя его, Николенька почувствовал слабость любви: он почувствовал себя бессильным, бескостным и жидким».

Во сне Николенька *почувствовал себя им*, «почувствовал слабость любви» — в полной власти «отца» и бесплотным, единым, с ним. Чувство единства с «отцом», любовь к ближайшему центру духовного тяготения и есть провидение воплощения «отца» в себе, которое движет душою человека.

Нельзя лучше, художественнее изобразить религиозное чувство, нежели как сыновье чувство любви к духовному отцу, явленному, в видении сна.

Но сон Николеньки это все же не только видение отца, а, как мы определяли, и видение о земной жизни — видение юноши о борьбе грядущего Пути жизни, через который предстоит пронести «отца». В этом видении борьбы духовное Я, «отец», как движущее жизнью начало, борется с человеком-типом (Николаем Ростовым), олицетворяющим обычное человеческое начало косности, неподвижности, способное разорвать производящие рост нити тяготения и света, то есть «погубить» отца. Религиозное чувство тут приобретает значение любви к отцу и вместе — провидения о себе. Вступая в жизнь, Николенька в этом чувстве мучается видениями грядущих духовных опасностей, которые на своем Пути должен преодолеть человек. Именно в связи с этим его клятва воплотить «отца» приобретает вес последней фразы всего романа.

Период идеалов есть как бы указующий на цель всего «сочинения» Пути жизни пролог его, собственное душевное содержание которого — мечты, будущее, но еще не действия настоящего. Но в прологе этом создается тот сигнал несоответствия жизни и та ее задача, без которых пройти Путь нельзя.

Религиозное чувство в периоде идеалов — как бы в видении сна, призрак, который на исходе этого периода слабеет и вскоре вообще гложет. В начале третьего десятилетия жизни мужчина, несмотря на внешнюю самоуверенность существо в высшей степени растерянное, неустойчивое, ничем или слабо изнутри руководимое. Когда органы духовного слуха закрылись, а органы духовного зрения еще не прорезались, на все приходится смотреть чужими глазами. Во весь этот период «чужой жизни» человек не знает и ищет себя. Это период «идей», но не в смысле способности генерировать свои идеи и жить ими; напротив, в эти годы человек охотно руководится взятыми напрокат и наугад чужими (а то и чуждыми) идеями, воспринимая их своими. Правда, одновременно у него развивается и склонность менять идейные руководства, которая, впрочем, в большинстве случаев реализуется совокупно, в последовательности умственных и эмоциональных эпидемий среды.

Человека в четвертом периоде можно с наибольшим правом назвать общественным существом. Внешняя самоуверенность человека «чужой жизни» обычно проистекает из-за того, что он действительно в чем-то человек *убежденный*. Религиозное чувство легко инспирируется «убеждениями», «идеями», которые и замещают необходимые для жизни души функции религиозного чувства: провидения и сигнализации несоответствия. «Идейность» всегда псевдорелигиозна и бывает слабее или сильнее выражена как в зависимости от собственного темперамента, так и, особенно, накала общественных страстей. Поэтому для собственной душевной жизни она немного что значит. Можно сказать так: если период идеалов обуславливается действием религиозного чувства, то следующий за ним период идей обусловлен отсутствием его.

4.

Люди-типы будто не готовы к своему личностному рождению; возможно, что они до него не дозрели и абортированы в тип врасплох, чуть ли не по своей воле. Сам факт личностного рождения уже предполагает некоторое видение себя, а значит, и возрождение религиозного чувства. У

уклонившегося от личностного рождения этого возрождения, естественно, не происходит; религиозное *чувство* тут подменяется *верой* в идола и его пророческое зрение, а действие этого чувства — внутренней работой подободелания для воплощения идола в себе. Все то, что тут руководит человеком, основано не на том, что должно быть, а на том, что есть, — что дано, а не задано — верный признак завершения Пути схождением с него, путевого застревания.

Прожившие время личностного рождения, но личностно нерожденные люди вообще не ведают *своего* блага, и потому даже самые осторожные из них сплошь и рядом совершают «роковые» поступки, как только прекращают руководствоваться повелениями типа, к которому они душою прилеплены и который обеспечивает им минимум устойчивости. Личностно же рожденный человек находит в себе зародыш самовоплощения, который либо развивается в нем, либо глохнет.

Таким образом, пройдя жизнь наполовину, можно или вообще не входить в процесс личностного рождения, или испытать муки этого рождения, уклонившись от него самого, или полноценно пережить личностные роды и оказаться в тупике, или, благополучно совершив работу периода своей жизни, войти в следующий на Пути период пробуждения. Эти четыре судьбы, четыре варианта курса, четыре людских разряда можно разглядеть и при душевном рождении человека.

Есть люди, которые не входят в процесс душевного рождения. Таких людей в языческие времена было, несомненно, подавляющее большинство. В новое время их, видимо, меньше, но в редкие моменты провала истории они заполняют собой все общество. Люди второго разряда это те, кто, перевалив через душевное рождение, почти не живут в периоде идеалов — возгораются и тут же гаснут. Редко кто из них впоследствии входит в процесс личностного рождения; они, как правило, на всю жизнь остаются людьми безличностными и вместе с недушевными людьми образуют «толпу». Можно догадываться, как в истории меняется состав толпы: если во времена Гомера она состояла из людей недушевных, то в новое время в ней заметно влияние людей второго разряда. Что обуславливает душевные изменения состава толпы — предмет особого исследования.¹

Третий разряд людей это те душевно рожденные люди, которые более или менее страстно проходят период идеалов, но, двигаясь далее по кривой следующего периода «чужой жизни», в конце концов, находят не себя, а свой тип. Существование как тип и есть, собственно, продолжение и в некотором смысле даже новое установление «чужой жизни», душевное движение по касательной к некоторой точке «чужой жизни». Что это за точка, ее выбор — зависит более от обстоятельств общественной жизни, от времени, от душевного возраста народа.

В наше время разряд людей-типов стал столь разнообразен и столь разросся, что они сами уже составляют часть толпы. Это обусловило дефицит людей четвертого разряда — личностей, которые могли бы дать образ установления типу. Что резко подымает цену всему «особенному». Найденный «новый тип» вскоре через край наполняется людьми и превращается из элиты — ощущение причастности к которой совершенно необходимо для людей-типов — в толпу. Несмотря на уродливые формы, которые принимают эти явления, сами они не есть признак вырождения, а скорее, естественные и закономерные явления исторической эпохи.

Те же четыре разряда можно обнаружить и при рождении духовном. И здесь есть и те, кто не входит в процесс рождения

(люди личностного тупика), и те, кто, пройдя период пробуждения, сразу же застывает после духовного рождения в самосознании и далее имитируют в себе ту или иную, чаще, конечно, царствующую форму установившейся духовной жизни (тем самым имитируя духовное рождение на Пути жизни), и те, кто, выйдя на духовный путь жизни, мало-помалу теряют способность к дальнейшему росту и стремятся только укреплять то высокое состояние души, до которого они дожили. О людях же, как Толстой, вышедших на свободный путь, мы, собственно говоря, ничего не знаем.

Все точки Пути восхождения равнодостойны, и прохождение любой из них не «легче» другой. Но все же среди них есть такие, которые для нас более понятны и понятны меньше, и такие, которые мы вообще не понимаем, прохождение через которые — чудо. И дело здесь не во вмешательстве свыше в процесс жизни (или не только в нем), а в особенности самой нашей способности понимания.

Человек способен понимать что-либо только тогда, когда то, что нужно ему понять, он может представить, как процесс или как результат процесса. Категория Пути лежит в основании нашего разума. То, что мы не можем понять, — чудо — не имеет пути, возникает для нас не в результате какого-либо процесса или движения, а разом, без предшествующего, и в этом значении беспричинно, из ничего.

Чуда нет, явление не чудесное, если мы хотя бы подозреваем процесс, ведущий к нему. Мы способны принять и понять все что угодно, лишь бы оно было построено, поставлено в ряд, в последовательность, в цепь. Логика, мифотворчество, преемственность исторических событий, сочлененность естественных явлений, даже творчество художественное — все это одинаково не инструменты постигновения Истины, а последовательности, призванные служить одному и тому же: создавать убедительность уму, понятность человеку, ибо в совсем непонятном человек жить не может.

Что же в кривой Пути восхождения непонятно для нас? Какие точки? Точки рождения? Нет. И душевное, и личностное, и духовное рождение есть результат начавшегося с предыдущим рождением процесса и потому нам как-то понятны. Мы даже способны предоставить возможность воздействия на эти точки воспитанием или проповедью, или хотя бы благодатью, действие которой вполне мыслится, как направляющая воля в последовательном ряду особенно быстро сменяющих друг друга душевных превращений. Так что и духовное рождение на Пути не есть для нас чудо, так как к нему ведет вся цепочка внутренних превращений, начавшаяся по выходе в период пробуждения. Как бы важен ни был момент духовного рождения, сам он — не та загадка жизни, которую труднее всего осмыслить и разрешить.

Важнее всего поставить человека на Путь и удержать его на нем, дойдет же до рождения он тогда во многих случаях сам. Хотя он и не сможет достичь того состояния высоты духа, которое не соответствовало бы его потенци, но тот отрезок Пути, который он может пройти, он пройдет, если не собьется. Так что первая практическая задача жизни, возникающая перед каждым, кто пытается осмыслить ее, это проблема выхода из тупика или ямы жизни, в который (или в которую) неизбежно попадает каждый. В некоторых случаях эта проблема решается исключительно усилиями того, перед кем она поставлена его путевой судьбой. Во многих других требуется помощь извне, а значит, возникает и опасность нового искажения Пути. Кроме того, человек нередко попадает в положение, из которого возврата вроде бы нет. И все же даже тут бывает восстановление

на Пути — воскресение Пути восхождения.

Воскресение, оживление плоти умершего человека меньше чудо, чем чудо зачатия, возникновение нового живого существа. Ровно так же, чудо не воскресение духа, духовное рождение, а *воскресение* Пути, воскресение духовно умершего человека, сбившегося с Пути. Толстой в конце 90-х годов понимал под термином «воскресение» не столько духовное рождение, как в начале 80-х годов, сколько возврат человека на Путь *свой* после падения, воскресение «мертвого пути». А так как на мертвый путь так или иначе ложится каждый, идущий по Пути жизни, то Толстой вообще был склонен определять человека как процесс воскресения на Пути. «Я — воскресение и жизнь» (43, 76), перефразировал он в середине 90-х годов. В этом смысле воскресает Катюша Маслова и Нехлюдов, отец Сергей и Маковкина, герои «Фальшивого купона» и «Власти тьмы». Во всех этих произведениях Толстой, дав ход к акту воскресения, перевел его из области чудесного в область достоверного — более или менее, но все же понятного уму.¹ Так что и эти явления не чудо, хотя мы далеко не всегда можем умело обосновать их.

Совершенным чудом Пути восхождения представляется переход через те точки Пути, в которых избирается само направление Пути, решается вопрос направления, ведуще-

1 Заметим, что воскресить Маслову, которая не была когда-то Катюшей, нельзя, — воскрешать нечего.

го или к следующему рождению Пути, или в тупик Пути. В восемнадцатилетнем юноше, независимо от его индивидуальных способностей и достоинств, почти всегда видна его принадлежность к первым двум вариантам развития, на которые мы только что указали, но о принадлежности его к двум другим равным счетом ничего сказать нельзя; но, что не видно в 18, то видно в 20—22 или — уже несомненно — в 25. Как всегда, ту или иную роль играют события внешней жизни; так, отбывание воинской повинности, когда она преследует цель подавления и воспитания повиновения, очень часто не только сбивает юношу с активного курса к личностному рождению, но и спихивает его в толпу. Недаром Толстой в первой половине 90-х годов видел в установлении всеобщей воинской повинности главное зло нашего времени.

Кроме этого, над юношей в конце периода идеалов возможны не менее губительные операции, которыми можно было бы объяснить тайну прохождения указанной точки Пути. Но помимо этих явных случаев остается совершенно темным, как каждый из нас избирает курс направление на *развилке Пути*. Это особенно заметно при *второй развилке*, лет в тридцать семь, когда личностно рожденный человек по выходе из периода «своей жизни» избирает курс пробуждения к духовному рождению или же в тупик успокоения. Вторую развилку Пути мы далее будем называть *критической точкой* Пути восхождения. Роковую роль внешних обстоятельств жизни при прохождении критической точки можно, как правило, не учитывать, и тайна этой точки остается тайной во всей своей темноте. Даже сам про себя человек не может сказать, как тут происходило решение Пути.

В 30—32 года человек определен: личность он или нет. В 35—37 определен выбор дальнейшего Пути, что зримо проявляется к 40—42 годам (примерно десятью годами раньше у женщин), то есть тогда, когда окончательно стирается мимикрия человека толпы. К этому же возрасту значительно тускнеют люди-типы — человек становится тем, что он есть на самом деле. Вот промежуток, где, собственно, и решается Путь и решается так тихо, неприметно, что мы даже не можем

уловить этого перелома, его начало или хотя бы его начальный этап. Процесс какой-то, разумеется, есть, но он подспуден, ход его совсем не виден. Его словно нет, один человек вдруг оказывается на стезе пробуждения, другой — на дороге успокоения, с ее взрывом «роковых» страстей на пятом десятке жизни и последующим медленным или быстрым самопогашением...

Почему один из личностно рожденных оказался тут, а другой там, понять нельзя, не виден ни момент, ни акт решения. Конечно, мы можем подозревать какие-то причины (случай, предопределение, собственный неверный шаг и т.д.), которые сами по себе не проясняют дело. В отличие от Пьера Безухова, встретившего Баздеева, у Льва Николаевича не было в эти годы жизни такого же счастливого случая. Трудно говорить тут и о путевой судьбе Льва Николаевича, о его прирожденной потенции к духовной жизни. Лев Толстой, как уже указывалось, в путевом отношении вообще не был высеян удачно, как, скажем, старший брат его Николай. Но в последнем (метко прозванном «Фирдоуси») к 37 годам — даже перед смертью — «пробуждения» не было видно. В Толстом же в этом возрасте происходили мощнейшие духовные движения. Почему? Трудно сказать.

Как и почему человек входит в период пробуждения — вопрос высшей сложности. Несколько легче ответить на этот вопрос, поставленный отрицательно: как и почему человек после критической точки Пути не входит на тупиковый курс, что оберегает его от ложного хода? И здесь мы можем сказать, что путевые решения в конце периода «своей жизни» определяются в той или иной мере некоторым иррациональным знанием себя и своего глубоко личностного блага, то есть религиозным чувством в нашем смысле слова. Наверное, именно путевое религиозное чувство определяет выбор Пути в критической точке.

Житейски это можно представить так.

Принимая какое-либо решение, человек, как в шахматах, или пробует рассчитать ходы, или пытается в целом оценить *позицию* жизни, которая создается от его «хода». Но даже в шахматах игрок рассчитывает не более нескольких ходов вперед, жизнь же сложнее шахмат, и попытки что-либо рассчитать в ней заранее обречены на неудачу. Это знает каждый, кто хоть раз попробовал играть с жизнью в рассудочные игры.

Опытный и умный человек всегда стремится оценить проигрышность такой-то своей позиции или ситуации; житейский ум, собственно, и есть это «чувство позиции» в жизни, основанное на способности охватить разом и расставить на места все аспекты своего жизненного положения. Но жизненную позицию саму по себе оценить нельзя (как нельзя ее, кстати, оценить и за другого) — надо знать, что тебе нужно, то есть то, что сам для себя человек вполне и толком сформулировать не может. Однако личностно рожденный человек знает это, и этим знанием о себе стремится решить встающую перед ним житейскую позицию или даже душевную проблему. Это относится как к тем, которые двигаются к пробуждению, так и к тем, которых на тупиковом ходе ждет «успокоение», постепенное погашение себя. Первые в эти годы неосознанно поступают в видах грядущего духовного пробуждения, вторые — в видах погашения себя в будущем.¹ Конечно, и тут нередки ошибки, но и совершив ошибку, попав в трудную ситуацию жизни, путевой человек в душе знает, что выправит, а что еще более усугубит его положение.

В начале четвертого десятилетия жизни Толстому была необходима устойчивость, решенность жизни женатого че-

ловека. Полуслучайно избрав неглупую, добрую, но совсем недуховную, как все Берсы, Софью Андреевну, он, несомненно, совершил грубейшую ошибку и, сам поняв это уже через неделю (запись «не она» в дневнике), осознал необратимость случившегося и за один год сумел установить нужные ему взаимоотношения с женой. На ком бы он ни женился тогда, вернуться в прежнее неустойчивое состояние он уже не мог. В видах скорого пробуждения ему необходимо было продолжать начатую семейную жизнь, которая в отдаленной перспективе Пути восхождения оказалась для него непреодолимым препятствием.

5.

«Растения растут сначала быстро, а потом медленно, а духовная жизнь наоборот», писал Толстой (89, 178). И усиливающееся пропорционально духовному росту путевое религиозное чувство, чем дальше на Пути восхождения, тем все более и более действенно влияет на человека. Это не значит, что указания религиозного чувства непременно совпадают с требованиями духовного сознания, которым человек начинает активно руководствоваться после духовного рождения. И то, и другое исходит «оттуда», но из различных, как бы «разноудаленных» центров духовного тяготения.

Требования духовного сознания идут из Единого духовного центра. Указания религиозного чувства исходят от «четвертого лица», от источника звучания духовного Я. Первые — суть требования к человеку как к таковому, вторые — лично ко мне; первые требования с духовным ростом проявляются в новом качестве, углубляются, вторые — только усиливаются. В идеальном случае требования духовного сознания и религиозного чувства должны совпадать, но не так в реальном человеке. В духовной жизни людей есть противоречие — не противоречие (понятие противоречия тут неприложимо), а разноречие или, еще вернее, различие между Светом и Гласом — духовным зрением религиозного сознания и духовным слухом религиозного чувства. Одно бывает столь ярко, что лишает на момент силы слуха, оглушает; другое бывает столь звучно, что лишает на время силы зрения, ослепляет. В разной степени это происходит на всех этапах духовного пути жизни.

Последние тридцать лет жизни духовное сознание Льва Толстого, при всех его превращениях, требовало от него все же чего-то, что неизменно связывалось в его представлении с образами Петра Хлебника, отца Сергия, Федора Кузьмича. Бывало, Толстой прямо *мечтал* оказаться в их положении как о достижении блага в исполнении Воли Бога, но это для него была всегда мечта, нечто невозможное, неосуществимое. И не Софья Андреевна была помехой. Мотивов и объяснений мотивов того, почему Лев Николаевич за тридцать лет не покинул дом и не стал Федором Кузьмичем, много. Сам Толстой в разные годы по-разному объяснял это. Но *причина* тут, видимо, одна: религиозное чувство Александра I в сочинении Толстого позволило ему стать Федором Кузьмичом, самому же Толстому — нет. Первый, совершив побег, стал самим собою, обрел себя, второй — изменил бы себе. Не берусь судить, что произошло с ним в октябре 1910 года, во всяком случае, свой уход он сам не воспринимал как исполнение Воли Бога и на определенных, не так трудно выполнимых условиях, готов был вернуться назад (84, 407—408).

Что же до неудавшейся его попытки ухода в 1884 году, то эта неудача показала ему, что Бог правит жизнью не только посредством света всегда несовершенного сознания человека,

и потому надо с опаской относиться к категорическим выводам духовного зрения. В 1884 году Толстой приобрел опыт, который сделал его крайне осторожным и в личной жизни, и в проповеди, и в выражении своего мистического знания.

Интересно отметить, что религиозное чувство Льва Николаевича *всегда*, и через месяц после женитьбы, и за месяц до смерти, неизменно запрещало ему «уход». Так что, скорее всего, в работе религиозного чувства Толстого не было ошибки. Ошибка была в его жизни и, как таковая, не могла быть из нее исключена.

Очень важно сказать, что *ошибка на Пути жизни есть сам Путь жизни*, включена в него как факт личной духовной биографии и в составе единого целого Пути входит и в акт воплощения. Мудрость в знании того, что то, что сделано — то сделано, и вырезать ошибку Пути, удалить ее из жизни нельзя; ее нельзя оперировать, с *ней надо жить*, удастся ли ее изжить или нет.

Человек, по Толстому, есть равнодействующая двух его перпендикулярных составляющих: плотской (горизонтальной) и духовной (вертикальной). Рост есть подъем вектора равнодействующей в плоскости, все большее и большее приближение его к вертикали. То же самое можно представить (и Толстой не раз делал это), как перемещение центра тяжести жизни из-за изменения плотского или духовного «веса» в человеке. Вернее тут было бы говорить о все большем и большем *переносе центра сознания* жизни из плотского в духовное. Таков процесс наращивания полноты живого, то есть процесс самой жизни, в которой происходит как функционирование организма, так и проявление духовного существа.

Процесс проявления духовного существа происходит под влиянием сил духовного тяготения. Кривая этого процесса зависит от мощности самих духовных сил и изменения положения того центра сознания жизни, к которому они направлены. Работа жизни, или ее рост, может быть представлена и понята как движение переноса центра сознания жизни в центр духовного тяготения, приближение центра тяжести жизни к источнику духовного тяготения, к «духовному солнцу». Если уподобить жизнь отклонению стрелки прибора, происходящему в трехмерном пространстве, то функционирование плоти должно быть уподоблено подверженному своим законам изменению противодействующему моменту механизма прибора, духовные же силы — моменту, преодолевающему этот противодействующий момент и отклоняющему стрелку в направлении, задаваемом некоторой перемещающейся точкой в пространстве, на которой фокусируются духовные силы. То же самое представимо в образах сна Николеньки, где «белые, косые линии», являясь одновременно силами духовного тяготения, *толкают* человека к такой же, как эти нити, славе — цели, как центру своего тяготения.

Для работы жизни (то есть для нее самой) необходимо, во-первых, функционирование плоти, отнюдь не непременно страдающей — что когда ослабляет, а когда усиливает и без того мощный противодействующий момент; во-вторых, — энергия духовных сил, зависящая от степени проявления духовного сознания; и в третьих, нужен некоторый центр, на котором могут быть сформированы все находящиеся в работе духовные силы — центр, как бы собирающий их в пучок. В конкретной внутренней жизни многое зависит от того, где этот центр и сколь притягательна его мощь.

Иисус многими в него верующими осознается как центр своего, личного духовного тяготения, переживается как

персонифицированный личный Бог, как Бог-личность — объект глубокого личностного религиозного чувства. В этом чувстве христианин знает Христа в себе, как свой образ воплощения, который он только признает всеобщим.

И для Толстого религиозное чувство — «провидение того, что должно быть» в результате совокупного бытия или единичного акта воплощения. Толстой не говорит:

«Христос требует», он говорит о требованиях религиозного чувства, на которые указал всем и которые сформулировал Иисус. Поэтому и для Толстого людьми руководит Иисус, и не только как учитель жизни, мудрец, но и как *творец* общечеловеческого идеала совершенства, установленного им *своею жизнью*. «Учение Христа руководит людьми указанием им того бесконечного совершенства Отца Небесного, к которому *свойственно произвольно* стремиться *всякому* человеку, на какой бы степени несовершенства он ни находился» (28, 76). Иными словами, Иисус дал человеку направление духовного роста — к себе, к своему, им в его жизни установленному центру тяжести жизни. Этот центр сознания жизни Иисуса есть та точка, к которой, как к пределу, должен перемещаться центр сознания жизни всякого человека. Центр тяжести сознания жизни Иисус есть по Толстому «вочеловечившееся» воплощение центра духовного тяготения рода человеческого.

Общее направление и задача жизни человека вообще есть духовный рост, то есть стремление к полному *совмещению* центра сознания своей жизни с центром духовного тяготения Сына Человеческого. Религиозное чувство есть ношение в себе идеала совершенства и тем самым стремление к совмещению, к «соединению сына с отцом».

Так это по Толстому для человека вообще. Но и в каждом конкретном человеке религиозное чувство есть прежде всего действие идеала совершенства. Работа религиозного чувства состоит в религиозно-художественном творчестве идеала совершенства, который, фокусируя духовную энергию, тем самым усиливает работу духовного сознания (чьи требования могут совпадать с указаниями религиозного чувства). В периоде идеалов, когда духовное сознание слабо, именно религиозное чувство дает возможность духовной жизни. При исчезновении этого чувства в следующем периоде «чужой жизни» духовная жизнь почти сходит на нет, несмотря на то, что само по себе духовное сознание человека в это время может (и должно) возрастать. Поэтому так неустойчив в этом периоде центр тяжести жизни человека.

9.

(...) Всю творческую жизнь свою Толстой искал решения вопроса человеческого счастья: «Альберт», «Казачьи», «Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича» — везде этот поиск. Разумеется, тема счастья — тема вечная и постоянная, но для Толстого вопрос счастья вообще не «тема», а глубоко личная проблема, без вседневного и напряженного решения которой он никогда не мыслил самого себя. Ступени духовной биографии Льва Николаевича можно определять по изменению его взгляда на вопрос счастья или блага человеческой жизни. Жить для Толстого долгое время означало желать и достигать блага (см., например, «О жизни»). Жить истинной жизнью значит жить нерушимой — смертью, страданиями, борьбой, миром — жизнью. Радость, благо, добро, нестрадание, невозмутимость, нерушимость жизни — вот критерий, по которому узнается исполнение Воли Бога. Если человек исполняет Волю Бога, то он не может страдать; мучения,

страдания, нерадость суть признаки, что человек делает что-то не то, живет не так, противно Божьей воле. Так дума." и проповедовал Толстой в 80-е годы.

Учение роста в начале 90-х годов изменило все жизнепонимание Толстого. Рост никак не означает душевный покой, радость, а борьбу, страдания, мучения, падения и подъемы; теперь именно душевные страдания и муки рождения есть критерий истинной жизни, жизни по Воле Бога. Вот что по этому поводу он пишет Бирюкову в конце 1889 года. «Знаете, я сам часто говаривал, что надо быть счастливым, что если ты в истине, то ты будь покоен и радостен. *Нельзя так говорить.* Спокойствие и радость для нас, грешников, несущих на себе грехи и предков и современников и свои (как я — кучу целую), есть случайность счастливая. (...) Если растешь, если рождаешься, то не может быть легко, а муки». (64, 334).

И тогда же — Дунаеву: «Ведь разве может постигнуть тщету наслаждений плоти человек, не испытавший наслаждений, и благодать страданий, тоже не прошедший через них (...) И нет той судороги во всей этой кишасей жизни, которая бы не имела смысла и не вела бы к тому, во имя чего мне хочется осуждать эту кашу. Вот если бы кончилось это кипение, вот тогда тотчас ужасно было бы и можно отчаяться» (64, 330—331).

Не в «судорогах кишасей жизни», от которой Толстой бежал и которую он так резко осуждал еще недавно, видит теперь он зло жизни. Зло — не «сплоченность обмана», как думал Толстой в начале 80-х годов, а духовная неподвижность и обман духа. Корень зла, спустившийся сперва на уровень душевной жизни, опустился теперь еще глубже — на глубину истины, в сферу духовную. Практически это выразалось в том, что главным делом жизни человеческой Толстой ныне считает не содействие установлению Царства Божьего на земле, и не установление, самосознание его в себе, в своей душе, а о *служении* Царству Божьему, которое *уже есть*, дано — внутри вас есть. Слова эти имеют у Толстого не то значение, что в Евангелии: важно не то, что Царство Божие *внутри* вас есть, а то, что оно «внутри» (28, 293) вас *есть* — не то, что Царство Божие *внутри* а то, что оно *есть внутри*.

Если Царство Божье «есть внутри вас»,¹ то рост — процесс достижения его, и в этом смысле, служение ему. Для совершения главного дела жизни человеку «не нужно делать никаких подвигов и поступков, а нужно сделать только внутреннее усилие сознания» (28, 278) на разрушение обмана духа, а значит, признание истины.

Основное понятие учения Пути восхождения не благо жизни человека и не смысл его жизни, а *дело жизни*. Человек в этой жизни призван возвращать данную ему Божью искру, и задача человека пронести, не затушить эту искру по жизни и внести ее туда, где ей быть назначено. «Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни, — пишет Толстой в октябре 1889 года, — не вырастает, а выделяется, высвобождается из своих покровов, новая основа, которая заменит, включив в себя стремление к благу людей, так же как стремление к благу людей включило в себя стремление к благу личному. Эта основа есть служение Богу, исполнение Его Воли по отношению к той Его сущности, которая поручена мне. — Не само совершенствование, нет. Это было прежде и включает любовь к личности; это другое. Это стремление чистоты Божеской (и не чистоты телесной, нечистота телесная противна, но она не нарушает этого, нарушает главное ложь перед людьми и перед собой), соблюдение в чистоте порученного от Бога дара и вступление в жизнь, где нет осквернения Его, в жизнь другую: стремление к лучшей, высшей жизни и

соблюдение себя в готовности к ней. Стремление это начинает все больше и больше охватывать меня, и я вижу, как оно охватывает меня всего и заменит прежние стремления, сделав жизнь столь же полной. Я не ясно выразил, но ясно чувствую» (50. 171).

Терминология «Царствия Божия внутри вас есть» сохраняется у Толстого еще многие годы (см., например, письмо 1904 года - 75,61).

10.

Каждый человек, поскольку он — «семя», несет в себе свое «сочинение»: свое религиозно-художественное действие, свою ношу, свой образ установления, свое собственное, только ему присущее единство состояния воплощения, т.е. свое личностное идеальное *соотношение Истины и Любви*. Это-то идеальное персоналистическое соотношение дается человеку в провидении его религиозного чувства и прямо руководит им на духовном пути жизни, душевной болью указывая на нарушение этого его должного соотношения. Знать себя, свое отличное от всех духовное Я («Бога своего»), прежде всего значит знать в себе — чувством познавать — это соотношение.

И это не какое-нибудь сверхъестественное чувство, вроде способности прозревать будущее; хотя оно и имеет нечто общее с такой редчайшей способностью, но знакомо большинству людей в периоде идеалов. Душевно рожденный юноша больше всего боится *изменить себе*, своему чувству или, вернее, своей *интуиции* себя должного. Отсюда и юношеский культ СЕБЯ, который взрослые люди часто пытаются подавить в нем. В пятнадцать лет человек чаще всего куда больше Личность, чем, скажем, лет через тридцать. В пору идеалов почти все — личности, к сорока же годам личностями остаются единицы. В прологе жизни является призрак «Бога СВОЕГО», сохранить который в душе более важно для Пути, чем приобрести все знания и умения, которые люди заставляют приобретать юношу. Через несколько лет он утратит идеалы, но если сохранит этот призрак, эту интуицию себя, то будет личностью, на какой бы ступени совершенства он ни находился.

Истина и Любовь — это две неуничтожаемые координаты духовной жизни, которые в каждый момент Пути человека по-разному сочетаются в нем нераздельно и несливаемо. Сочетание их постоянно меняется — то усиливается или ослабляется духовное сознание, то усиливается или ослабляется сила любви, и каждое такое изменение сказывается на числителе того духовно-плотского отношения, по изменению которого исчисляется рост. Таким образом, вектор жизни в нашей геометрической притче ориентирован в каждый момент Пути жизни уже в трех измерениях; для изображения же кривой Пути восхождения необходимо четвертое измерение — *душевного времени* Пути жизни, для которого природное время (отсчитываемое по годам жизни) есть своего рода *дистанция*, расстояние *Пути*.

Об этом предмете нам удобнее будет поговорить в другой раз. Подчеркнем, что духовный рост и вообще вся духовная жизнь человека, в каком бы периоде жизни он ни находился, составляется из роста в глубину, роста духовного сознания (истины) — жизни самого по себе духовного Я человека, и из роста в ширину, любви, образования в этой жизни некоторого единства духовных Я. Скорости духовного роста в глубину и роста в ширину различны на разных этапах Пути жизни и редко

происходят одновременно. В развитии души бывают периоды преимущественного роста любви. Баланс Истины и Любви в общей духовной жизни человека постоянно меняется, жизнь сама делает упор то на том, то на другом, но дурно, когда *только* на том или другом. Однобокое развитие духовного самосознания без любви — такое же оскопление души, как и любовность без развитого духовного самосознания.

До духовного рождения, то есть на естественном пути жизни, когда человек почти не может руководить своей духовной жизнью, оба компонента ее сочетаются в нем бессознательно, хотя и не бессистемно. Нельзя сказать, что в это время у него нет руля, роль которого выполняет путевое религиозное чувство. В период «чужой жизни» человека, как корабль в открытое море, отбуксируют как будто без руля. Когда же наступает период «своей жизни», руль этот сам устанавливается под каким-то углом к Божеской жизни, которая проходит через него (как сказал бы Толстой), и тем самым направляет весь дальнейший Путь человека.

Как установится его руль — зависит, наверное, от чего-то исходного в человеке, от прохождения им всего предшествующего Пути жизни, но устанавливается он все же сам. Поэтому-то период «своей жизни» мы и называли решающим моментом всего Пути человека. В этот период человек, как правило, еще полуслеп и почти глух и потому все еще не в состоянии руководить сам своей душой. Только после четвертого, духовного рождения он получает *возможность* духовного самоосуществления, то есть, во-первых, ускорения духовного роста в себе и, во-вторых, управления собою, и прежде всего установления в себе того или иного сочетания духовного самосознания и любовности. Когда возможность эта, наконец, актуализуется, станет действующей душевной способностью, тогда человек приобретет духовную свободу и, пятый раз рождаясь, вступит в свободный путь жизни, в конце которого одни видят и вмещают Истину, другие — Любовь.

И лишь немногие из немногих вышедших на свободный путь жизни, лишь избранные из избранных могут вместить в себя то и другое в разной духовно-личностной степени. В этом поиске, — в установлении этого только для себя верного соотношения двух ликов состояния воплощения — вся духовная биография свободного пути жизни, равно как и в достижении самого состояния воплощения — цель и задача свободного пути, на который Толстой вступил на восьмом десятке плотского времени жизни.

И знаменательно, что как только Толстой вышел на свободный путь жизни и обрел способность управлять ее течением, так тотчас он словно услышал голос Бога Самого — центр сознания его жизни устремился из духовного Я, Бога *своего* в неизменное Единое духовное Начало, Бога Самого. Толстой оказался в состоянии кеносиса, самоуничиженности духовного Я (Сына) перед Богом. Это обострение духовного слуха и этот перенос и составляет, наверное, сущность мистического процесса свободного пути жизни.

11.

(...) Еще одно существенное отличие действия толстовского законоучения 90-х годов в том, что это не данный, *установленный* закон, правила исполнения, а закон заданный, *находящийся в становлении* и в своем становлении полагающий исполнение. В отличие от других религиозных учителей Толстой не утверждал, что закон, которому он учит, управляет миром; такого закона еще нет, он весь в процессе становления, но непременно будет, «и потому мы все

обязаны жить теперь же так, как будто законы эти управляют в мире,» — объяснял Лев Николаевич в январе 1891 года. Вот почему и сказано: «Царство Божие внутри вас есть» (65, 239), то есть задано и становится изнутри.

Толстой прежде всего был озабочен не сохранением исторической жизни нации, и не совершенствованием и спасением жизни каждой души, а ростом жизни, — не для блага единичной или общей жизни, а исключительно во исполнение Воли Отца.

Мы уже говорили¹ об одной характерной особенности религиозной проповеди Толстого — его стремлении не менять орудия выражения раз взятого слова, которое продолжало использоваться и тогда, когда смысловое значение его уже в корне изменялось. Таково и понятие «совершенствования» в его учении разных лет.

В начале 80-х годов был момент, когда Толстой все более склонялся к интерпретации этого слова в направлении большей праведности *поведения* человека; во второй половине 80-х годов слово это понималось им в смысле праведности *чувств*, улучшения души; после 1889 года Толстой говорил то «рост», то «совершенствование», но в одном и том же смысле духовного роста. С этого времени Толстой учил и призывал не к «нравственному совершенствованию» в узком смысле праведности души, а к росту сознания и любви, то есть усилению духовной жизни. Различие между совершенствованием проповеди Толстого 80-х годов и совершенствованием, ростом его проповеди 1890—1900-х годов то же, что и различие между понятиями «воспитания» и «образования» в терминологии толстовской педагогики начала 60-х годов. Понятие «образование» употреблялось им тогда не в обычном значении получения знаний, навыков, умений и прочее, а в смысле образования того, чего нет, формирования нового качества; понятие же «воспитание» ограничивалось функцией развития, усовершенствования уже имеющихся качеств. Ровно так же можно различить совершенствование (или самосовершенствование) — развитие, воспитание (самовоспитание) души, и рост души, то есть формирование духовной жизни человека, изменение его сознания и самого чувства жизни, образование качественно нового, высшего и самосознания, и сознания-чувства корней всеобщей жизни.

В начале 90-х годов Толстой употреблял понятие роста лишь в смысле роста духовного самосознания (истины), который движет нравственным совершенствованием человека и вообще внутренней работой и внешней деятельностью его.

«От того, что делается, когда человек решился и начал действовать, может измениться много материального, могут погибнуть дома, богатства, тела людей, но ничего не может сделаться больше того, чем то, что залегло в сознание человека. *Пределы того, что может произойти, даны сознанием.* Но от чуть-чуточных изменений, которые совершаются в области сознания, могут произойти самые невообразимые по своей значимости последствия, для которых нет пределов».

Убийство Раскольниковым старухи совершилось не тогда, когда он совершал действие убийства, разъясняет Толстой, и не тоща даже, когда он решал можно или нельзя убивать, а тогда, когда он, «лежа у себя на диване... рассуждал о том, следует ли ему жить или не жить в Петербурге, следует или нет брать деньги у матери, и еще о других, совсем не касающихся старухи, вопросах» (27, 280—281).

«Совершенствование» имеет точку приложения на чувствительности человека, есть процесс душевный, а не духовный, цель которого — благо «я» и людей, а не Воля Бога. Так, Толстой признавал не задачу целомудрия, то есть дело со-

вершенствования, а задачу «внутреннего признания», задачу сознания целомудренности — дело роста. Это различие Толстой объяснял своим ученикам в сентябре 1890 года:

«Ошибка в том, чтобы задавать себе задачу целомудрия (внешнего состояния целомудрия), а не стремления к целомудрию, *внутреннего признания всегда во всех* условиях жизни преимущество целомудрия перед распушенностью, преимущество большей чистоты перед меньшей. Ошибка эта очень важная. Для человека, поставившего задачей внешнее состояние целомудрия, отступление от этого состояния, падение, разрушает все и прекращает возможность деятельности и жизни; для человека, поставившего себе задачей стремление к целомудрию, нет падения, нет прекращения деятельности; и искушения, и падение могут не прекращать стремление к целомудрию, часто даже усиливают его» (65,163).

Если «*пределы* того, что может произойти, даны сознанием», то это не значит, что каждому состоянию сознания соответствуют определенные чувства и действия; это значит только то, что сознание определяет «пределы», то есть возможность и невозможность тех или иных чувств и поступков. За армией Александра Македонского гнали табуны коз, современный же человек ужасается на скотоложество. Один не может стать людоедом, другой употреблять в пищу конину, третий не ест мясо, четвертый и мясо и рыбу и птицу. Один никогда не сможет пытать другого человека, другой убить человека, третий убить животное, четвертый ударить другого и т.д. Все это *нижние пределы* «того, что может произойти». Есть и верхние: для одного невозможно целомудрие, как для другого супружеская верность, для третьего немислимо единобрачие, как для четвертого необходимость воздержания и т.д.

«Чуть-чуточные» изменения сознания производят решительные сдвиги областей возможного для человека или, иными словами, сдвиги нижнего и верхнего пределов невозможного для него. Казалось бы, найдя эти две точки на линиях к идеалу воплощения, мы можем тем самым определить и состояние сознания человека. Но мало того, что рамки эти даже на первый взгляд весьма широки, они еще способны раздвигаться до неведомых, только теоретически ограниченных размеров. И происходит это раздвигание, как известно, не за счет верхнего предела, а за счет предела нижнего.

Вполне возможно, что предел падения нижней границы — есть, но никто не знает, до какой конкретно степени *низости* (то есть степени опускания нижнего предела ниже допустимого уровня общего сознания) может дойти тот или иной человек. То же самое, хотя и в гораздо меньшей степени, можно сказать и о верхнем пределе. Под влиянием, скажем, страсти или тщеславного возбуждения человек может временно стать как выше, так и ниже самого себя, своего сознания. Но это все же не значит, что главный определитель человека, его уровень сознания, его степень духовного совершенства — неуказуем.

Если для данного состояния сознания человека и нельзя указать жестких пределов нравственной низости и высоты его, то всегда можно, учит Толстой, указать тот *максимальный нижний предел*, ту «вершину» нижнего предела, ту степень совершенства, «ниже которой вполне возможно не спускаться», — то, что данный человек по его уровню сознания «имеет полную возможность уже не делать». Указание на эту максимальную степень нижнего предела, которую может выработать человек и ниже которой он может не спускаться. Толстой и называет *заповедью*. Рост есть изменение сознания, задача же нравственного совершенствования — исполнение заповедей, данных для определенной степени сознания, уровня духовной жизни в человеке или обществе. Поэтому-то

Нагорная проповедь имеет значение идеала воплощения и значение заповедей, которые «показывают только то, чего на известной степени развития человечества люди могут уже не делать» (28, 80).

Изменения духовного самосознания подготавливаются в человеке годами, духовная энергия для этих изменений накапливается постепенно и неприметно, сами же эти изменения происходят разом, меняя течение душевного времени в точках перелома кривой Пути. Работа душевного роста (совершенствование) происходит непрерывно между двумя переломными точками в одном, указанном заповедями направлении. Такое чередование духовного и душевного роста, или, вернее, роста духовного самосознания и роста любовной духовности есть существенный фактор движения человека по кривой Пути восхождения. Без этого совершенно невозможно осуществить на деле главное условие Пути — постоянное ускорение роста. Именно всегдашняя возможность переноса работы души из роста «внутри» в рост «вширь», из роста Истины в рост Любви дает возможность человеку оставаться на всех поворотах жизни «человеком живым». На естественном пути жизни перенос этот совершается произвольно (обычно с активной помощью кого-то или чем-то спровоцированный), и только на свободном пути жизни человек властен управлять им. Последнее десятилетие жизни Толстой столь овладел этим искусством, что мог почти в любой момент переключать себя. Эта-то свобода и давала ему все возрастающую и нерушимую радость духа.

12.

(...) «Всякая истина уже лежит в душе всякого человека», — любил повторять Толстой. Истина не есть предмет чистого или опытного познания, она открывается или *раскрывается* человеку с ростом его духовного сознания на Пути восхождения. Истина вспыхивает в каждом сознании, и *всякий* знает эти искры Истины в себе. Это и *узнавание* Истины в данных сознания другого человека, и то, что иногда «осеняет», всегда неожиданно и почти без помощи ума, который, начав действовать, чаще гасит эти искры. Критерий истины не соответствие каким-либо законам мысли или существования, а исключительно искренность духа и правдивость души. Отсюда толстовское: «Насколько человек правдив, настолько он Божественен» (43, 347).

Истина есть то, что дано духовным сознанием, что этим сознанием знаемо. Истина — правда духа. Правда Царствия Небесного, которая, как и само Царствие, *есть* и «есть внутри вас». В отличие от закона. Истина есть, а не находится в становлении. Понять умом ее нельзя, потому что действие ума направлено не туда, где есть Истина, не снизу вверх и не с той точки, откуда она видна. Эти источники познания (понимание и сознание) Толстой различал еще в Эпизоде «Войны и мира» и там же дал определение того и другого.

Понять Истину нельзя, ее можно знать или узнать, но для этого ее надо иметь — не в уме, конечно, а в духовном сознании. Но подобно тому, как узнать (а значит, и избрать) лучших людей могут только лучшие люди, ровно так же узнать Истину могут только постигшие ее. Чем глубже духовное сознание, чем ближе к состоянию воплощения, тем больше знание Истины. О конечности или бесконечности этого процесса человек судить не может, и даже вхождение в состояние воплощения не значит вхождение в обладание всей полнотой Истины, хотя Толстой и предположил как-то, что в сам момент смерти, в точке перехода из одной Обители в

другую находящийся перед тем в состоянии близком к воплощению человек, слившись с Богом, озаряется всей полнотой Истины.

У каждого человека, даже у человека в состоянии воплощения, — *своя истина*, соответствующая его положению на кривой Пути восхождения и уровню его духовного самосознания. Но это не значит, что я могу доверять только «своей» истине. Если я признаю большую глубину духовного сознания пророка, то я тем самым *верю* его свидетельству Истины и *верую* в открытую им мне высшую истину. Чем глубже мое духовное самосознание, тем в более высокую истину я способен уверовать. Конечно, это обстоятельство ограничивает способности постигновения Истины, и потому для более широкого распространения Истины ученики пророка, горя в огне прозелитизма, как правило, профанируют открытую им истину своим ученикам, а те другим и т.д. Таким образом, степень искажения первоначального учения при его широком распространении есть, как это и говорил Толстой, признак глубины и общезначительности этого учения.

Искажение Истины дело житейское, без этого и немислимо распространение Истины. Упрекать за сами искажения как таковые нельзя. Но важно все же, в каком направлении производятся эти искажения. Какие искажения только приглушают, оглушают, упрощают, вульгаризируют Истину и какие превращают истину в ложь (в подобие истины) — вот вопрос первой важности, на который прежде всего должен стремиться дать ответ мыслитель. Ответом может служить *образ* самого пророка. Что бы *почувствовал* Иисус, если бы узнал, что его именем освящают кровавые войны или клянутся убивать других людей?..

Впрочем, беда человека не только в том, что он не верит истине пророка или что эту истину ему для него искажают — что он так или иначе не знает высшую истину, которой *нет еще* в нем. Беда человека в том, что он не верит той Истине, которая *есть уже* в нем. Призыв «познать истину» это не столько призыв познавать высшую истину, недоступную человеку, сколько требование познания и использования «своей истины» — той самой, какая дана ограниченным духовным самосознанием того или иного конкретного человека.

В проповеди Льва Толстого есть одно отличие, которое возвышает его над религиозными мыслителями последних веков. Он никогда не говорил «верьте Учителю», или «верьте чуду», или «верьте преданию», или Разуму, или Науке, он даже никогда не говорил «верьте мне», а всегда говорил: «верьте себе», то есть ищите *свою* истину — ту, которая соответствует вашему, а не моему сознанию. Если он призывал верить разуму, то это значит верить *своему* разуму (а не уму философов, богословов и политических деятелей) и своему разумению, разумному сознанию, духовному самосознанию. Он, как правило, призывал жить не по его. Толстого, а по своей совести и обличал людей не за то, что они не действуют в соответствии с требованиями толстовской совести, а за то, что они отступают от повелений своей собственной совести и не используют «свою истину». Или, чтобы разграничить понятия истинности и искренности, — «свою правду».

Цель всей проповеди Льва Николаевича — не раскрытие высшей духовной правды (свое собственное знание которой он вообще старался держать при себе), а «оживление», то есть раскрытие, указание людям голоса той правды, которую они уже носят в себе, которая соответствует степени доступного им духовного, а значит, и нравственного их развития. Такая позиция предполагает, конечно, знание повелений совести и степени сознания Истины тех, к кому обращена проповедь, то

есть знание уровня духовного сознания современного человека. Выразить это знание можно, как было сказано, только в «заповедях», указывающих ту степень совершенства, «которая уже может быть в наше время достигнута людьми» (28, 80). Предполагается, что заповеди эти, эти точки на отдельных линиях роста души определяются уровнем духовного сознания современного человека. Если эти точки даны, то мы в принципе можем решить и обратную задачу: определить, представить по ним этот уровень.

По причине своей распластанности человек нашего времени вообще убежден в том, что и смысл своей жизни знать нельзя, как нельзя и знать состояние развития духовного сознания нашей эпохи и конкретные требования этого сознания. Поэтому определение «заповедей» становится для современного человека задачей первостепенной важности. Наше время, возможно, не самое безнравственное время в истории человечества, но *никогда* еще человек не жил в таком *нравственном хаосе*, в котором он живет теперь. Тот, кто решил бы задачу заповедей, тот, несомненно, облагодетельствовал бы нас всех.

Первое междусловие

Книга эта, в известном смысле, не о реальном течении человеческой жизни. Она — о жизни человека в росте и в восхождении на Пути. Путь — не реальность. Жизнь, такая, какой мы ее знаем, не путевая, на обочине Пути, не на нем самом. Поэтому изучить Путь, изучая действительную жизнь, нельзя. Путь можно только увидеть. Для этого нужно смотреть не туда, где его нет, а по возможности только туда, где Путь есть — в неосуществленность, в истоки души.

Для человека, озабоченного текущей действительностью, Путь восхождения — не то мечта, не то фантазия, во всяком случае нечто такое, умозрительное, что не имеет практического отношения к его жизни и интереса в ней. Житейской мудрости — даже самого высокого разбора — учение о Пути восхождения не нужно. Она воспользуется тем, что на околице этого учения; и — довольно. Практическая ценность центральной мысли учения о Пути пропадает для нее. И не потому, что мысль слишком высока, недоступна житейской мудрости, а потому, что она имеет иную исходную установку относительно человеческой жизни.

Житейская мудрость основана на всегда горьком человеческом опыте. Ее вопросы: как избежать бед, обойти опасности, отразить удар, обеспечить себе то место в жизни, которое тебе нужно, как выжить в борьбе, сохранить силы, не пасть низко, не разбиться, взлетев, как не погубить себя, не сделать зла ближним, и прочее. Житейская мудрость учит, как прожить лучше (потому она и мудрость), но «лучше» для нее значит: прожить с меньшими поражениями.

Те мудрецы, у кого люди ищут конкретного совета в жизни, кого люди справедливо признают умудренными в реальной жизни, обычно не предполагают возможности победы в жизни. Они были молоды, постарели, узнали заманки и ловушки жизни, напоены опытом проживания в повседневности, где все победы преходящи. Житейская мудрость учит, как человеку прожить, избегая поражений; она — *мудрость поражения* и, конечно, имеет веские основания в знании практики

человеческого бытия.

Мудрость победы (когда таковая берется на вооружение людьми) либо лжемудрость (обман или утопия), либо зиждется на сверхъестественном откровении, вряд ли заслуженно данном непосредственно человеку Самим Богом. Давать или не давать сверхъестественное откровение — дело Божье. Но только на нем основывать мудрость победы — не подвиг веры, а некоторая робость души, не смеющей доверять своей зрячести.

Истину рабочая, свободная душа добывает сама. Конечно, это не вся Истина, а, как говорил Толстой, «своя истина», но она свыше дается за труды души.

Лев Николаевич имел смелость создать свое собственное учение победы в жизни, основанное на добытом им естественном откровении о духовном росте. Мы на его плечах пойдем дальше. Надо попробовать. По крайней мере, другим будет с чего начать. Мудрость победы может быть получена человеком от Бога. А может быть и должна быть (без этого нет учения роста) выгружена человеком.

Всякое произведение истинного творчества развивается не только по законам жанра, искусства или логики мысли, но прежде всего *по законам жизни души его автора*. Для читательского восприятия это не всегда удобно. Построение и изложение четче всего в схеме, в наличной и застывшей конструкции мысли и образа. Там, где становление, рост, постижение, там нельзя предугадать изложение; отсюда бессистемность, причудливость, нечеткость построения и другие пороки, скрадываемые только изощренностью пера.

Дело наше — обозреть Путь, дать представление о принципах, трудностях и возможностях прохождения Пути, — а не стройную теорию, в которой все расставлено на свои места. К тому же в полном тексте этого тома некоторые заметные неясности и неточности сняты, чего нельзя сказать про тот поневоле *сокращенный текст*, который перед Вами.

Каждая статья этой книги, каждая глава ее на месте — на своем месте, то есть соответствует тому отрезку жизни, в котором она писалась. В другой год жизни было бы написано в том же месте о другом. Сказанное ранее не всегда во всем соответствует позднему, между тем и другим неизбежны противоречия, разноречия, но и то и другое — одна и та же жизнь, и, не нарушая целостности этой жизни и труда, нельзя просто вычеркнуть что-то. Разве есть чем наполнить выброшенный кусок прожитой жизни?.. Конечно, бывают случайные увлечения и миражи разума, различные бестактности, описки ума и души, явная легковесность и запальчивость, которые необходимо вымарать. Но не станем отменять взгляд, сколь бы он ни изменился впоследствии. То же и термины, которые не везде удачны, но потом настолько закреплены, что заменить их уже нельзя. Иногда приходится вначале дать название, а раскрыть где-то потом. Пашем по целине.

Книга, опирающаяся на учение роста жизни, и должна быть живая, подстраиваться к процессу роста авторов. Как же иначе? Не расту — не пишу. Сама работа эта, от статьи к статье, должна бы демонстрировать идею и практику роста. Что требует особой манеры проникновения и его изложения. Читателю привычно и удобно, когда автор погружается в тот или иной предмет и, по возможности, со всех сторон обсуждает его. Затем переходит к другому предмету, вновь погружается и обсуждает. У нас иной порядок, но все же порядок. Сделать выпад и отступить, дотронуться и отдернуть руку, нырнуть и всплыть, чтобы вновь нырять. Выныривая, не знаешь когда опять нырнешь в то же место, в тот же самый предмет и как

долго задержишься на нем. Будет это только тогда, когда сам автор будет на новой, более высокой ступени роста. Естественно, что на том же месте он увидит новое и другое. Что-то подтвердится, а что-то придется отвергнуть или поправить.

Картина Пути восхождения человеческой жизни не дана сразу же в сверхъестественном откровении. Ее надо узреть, раз за разом вглядываясь в нее и ее читая. Книга о Пути должна писаться в отдельных друг за другом следующих *чтениях Пути*, от самого беглого, урывистого, до сколь возможно полного и глубинного. Первый раз, в первом чтении мы уже прочли его. Это далеко еще не полноценное чтение — чтение не связного, не цельного, а лишь выборочно подчеркнутого. По Пути восхождения идет душа, и последующие, более связные и не столь поверхностные чтения Пути могут состояться не иначе как параллельно с соответствующим чтением души. Каждому новому и более основательному чтению Пути (а их в третьей части будет несколько) должно предшествовать достаточно развитое учение о душе и душевной жизни. Чем глубже мы поймем душу и жизнь, тем полноценнее сможет быть видение картины Пути.

Только на фундаменте учения о душе может быть развито учение о Пути. Так что книга о Пути восхождения неизбежно будет, и чем дальше, тем больше, расширяться, превращаясь в повествование о сущности, истоках и действии души.

Учение о Пути восхождения поневоле элитарно. Все его принципы и рекомендации действительны только для человека, прошедшего хотя бы душевное рождение и способного на рождение личностное. Таких людей везде не много. Остальным учение о Пути вряд ли интересно. Да и всякому, даже путеносному человеку, учение о Пути, будучи элитарным, никак не льстит. Достижение высот Пути, вхождение на «свободный путь жизни», через «пятое рождение» — редчайший случай в человечестве. Каждый из нас раньше или позднее сходит с Пути или останавливается на нём. И потому учение о Пути может быть в чем-то поучительно, но популярно — никогда. Тут каждый найдет себе приговор. Кого достанет выслушать и принять его?

Наука и философия стремятся обычно открыть и сформулировать самые общие законы, которые действуют во всем Мире, или во всем живом, во всех людях, в Истории или в какой-либо отдельной сфере существования, которая чем шире, тем для науки желательнее, ценнее. Действительно, стоит ли прежде изучать уникальное, единичное, чтобы в результате понять... всеобщее? А именно по такой дороге познания, как это ни парадоксально, мы и пошли. Сначала мы силится увидеть нечто совершенно исключительное — Путь восхождения — и полагаем, что через него приблизимся к пониманию человека, и Мира, и самого существования в земной Обители. Только так, мы думаем, и возможно. Чем глубже, тем не проще, конечно, но яснее. Расширению области взгляда должно, обязательно должно предшествовать углубление взгляда. Сфера обзора должна соответствовать высоте той точки, с которой обзревается. Увеличительные стекла, какими в целях лучшего обзрения пользуется наука, нам не в помощь. Да они и не нужны. Исключительное и великое — вершины человечества — видны и так. Мы идем от высшего к низшему и от «сложного» к «простому», а не наоборот. Постигая вершины, постигнем и низменности. Постигая, чтение за чтением, Путь, мы тем самым, углубляясь, расширяем, идем от познания наивысшего и уникального (восходящего на Пути) к познанию рядового (всякого, путевого и беспутевого).

Задача наша не проповедь, а изучение основ нового

жизнепонимания, построенного на толстовском учении роста. Мы не будем повторять тех, кто каждую новую, раскрытую ему ступень истины поспешно стремился перевести на язык проповеди, язык дел. Всякая жизнедеятельность основана на жизнепонимании. Сначала — как смотреть на жизнь, а затем — что делать в ней. Мы учимся глядеть на жизнь *как на духовный рост* и пытаемся увидеть в ней *Путь восхождения* или хотя бы зародыш его.

Мы заняты тем, что утверждаем духовный рост и Путь в качестве фундамента мировоззрения и жизневоззрения, по которому человек определяет ценность и достоинство всего существующего. Дорога от жизнесознания до жизнедеятельности не прямая. Между учением о жизни и проповедью делания ее лежит *опыт исполнения* этого учения отдельными людьми. На жизнепонимании основан труд опытного воплощения его в практику жизни и только потом — по горечи и радости опыта — руководство к жизнедеятельности, которое основывается на утвержденном сознании жизни, но добывается муками, ошибками, схождениями и восхождениями конкретного жизнепрохождения. Но кто-то должен попытаться и расчертить трассу первопроходцам, прокладывающим Путь.

Третья часть нашей книги названа «На Пути». Но она почти полностью посвящена только первой половине Пути восхождения — естественному пути жизни. То есть, того участка Пути, в котором практически все мы и живем. Казалось бы, что эта часть книги должна быть ближе всего людям. Однако именно она и элитарна, хотя в ней мы только иногда прикасаемся к духовному рождению, нигде не выходя за его пределы.

Предварительный беглый анализ духовного пути Толстого дает нам возможность, не теряя из виду весь Путь, заняться лишь первой его половиной. Мало-мальски основательное исследование вхождения и жизни на духовном пути требует такого углубления взгляда, такой духовной зрелости, какой мы не обладаем. До труда исследования духовного пути надо самому возвыситься. И если такое произойдет, то мы, — уже в другой, далекой книге — узнавая процессы духовного рождения и духовного пути, сможем расширить учение о Пути до учения о человеке и жизни, расширить настолько, что в нем будет место для всяческих реалий жизни, а значит, и для всякого человека — и идущего по Пути, и сошедшего с него, и никогда на него не входившего.

«Е.б.ж.»¹ — как не забывал в таких случаях всегда напоминать себе Лев Толстой.

1978 год

1 «Если буду жив»

Часть третья
НА ПУТИ

3.1. Годы и периоды
•

*«Человек не озеро, а река, да еще как река в степи, где местами пересыхает»,
(Толстой. Письма — 65.77) 1.*

Если Путь восхождения разграфлен по периодам, то, видимо, можно для каждого периода примерно определить и его возрастные границы. Тут должен быть какой-то ритм. «В этой программе», — пишет П. Бирюков о своей программе биографии Толстого, — «я принял условную систему деления жизни человеческой на семилетние периоды. Это деление я слышал от самого Льва Николаевича, который как-то в разговоре при мне высказал мысль, что ему кажется, что, соответственно семилетним периодам физической жизни человека, признаваемым некоторыми физиологами, можно установить и семилетние периоды в развитии духовной жизни человека, так что выйдет, что каждому периоду соответствует особый облик».¹

Установим душевное рождение в конце второго семилетия жизни, к 14 годам; личностное рождение — в конце четвертого семилетия, к 28 годам, духовное — в конце седьмого (или восьмого?) семилетия.

Критическую точку Толстой установил в «середине жизни», в конце пятого семилетия жизни, к 35 годам: «Самый трудный, критический возраст — это когда человек перестает телесно расти, сильнеть... я думаю, около 35 лет.

1 Эту же мысль Толстой высказал как-то в письме 1884 года к Софье Андреевне. (83,445). Ни сама идея периодизации пути жизни, ни периодизация на семилетние периоды не новость. О семилетних периодах у Толстого см. еще 73,319.

Развитие, рост тела кончается, и *должно начинаться* развитие, рост духовный. Большею частью люди не понимают этого и продолжают заботу о росте телесном, и ложно взятое направление бывает губительно» (57, 93).

Следует оговориться, что у женщин свой женский ритм жизни, график которого в отношении мужского ритма сдвинут. Все переломные моменты внутренней жизни женщины наступают раньше, чем у мужчин, периоды сокращаются (примерно, в отношении пять к семи).

В гонке по лабиринту Пути, гонке, которую нельзя пройти без потерь, женщина расписанием ее Пути принуждена проходить свой Путь быстрее мужчины. Этим сжатием сроков можно объяснить как постоянную особую психическую напряженность женской жизни, так и то, что обычно женщина, по возрасту опережая мужчину, и раньше его сходит с Пути. Этому не в малой степени способствует и порочная, губительная для женщины практика приравнивания к мужчине, в том числе и искусственное вставление в мужской ритм и мужскую стратегию Пути.¹

В каждом рождении можно различить несколько стадий. Прежде всего наступает непосредственно не наблюдаемая перемена в основании сознания-чувства жизни, означающая перелом жизнечувствования, который подспудно ломает русло чувств и мыслей, но который не есть еще мысль или выраженное чувство. Этот момент зачатия нового этапа Пути определяется ретроспективно. В следующую стадию этого же процесса рождения человек вступает, как только рожденное в сознании перешло в область состоявшихся, знаемых чувств, в ту область, где происходит осмысление, выражение, явление того, что рождено в глубинах сознания. Иными словами, духовное сознание, раскрывая себя, переходя на уровень души,

творит тем самым внутренний мир человека.

Уровень души в человеке это уровень «слова произнесенного», осуществленного (переведенного в активное существование). В отличие от него «слово произнесенное» работает на глубинном уровне еще не проявленных духовных движений. В процессе путевого рождения различимы две стадии: рождение на уровне души с глубины духа («рождение в душу») и «рождение на Пути». Конечно, между тем и другим существует необходимая связь; и все же первое далеко не обязательно предполагает второе.

«Рождение в душу» человек более или менее остро переживает в зависимости от того, насколько его чувства и мысли подвигают его, заставляют изменять или ломать курс его жизни. Сплошь и рядом рождение на уровне души не имеет руководящей силы и не приводит к перелому на Пути жизни. «Рождение на Пути» — это стадия, когда рожденное на уровне души становится волей, властью, руководством в конкретной практике жизни. Но и тогда, когда такое случается, и человек обретает новый руль жизнедеятельности, он далеко не всегда желает — или может, или ему удастся — осуществить в действии требуемое душою изменение направления Пути. Значит и в «рождении на Пути» могут быть свои этапы. Каждый из таких промежуточных этапов может длиться не то что месяцы, а годы. Но тогда: какой смысл в возрастных границах? Если говорить о «рождении» в конце такого-то периода жизни, то какую стадию и какой этап этого процесса иметь в виду?

Предположим, что кем-то уже узнаны и надежно установлены возрастные вехи Пути жизни, вычерчен и нормативный Путь восхождения человека, и его возрастной график. Конечно, никто не выдержит этот идеальный график Пути. Но обладая знанием его, завладеваешь и путевым знанием себя; прежде всего знанием своего путевого отставания или опережения, то есть знанием отклонения своего жизнепроектирования от нормативного расписания Пути. Но по какой стадии считать отклонение?

При душевном рождении юноша, кроме *сознания плотской отделенности* себя, приобретает как бы наперерез ему еще *сознание душевной отделенности*, самостоятельности, единичности своей души: отсюда и сознание одиночества себя, своей души, и первый ужас представления о смерти. В памяти прошедших душевное рождение этот перелом в сознании совпадает не только с переломом на уровне души, но и с переломом на уровне действий, когда отрок в «переходном возрасте» испытывает непреодолимую потребность руководствоваться собою изнутри и, бывает, страстно отвергает¹ все прежде действовавшие на него силы внушения, а заодно и носителей этих сил. Кажется, что стадии душевного рождения так плотно спрессованы во времени, «мысль» тут столь неразлучна со «словом», а «слово» с «делом», что по крайней мере в этом случае вопрос о стадиях рождения не имеет особого значения.

Процесс душевного рождения мы можем считать завершенным тогда, когда в юноше возникает новое руководство «призрака своего Бога» — то, что мы вслед за Толстым назвали путевым «религиозным чувством».

Руководящее жизнью юноши религиозное чувство созревает в нем позднее собственно душевного рождения, но оно еще принадлежит ему. Во времени вряд ли можно установить границы *процесса* душевного рождения от первых схваток его и до конца, но *акт* душевного рождения определяется вполне конкретно: он сродни плотскому рождению человека.

Так же как плод в утробе полностью зависит — питанием,

дыханием, кровообращением — от матери, так же и человек до своего второго рождения полностью питается и дышит от других людей, из человечества. И при плотском, и при душевном рождении плод рождается тогда, когда обретается автономность жизнедеятельности. Приобретение душевной самостоятельности, душевное рождение, — так же как телесное рождение, приобретение плотской автономии, означает и свободу душевных движений, и раскрытие «чувств» души, разума, совести, религиозного чувства. У душевнонерожденного человека есть инстинкт самосохранения, но нет интуиции себя должного, столь острой в начале периода идеалов, хотя и не набирающей полную силу сразу же после родов души.

Как и всякий новорожденный, душевно новорожденный видит все в искаженном свете, совершенно незащищен и растерян в своей обретенной свободе и новых возможностях. Ему еще надо научиться пользоваться своим зрением и слухом, он еще не знает, где он и узнает все впервые.

Само почти не наблюдаемое извне душевное рождение становится заметным со стороны, когда юноша (уже юноша) вдруг, что называется, прет слепо, не разбирая дороги. Между актом душевного рождения и явным проявлением его есть *месяцы* самозамкнутости, чрезвычайной ранимости, младенческой оголенности души. Ранить, искалечить, даже убить душу в эти месяцы беззащитного ее младенчества ничего не стоит: достаточно бить, не обращая внимания на ее протесты. Худо в жизни приходится тем людям, которые в такие времена попадают во власть чуждых рук, особенно под власть людей душевнонерожденных. Многие из нас не доходят до «критической точки» Пути только потому, что критической для них прежде стала их послеродовая пора, когда любое грубое прикосновение к душе грозит ей вывихом, уродством, а то и умерщвлением. Душевнонерожденные люди имеют уже то житейское преимущество, что никогда не подвергались такой опасности. Самоубийство в родовое время души происходит из необходимости убить тело, чтобы прекратить муки души, муки, бывает, действительно «смертные».

2.

Моментом душевного рождения надо считать ту стадию процесса этого рождения, где душа, еще не имея возможности функционировать автономно, уже приобретает саму по себе способность самостоятельности в жизнедеятельности. Подобно этому моментом личностного рождения надо считать такую стадию процесса, на которой личность, независимо от самоосуществления, уже определила *свой* курс. Поймем это.

Одним из сопутствующих признаков вхождения в пору личностного рождения (независимо от того, произойдет оно или нет) часто является острая потребность в семейной жизни, тяга к жене (мужу), которая обурекает неженатых мужчин к тридцати годам и женщин лет в двадцать. Толстой испытал такую потребность в 28 лет, в 1856 году. Любопытный вдумчивый исследователь может обнаружить в дневниках и письмах Толстого за 1856—1857 годы такие новые чувства и мысли, которые сам он усвоит через десятилетия. (см., например, ниже 3.2.1) В конце второго четырнадцатилетия в сознании Толстого происходил перелом, который в то время не смог вполне осуществиться в нем даже на уровне души. Помешали тому внешние обстоятельства.

Порвав с тогдашней своей невестой. Лев Николаевич и не развернул работу над большим «романом русской жизни», который он тогда задумал и в работе над которым ему

естественнее всего было лично осуществлять себя. Начать жить своею жизнью для Толстого означало прежде всего решить семенную проблему (это бывает часто) и установить свой толстовский яснополянский стиль жизни. Иначе он себя не мыслил и потому до того целых пять лет, в активнейшую пору жизни, практически ничего не писал. Умри он в 33 года, и мы не знали бы его имени вовсе.

Пять лет Толстой ждал, ведя несвойственный ему образ жизни. Чего стоит хотя бы его дружба с Чичериным или его педагогическая деятельность, которая мигом прекратилась, как только тридцатичетырехлетний Толстой неожиданно для себя влюбился и наконец женился. В нужном смысле брак этот оказался поначалу не совсем удачен. Еще два года Толстому потребовалось, чтобы достичь своих целей и осуществить ту жизнь, которая была внутренне необходима именно ему. Таким образом, процесс личного рождения Толстого, начавшийся в его сознании в 1856 году, осуществился в реальной жизни лишь к концу 1864 года, когда ему уже шел тридцать седьмой год...

За эти восемь лет процесс личного рождения Толстого прошел множество стадий. Но был один момент, когда он ясно ощутил, что как бы ни заманчиво ему было жить, условно говоря, казачьей жизнью, с Марьяной, Епишкой, крестьянскими детьми, как бы это ни было ценно само по себе — все это *не его* жизнь. Этот перелом в самосознании обрел силу путевого *отвержения всего годами усвоенного жизнечувствования как себе чуждого* где-то осенью 1861 — весной 1862 года, то есть на тридцать четвертом году жизни. Это и есть акт личного рождения. Выходит, что Толстой отставал от нормативной точки личного рождения «генеральной кривой» Пути восхождения на целых шесть лет...

Интересно отметить, что схватки пробуждения духовного сознания одна за другой шли в нем все 1867—1868 годы и закончились духовными родами в самосознании в 1870—1871 годах, на сорок втором году, то есть вообще без опоздания!

1877 год сам Толстой считал годом своего духовного рождения и неоднократно говорил и писал, что он «воскрес» именно в 7х7 — в 49 лет. Признаками совершения этих родов, кроме сознания братства людей, по Толстому, были: во-первых, острое сознание иллюзорности материи и материального (но не в смысле солипсизма, а в смысле духовности всего существующего) и, во-вторых, признание «всем существом» бессмысленности и гибельности жизни. Этот и мистический, и метафизический, и чувственный ужас жизни как края пропасти означал для него не просто смену жизнечувствования, но и смену конкретной рабочей жизнедеятельности, направления на Пути восхождения.

Итак, для каждого акта рождения имеется свой слой, и в последовательности рождений есть своя закономерность. Душевное рождение происходит на уровне сознания (сознания душевной отделенноеTM); личностное рождение, при котором прежняя установка жизни уже осознается чуждой, но еще не ломает поступки человека и не перестает быть руководительницей жизни, — происходит на уровне души; духовное рождение означает не только перелом в сознании и перелом в воззрениях и жизнечувствовании, но и в практической *деятельности* жизни. Разумеется, деятельность духовно-новорожденного должна носить не волевой характер приведения поступков сообразно воззрениям и не характер самовнушения — не тогда, когда человек так или иначе заставляет себя, а когда не может иначе, когда действия его неотвратимы для него самого.

Теперь, более или менее точно зафиксировав в возрасте и в

пластах точки рождения Пути восхождения, можно попытаться привести в тот же порядок и сами стадии и периоды Пути.

Первая стадия до душевного рождения естественным образом делится на два семи (пяти) летних¹ периода. *Первый период* детства, с его сознанием неотчлененности Я и наполненностью настроением сказочности, мы назовем *магическим* периодом жизни.

Центр жизни во *втором периоде* отрочества — тело, основа сознания — сознание телесной отделенное™, основные ценности — физическая сила, ловкость, выносливость, телесные превосходства, дерзость. Эту пору, когда «я» есть более всего мое одушевленное *тело*, когда важен только *облик* при пренебрежении к звучанию струн внутренней жизни, эту пору, когда человек, не зная внутренней борьбы, «добра и зла», еще «гармоничен», по-своему чист и счастлив, мы назовем античным, *языческим* периодом Пути.

¹ Тут и везде далее мы будем в скобках указывать цифру, относящуюся к женскому ритму Пути жизни.

Этот период завершается душевным рождением, означаящим конец «гармонии» отрочества.

Следующая, вторая стадия Пути восхождения, от душевного до личностного рождения, делится на свои два периода: *период идеалов* — 14—15 (10—15) лет и *период «чуждой жизни»* (будут и другие наименования) — от 21 года (15 лет) до 28 (20) лет.

Третья стадия Пути, от личностного до духовного рождения, включает в себя три периода. Первый из них длится от личностного рождения — 28 (20) лет — до «критической точки» нормативного Пути — 37 (26) лет. Этот период нами назван *периодом «своей жизни»*.

Следующий *период пробуждения* начинается от «критической точки» — 37 (26) лет — и завершается духовным рождением в сознании — 42 (30) года. И, наконец, седьмой *период духовных родов*: от 42 (30) и до 49 (35) лет.

На этом завершается *естественный путь жизни* и начинается *духовный путь жизни*. В последнем мы выделили свои две стадии: *стадия духовного освобождения* и *стадия свободного пути*, разделяемые актом рождения духовной свободы. Стадия освобождения духовного пути жизни разделена нами на *проповеднический период* и *период Царства Божьего в себе*.¹ Любопытно отметить, что первый из них длился у Толстого все те же семь лет — до перелома 1884 года (Толстому 7х8, как он подсчитывал, — 56 лет). Какова длительность другого периода стадии освобождения и что считать *актом* пятого рождения, мы не знаем. На свободном же пути жизни в принципе не может быть возрастных привязей.

Есть какая-то возрастная граница, пройдя которую, человек совсем упускает возможность перейти в следующую стадию Пути. Но нам ещё рано рассуждать об этом.

3.

Внимательный читатель уже заметил, что мы говорим когда «Путь жизни», когда — «Путь восхождения». Путь жизни — общее понятие, приложимо к каждому растущему, духовно активному, в том или ином плане осуществляющему себя человеку. «Путевой человек» — тот, кто духовно движется, совершает религиозно-художественное действие жизни. «Непутевой» — кто духовно остановился, перестал творить «художественное произведение своей жизни». Путь восхождения — столбовая, осевая полоса Пути жизни. Путь

восхождения — высшее выражение Пути жизни. «Восходящий человек» — тот «путевой человек», кто на Пути жизни нашел и осуществляет верный курс, ведущий к следующему на Пути восхождения рождению: личностному, духовному или рождению духовной свободы. Для прохождения Пути восхождения необходимо, кроме соответствующей энергии роста, еще действие путеустанавливающих сил. Восхождение на Пути жизни решается на развилках Пути, в его критических точках, и осуществляется в родовом (предшествующем путевым родам) периоде.

Периоды до душевного рождения исключительно принадлежат к Пути жизни. Периоды после «критической точки» (период пробуждения, духовных родов и далее) — исключительно к Пути восхождения. Периоды от душевного рождения до «критической точки» (период идеалов, период «чужой жизни» и период «своей жизни») суть периоды Пути жизни и Пути восхождения. Часто мы пишем просто «Путь», имея в виду и Путь жизни и Путь восхождения. Слово «Путь» употребляется нами ещё в каком-то более широком значении, которое прояснится из дальнейшего изложения.

Путь жизни всякого путевого человека несет на себе печать Пути восхождения. Путевые движения в точках Пути жизни и Пути восхождения часто совпадают. Различен только результат, по которому определяется восходящий человек.

Метки Пути восхождения знают на себе и вставшие на Пути жизни люди и даже люди вовсе непутевые. Подавляющее число людей, очевидно, не проходит личностного рождения, у них, собственно, нет периода «своей жизни»; для некоторых период этот заменяется периодом установления типа. Те же, кто вошли в период своей жизни, но сошли с Пути жизни в «критической точке», не знают периода пробуждения, и для них наступает период успокоения.

«Мне кажется, — пишет Толстой в 1900 году — что как есть критический половой возраст, и многое решается в этом возрасте, так есть критический духовный возраст — около 50 лет, когда человек начинает серьезно думать о жизни и решать вопрос о ее смысле/Обыкновенно решение этого возраста бесповоротно» (54, 43). Таким образом, независимо от прохождения или непрохождения Пути восхождения, с человеком в 50 (35) лет происходит нечто, напоминающее движения духовного рождения: он *сознательно* и накрепко решает все дальнейшее направление своей жизни и *свою линию поведения* в ней.

В 40—42 года в сознании всякого мужчины тоже происходят самые странные превращения: для путевых людей это годы откровений, идей всей дальнейшей жизни, великих замыслов. Можно, не задумываясь, назвать десятки имен, от Магомета до Достоевского, в сознании которых именно в эти годы *впервые засветилось* нечто, что потом разрабатывалось всю жизнь. Такие же явления творчества и активизации сокровенного происходят и с тридцатилетней женщиной — только в ее линии, линии Любви.

Именно на сорок первом году жизни, в 1868 году, в сознании Толстого произошел тот скачок, который и привел его к религиозно-духовному пониманию жизни. Для успешно прошедшего «критическую точку» человека, следующая точка Пути восхождения в 40—42 (28—30) лет есть «*точка откровения*» или *точка максимального ускорения духовного роста* естественного пути жизни. Соположение ускорения роста и откровения имеет, вероятно, особый смысл.

Отпечаток точки максимального ускорения роста есть и в жизни непутевых людей: для них это всегда яркие годы жизни — по яркости ли процессов в сознании или обновленной

свежести чувств (то, что для стороннего наблюдателя оправдывает поговорку: «седина в бороду — бес в ребро»). Эту точку Пути жизни человек всегда *празднует*. На Пути восхождения она и должна быть праздником — праздником Пробуждения.

Немного найдется людей, которым вовсе была бы незнакома мощная душевная перестройка в 28—30 (20—22) года. Перестройка эта касается взгляда и ощущения себя, других, жизни вообще. Тут всегда какой-то излом, поворот души, хотя течение жизни не должно обязательно ломаться (однако, потуги к этому всегда есть). Независимо от предыдущего хода жизни, человек в эту пору переходит в новый возраст, с другим представлением ценностей, с новой мечтой, новыми антипатиями, изменяется и характер многих чувств и желаний.

Переход «трудного возраста» — 13—14 лет — никак нельзя назвать размытым. Границы *стадий* Пути жизни более или менее точно соблюдаются в реальной жизни. Иное дело границы между *периодами* Пути, которые в широких пределах сужаются и раздвигаются. Чтобы установить их, надо хорошо знать жизнь конкретного человека.

И все же можно, по-видимому, утверждать, что четко обозначенной точки перехода из третьего в четвертый период мужского графика Пути жизни — 21 год — нет. Однако, при общей спресованности женского графика Пути 15 лет — безусловно разделяющая периоды веха. В мужском же Пути тут не веха, не «точка», а большой, из нескольких лет, размытый путевой отрезок, иногда чуть ли не претендующий стать самостоятельным периодом жизни; по качаниям души его можно было бы соотнести с седьмым семилетием и назвать периодом ложных или мнимых родов, за которыми, в свою очередь, следует период «чужой жизни».

Размытость этого участка мужского Пути жизни роковым образом сказывается на Пути женщины. Перешедшей в четвертый период шестнадцатилетней девушке нужен личностно-рожденный человек (она, по сути, его только и ищет), но его нет и быть не может в ее возрастном окружении, и она вынуждена клевать на мираж «своей» личности, тратя весь свой запас душевной энергии, ничего взамен не приобретая. Еще хорошо, если этот «мираж» явлен в образе киноактера или литературного героя, хуже, когда это человек, которого можно обнять и запахом которого пропитаться душою.

Личностное рождение Толстой должен был и мог пройти в нормативные 28 лет, но перешел эту грань лишь в 33 года. По характеру жизнечувствования и исповеданию все это пятилетие в жизни Льва Николаевича условно можно отнести не к пятому (как мы это сделали в 2.3.3), а к четвертому периоду жизни, который, таким образом, длился у него чуть ли не десять лет (и это период «чужой жизни» у Льва Толстого!). Если это так, то собственно «своей жизнью» Толстой в действительности жил всего лишь два (!) года — большая неудача для человека (годы «своей жизни» — счастливейшее время), и особенно для художника, который задумал громадное произведение в момент личностного рождения, работал над ним шесть лет, а закончил его на пороге духовного рождения в сознании.

Эпилог «Войны и мира» создал уже не тот человек, который описывал соблазнение Пьера Элен. Не раз за годы работы Толстой менял замысел своего романа прямо на ходу. Авторская позиция в «Войне и мире» весьма резко меняется от части к части, и только благодаря огромному литературному таланту автора, который был способен состыковать что угодно, читатель не чувствует нецельность всего произведения.

Пять лет третьего периода, три-четыре переходных года,

десять лет «чужой жизни», четыре-пять лет периода «своей жизни» (из которых только два полноценно «своих»), четыре года пробуждения и семь лет — полный период духовных родов. Вот естественный путь жизни Толстого. В одной части он растянут, в другой — скомкан, сжат. Так это, видимо, у большинства восходящих людей.

Есть еще один вопрос, который неизбежно возникает тут. Это вопрос о способности человека проходить Путь значительно быстрее, чем следует по нормативной кривой Пути. Разумеется, раз может быть сжатие периодов Пути, то и сжатие всего Пути, в принципе, дело возможное. В какой степени? Можно ли представить душевно рожденным одиннадцатилетнего мальчика? Кажется, можно. А девятилетнего? Это чудо. Можно ли представить духовно рожденного человека сорокалетним? Трудно, но можно. А сорокалетнего, вышедшего на свободный путь жизни? Абсолютное чудо. А если не в 30, а в 50 лет? Не могу сказать...

Так кто же были те молодые священники, миссионеры, иноки, послушники, которые на протяжении всей христианской истории смело выходили на поле «духовной брани»? А их учителя, наставники, духовные отцы? Разве все это воинство Христово не находилось на духовном пути жизни?

Дорога к рождению духом ведет только через личностное рождение. Личностей в Церкви и около нее рождалось едва ли значительно больше, чем ныне в науке и около нее. Были, конечно же были и те, кто выходили к вершине духовности, но их немного, а главное, не они правили в Церкви. Правили в ней, как везде и всегда, люди-типы.

Впрочем, атмосферу внутренней жизни определяли не люди-типы и вообще не люди периода «чужой жизни» (хотя, разумеется, они не были в меньшинстве), а люди идеалов. Тон в Церкви (и чем далее в глубь веков, тем больше) задавали «юноши» — молодые и старые. То была специфическая черта внутрицерковной жизни. Большинство искренне и даже неистово верующих были людьми, культивировавшими и искусственно, насильно задерживавшими в себе душевную структуру периода идеалов. В юности они радостно боролись с тем, с чем свойственно бороться юноше, но, выходя из этого возраста и продолжая бороться, *они боролись уже с наступлением периода «чужой жизни»*. Весь пафос их борьбы на всю жизнь есть ловушки, соблазны, падения, устремления и желания четвертого периода Пути. Именно этот опыт и эта борьба были знаменем христианского аскетизма.

Тому же самому тону юношеского периода идеалов, подчинялось и средневековое рыцарство. Созданный в начале XVII века «Дон Кихот» потому и произвел такое впечатление на читателей XVIII века, что был пронизан скорбью по утраченной цельности поры идеалов (к концу XIX века роман стал уже тем, что он есть и поныне: идеалоутверждающим чтением для юношества).

Ни клир Церкви, ни какая из сект, ни какое другое общество никогда не состояло из людей духовного пути жизни. Если это не было бы так, если бы значительная доля в Церкви была бы людьми духовно рожденными, то они бы и задавали тон не только в Церкви, но и всему обществу, которое тогда или не смогло бы существовать, или же явило бы образец Царства Божия на земле, чего и контуров пока нигде не видно.

4.

«Жизнь наша не есть что-либо цельное, законченное, — писал Толстой в 1890 году, — а только частица видимая чего-то бесконечного и невидимого, не сознаваемого» (65, 28). Жизнь

человека — процесс, водящий труд Бога, а сам он — орудие Его. Это значит не то, что какая-то работа совершается в человеке, а что *сам человек есть работа* — орудие и процесс. Причем направленная работа, работа на размеченной дистанции, откуда-то и куда-то — Путь. Но человеком вершится не весь Путь, совершается не вся работа, ибо Путь начался до меня и не на мне завершится. Жизнь человека это — «частица видимая», *участок Пути*, одна рабочая операция труда Божьего. Каждый из нас — результат и продолжение предшествующего Пути: в составе человечества ли, или в других сферах обитания. Но этот Прапуть — мой, и не только в том смысле, что он ведет ко мне, но и в том, что он есть Я. Память об этом Прапути — моя натура — составляет зародыш моего человеческого Я. Сколько путевых рождений предшествовало моему земному рождению! Все они есть во мне, как в семени, которое должно не только само родиться и прорасти, но и пройти Путь — *переродиться*. Человек — процесс перерождения, но, очевидно, не первого, и, видимо, не последнего.

Прапуть, с которым я появляюсь на свет, не общий какой-то Путь, а именно мой, *моего «Я»*, который в «популяционном гении» или «национальном духе» несет на себе некоторый общий с другими отпечаток. Отпечаток этот, заметьте, — то, чем роднятся, на чем сближаются, становятся вместе разные сюжеты Пути, а не зародыш или закваска, из которого или от которой все они произрастают. Мой Прапуть (включающий в себя и отчасти родительский, и родовой, и национальный, и общечеловеческий, и, сверх того, другой Путь) задает мне некоторую область возможных направлений движения моего человеческого Пути жизни, которые начинают актуализироваться уже при зачатии. Прежде всего человек должен наяву восстановить, осуществить, привести в бодрствование свой Прапуть. Эта задача перевода памяти Прапути («натуры») в воспоминание (мой *характер*) и составляет работу первой стадии Пути жизни от плотского до душевного рождения.

Отношение начала Пути нашей жизни и Прапути подобно отношению бодрствования и сна. Плотское «рождение есть пробуждение от сна, — часто говорил Лев Николаевич. — Сновидения того сна *почти* (!) все забыты, остается соединенной, слагается в одно вся жизнь та в виде реального характера в этой жизни, точно так же, как при пробуждении от сновидения все виденное во сне сходится в одно. То же, надо предполагать, будет при смерти, все прожитое сложится в одно, с чем вступишь в ту жизнь. Наши ежедневные засыпания и пробуждения — образцы перехода от одних жизней к другим» (57, 140—141).

В этой мысли для нас важно то, что каждый завершённый участок человеческого Пути, каждый Путь жизни, пусть даже самый запутанный, ломанный и противоречивый, при его прохождении есть нечто единое и в результате, в качестве основы для последующего участка Пути жизни — нечто одно. Иначе Путь жизни вообще не был бы возможен и определение «человек есть Путь» лишилось бы смысла.

«День не есть та минута, которую я переживаю, но есть все, что совершается от восхода до захода солнца, — объясняет Толстой. — Дано мне это представление и опытом, и воспитанием, и разумом. То же и представление о моем со-рокалетнем сыне. Это не тот плешивый человек, который сейчас рассуждает о политике, а это то существо, которое рождалось, играло, училось, заблуждалось, мужало и которое будет стариться и умирать. И так все» (55, 231).

Не человек в данное время жизни, а только весь Путь

жизни человека от пробуждения-рождения до пробуждения-смерти (который «был» и «будет») есть нечто единое, цельное, одно.

Другой смысл «пробуждения от жизни» (или, лучше, пробуждения от прежнего курса Пути жизни) основывается на том, что «пробуждение *выводит из себя*», из прежнего пути в новый — выводит из себя в себя. Толстой различал «полное пробуждение», устанавливающее границы Пути данной жизни (рождение и смерть — вспомним сон князя Андрея), и «неполные пробуждения в самой жизни» — то, что мы называем рождениями в Пути. Прапуть мой в отношении моего нынешнего Пути есть то же, что новое единство моего Прапути и моего земного Пути в отношении моего посмертного Пути, куда «Я» вводится так же, как оно выводится сюда из Прапути.

Прапуть мой не есть нечто безупречное, а тем более вполне завершенное, а значит, не есть и нечто строго определенное, цельное и непротиворечивое. С утробы я приобретаю все плутания и срывы моего *живого* Прапути. Если бы это был не Путь, а генетический набор всего (или части всего), предшествовавшего моему появлению на свет, то я бы нес в себе только *хаос*. Проникая в темные глубины своего Пути, мы и прозреваем там шевелящийся множеством отростков «перевосданный хаос» — страшное видение, более всего пугающее человека в себе. Я —,хаос! Вот ужас так ужас!

Однако, если Я не хаос, а Путь, то какая-то упорядочивающая сила делает из хаоса Путь, который и задается мне в каком-то качестве для осуществления. Прапуть мой — упорядоченный хаос и результат борьбы; именно потому сама моя натура далека от цельности и гармонического совершенства. Она — живая, открытая рана (чем, впрочем, можно стать и в конце своего земного Пути), которую прежде всего надо заживить. Рана подсыхает и заживает, когда моя жидкая натура затвердевает в характер. Знаменательно, что хрящик характера образуется еще в самом раннем детстве (если не младенчестве), когда воздействие воспитателя на душу минимально активно. Практически человек достается в руки воспитателей уже с характером, на формирование которого никто извне не влиял, хотя всячески *потакала* материнская любовь.

Материнская любовь — не животный инстинкт накормления и охранения, а непосредственное проявление меня. Свое «Я», как особо начертанное единство себя, как свою натуру, человек выносит из Прапути, где оно создается некой духовной силой. Эта образующая душу духовная сила продолжит действовать в виде материнской любви (или того, что ее подменяет) и в этом мире, где она еще в младенчестве отливает характер. Конечно, характер этот еще не определен, не установлен на психофизиологическом уровне (хрящик не превращен в кость), но в нем уже в самых общих чертах задана особая задача на Путь — теми исходными противоречиями, разрешение которых будет составлять одну из сторон труда всего грядущего Пути жизни.

Ставшая характером натура, словно воспоминание, высвечивает в области возможных направлений Прапути некоторый центральный пучок, по которому должна была бы быть ориентирована вся работа актуализации Прапути в Путь земной жизни. Работа эта вчерне должна быть сделана в срок (в первую четырнадцатилетнюю стадию Пути жизни), что невозможно без помощи других, тебе подобных одухотворенных существ.

Но воспитатель и вся совокупность воспитывающих обстоятельств, катализируя процесс становления (или восстановления Прапути) ребенка, в той или иной мере

искажает заданное центральным пучком направление, деформирует хрящик характера и тем более запутывает клубок внутренних противоречий, которые потом придется разрешать в себе. Все такого рода *дополнительные* усилия не нужны ребенку и, отнимая душевную энергию, могут быть причиной неудачи всего Пути. Поэтому, чем *сродственнее* воспитатель, тем менее будет в будущем *перегружен* работой человек, чем чужероднее — тем более перегружен.

Большинство людей толпы становятся «беспутными», так рано сходят с Пути жизни именно потому, что им в детстве заготовили работу не в подъем. Недаром Толстой в последние годы видел главное практическое зло в дурном воспитании. «Наше воспитание людей, — пишет он в дневнике 1907 года — похоже на выведение таких плодов (яблок и тому подобных), в которых почти была бы одна оболочка (вкусная) семени. Чтобы семени, если можно, совсем бы не было. Воспитывать людей так, чтобы души было как можно меньше, а было бы одно тело» (56, 69).

Толстой ставил задачу воспитания в ребенке тяги к внутренней работе, труду духовному, но даже сама постановка этой задачи недоступна сознанию большинства. Да и как не признать эту задачу преждевременной, коша повсеместно каждому ребенку грозит беда чужеродного влияния? По крайней мере в первом детском периоде ребенка должны воспитывать исключительно люди близкие ему по путевому направлению, скорее всего, его родители. Человек — существо *путеносное*, и именно этому его главному качеству должно быть подчинено все дело воспитания. Что может быть губительнее хорового внушения детям?

По памяти восстанавливая Прапуть свой, человек в первую стадию Пути жизни как бы конспективно проходит этапы Прапути, в том числе этапы роста души человечества. Этим положением не надо увлекаться, но и не признавать его нельзя. Впрочем, нам важно то, что неравная борьба ребенка в магическом периоде жизни со своим воспитателем явно слабеет при его переходе в следующий языческий период. К концу этого, второго периода отрок — весьма цельное существо, четко направленное, с определенным характером и самоощущением, к нему более применимы «меры воздействия», чем «средства воспитания». Бич учителей, мальчишечий пятый класс — неуправляем:

каждый в нем самовластен и самостилен. Рана природы зажила, хрящик характера заостренел, первоначальная широкая область возможных направлений Пути сжалась до узкого пучка, рельсы Пути укладываются *прямо* и словно навсегда. Прапуть заново образован и упорядочен в этой жизни. И вот тогда-то, с этой точки и начинается новый Путь. С чего? — С *ломки*...

Конечно, процесс воспоминания Прапути, его новое, исправленное в земном Пути издание не завершается ни в отрочестве, ни в юности. Энергия его восстановления выключается только к середине жизни.

Душевное рождение есть проявление нового сознания отделенное™ — отделенное™ души. При душевном рождении действительно совершается рождение находившейся ранее в утробном состоянии души: совести (в отличие от стыда уровня плотской отделенности), разума (в отличие от ума, развитого на базе Прапути), любви (в отличие от разного рода приверженностей и как новая способность проникать своей душой в душу другого человека) и религиозного чувства как переживание идеала, с которым в состоянии только плотской отделенности трудно что-либо сопоставить.

До момента второго рождения у человека нет *своей* совести; нет того, что можно назвать центром чувствилища

истины и истинности; нет любви, как силы сознания душевного единства — есть разного рода влечения и привязанности, есть связь, то есть завязанные в один узел встречные чувствования. До душевного рождения для человека существует лишь различные совершенства ума, тела и воли, на которые он ориентируется как на образец. Но в нем (как и у всякого язычника) нет представления нравственного идеала. Такой идеал возникает только с возникновением путевого религиозного чувства и любви, нового действия все той же духовной упорядочивающей силы.

Конечно, нельзя сказать, что с момента душевного рождения своя совесть, разум и религиозное чувство подлинно начинают управлять человеком. Конечно, в душевно-новорожденном нет необходимой силы совести и разума, но есть уже новый, *душевный центр*¹ жизни, из которого исходят новые направляющие лучи и который вступает во взаимодействие с прежним языческим центром в плоти. Оба этих центра жизни существуют вместе, но не уничтожают друг друга, действуют как упорядочивающие силы в двух перпендикулярных направлениях, вместе определяя направление Пути жизни. Мощностъ этих центров постоянно колеблется, создавая крайнюю неустойчивость внутренней жизни.

Читатель, с начала следящий за нашим изложением, может вспомнить нашу геометрическую притчу с ее «вектором состояния жизни», образуемым из духовной и плотской составляющих и определяемым их соотношением. Все превращения этого вектора, которым мы иллюстрировали понятие духовного роста, можно приложить и сюда. Так, мы говорили, что важно не значение той или иной составляющей отдельно и не величина (модуль) «вектора состояния жизни», а только значение и скорость изменения его угла по отношению к плотской составляющей. То же и здесь: важна не сила, исходящая из нового центра, а изменение общего направления Пути жизни, которое эта духовная сила производит.

Откуда же взялась эта сила? Что произвело ее? Если она проходила утробное развитие в недрах заново восстанавливаемого Прапути, то есть самое ее возникновение есть лишь момент в воплощении Прапути и принадлежит ему, то как она могла стать поперек направления упорядочения его? Положим — могла. Но откуда взялся новый, второй центр жизни? И до душевного рождения центр жизни постоянно метался, найдя устойчивую позицию в самом конце языческого периода. Как же мог вдруг образоваться новый, совсем другой центр жизни, выковывающий не «совершенства», как прежний, а нравственный идеал (и идеальную любовь к тому же)? По-видимому, и сила эта, и центр этот *возникают не из источника Прапути!*

Во всю вторую стадию жизни (от душевного до личностного рождения) в человеке действуют на двух уровнях — плоти и сознания — два «Я», два центра жизни и соответственно происходит процесс преодоления одного центра другим. Полная победа плотского центра Означает подавление, умерщвление души и схождение человека с Пути жизни — в неподвижность. Причины краха многообразны, но не входя в их обсуждение, скажем, что чрезмерно резкого слома Пути при душевном рождении все же быть не может. Чтобы душевное рождение могло состояться, человеку нужно к возрасту душевного рождения войти в некоторую заповедную зону духовно-плотского отношения, зону такой *резкости* сознания «тьмы» (плотской отделенности), которая делает возможным и даже предполагает вспышки сознания «света». Нет этой резкости, не может быть и душевного рождения; есть она, и

душевное рождение, вообще говоря, неизбежно и даже не зависит от воли человека. Весь вопрос — как попасть в эту *зону душевного рождения*.

Не может быть сомнения, что успешное рождение души должно быть подготовлено ранее, всей окружающей ребенка и отрока *культурой* жизни. Именно культура общества и ее использование в деле воспитания ответственны за душевное рождение, хотя кто-то способен проходить душевные роды и самостоятельно — без таких людей никогда бы не было ни человеческой культуры, ни духовного возрастания самого рода человеческого.

5.

Есть идеалистический *пик чистоты жизни*, который юноша проходит в 16—17 лет (девушка — 12—13). После этой точки пика чистоты «призрак Бога своего» начинает меркнуть, духовные искры, только что снопами вырывавшиеся изнутри, постепенно гаснут, и юноша медленно, на каждом шагу упираясь и качаясь, через «смутное время» переходит в период молодости, со всеми ее стремлениями и увлечениями. Четвертый период жизни, период молодости, мы назвали периодом «чужой жизни» не потому, что в нем одерживает победу уже как бы отчужденное плотское Я. О «чужой жизни» или «чужом пути» мы говорим чисто в духовном смысле слова: когда искры нового, душевного центра начинают гаснуть и человека грозит охватить тьма, он, по недостатку света изнутри, стремится получить его извне, от духа других, через открытые наружу каналы своей души. Это могут быть самые «высокие» идеи, бытующие в его кружке, или самые «низменные» страсти, но не в голом виде, скажем, корысти или властолюбия, а непременно в оболочке либо деятельности ради идеальной цели, либо «чистой» деятельности ради деятельности.

В это время молодой человек пробует и *должен испробовать*, как вкус блюд, множество самых различных течений внутренней жизни. Сначала ему воссияла и погасла путеводная звезда, и потому он теперь ищет свое и себя через чужое и других — так он остается человеком своего времени, своего поколения, не выпадает из Истории, а идет (если идет) вместе со всеми, свой Путь пробивает в том пласте, в котором ему суждено родиться. Или же, если не пробивает, сам становится вместе со всеми породой своего пласта. Структура этих пластов и пород и последовательные изменения в них и должны быть сутью исследований исторической науки, которая, на взгляд Толстого, не знает, как подойти к своему предмету.

История стоит (то есть ее собственно нет), когда в обществе нет достаточно мощной прослойки душевно рожденных людей. Поэтому у диких людей нет и Истории. Горнило Истории — в людях четвертого периода Пути жизни, и беда тому народу или обществу, которое гасит душевно рожденных людей еще в периоде идеалов; раскрыв каналы своей души, такие люди, оказавшись в четвертом периоде, ищут вздохнуть непременно угарного газа псевдодуховности и тем сначала отравляют себя, а затем начинают травить окружающее.

В четвертом периоде жизни человек, как и в третьем, остается существом дипольным, двуцентровым; один из этих центров, центр плотского Я, неподвижен, другой постоянно находится в движении, мечется из одной точки в другую, последовательно отрицая ряд направлений Пути, которые он сам задает. В этом установлении и отрицании направлений Пути и состоит его роль и значение. Движения его могут быть хаотичны до конца, и тогда человек, растратив весь свой запас энергии, найдет тихий угол, успокоится и постепенно *притрет*

два свои центра, а потом и Путь свой с движениями других. Но может быть и иначе.

Не одна только сила чужой и нередко псевдо-духовности может собрать в единое внутренний мир человека (тем медленно поглощая — умерщвляя его): в своих целенаправленных блужданиях второй, душевный центр может найти *искомую* точку и остановиться в ней под влиянием сил духовного тяготения, исходящих из своего, «ближайшего», по слову Толстого, духовного солнца. Именно попадание второго, блуждающего центра жизни в, условно говоря, силовые линии тяготения своего, личностного духовного центра и обеспечивает личностное рождение, которое совершается, как только второй центр через поглощение первого образует единый плотско-душевный центр тяжести жизни. После образования «натуры» и «характера» это *третий момент упорядочения духовной силы*, заново устанавливающий Я как единство себя — образование личности. Скажем так: если «натура» — фундамент, а «характер» — каркас здания или, лучше, замка, то «личность» — замок заверченный, который надо обжить, чтобы потом, одновременно перестраивая его, жить — не в нем, а в том, что нажил в нем.

В пятом периоде «своей жизни» человек целокупен и монолитен; все силы его души и тела объединены и сконцентрированы, как они едины и сконцентрированы в растущем дереве, питающемся и корнями от земли, и листвою от солнца. Автономная плотско-духовная, сама на себя опирающаяся и сама себя раскрывающая единая воля — вот человек пятого, солнечного периода «своей жизни». Блажен, кто вступил в него и хотя бы отчасти смог полно его прожить. Ибо и этому периоду свой срок, за которым наступает черед медленного (а иногда и быстрого) угасания или новых мучительных родов.

Духовные роды заложены в личностном рождении, и для того чтобы перейти в следующую за личностной фазу жизни, человеку ничего против себя делать не нужно. Он должен только следовать по направлению «своей жизни», наполняя и углубляя себя, то есть постепенно расширяя и разрабатывая тот канал в себе, по которому идет к центру тяжести жизни свет и сила тяготения от своего духовного солнца. Жить так — большое наслаждение и большая радость, но парадокс в том, что в завершении этой солнечной полосы человека на Пути восхождения ждет нечто такое, что временами напоминает полную душевную катастрофу.

Углубляя себя по светонесущей линии к своему центру духовного тяготения, человек в конце концов эту невидимую точку тяготения обращает в новый центр своей жизни, из которого струятся потоки тепла и света. Нежиться в этих «отцовских» потоках приятно, возвышенно и славно, но если человек не зачаруется на горных высотах, а пробудится, то, очнувшись духовно, воспримет не только потоки тепла и света от духовного солнца, но и холод и тьму того места, к которому они направлены. Это и есть: духовными очами, сверху, взглянуть на самого себя.

В момент личностного рождения человек перестает быть дипольным существом, имеющим два разных центра жизни. Он обретает единый, *свой* Путь, который остается таковым до того момента, как в нем возникает новый (уже третий), *духовный центр* жизни. С этого момента возникает новое направление Пути уже собственно духовной жизни.

Столкновение этих двух центров и наполняет с периода духовного рождения всю внутреннюю жизнь человека. Движение роста переходит в новую плоскость, плотской координатной осью которой становится то, что Толстой называл «животной личностью» человека. В момент религиозного

перелома 1877 года Толстой обнаружил холод и тьму не только в похотях и страстях своего *тела*, но и во всей прежней внутренней работе своей такой цельной *личности* и вообще в подавляющей части всей внутренней деятельности людской.

Понятия «центра тяжести жизни» и «своего центра духовного тяготения» получают конкретное значение только на подступах к духовному рождению в самосознании, когда свой центр духовного тяготения переживается в «четвертом лице» — как «отец», — а «Я» в своем центре жизни, — как «сын». До этого момента есть «Я», у которого существует некоторая, возникшая с личностным рождением, внутренняя связь с какой-то глубинной точкой, столь неопределенной, что сами линии связи с ней представляются принадлежащими не ей (а то и исходящими не от нее), а самому «Я» (исходящими от «Я») — представляются корнями, которые «Я» пускает вглубь себя, за свой центр жизни. Нужен труд и труд, чтобы обнаружить духовное семя себя.

Разрабатывать себя до своего центра тяжести, все в себе концентрировать на нем и все подчинять ему можно до бесконечности. Этот «безотцовский» тупиковый путь поначалу дает увеличение силы человека как личности, что особенно важно для творчества и в видах своего влияния на других. Но при этом человек раньше или позднее замыкается на себя и его связь с духовным Я (которая только и обеспечила его личностное рождение), так и не став связью сыновней, разрывается.

В личностном рождении «Я» ориентируется по отношению к точке «отца», то есть еще неведомой своей духовной ипостаси; в периоде пробуждения эта точка постепенно превращается в новый отцовский духовный центр жизни. Связь «Я» («сына») и личной духовной ипостаси («отца») становится стержнем всей внутренней жизни и работы с момента духовного рождения в сознании.

Весь седьмой период жизни человек опять двуцентровое существо. Во все время «качания души», духовных родов мое «Я», мой центр тяжести жизни, как плод в утробе, опускается по направлению к центру духовного тяготения. Этот процесс может останавливаться, вновь начинаться и вообще продолжаться вечно, но может и наступить момент, который мы четко наблюдаем в Толстом: «отец», духовная ипостась, становится «сыном» — найден Отец, и центр тяжести жизни совместился с «ближайшим» центром духовного тяготения. С этого момента рождения духовного Я начинается борьба, вернее атака одного курса Пути, указываемого этим духовным Я, на монолитно отлитый прежним центром жизни курс «личности».

Борьба этих двух курсов (последний из которых, правда, лишь сопротивляется) напоминает борьбу после душевного рождения: и там и здесь образовался новый центр жизни, который силится переломить Путь, и там и здесь этот «новый путь», в противоположность прежнему, ясно не обозначен. Есть и отличия. При душевном рождении прежний путь сам находится еще в процессе становления, и значит, с одной стороны, легче ломаем, а с другой — сохраняет способность к активным действиям. При духовном рождении агрессивной силы у прежнего пути нет, но сам он давно отлит и застывает. Но если в первом случае духовные силы — только искры, то во втором это уже не вспыхивание, а устойчивое или неустойчивое горение.

Главное отличие духовного рождения от душевного рождения в том, что человек *обладает* тем, что родилось в нем в результате душевного рождения, но лишь *причастен* к тому, что родилось в нем в результате рождения духовного. Само

различение души (нефеш, урван, психэ) и духа (руах, аху, пневма) уже несет в себе различение понятий обладания и причастности, в смысле, который может быть усмотрен в значении слов душа — то чем живой живет и что принадлежит ему же, и дух — движение того (или в том), что дает жизнь, что есть сама жизнь в себе и чему в качестве живущего можно быть причастным.

С точки зрения учения Пути сказанное осмысливается так: душевное рождение есть акт земного существования и все превращения, происходящие в результате этого рождения (образование новой целостности и разрушение ее) есть та рабочая операция, которая составляет сущность работы земного существования; духовное же рождение есть акт или начало процесса, выходящего за рамки земного существования как такового, принадлежащего уже иному существованию, другому Пути, к процессу которого можно только приблизиться. Поэтому ставшее из «отца» «сыном» духовное Я окончательно не выделяемо как «Я», всегда открыто в сторону Отца и в «Я» вполне невыделяемо. Поэтому же после рождения духом человек, видимо, *навсегда* обречен быть двуцентровым существом, в котором не затихает внутренняя борьба. Полного «воплощения» испытать человеку до конца времен не дано. Его можно только прозреть в акте религиозно-художественного творчества и лишь отчасти приблизиться к нему.

Духовное рождение есть обретение нового *сознания* *духовной отделенности*, возникающего в человеке *дополнительно* к сознанию своей плотско-душевной (личностной) отделенности. Но этому сознанию духовной отделенности на духовном пути жизни неизбежно сопутствует *сознание своей духовной неразделенности* — единства Сына с Отцом.

Одного Сына — без Отца и в противопоставление к личности — сознать на духовном пути жизни нельзя. Условно говоря, как только такое отделение духовного Я произошло, так оно тотчас совмещается с центром личности, которому оно ранее противопоставлялось, и уступает свое место духовного центра более глубоко осознанному «сыну» как центру «нового Пути».

Что приключилось с отцом Сергием во время его падения? Обрушившаяся на него слава святого и чудотворца работала не на низшие пласты его души, не на его «животную личность» — то, с чем он боролся и что *победил* (такая победа принципиально необратима, иначе нет духовного роста), — а на его духовное Я, которое она и прославляла, то есть выделяла, оформляла как самостоятельное целое и которое таким образом она замыкала в себе, *отделяла* от отцовского Начала. Воздействие славы на отца Сергия Толстой прямо описывает как *духовный разрыв* связи с Богом. Разрыв с Богом, совмещение оторванного духовного Я с «животной личностью» и привело в конце концов к падению отца Сергия во всех уровнях его жизни. В 1891 году Толстой видел эту опасность краха, но не видел выхода, который он нашел только к концу девяностых годов, ближе к свободному пути жизни.

6.

(...) В восьмидесятые годы Толстой проводил разделительную черту Пути жизни на моменте духовного рождения и всех людей делил на прошедших и не прошедших рождение духом, *людей духовных и недуховных*. Он и позднее утверждал, что между духовными и недуховными людьми почти невозможно понимание по основным вопросам жизни. Но в

середине девяностых годов Лев Николаевич переместил главную разделительную черту жизни из точки рождения духом в точку рождения духовной свободы. Религию свободного пути жизни, основанную на сознании неразделенности с Богом, Толстой называл Божеской и всех людей этой стадии жизни, видящих позыв к жизни и труд ее исключительно в работе Бога — людьми Божескими. Всех же остальных почитал «язычниками», то есть людьми, преследующими в жизни свои цели и личное благо (люди лично-языческой религии) или цели блага своей совокупности, в пределе — всей совокупности людей (язычники общественной религии). При этом сам акт духовного рождения, уже, видимо, не имел для него самоценного значения.

Ни такая периодизация, ни такое разграничение для нас не годны. Поэтому мы будем пользоваться традиционными понятиями (гностиком, Филона, Павла) вместе с толстовскими. Мы будем говорить о *людях плотских* (до душевного рождения) и *людях душевных* (от душевного до личностного рождения), о «личностях» (личностных, прошедших личностное рождение), о *людях духовных* (прошедших духовное рождение) и о людях Божеских, *свободно-духовных*, прошедших рождение духовной свободы, людях свободного пути.

У людей плотских различны *характеры*, у душевных — *стиль одушевленности*, у личностей — *облик личности*, у духовных — *образ одухотворенности* и у Божеских — *лик духовности*. Таковы термины.

8.

...Исследуя Путь восхождения, нельзя не ввести, хотя бы и предварительно, понятие Общей души. Душа народа, племени — Общая душа — вполне реальное и живое явление.¹ Ее потребности и создают конкретную Историю. Так что материал для изучения движений Общей души, Общих душ и их столкновений всегда есть, нужно только вдуматься и перестать искать решения на поверхности общественной жизни. Быть может, душа одного народа испытала смертный ужас, и сонмы гуннов заполнили Европу. Душа другого народа билась от столь мощного внутреннего напряжения, что заставила этот народ вступить в войну с Римом. Какая-то страсть охватила душу еще одного великого народа, и страсти этой мы обязаны наполеоновскими войнами. В других случаях потребность самосохранения уставшей, израненной, искрошенной души в видах самоконсолидации потребовала Гитлера, Сталина, Мао. И тот, и другой, и третий олицетворяли единство, целостность, неразрушение, а в критические моменты и само существование Общей души.

Первое свойство Общей души, как и души каждого человека, это некоторая внутренняя целостность и единство. Единит Общую душу в целое то же, что и каждую отдельную душу: начало единения души, любовь сама по себе, любовь-тяготение. Эту любовь-тяготение в качестве национального чувства испытывает каждый человек и этим чувством он связывается с другими в единство. Но у государства или сословия, касты, гильдии, сообщества, организации нет своей души, и потому в них могут действовать вторичные силы солидарности, но никак не любви.

Другое дело, что, скажем, такое искусственное целое как государство может содержать Общие души, имеющие по тем или иным причинам общие черты — или, скорее,

искаженные, деформированные в одну и ту же сторону, и этими своими одинаковыми искажениями, как шлифованными гранями, плотно прилегать друг к другу. Кто обладает правом вносить в Общую душу конкретные изменения в конкретный момент Истории? — Это те люди, в руках которых внутренняя власть в обществе, то есть властвующие образом установления, наиболее притягательным в данное время. Мы уже говорили, что этот внутренне властвующий «тип» совсем не обязательно совпадает и даже чаще всего не совпадает с людьми-типами правящей в государстве элиты, хотя может активно противостоять или вовсе не конкурировать с нею; в первом случае общество ожидают неминуемые внутренние потрясения, во втором же оно может цвести или загнивать спокойно.

3.2. Карма Пути (третье чтение Пути)

1.

Среди всего сказанного Толстым до «Войны и мира» особенно повезло нескольким фразам из его письма к Александре Андреевне Толстой от 18 октября 1857 года; с момента опубликования письма в 1911 году и по сегодняшний день место это постоянно цитируют.

«Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать... А спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, **не человеческого**, а оттуда».¹

Чтобы понять мысль Толстого, нужно знать то, на что отвечают его слова, и саму личность адресата.

Двоюродная тетка Льва Николаевича, графиня Александра Андреевна Толстая, бывшая многие годы задушевым другом, а одно время и духовным наставником Толстого, была женщиной замечательной и по уму, и по ее любви к правде и добру. И что особенно нам важно, по своему душевному созвучию Толстому. В ее уме и сердце, во

¹ Выделено Л.Н.Толстым.

всей ее душевной конституции, несомненно, есть нечто специфически толстовское, свойственное одному Льву Николаевичу и потому ему особенно близкое. В ней Толстой нашел женское издание самого себя.

И Лев Николаевич, и Александра Андреевна в житейском смысле были людьми консервативными. Но Александра Андреевна была еще и духовно консервативным человеком. В этом она — антипод Толстого.

В одной из первых, черновых редакций «Войны и мира» роман начинался, как и канонический текст, со званого вечера и тоже у фрейлины Анет Б. Как и Александра Андреевна, Анет Б. «...умна, насмешлива и чувствительна, и ежели не была положительно правдивой, то отличалась от толпы ей подобных своей правдивостью». Гордилась Анет Б. своей прямоотой, что бросается в глаза и в Александре Андреевне. Есть и другие совпадения.

В более поздних редакциях Анет Б. оставлена (десять лет спустя Толстой говорил, что он не смог бы описать Александру Андреевну) и заменена знаменитой Натальей Львовной Нарышкиной, затем Анет Д. и в конце концов — Анной Павловной Шерер. Анет Д. еще как-то связана с А.А. Толстой своей искренностью, отсутствием притворства и всякого искательства и, помимо того, неподдельной преданностью царской семье. Между же Анной Павловной канонического текста «Войны и мира» и Александрой Андреевной Толстой вроде бы нет ничего общего. Обе они не были замужем, обе фрейлины, но нравственный облик их столь различен, что никто не признал бы их сродства.

Салон Анны Павловны и сама она в замысле «Войны и мира» играют особую роль. За семь лет действия душевные состояния, судьбы народа и отдельных людей меняются в романе резко и необратимо. Только у Анны Павловны — одно и то же. Это та неизменная, неподвижная точка, с которой Толстой начинает свой роман и по отношению к которой измеряются изменения и превращения происходящего в мире и людях. Для замысла Толстого не столь важно, какова эта точка сама по себе, — необходимо только нечто духовно, нравственно и житейски застывшее.

Таким духовно и житейски застывшим человеком была глубокая, умная, даровитая и столь родственная Льву Николаевичу А.А.Толстая, его «нестареющая бабушка». Во все духовно критические моменты своей жизни Толстой неизменно бросался к ней, а она оставалась все той же, — та же любовь к нему, те же свои представления. В его жизни она, кажется, сыграла ту же роль, что и Анна Павловна в «Войне и мире», — роль неизменной точки отсчета, от которой он (и мы вместе с ним) мог мерить все рывки своего духовного роста. Видимо поэтому Толстой и называл переписку с ней своей лучшей автобиографией.

Осенью 1857 года Александра Андреевна чуть ли не единственный раз в жизни находилась в состоянии длительного внутреннего разлада: ей исполнилось сорок лет... В конце лета она пишет ему еще весьма бодрое письмо, но ответа не получает. 7 октября отсылает другое. Основным мотивом его — ощущение пустоты быстротекущего времени.

Ей нужен совет, как сохранить душевное равновесие на повороте жизни. И Толстой сказал ей в ответ то, что она, несмотря на весь ее ум и чуткость, не смогла вместить до конца жизни, — то, что хотя и «худо без него», но нельзя человеку иначе.

Для иллюстрации своей мысли Толстой рисует овал, пытаясь изобразить схему души человеческой. Вдоль овал разделен коридором на две стороны или части. В правой части

хранятся ящики хороших воспоминаний, чувств, мыслей, интересов, в левой — дурных. В зависимости от человека, каждый ящик имеет подразделения. У одних — одни подразделения, у других — другие.

У самого Толстого ящики подразделяются на воспоминания о разных людях. Все ящики с помощью пружин с каждой стороны могут выдвигаться в коридор (в активную часть души), и наше сиюминутное хорошее или дурное расположение духа зависит от того, какие ящики в данный момент выдвинуты, то есть какая пружина «пожата». Александра Андреевна просила его назвать «кое-какие механические способы» достижения хорошего расположения духа, и он отвечает ей, что такая пружина есть и может быть пожата «посредством хорошей погоды, лести, пищеварения и т.п.». Можно, конечно, сделать и так, чтобы весь коридор полностью загромоذيлся ящиками какой-либо одной стороны, но это ненормально. Нормальные же движения души человека, «когда выдвигаются то те, то другие», всегда и обязательно «оставляя проход в коридоре». Ни в коем случае нельзя жать на одну пружину, как того Александра Андреевна хотела бы, нельзя загромождать весь коридор души, обязательно нужно, чтобы в нем был проход.

Можно найти тот или иной способ пожать пружину хорошего расположения духа, выдвинуть во весь коридор все лучшее в себе, так что в душе водворится мир, радость и спокойствие, как она того желает. Но это очень опасно. Если стараться выдвигать в активную часть души одно хорошее, не оставляя прохода ничему другому, то это другое неминуемо сломает таким образом выдвинутые ящики души. Тут есть какой-то дьявольский расчет: дурное в глубине нашей души желает застоя и поэтому диктует незамедлительно водворять мир и спокойствие в душе, выдвигать полностью лучшие ящики, чтобы сломать их. Нельзя поддаваться этому искушению душевного застоя, иначе — погибель всего того, что есть в нашей душе не человеческого, а оттуда.

В активном коридоре души всегда должно быть действие, движение, стычки, борьба. Такова мысль первой половины письма. Но все это только подступ к основной мысли. Основное же — «в самой сжатой форме перемена во взгляде на жизнь, происшедшая во мне в последнее время» — во второй части письма. Мы легче поймем мысль письма Толстого к Александре Андреевне, если сначала процитируем другое письмо, написанное им в те же самые дни. Письмо это (Боткину и Тургеневу) было опубликовано в 1924 году, но потом, при разборе рукописей Толстого, оказалось, что из него самим Толстым был вырван и не отправлен адресатам один лист. По-видимому, Толстой не захотел делиться своими задушевными мыслями.

«Уж не раз мне случалось в жизни наткнуться на тяжелую действительность и выбирать, карабкаться вверх по этой грязи или идти в обход, и всегда я выбирал обход...» — пишет здесь Толстой и добавляет, что теперь он уже этого делать не может: «...я не мог, как прежде бывало, вспорхнуть над жизнью, и с ужасом увидел, что вся эта тяжелая, нелепая и нечестная действительность не случайность, не досадное приключение именно со мной одним, а необходимый закон жизни».

Так и должно быть — вот его мысль. Жизнь не для того, чтобы постоянно жать на одну пружину хорошего расположения духа. Все ужасы действительности, угнетающие душу, вся эта ложь, грязь, беззаконие и варварство вокруг — все эти препятствия — в жизни нужны для души человеческой и есть «необходимый закон жизни». Кто сказал, что спокойствие и чистота душевная — удел человека? Удел

человека — преодоление, вечная тревога, недовольство собой и действительностью, ошибки и раскаяние, внутренняя борьба и постоянное мучительное душевное напряжение. Только так, не иначе, жива душа человеческая, и только так человек может выполнить свое предназначение. Поэтому «одно законное счастье есть честный труд и преодоленное препятствие».

«Грустно мне было расстаться с мечтой о спокойном и честном счастье без путаницы, труда, ошибок, начинаний, раскаянии, недовольства собой и другими, — продолжает он там же, — но я, слава Богу, искренно убедился в том, что спокойствие и чистота, которую мы ищем в жизни, не про нас». О том же самом он пишет и А.А.Толстой. Но здесь его новый взгляд на жизнь, выраженный им сжато, энергично и остро полемично, отталкивается и от своего прежнего взгляда, и от того взгляда, которого придерживается и будет всю жизнь придерживаться она.

«Вы спрашиваете у меня совета успокоительного: а я к вам приеду за этим, и оба мы не найдем, чего ищем». Почему? Потому, видимо, что душевное спокойствие, которого мы ищем, губительно прежде всего для нашей же души.

«Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек». Для души необходимо преодоление — а значит, нужны и препятствия. Поэтому в жизни и в активном коридоре души необходимо как хорошее, так и дурное. Это уже чисто толстовская стратегия «пути жизни». И под следующими словами Толстой, безусловно, подписался бы и в старости: «Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называется счастьем. Да что счастье — глупое слово; не счастье, а хорошо», то есть законно, как должно, честно. Счастье — честная тревога, несчастье же — тоже тревога, но бесчестная: «а бесчестная тревога, основанная на любви к себе, это — несчастье». Ну а основанное на любви спокойствие — что это? Счастье? Несчастье?

«Мне смешно вспомнить, как я думывал, и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь все только хорошее. Смешно! **Нельзя**, бабушка. Все равно, как нельзя не двигаясь, не делая моциона, быть здоровым». Нельзя и потому, что невозможно, как нельзя жить не двигаясь, и потому, что не должно, вредно для здоровья душевного.

«Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться». Хорошая, честная должная жизнь — борьба, тревоги, ошибки, вечное напряжение души. Приспособленчество же душевное, или психотерапевтическое пожатие пружины приятного расположения духа, или даже любовь как средство достижения душевного комфорта — все эти и другие «обходы», к которым стремится временами душа наша, не то что бесчестны (бесчестна открытая эгоистическая тревога), а подлы. И это-то он говорит прямо: «А спокойствие — душевная подлость».

В общепринятом смысле подлость есть сознательный обман и умышленное надругательство над душою другого человека или людей. Говоря о «душевной подлости», то есть подлости души. Толстой понимает обман и надругательство над самим собою, подлость души самой в себе, действие, происходящее в самой душе и не имеющее отношения к другим людям. Есть подлость внешнего и подлость внутреннего действия.

«А спокойствие — душевная подлость, — утверждает

Толстой и поясняет: — От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, не человеческого, а оттуда».

В первой части письма было сказано, что как это ни кажется хорошо, нельзя поддаваться искушению выдвигать одни лучшие свои ящики — не то они сломаются. Потом же утверждается, что достижение желаемого дурной стороной души спокойствия (душевного застоя) означает утрату Божеского начала в человеке, того, что **оттуда**, — духовного Я.

Вспоминающие эти слова Толстого современные авторы часто понимают их весьма превратно: как утверждение Толстым своей активной общественной позиции, как страстный призыв к борьбе со злом, как неприятие пассивности и обличение уклонения от обязанности бороться за лучшее устройство действительности. Получается как-то так, что Лев Толстой, не приемля действительность, предлагает человеку ежесекундно бороться с ней. На самом деле Толстой смотрит на жизнь и действительность совсем другими глазами. Он не отрицает и не принимает существующую действительность, а признает ее за то, что необходимо душе человека в качестве препятствий жизнепрохождения, без которых душе нельзя. Душа подла в состоянии спокойствия, которого так желают люди, душе нужна борьба, но это борьба не с действительностью и не за улучшение действительности, и вообще не там, где действительность, а где душа. Разумеется, душевная борьба и преодоление в душе завязаны с борьбой и преодолениями в текущей действительности, но принципиально важно, какая из них должна работа жизни, а какая — лишь последствие и приложение ее.

«Вот вам и проповедь, бабушка, — заканчивает Толстой свое первое в жизни письмо-послание. — Да нет, это я вам написал очень не шутя. И чем больше думаю, тем больше вижу, что это так».

В марте 1910 года, за полгода до смерти, Толстой перечитывал свои старые письма к А.А.Толстой. Особенно он выделил то из них, которое мы разобрали.

«Вечер опять читал с умилением свои письма к А.А. Одно о том, что жизнь — труд, борьба, ошибки — такое, что теперь ничего бы не сказал другого».

2.

Для роста естественного пути жизни необходим противодействующий момент плоти. *До духовного рождения вся работа Пути жизни*, и духовный рост в том числе, исключительно основывается на преодолении сопротивлений на Пути, производится в потоке похотей Тела, соблазнов, прельщений, где и создается необходимое для Пути рабочее напряжение.

Человек начинает Путь этой жизни в чистоте духовной, он чист, покуда дитя, но не может дитя идти по Пути, и человек, дабы выполнить свое предназначение, неминуемо теряет детскую чистоту Божьего сознания.

Если бы человек был просто проводник света, проводящий через себя Божие сознание, если все его предназначение состояло бы в том, чтобы пропустить через себя и явить собою Свет Отца, то утрата духовной чистоты детства была бы страшным и злостным уклонением от исполнения Воли Бога. Но если человек предназначен «оживить», восстановить, привести Сына (Бога во мне) к Отцу (Богу в Самом Себе), то ему прежде всего нужно раскрыть, освободить Сына в своей

душе — сознать «Бога своего». Быть может, именно поэтому так быстро, еще в детстве закрывается в нас канал чистоты света Отца.

«Тьме» надобно быть на Пути человека. Путь как бы заваливается навозной почвой, сквозь которую должно прорасти семя. «Как для того, чтобы зерно *получило жизнь*, нужно закрыть его землею, так и для того, чтобы душа жила, нужно чтобы она была закрыта телом» (57,122 — 1909 год). Нечистота («тьма») — зло, и зло несомненное, но такое зло, которое нужно для совершения Пути и без которого Пути быть нельзя. Это парадоксальное обстоятельство, по которому нечистота духовная способствует духовному росту, и запутывает так сильно узлы Пути.

Обдумывая и разясняя связь и влияние духовной нечистоты и духовного очищения на духовный рост и Путь восхождения. Толстой выражал эту связь и это влияние через индусское понятие «кармы» с ее принципом зависимости этой жизни от прежней, то есть понятие, и в первоисточнике имеющее путевой смысл. «Карма, — поясняет Лев Николаевич, — есть буддийское верование, состоящее в том, что не только *склад характера* каждого человека, но и *вся судьба в этой жизни* есть последствие его поступков *в предшествующей* жизни и зависит от тех *наших усилий* избежания зла и совершения добра, которые мы сделали в этой...» (67, 270).

В отличие от индусской и буддийской традиции, Толстой основывает понятие кармы не на влиянии одного существования на другое (влиянии, которое в предельном случае превращается в причину возникновения другого существования), а на несомненном для Толстого факте *единства* Пути — единства всех частей или, лучше сказать, всех поприщ Пути. Если по буддийским представлениям кармические силы как бы индуцированы в человеке из прошедшего существования, то для Толстого кармические силы это та работа, которая в одном поприще накапливается для труда неразрывно с ним связанного другого поприща Пути.

Карма у Толстого это не то, что порождает новую отделенность, а то, что определяет дополнительную силу противодействия путевому движению. Вхождение в эту Обитель, в поприще Пути этой жизни происходит не действием кармы Прапути; Путь как таковой неразрывен, существует некоторое единство всех поприщ Прапути и Пути этой жизни, в результате которого «Я» всегда есть и, как единый Путь, есть неразрывно.

Карма Прапути обуславливает лишь мою натуру, то есть широко заданную потенцию моего сознания отделенное™ — те границы черт этого сознания, в рамках которых в первом периоде происходит образование *склада характера* человека. Карма Прапути есть для путевой судьбы плотского человека своего рода «предопределение», хотя и не заданное жестко.

Теоретически говоря, воспитание может в любой степени погасить карму Прапути, но реально это, конечно, не так. Практика жизни весьма редко представляет примеры эффективного (то есть достаточного для прохождения дальнейшего Пути) преодоления неблагоприятной кармы Прапути. Натуру не переделаешь, говорят опытные люди. Впрочем, переделывать надо не натуру человека, а его Путь жизни.

Так же как карма Прапути не препятствует плотскому рождению, но создает сопротивление для рождения душевного, так и карма первой плотской стадии жизни вроде бы почти не мешает душевному рождению и сказывается только на прохождении дальнейшего Пути жизни. Карма первой

стадии Пути жизни обуславливает стиль одушевленности (то есть особенности сознания душевной отделенности) душевного человека, карма биографии духа которого в свою очередь детерминирует не само личностное рождение, а облик личности — черты сознания личностной отделенности, заданной, видимо, в глубинных основаниях духа. Ровно так же карма, создаваемая на последней стадии естественного пути жизни, влияет не столько на возможность духовного рождения, сколько на образ одухотворенности уже духовного человека. От того же, каков характер одушевленности, или облик личности, или образ одухотворенности, зависит, как живет душевный, личностный, духовный человек, зависит, словами Толстого, «вся судьба» той или иной стадии жизни.

Понятие кармы неотделимо от понятия Пути *человека*: нет рождений на Пути, нет и кармы. Животное — одностадийно, не имеет кармы и потому «чисто». Карма — явление по крайней мере двух стадий Пути, в одной из которых она создается, в другой действует. Закон кармы это закон возмездия в *следующем* поприще Пути жизни: от того, *как* человек прошел предшествующее поприще, гласит этот закон, зависит, кто он есть в последующем поприще (стадии и даже периоде) и в каком потоке — *восходящем или нисходящем* — ему придется продолжать Путь. Карма раздвигает (или сдвигает) Путь жизни и Путь восхождения.

То, что создает карму, быть может, препятствует или не препятствует предстоящему на Пути рождению, но сама карма по смыслу понятия действует после этого рождения, где она *сбивает крутизну* восхождения или усиливает крутизну нисхождения последующей стадии Пути. Не ближайшее путевое рождение зависит от кармы, а рождение следующее. Душевное рождение, грубо говоря, зависит от кармирования в Прапути, личностное — от кармы первой стадии Пути, а духовное — от кармы второй стадии.

Закон кармы, по Толстому, действует не только отрицательно. Карма не столько возмездие, наказание, сколько *воздаяние* — наказание и награда — на Пути за прохождение предшествующего отрезка Пути. Не одни «грехи», но и «усилия избежания зла и совершения добра» в одном этапе Пути засчитываются на другом его этапе. А это значит, что, во-первых, мы должны различать благую и дурную карму и, во-вторых, что благая карма может увеличить крутизну восхождения Пути. Не значит ли это, что она *сама по себе* в состоянии приводить к следующему на Пути рождению? Можно ли только «блудить», быть чистым душою — и идти по Пути жизни?

Благая карма лишь усиливает восхождение или ослабляет нисхождение, она в состоянии увеличить ускорение роста или приостановить процесс падения с Пути, но не создать восхождение или вывести из тупика на Путь. Подменить силы установления Пути она не может. Чтобы благие кармические силы могли совершить, скажем, духовное рождение, нужно, чтобы личностный человек, в котором действуют эти силы, уже находился в восходящем потоке Пути жизни. Восхождение же создается не нравственными, а духовными усилиями: энергией роста и еще чем-то, что удерживает на Пути, — энергией восхождения. Если карма схожа с предопределением, то духовное восхождение и духовный рост — с благодатью.¹ Как только ресурсы оживления или роста, то есть благодати Пути, исчерпаны, так человек, как бы чист душою он ни был, — останавливается на Пути жизни.

Духовное очищение благой кармы есть сила упорядочения Пути, но не сила,двигающая по нему. Поэтому стратегия очищения, будь на то благодать Пути, может создать сосуд

духу. Такой сосуд — блаженные, духовные младенцы, ставшие «как дети», но вставшие, недвижимые, более не растущие. Такими часто бывают женщины, это и вообще преимущественно женский — и одиночный — ход Пути, на котором от кармы гибнут и кармой же спасаются.

3.

В природе вокруг человека столько всего, ежесекундно грозящего уничтожением, что можно только поражаться, как организм наш вообще может длительно функционировать в таких губительных условиях. А между тем, многие болезни организма — не абсолютное зло и, кроме духовного эффекта потери себя, даже необходимы для здоровья человека, для созревания защитных активностей его организма. Если не давать возможности организму самому справляться со своим недугом (хотя бы и смертельным), то это непременно ослабит энергию плотской жизни и грозит или физическим вырождением или возникновением недугов такого рода, с которыми организм принципиально справиться не может.

То же самое происходит и на Пути жизни человека. Человека на его Пути подстерегает столько препятствий, ловушек, заманок, злых или враждебных сил, сила-

1 Употребляя походя это понятие, мы вовсе не определяем, а только выставляем его связь с энергией роста. В первом приближении путевую благодать, без которой не творится Путь, можно представить как энергию роста, идущую на удержание на Пути. В таком определении плохо то, что благодать связывается с силой роста в большей степени, чем с *волей*, устанавливающей Путь. Было бы неразумно далее рассуждать здесь по этому вопросу.

щихся остановить его восхождение, и эти силы, препятствия и ловушки столь разнообразны и новы с каждым шагом, что вообще немислимо, как можно не сойти с Пути без особой на то поддерживающей силы благодати. Возможность прохождения Пути еще большее чудо, чем длительность плотского выживания человека.

Если жизнь — тайна, то Путь восхождения — *таинство*, которое совершается в работе Божией человеком и в совершении которого действует путевая благодать — духовные энергии роста и удержания на Пути.

С точки зрения учения Пути эта путевая благодать первична в отношении жизни — вызывает ее и есть ее источник. Не Путь выстраивается на жизни и есть одно из явлений жизни, а жизнь на Пути, на котором она может занимать точку, отрезок, период, поприще или целые стадии.

Жизнь есть одно из явлений Пути, а не наоборот. Жизнь — необходимое условие Пути, она служит для свершения путевой работы в нашей земной Обители. Жизнь есть одно из возможных существовании духа — существование и сознание духа в отделенное™. Сама по себе отделенность — а значит, и жизнь — есть специфическое свойство, определяющее земное существование.

Рабочая операция Пути нашей Обители это операция отделенное™, работа духа в плотских пределах. Но и тут не вся работа Пути и не весь Путь, которого только часть вершится в условиях отделенности, то есть жизни. Сами категории сознания отделенности и неразделенное™ принад-

лежат, должно быть, только нашей Обители. Существование сознания вне этих категорий мы представить не можем. Поэтому мы и не можем представить существование и сознание в других Обителях, на предшествующих и последующих зонах Пути. (Да и сами понятия «прежде» и «после» тут лишаются определенности из-за невозможности для нас вполне абстрагировать время от категории отделенности).

Возникновение Жизни и Мира необходимо Пути как его же условия. Вначале был Путь, через который все начало быть и без которого ничего не могло начать быть. И в нем необходимость жизни, которая свет человеков. В том, чтобы светить во тьме, в нечистоте, — все и дело.

Жизнь плоти и всего того, что воздвигнуто на ней, имеет в отношении Пути не абсолютное, а лишь служебное значение и ценность. Духовная жизнь естественного пути жизни проявляется только в борьбе и преодолении. Просто так, без дела, духовное сознание (если оно не фикция) до духовного рождения не вызывается.

Отсюда и толстовская тактика жизни, по которой надо жить просто, без усилий, и «взлетать» тогда только, когда препятствия. Иначе и быть не может, так как духовное в душевном и личностном человеке работает только в борьбе, которая возможна благодаря энергии жизни плоти. Более того, без борьбы человек не знает ни своего духовного Я, ни даже своего «тела». «Только тот, кто борется с телом, знает, что такое тело, и знает, что есть то, что борется с ним (телом) и что сильнее его» (56, 36), — писал Толстой.

Собственно, это самое Толстой понял еще в 29 лет, когда «с ужасом увидел, что вся эта нелепая, тяжелая, несчастная действительность не досадное приключение именно со мной одним, а необходимый закон жизни», что все «препятствия» нужны для души человеческой, как болезни телу, что «свет во тьме светит» и что это — удел человека. «Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь выйти хоть на секунду ни один человек». Отказ от преодоления и стремление к душевному спокойствию означает своего рода духовное бесчестие, совершение «душевной подлости» по отношению к Пославленному в жизнь.

На языке учения Пути духовное бесчестие должно быть понято в смысле прекращения, остановки роста, отказа совершать Путь, что не может быть оправдано никакими соображениями и опасностями, в том числе и соображениями сохранения жизни в любом смысле; если даже признать, что для, положим, личного спасения необходимо нечто, что одновременно способствует «спокойствию души», то и в этом случае человек не может совершать такого рода действия во спасение. Вначале был Путь, который всегда прежде всего.

Однако человек часто не может не только продолжать, но и вступить в брань духовную. Это вообще не всем и не всегда можно. И не только потому, что человек не желает внутренней борьбы, а потому еще, что такому вступлению необходимо предшествует духовный рост, для которого требуется немалый исходный запас внутренней энергии. Одно и то же перемещение центра тяжести жизни к центру духовного тяготения требует от разных людей разных усилий. Есть люди, которым независимо от «препятствий» такого рода движения роста особенно тяжелы, — это вопрос силы путевой благодати. Конечно, «воскрешение», оживление в душе духовного начала надо заработать или сработать, но для одних это относительно легко, для других труднее, для третьих так трудно, что поневоле начнешь роптать... А ведь еще надо пройти Путь в срок!

Проблема призвания и действия путевой благодати в общем случае не для ума человеческого. Духовная энергия роста и восхождения — дар, и каков исходно этот дар ему, человек не знает, и, видимо, знать не должен, как не должен знать о поприщах до своего плотского рождения и после отживания своей плоти.

Карма благая, вознаграждающая за каждое духовное усилие, обеспечивает нечто вроде *воспроизводства путевой благодати*, без чего немислимо движение по Пути, какой исходной духовной энергией ни обладай. Тут чем больше тратишь, тем больше получаешь. Карма же дурная (которую мы будем называть просто «кармой») тоже необходимо входит в Путь человека, обеспечивая (когда не губит) своего рода *«воспроизводство» работы* на более высоких ступенях жизни. Карма естественного пути отчасти осмысливается как заготовка работы пути духовной жизни. В более узком смысле только благодаря карме возможно все возрастающее ускорение роста, то есть духовной страстности жизни души. «Я испорчен и ранней развращенностью и роскошью, обжорством и праздностью, — признается Толстой. — Если бы этого всего не было, я бы теперь в 65 лет был свеж и молод. Но разве эта испорченность пропала даром? Все мои нравственные требования выросли из этой испорченности» (52,126).

Карма для Пути жизни, что болезнь для упрочения организма, совершающего круг от младенчества до старости. И вылечивать человека от его кармы, как то мыслят педагоги и психотерапевты, значит, облегчая его ныне, губить его завтра.

Как нельзя сказать, что болезнь — благо, так нельзя сказать, что и карма — благо. Карма губительна, *когда* она только наказание, как и болезнь губительна в наказание за вредную для тела предшествующую жизнь. Если и не окончательно губительна, то бессмысленна я тяжела.

«...Точно перевертывается на минуту человек вверх дном, — описывает Толстой такое состояние наказания кармы, — и то, что властвует и должно быть наверху — духовное разумное — вдруг спускается куда-то вниз, исчезает и попадает под власть телесного, животного, бессмысленного, которое поднимается вверх и властвует...» Тьма объяла свет... В таком перевернутом состоянии, уже вовсе не соответствующем выросшему духовному сознанию, можно остаться надолго, если не навсегда.

Что тут делать? Как спастись?

Тут *«помочь нельзя*, — учит Толстой, — это последствие предшествующих грехов, которые должны иметь свое наказание. Это вроде того, что если я въехал в рытвину и меня толкнуло передней осью, то нечего удивляться, что толкает задней, и избавиться от этого толчка нельзя; надо его переносить и не заезжать вперед в рытвины; или как то, что у меня родится полынь вместе с хлебом от того, что *плохо вспахал*. Делать больше нечего, как ожидать спелости и хлеба и полыни и жать, потом отбирать, а главное, вперед учиться не делать огрехов. Я хочу сказать этим, что не надо отчаиваться, и от того, что уродилась полынь, перестать пахать, а надо, напротив, пожиная полынь, сеять следующий посев такой, в котором не было полыни».

Так, совсем неожиданно трактует Толстой евангельскую притчу о плевелах. «Многие грехи наши, — разъясняет далее Толстой ту же мысль, — особенно когда уже мы давно перестали делать то, что их производило, и живем, ждем плодов добрых от более доброй жизни, когда эти грехи проявляются в нас своими последствиями, удивляют, ужасают нас; так это бывало много раз со мной; но не надо ужасаться,

это только значит то, что ты не расчелся еще с грехом, и, как в пушкинском «Выстреле», грех требует от тебя расчета, тогда как ты думал, что ушел от него. Это карма в этой жизни» (67, 231—232).

Человек «пашет» и сеет хлеб, хорошие семена в одном поприще Пути жизни, пожинает же плоды сева своего уже в других стадиях Пути жизни, где он пашет и сеет для урожая последующих периодов Пути. Жать всегда приходится *все*, что уродилось, — и пшеницу, и плевелы — а потом отбирать и плевелы сжигать, то есть производить очищение души от кармических сил. Человек, возможно, сможет, а, возможно, не сможет отобрать сжатый хлеб от сжатой полыни — тут ничего не поделаешь: свет во тьме светит, и если тьма совсем объяла свет, то помочь нельзя. Но и знать, совсем ли объяла, — тоже нельзя, и потому всегда следует «пожиная полынь, сеять следующий посев такой, в котором не было полыни».

Тут надо обратить внимание на один существенный момент. Сеются только хорошие семена, хлеб; полынь же не высевается, а произрастает от того, что «плохо вспахал». Дурные семена *уже есть* в почве, куда сеются хорошие семена, и всходят дурные семена не от того, что их посеяли, а от того, что их не заглушили. За это — за плохую вспашку — и наказание кармы. Человек для того, быть может, переходит из Обителя в Обитель и из поприща в поприще, чтобы иметь возможность заново перепахивать себя. «Сорняки» — одни и те же, а посевы у каждого поприща свои...

«Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуешь над ним» (Б. 4, 7). Заметьте еще и вот что. Карма это расчет за грех, следствие грехов, которое проявляется и тогда, когда, по словам Толстого, «мы перестали делать то, *что их производило*». Не «факт греха» важен, а то душевное состояние, которое его вызывает. И карма, перевертывание, «*власть тьмы*» — расчет не за факт, а за то состояние тьмы, которое человек прежде допускал в себе.

Разумеется, каждое отклонение от нормального духовного состояния чревато бедами для человека, но не всякое состояние — кармическое, то есть способное осуществить власть тьмы и тогда, когда сами эти состояния остались в тени прошедшего. Кармическое состояние это, видимо, не просто неблагоприятное состояние духа в человеке, а состояние, находящееся в явной оппозиции к нормальному духовному состоянию, — *анормальное* духовное состояние, которое смертельно опасно для души человека.

Если верить пронизательности Нагорной проповеди и ее долголетнему почитателю Льву Толстому, то можно указать на пять составляющих анормального духовного состояния, пять кармических состояний души. Это *состояние гордыни* (а значит и гнева), самоуверенности и презрения («убийство в душе»). Это *состояние блудливости* — не всецелая телесная потребность, а душевное состояние блудливого беспокойства («прелюбодеяние в душе»), которое знакомо почти каждому из нас. Это *состояние душевной несвободы* (в частности, духовного подданства), в котором блокируется действие как сил роста, так и совести. Это *состояние борьбы*, в котором все внимание сознания переносится с себя, со своей души на чужую волю — вовне. И это *состояние ненависти*, в котором из человека выливается душа.

Различно сочетаясь в душе, эти пять кармических состояний составляют своеобразие кармы отдельного человека, только ему свойственный склад анормального духовного состояния в тот или иной период его Пути жизни. В разной степени *все* эти состояния есть в человеке, изначально

вложены в ту почву, которую он начинает вспахивать чуть ли не с плотского рождения. И подобно тому, как в «Христианском учении» Толстой каждый грех делит на три пласта, так же и в аномальном духовном состоянии человека можно различить такие же три пласта.

Первый пласт — это карма Прапути, прирожденный, корневой пласт кармических состояний. Второй пласт — карма плотской стадии Пути, пласт кармических состояний, развитых воспитателем и средой. И третий пласт — карма «личная» (как сказал бы Лев Николаевич), та страсть кармических состояний, которую человек на Пути жизни создает в себе сам. Деление это, как и всякое деление, условно, но уже тем хорошо, что позволяет рассматривать каждый из установленных таким образом пластов кармы отдельно.

4.

И в карме Прапути можно различить отдельные потоки. Есть в прирожденной карме что-то сукровичное, совершенно иррациональное, теряющееся в глубинах Прапути. Так ли сильна струйка, *прямиком* идущая в человеке от этого сукровичного начала? Если ее не культивировать, считал Толстой, то в ней нет роковой силы. Мощные семена зла во мне еще до моих трудов множество раз вспаханы и перепаханы, и их надо специально взращивать, чтобы они пробились.

Другое дело, что не с меня началось такое взращивание, что плоды этого взращивания человек получает (как и добрые семена) от предков. Но будь это только так, то тогда от поколения к поколению одно, новое взращивание кармы накладывалось бы на прежнее, и в этой лавине кармы погибли бы все духовные ростки. Но наследственная карма не столь крепка. Натура человека обусловлена не только его Прапутем или его предпутем (его предками) но и, что особенно важно, *случаем*. Исходные кармические состояния наворожены в нас полуслучайно. Странно сказать, но не будь этого — не было бы никакого роста полноты жизни. Счастье, что человек (а не растение, конечно) ничто полностью не наследует, и это не несовершенство механизма наследования, а антикармический закон.

Все, что исходно вкладывается в натуру, предварительно как-то «перевешивается», — одно стирается, другое усиливается, — и жесткость целого утрачивается. Кто же, однако, производит эту работу и чем он при этом руководствуется? Никто? Голый случай? Но голый случай уже значит — кто-то. Допустив голый случай в формирование натуры, мы тем самым утверждаем наличие чего-то похожего на *личную* волю, которая только и может произвести голый случай.

Маги древности, будучи знатоками человека, не могли не установить наследование человеком отдельных свойств, которые различно *даны* человеку. Случайны не сами эти свойства, случайна система их упорядочения в целое, порядок нового набора свойств, выбор формулы их «перевешивания» и сочленения. Разумеется, что от этой системы упорядочения в целое, или формулы порядка набора свойств, зависит общий стиль характера сознание отделенное™ человека, а значит, и общие параметры его жизнепроектирования. А это уже важнейшее практическое знание, обладание которым может дать власть над душами людей. Как раскрыть эти формулы?

Для этого прежде надо иметь принципиальное руководство, устанавливающее истоки неизбежного и случайного в человеке. Так как мудрые люди в древности занимались не

«телами», а человеком, то они пришли, на наш взгляд, к парадоксальному положению, по которому в основе неизбежного в человеке лежат духовные процессы, тогда как случайное не может опираться ни на что другое, как только на ритмику процессов в материи и, шире, в Мире. Оно и понятно: в антикармических целях принцип построения случайного в натуре человека должен быть абсолютно независим от чьей бы то ни было личной воли. Значит, надо найти нечто собственно случайное (волей не направляемое) в возникновении человека и соотнести его с каким-то прочно установленным ритмом, абсолютно не зависящим от воли человека. Достаточно понять это, чтобы далее все решалось само собою.

Что более всего случайно в образовании «Я»? Не подбор предков и не само по себе решение о зачатии, а *момент*, зачатия или, еще более, момент — время суток и дата — рождения, которое легче и надежнее всего соотнести с абсолютно неизменным вращением неба над головой человека или с чем-то столь же прочно и независимо от человека установленным. Выходит, что случайная система образования характера сознания отделенности каждого человека может зависеть от факторов астрологических. Во всяком случае в самой по себе идее астрологии (в определенных границах, конечно) нет ничего, чем следовало бы пренебрегать. То же можно сказать и о других эмпирических науках, которые принято ставить в один ряд с астрологией. Если кармические свойства даны, а воплощение задано, то ведь как-то задан и путь, — не только общий генеральный Путь, но и путь частный, намечена путевая дорога каждого человека. Нет ничего удивительного в том, что на теле человека — его ладонях, строении лица и т.д. — обнаруживаются какие-то знаки этой наперед заданной кривой частного пути. А уж знаки пройденной дороги жизни — должны быть на нас. Так что и астрология, и хиромантия как науки эмпирические представляют для науки о человеке серьезный интерес.

Разумеется, главное таинство нашего существования — прохождение через рождения Пути восхождения — зависит от всех духовных сил и потому в принципе непредсказуемо. Хотя и тут уместно слово «почти». Прирожденная карма (несмотря на всю свою случайность упорядочения, практически говоря, в далеко не безграничном количестве вариантов) бесспорно обуславливает невхождение юноши в зону душевного рождения. И еще большой вопрос, можно ли помочь тут. Но предвидеть — можно, хотя и не средствами астрологии или хиромантии. Как же? На это *сегодня*, к сожалению, нельзя ответить. Уже в первом периоде жизни картина прирожденной кармы, как правило, смазана и замазана в такой степени, что о ее анализе говорить трудно. Этот анализ легче сделать потом, через многие годы, когда он уже почти не имеет значения...

Детство человека, первый, магический период его жизни, это период его вспашки, от качества которой зависит карма последующих стадий его жизни. Но если в другие отрезки Пути жизни человек пашет и сеет в себе сам, то тут единственное время, когда другие пахут *по тебе* и сеют в тебя. И впоследствии, конечно, в человека могут попасть чужие семена, даже всегда попадают и часто заглушают семена свои. Тут действует один из *основных законов Пути* жизни человека: *когда не растет свое — вырастает чужое*. Но при этом чужое, сколь бы ни было оно мощно, все же останется чужим и в конце концов истлевет, оставляя человека ни с чем (причина, по которой человек так цепко держится за в себе выросшее чужое). Только в детстве можно высеять в человеке чужие семена так, словно они свои, ему

прирожденные. Причем вместе с добрыми всегда сеются и дурные. Это — беда, но не вся.

Беда еще и в том, что только хорошие семена — семена, которые должны взбухнуть, взойти, укорениться; дурные же семена — не семена, это ростки, готовая рассада, которая прямоком с корнями высаживается в ребенке так, словно сама в нем произросла.¹ Оттого-то плоды дурного воспитания созревают не кармически, не в следующей стадии Пути, а здесь же, до душевного рождения. Оттого-то их и нельзя отличить от плодов кармы Прапути.

Хуже же всего то, что первые, в отличие от последних, вовсе не перепаживаются воспитателем и самим ребенком. Невероятная, всегда поражающая *причужденность зла* в молодом человеке и есть, вероятно, результат прямо-таки химического соединения своей и чужой кармы. Но одновременно с этим зло в человеке лишается органической цельности, остается злом соединенных отдельных свойств, а не качества целого. Это крайне важное обстоятельство, так как иначе дурное воспитание, способное в корне переродить качество целого, бесспорно сделало бы вовсе невоз-

¹ Такое возможно именно оттого, что ребенок духовно чист. Вот еще закон: чем более чист душой человек, тем менее он защищен от других, тем более он пробиваем. Замкнутость, непробиваемость наша создается всякого рода нечистотой нашей — пороками, страстями, лживостью, несвободой.

можным и рост духовного сознания и нравственный прогресс человеческих обществ.

Дурные семена, посеянные воспитателем, производят на Пути жизни то же действие, что и карма Прапути: заступают дорогу к душевному рождению. Поэтому главный вопрос воспитания — чисто отрицательный: как не сеять в ребенке дурное. Под конец жизни Толстой считал, что не-решенность этого вопроса есть главное зло человечества.

Особенная злокозненность дурных ростков воспитания состоит не только в том, что они тут же всходят, но и в том, что они, в отличие от семян природных, здесь не перепаживаются, то есть оказывают *наибольшее* кармическое действие в следующих периодах Пути. Выше (см. 2.3.4) мы упоминали людей, которые, пройдя через душевное рождение, почти не живут в периоде идеалов — тотчас гаснут. Нужно ли говорить, благодаря чему происходит такое погашение... Именно погашенные люди в основном управляют толпой нашего времени, душевные процессы в которой определяют дальнейшее направление хода истории.

В детстве и отрочестве нетрудно воспитать все пять кармических состояний, но в разное время и в неодинаковой степени. *Легче и раньше всего* поддается воспитанию состояние душевной несвободы, карма которого действует затем всю жизнь и с особенной силой — на подступах к личностному рождению. Так что человека можно лишить личностного рождения уже «от двух до пяти» лет. Это кармическое состояние, как интуитивно кажется, почти не сказывается на возможности душевного рождения.

Чуть позднее, но так же просто передается ребенку и состояние борьбы, азарта жизни, состояние, удовлетворение которого для многих затем становится чуть ли не главным двигателем в жизни. Душевное явление это в наш век приобрело массовый характер и отнюдь не свидетельствует об особом темпераменте души современного человека. Напротив, качество это ныне соседствует с душевной вялостью и потому

более всего проявляется на трибунах стадионов, у экранов телевизоров, в бессмысленном бунтарстве. Это та теперешняя основа, которую катализируют другие кармические состояния. Первое место среди этих катализаторов несомненно принадлежит состоянию ненависти, малейшая добавка которой в детском возрасте почти неизбежно ведет ребенка к путевой катастрофе.

К счастью, такая порча линии любовной духовности Пути жизни дело весьма не простое: в состоянии ненависти (именно как в состоянии) ребенка трудно ввести и еще труднее удержать его в нем. Зато не нужно никаких трудов, чтобы сделать ребенку привычным состояние самоуверенности, гордости, душевной наглости, сознания ложного превосходства. Ребенок сам стремится заимствовать, перенять это состояние от взрослых, у которых оно не что иное, как внешность духовной неподвижности. Роковое сочетание *состояния неподвижности с состоянием борьбы* в общем случае или выбивает человека за зону душевного рождения, или гасит его сразу после душевного рождения. Сочетание этих двух состояний типично для человека толпы.

Еще одна невиданная прежде черта современной жизни — это мощное распространение юношеского и даже отроческого состояния блудливости. Дело опять же не в «фактах», а в душевном состоянии сексуального помрачения, которое в раннем возрасте губительно. Пока человек его изживает, уже — поздно. Состояние блудливости, как состояние, обратное душевной чистоте, опасно всегда, но наиболее опасно в пике чистоты — 16 (12) лет — и, как кажется, еще в один момент жизни.

Как утром, перед восходом, бывает особенно холодно, так и перед душевным рождением есть момент какого-то глубинного душевного охлаждения, когда отрока обуревают все темное и анархичное, что есть в нем. Гадок и нечист бывает человек в эту краткую предрассветную пору. Всегда содрогаешься, встречая полуношей, так откровенно объятых тьмой. Наверняка это зачем-то нужно, но все равно жутко, впечатление падения в пропасть, в холод, в тьму, и не верится в восход солнца душевного рождения. Оно, мне чудится, часто действительно не всходит из-за особой катализирующей силы состояния блудливости. Тут меркнет ранее проявленное сознание различия *красоты* — единственный идеальный мотив плотского человека, который в периоде идеалов начинает активно служить в поле духовного тяготения. Плоть необорима, если красота в периоде идеалов вырождается.

Кроме пяти указанных состояний есть еще одно, шестое кармическое состояние, которое Толстой мог бы легко вывести из Нагорной проповеди, если бы в свое время не пренебрег ее третьей заповедью — «не разводись». В 80-х годах Толстой помещал эту заповедь в состав второй заповеди, запрещающей прелюбодеяние в душе, и лишь так, через вторую, обосновывал необходимость третьей. Только после 1884 года жизнь заставила его по достоинству оценить безусловно самостоятельное значение третьей заповеди Нагорной проповеди.

В середине 90-х годов Толстой ясно понял самодовлеющую мистическую необходимость сохранения душевной верности как величайшей святыни и ценности человеческой жизни. Начало это (которое мы назовем *сторгическим началом жизни*), интимно связанное с «религиозным чувством» в человеке, собственно, и не позволяло Толстому уйти из дома.

Роль, смысл и значение сторгического начала в нашей жизни огромно. Можно говорить о сторгической линии жизни человека и о его шестом антисторгическом состоянии кармы.

Если сторгическую линию можно в первом приближении и очень грубо назвать линией душевной верности, то соответствующее кармическое состояние можно наименовать *состоянием душевной измены*, неверности. Это состояние человека связано со всеми остальными его кармическими состояниями, всеми ими усиливается, и опасно тем, что приводит душу в неспособность образовывать с другими душами прочные душевные и духовные связи, связи, переоценить значение которых в жизни нельзя. Мы еще много будем толковать об этом.

Говоря о кармических состояниях вообще, нельзя не сказать о силах благой кармы, которые возникают в процессе преодоления и вспашки кармических состояний. Эти путеводные силы жизни — смирение, чистота, верность, свобода, мир, любовь — тоже воспитуемые. Но тут есть особенная сложность, из-за чего так редко бывают удачны попытки внедрения их в ребенка.

Ростки кармических состояний можно высаживать каждый отдельно, и они дадут свойственное им кармическое действие. Добрые же семена нельзя высевать по отдельности или одно высевать без другого, — такой сев цели не достигнет и может принести вред. Например, закладывая в душу верность без душевной свободы или свободу без душевной верности, мы в первом случае разовьем и без того сильную в человеке потенцию подданничества, а в другом привьем ему тягу к эгоизму. То же самое можно обнаружить и в отношении других пар путеносных сил: «смирение без свободы», «чистота или смирение без верности», «мир без любви», «чистота без любви».

5.

Ребенок, который упав, спрашивает мать: «почему ему (телу моему) так больно?», этот ребенок, кроме того, что обладает человеческой способностью смотреть на себя с высшей точки зрения, еще знает, и знает несомненно, что тело не есть «Я», а лишь принадлежит «Я» — «мое». Больно может быть «Я» (когда испугался другого «Я») и моему телу (когда ушибся), и это разные состояния, хотя внешняя реакция одна — призыв о помощи плачем. Такая же дистанция между «Я» и «мое» в представлении ребенка существует и для любого другого одушевленного существа и даже неодушевленного тела, вещи, которая сознается им, как и его собственное тело, «моим» (что и есть «магическое сознание»). «Я» ребенка еще и потому чисто, что произрастает как бы отдельно от тела и тел. Первый, магический, период Пути жизни кончается, как только «мое тело» признается в качестве «Я», а другие тела отчуждаются, то есть как только в полную силу заработало сознание плотской отделенности, сознание своих телесных пределов, заглушающее первичное Божие сознание, чисто проходившее через маленького человека.

Несколько повзрослев, мальчик утрачивает свою чудесную магическую способность сознать «тело» с точки зрения «Я». В середине второго семилетия жизни он совсем уже не понимает возможности такого различения. «Я» в языческое время Пути жизни и есть мое тело, находящееся в четкой оппозиции к другим телам и вещам. В самосознании десятилетнего мальчика или восьмилетней девочки есть только тело, только автономная плотская жизнь, усиление и утяжеление которой представляет единственный интерес его (ее) существования. В эти годы душевно бесчувственны и жестоки почти все, хотя далеко не все злы. Злоба — это

душевная порча, гниль души, жестокость же отрока проистекает от душевной недостроенностиTM, от незнания в себе духовного начала и, следовательно, отсутствия внутренней нравственной борьбы, которая еще не нужна ему. Нужно пока что только развитие, усиление — до превращения в порок! — природных сил плоти, без борьбы с которыми не может в дальнейшем проявиться духовная жизнь. «Если есть борьба — не внешняя борьба, не знаешь, что выгоднее, рискнуть или не рискнуть, а внутренняя, борешься с кем-то невидимым, не обещающим выгоды, как воздержание от порока — то есть то духовное начало, во имя которого происходит борьба» — учил Толстой (54, 36).

Природа создана в угоду духу, в ней с этой стороны зла нет. Не так зла и животная природа человека, на чрезмерную угнетающую дух силу которой так часто жалуются не только одни аскеты. Мы плохо понимаем значение мощи сил плоти в нас, которые не даром делаются особенно напористы непосредственно перед душевным рождением. Наша плоть из возраста в возраст работает для совершения Пути и запрограммирована так жестко, так слепо, что продолжает «следовать» и тогда, когда мы сами давно сошли с Пути. «Круг» плоти подогнан к «кругу» жизни тем же самым Началом, которое дает Путь. И когда в момент душевного рождения все энергии плоти форсируются в человеке, то это совершается силами установления Пути («оживления») в видах не плоти, а духа.

С момента душевного рождения человек становится дипольным существом, зажатым между двумя центрами, неизбежные противоречия и противоборства которых полностью заполняют его существование. С одной стороны бурный поток плоти, затопляющий душу своими хотениями, с другой — диктуемые свежепробужденным религиозным чувством идеальные стремления, осуществить которые чрезвычайно трудно. Родившаяся душа всеми силами тормозит разогнавшуюся плотскую жизнь. Все муки периода идеалов — в этой борьбе, которую во мне ведет «призрак Бога» и от полноты победы в которой зависит успех дальнейшего Пути. Важно не столько победить, сколько бороться, преодолевать. В преодолении все и дело: перед началом собственного Пути от человека требуется *самому завести пружину своей духовной жизни*. В этом и только в этом назначение и цель периода идеалов, в котором должен побывать каждый человек. Понятно, что только форсированная плоть способна обеспечить максимальную *работу* завода духовной жизни, а значит, и надежный, полный *взвод* Пути жизни.

Плоть, видимо, рассчитана на максимум усилий путевой работы, но по наличным духовным силам нам кажется, что дана она нам с большим запасом. Это и так и не так. Вспомните первые мечты и страсти влюбления (одно из самых ярких, но не единственное явление духовного завода,¹ какая буря и какой накал плоти нужен здесь! С другой стороны, как часто прекрасно взводятся болезненные молодые люди (особенно девушки), которым мощь плоти дана по силам. Плоть, видимо, *не мешает* и духовной заводке другого рода; например, чистому переживанию красоты Мира и творений рук человеческих — влюблению Красоты, которая выявлена всей преемственной работой духовного взвода человечества и без которой человек в периоде идеалов невозможен.

Процесс завода (или взвода) духовной жизни должен, наверное, продолжаться все третье семилетие Пути, но так редко бывает. Даже у тех, которые весьма активно проходят период идеалов, процесс этот обычно прекращается (религиозное чувство глохнет) к моменту первой развилки

жизни (см. 2.3.4) — к 18 (15) годам. Так только и можно объяснить наличие переходного «смутного времени» в кривой Пути, столь часто сопровождающегося у юношей пустой страстностью энергии жизни, выливающейся вхолостую. Тут транжируется то, что почему-то не смогло направиться на завод духовной жизни. Иначе «смутное время» протекает у девушек (14—17 лет), у которых это пора «пустого сосуда» — душевной пустоты и умственной легковесности, постепенно сменяющейся самоощущением какого-то голода, ожидания и, в этом смысле, вакуума души, жаждущей напитаться и могущей втянуть в себя с наслаждением любой яд извне.

Чем сильнее в периоде идеалов хотения плоти, то есть чем более упруга заводная пружина духовной жизни, тем, разумеется, больше требуется сил на преодоление ее, но тем и сильнее может быть взвод ее, тем дольше (большее душевное время) она способна действовать и тем круче

1 По признаку страсти влюбляются, конечно, и плотские, душевнонерожденные люди. Но если душевный юноша *мечтает* — буквально не видит, не может видеть ничего, кроме отдельных черт лица любимой, — то недуховнорожденный только *вожделается*. В одном случае завод есть, в другом его нет.

становится кривая восхождения всего дальнейшего Пути. Еще раз хочу сказать, что Путь восхождения человека зависит от мощи не то что плотской, а прямо его животной природы: чем она страстнее, тем сильнее может быть ее преодоление и тем больше возможность обеспечить себе уже в периоде идеалов полноценный Путь.

Однако чаще всего силы плоти своим могуществом перегашают молодого человека, превышают его духовные силы, что только говорит о том, что мощь их рассчитана не на него. Плоти придана такая сила упругости, которая, видимо, способна обеспечить высшую полноту Пути жизни даже человека наибольшей энергии роста и когда угодно — при любой, сколь угодно высокой духовной ступени развития человечества. Если когда-нибудь среднему человеку станет необходимо тысячекратно по сравнению с нашим взводить себя, то и тогда человеку на заводку его Пути вполне должно хватать природных сил его плоти.

Конечно, до ТОПУ человечество еще много раз может уничтожить себя. Но это не единственная опасность. В поисках всевозможных «благ» и удовольствий человек к тому отдаленному времени способен и плотски разрушить себя. Плохо, когда не заводится, потому что преодолеть трудно, — это беда от Бога, от кармы Прапути, от дурных семян воспитания. Но «пружина» все-таки есть и тут возможно еще путевое спасение. Хуже, когда преодолевать нечего, когда нет или слаба энергия плоти. Эта беда — от своеволия рук человеческих и потому *непоправима*. В перспективе духовного роста человечества, перед ним уже сейчас определенно наметилась задача сохранения своих плотских сил, которых и сегодня, бывает, не хватает...

Надо еще помнить, что сил плоти должно хватать не только на «завод» Пути в периоде идеалов, но и на «подзавод» Пути в дальнейшем. Такой подзавод, совершаемый идеальными стремлениями человека, поднимающими его над самим собой, бывает приступами, может быть когда угодно и длиться минуты или годы. Важно, чтобы человек никогда не утратил способность к нему. Это его личная задача, входящая в состав работы духовного очищения и духовного роста.

Задача же общая — возбуждение в нем действия этой способности, для чего могут и должны служить все средства культуры.

Люди толпы — это те, которые не смогли или сами отказались взвести в годы юности духовную жизнь. Причин, почему не смогли, — много, и культура тут может и не играть основной роли. Но вот основной причиной раннего самопогашения человека бесспорно можно назвать бездуховность культуры, которая всегда должна быть направлена на преодоление (но не подавление) плоти и уж во всяком случае не на возбуждение ее. Неугасшей плоти такое возбуждение не нужно, оно нужно плоти угасающей, молодые и старые носители которой становятся таким образом основной точкой приложения культуры. Это опасно.

Когда культура не исполняет свою роль помощницы в работе духовного очищения, она начинает играть в жизни человека другую роль — роль усилителя кармических состояний души. Это обстоятельство обостряется еще и непониманием значения кармических состояний в жизни вообще и особенно в периоде идеалов. Душевные состояния борьбы, несвободы или душевной твердокаменности многими прямо считаются полезными в молодом человеке для него самого и для общества, в котором он живет. Нужно понять, что каковы бы ни были удобства культивирования тех или иных кармических состояний, все они утишают внутреннюю борьбу не тем, что обуздывают силы плоти, а тем, что погашают призрак «Бога своего», путевое религиозное чувство в человеке, и тем обессиливают силы взвода духовной жизни в нем. Именно благодаря ранее высеянному и теперь расцветшим кармическим состояниям пора взвода Пути в периоде идеалов так быстро сменяется «смутным временем». Это может быть пора безвременья и беспутья, пора полной власти кармических состояний, действительная безсущность которых внешне проявляется разнообразно. Внутренне же власть кармических состояний создает картину *душевной мнимости*.

Мало-помалу и по разным причинам религиозное чувство глохнет,¹ внутренняя борьба в человеке затихает, и центр тяжести его жизни вновь перемещается к плоти. Это тот этап Пути, тот горизонтальный участок полета, в котором естественно успокаивается буря, поднятая душевным рождением. Одни в эти годы словно переживают что-то и, не зная, что делать с собою, часто женятся или уезжают куда-нибудь подальше, как то сделал Толстой; вообще тут наблюдается нечто вроде передышки в жизни, временного успокоения, «остепенения», через которое многие и вступают в период «чужой жизни».

Но часто бывает иначе, когда вместо исчезнувшего «Бога своего» душу наполняют разные силы и в том числе погасившие ее силы кармические. Происходит нечто вроде духовной узурпации власти в душе, и потому естественный «горизонтальный» участок третьего периода Пути сознается человеком как момент «возрождения» плоти, представление о которой резко меняется; чистая красота самодовлеющей бездуховной плоти воссоздается одухотворенной, несущей в себе дух. Некоторые люди начинают вполне реально служить тут не то чтобы телу, а какой-то отвлеченной одухотворенности плоти. Центр тяжести их жизни устанавливается в наружной сфере, в страстности чувствилища плоти, которому придается статус и достоинство внутренней сферы, души.

Вошедший в это мнимодуховное состояние молодой человек может быть правдив без искренности и любить, не любя,

одним влюблением, которое почти никогда не переходит в прочную душевную связь; все его возбуждения — по верхам души, так что он может негодовать, лишь бы негодовать, бить или целовать походя, решать свысока и верить в такие химеры и суррогаты, которым ни за что не вверишь себя в другое время. Это и есть момент мнимости душевной жизни, в которой как бы отраженно, но тем не менее исключительно бурно и, главное, совместно живут и дух и тело, вступая в страстные псевдоконфликты между собой. В такой мнимости искусственно создается атмосфера *ложной дозаводки пути*, в которой человек так иллюзорно легко взводит себя, испытывает такое наслаждение псевдороста и «цельности», которое, конечно, никогда не бывает при действительном росте, но которое тем более завораживает его мнимой полнотой душевной жизни. Надо ли говорить, сколь опасно такое состояние душевной подмены действительного на мнимое, которое было бы невозможно без «облагораживания» культурой кармических состояний?

Есть стиль чувств и есть изощреннейшее искусство мнимой душевности, которым в наше время большинство культурных людей чисто наркотически удовлетворяют свою потребность подзаводки духовной жизни и даже подменяют свою духовную жизнь. Такого рода иллюзорное «возрождение» может грозить действительным духовным вырождением, как только человек, и особенно молодой человек, попадает под власть его. Конечно, человек не обязательно попадает в воронку душевной мнимости, и если попадает, то не потому, что недостаточно активна, слаба была его пора взвода духовной жизни (скорее даже наоборот), а потому что, во-первых, она почему-то завершилась преждевременно, и во-вторых, из-за особой напористости кармических сил, произведенных в плотском участке Пути жизни. Вполне может быть, что здесь действуют не две, а одна, последняя причина — карма, которая таким способом, через мнимую душу, *останавливает* работу жизни и дальнейшее продвижение на Пути восхождения.

Человек, побывавший в душевной мнимости, всегда в дальнейшем *отстаёт* от путевого графика. Раз одетый покров мнимости чрезвычайно прилипчив, въедлив, подменяет собой и тем лишает человека действительной способности духовного подзавода. На многих интеллигентных людях навсегда лежит отпечаток их долгого пребывания в миражах душевной мнимости, которая, кроме всего прочего, накладывает дряблость на волю, всегда уступающую наглой грубой неоязыческой силе.

6.

Все живое живо ростом. Сам по себе рост непрерывен и незаметен, но ближайшие последствия его всегда проявляются скачкообразно: лопается почка, дитя шевелится в утробе, отпадает плод с дерева, взлетает птенец. То же и в духовной жизни человека: сам по себе духовный рост, рост духовного сознания, сдвиг центра тяжести жизни к центру духовного тяготения, усиление любовной духовности, углубление потенции знания истины, узнавание «своей истины» происходит в человеке неприметно и непрерывно; но на душевном уровне, в пласте осознания и выраженных чувств, в слое осуществления духовного действия, в поле актуализации «своей истины» в «свою правду» — рост происходит рывком, нередко даже взрывом.

В опровержение закона мнимой мудрости, любым *качественным* изменениям души человека предшествует *каче-*

ственное же изменение, углубление духовного сознания, высвобождающего новую степень духовной энергии. Правда, в духовной жизни человека иногда бывает, что того или иного рода «накопления» души производят изменения роста, но производимое таким образом движение роста не есть настоящий процесс, это процесс идущий не по действительной, а по мнимой оси — мнимый рост, качественно меняющий состояние души. Глубинный рост духовного сознания, которым человек прокладывает Путь свой, подменяется тут получаемыми извне «знаниями», изощрением умственной и чувственной способности понимания и различения, количественным накоплением груза *на* душу, внешним нагружением души, а не ее наполнением, утяжелением.

Душа, нагруженная всевозможным добром, может — часто так и бывает — остаться совершенно пуста. При этом кипение на ее поверхности производит обманчивое ощущение состояния полноты жизни и даже увеличения этой полноты — духовного роста. Каждый может проверить на себе, скажем, такое отмеченное Толстым правило жизни, по которому «эстетическое и этическое — два плеча одного рычага: насколько удлиняется и облегчается одна сторона, настолько укорачивается и тяжелеет другая сторона. Как только человек теряет нравственный смысл, так он делается особенно чувствителен к эстетическому»¹ (53,150).

Так это часто происходит с человеком во второй половине периода идеалов, на «горизонтальном» отрезке Пути и, что хуже всего, во многих других точках Пути, где должен был бы происходить взлет. Вместо него человек оказывается во вращающейся воронке мнимодушевного омута, где и проводит часть, а то и весь отпущенный ему срок,

¹ Эстетическое не только *подменяет* собой нравственное, но и часто переживаемо как нравственное, даже духовное. Эстеты всегда ощущали себя в высшей степени одухотворенными людьми, а нынешние поэты — еще и пророками (и пророчицами!), маяками истинных чувств, указующими путь толпе. Красота, без которой не может быть взвода духовной жизни в периоде идеалов, в другие времена может стать суррогатом Духа и сигнализировать об упадке нравственной силы в человеке.

уверенный, что он живет полно и настоящей духовной жизнью. У краев этой воронки, то есть в молодые годы, еще и угловое вращение потише, и круг пошире, но чем глубже в омут, тем быстрее вращение и уже круг... Не дай Бог принять это погружение и круговое вращение за рост и восхождение по Пути.

Как есть нормальные, аномальные и мнимые духовные состояния, так есть истинные, ложные и мнимые движения жизни. Деление это условно, так как все ложные, поддельные движения жизни в некотором смысле иллюзорны, мнимы, и мнимые движения поддельны, значит, ложны. Но есть между ними и различия, которые позволяют отдельно говорить о действительном росте, *росте ложном и мнимом росте*.¹

Ложные движения жизни, или *самодвижение*, это развитие жизни, но не по кривой Пути, а по касательной Пути, *по прямой*, движение на базе уже достигнутого на Пути уровня духовного сознания, без изменения скорости роста и с позиции его закрепления. Это — подчеркнем — не неподвижность, как застой духовного роста, а застой *скорости* духовного роста,

при котором неизменной остается степень полноты жизни при сколь угодно высокой изощренности проявления ее. Это присущие процессам в природе и организме эволюционные движения, идущие не к подлиннику, а от подобия к подобию — *рост всуе*. Нельзя сказать, что в таком суеросте не производится никакой работы жизни, работа эта есть и большая. Но чем дальше по прямой ложного роста, тем дальше она уводит от генеральной кривой Пути восхождения.

Самодвижение возникает всегда, как только отключается генератор духовного роста в человеке; так что моменты ложного роста в нашей жизни неизбежны, из них тоже складывается «художественное произведение» нашей жизни. Жизнь любого человека протекает не по плавной, а по ломаной кривой Пути и потому она так запутана и неповторима в своих изломах. Надеюсь, что мы еще увидим, как сложно однозначно оценить явление ложного роста.

Положительную функцию в жизни несет и мнимый рост.

Если ложные движения роста мы поняли как самодвижение по прямой от некоторой точки кривой Пути, то мнимые движения можно представить как самовращение жизни в какой-то точке, могущей находиться как на кривой Пути, так и вне его. В отличие от движений ложного роста, тут не производится никакой, ни полезной, ни бесполезной путевой работы, так как движения эти вообще происходят не там, где может производиться какая-либо работа Пути.

Область, в которой происходит мнимый рост, в полном смысле *выдумана человеком*, и здесь все мнимо: духовность, мудрость, добро, понятия блага, знания, долга, призвания, мнимы возбуждения, вдохновения души, важность дела, определения истинности, мнимы даже сами слова, в которых производится описание всех явлений жизни. Вполне может быть, что само по себе это есть нужное для Пути и данное человеку состояние передышки, *отдыха от трудов Пути жизни*, где человек может заснуть в ночные времена и даже продолжать свое жизнедействие в сновидениях. В этом смысле «искусство есть... сон, необходимый для поддержания духовной жизни. Сон полезен, необходим после труда, но сон искусственный вреден — не освежает, не ободряет, но ослабляет» (53,135).

То же самое нужно сказать не об одном искусстве. «Сном» для человека может быть и наука, и дело, которым он добывает свой хлеб, и страстный общественный утопизм, которым он подменяет жизнь духовную. Хуже всего, когда свои *сновидения жизни* человек принимает за действительность, превращает в жизнедеятельность, — тогда отдых и передышка растлевают его и превращаются в праздность.

Недаром Лев Толстой постоянно подчёркивал всех раздражающую мысль о том, что наше искусство плод — праздности и создано на потребу *праздного человека*, что наша наука создается людьми, уклоняющимися от духовной работы жизни, что работающая на мнимую душевность культура есть одновременно мнимая культура и культура праздности, на которую совершенно *зазря* гробятся многие и многие жизни. Эти столь надоевшие положения толстовской проповеди и ныне не производят никакого действия. Мы наверняка лучше поняли бы слова Толстого, если, с одной стороны, не принимали бы наши сновидения за одухотворения, и с другой — перестали бы придавать значение тем утилитарным результатам известного рода праздной (то есть ненужной для труда Пути жизни) жизнедеятельности, которые увеличивают возможность всех родов праздности житейского потока.

Ложный рост с точки зрения учения Пути это не та работа, но работа, мнимый же рост есть *праздность*, выдаваемая

за труд и подменяющая собой действительный духовный рост, настоящий труд жизни; это такое состояние души, в котором духовный рост вообще остановлен и под здание жизни, по слову Толстого, «вместо камня подложены надутые воздухом пузыри» (45,301).

Следует отметить связь движений мнимого роста и кармических сил в человеке. Толстой настаивал на особенном значении кармического состояния самоуверенности (гордости), которое у него иногда становится чуть ли не основным мотивом мнимости. Искусство, да и вся культура слишком часто творится только затем, писал Толстой, чтобы «есть представления», обмануть собой, убедить кого-то, а лучше всего всех, «о том, что в том, откуда оно исходит, есть что-то необыкновенное, хорошее, доброе. А там ничего нет» (54, 13). Мнимость в искусстве (культуре) обусловлена не природой искусства, а тем, что производящий его человек стремится посредством его представить себя не тем, что он есть: необыкновенным, глубоким, хорошим, чутким, а главное, *особым и утонченным*. Именно тщеславие и гордость — основные производители сновидений жизни.

Но и без помощи извне кармическое состояние гордости как бы закликает человека на самом себе, замыкает его самого на себе, уже одним этим вводя душевно активные натуры в самовращение на Пути. Свою роль должны играть здесь и другие кармические состояния. Определить их действие должна конкретная наука о Пути, в будущем владения которой нельзя проникать опрометчиво. Мы и так грешны этим.

Оценивать явления Пути надо крайне осторожно, тут легко сместить все акценты. Можно говорить о том, что явления мнимой душевности вызваны кармическими силами, мимикрией духа, роста, духовной заводки. Но было бы легкомысленно на этом основании оценивать путевое значение такого рода кармических состояний. Наверняка оно имеет важное значение в жизни, да и стало возможно в результате пусть преждевременной (на наш куцый оценочный взгляд) остановки процесса взвода духовной **жизни**, но — ведь и в продолжение этого процесса!

Мы говорили о самовзводе и подзаводе пружины духовной жизни человека, производимом его идеальными стремлениями и борениями. Но внешне, в своих наружных проявлениях это состояние самозавода представляется чем-то беспутным, ложным, недействительным. Как иначе расценить броскую категоричность, плоскую односторонность, жесткую однозначность, весь этот юношеский максимализм завязи духовной жизни? А чего стоит одно, столь чреватое многими бедами стремление к выдуманному разделению всего на свете надвое: Бога и Дьявола, белое и черное, «своих» и «чужих», благородство и подлость. А ведь иначе, без всего этого трудно представить самовзвод Пути в молодые годы.

Первой половине периода идеалов вообще присуща не мнимость еще, конечно, но все-таки призрачность внутренней жизни. У каждого человека после душевного рождения существует внутренняя потребность иллюзорного перенесения своего центра духовного тяготения в другое существо, чаще всего другого пола (то, что и называется влюбленным). Разве эта потребность и это перенесение не призрачно? Но разве не оно более всего взводит духовную жизнь? «Призрачно» и религиозное чувство, которое тем не менее творит действительную работу жизни. Так что душевная жизнь этапа мнимой душевности есть как бы естественное продолжение, а значит, и законная часть периода идеалов, *обеспечивающая непрерывность Пути*.

Недаром только душевно активные, активно взводившие себя люди сами входят в отрезок мнимой душевности. Не сохраняют ли таким образом они свою духовную активность, а следовательно, и способность к росту и протесту духа, которая становится абсолютно и ежеминутно необходимой для прохождения следующего периода, периода «чужой жизни». Не совершается ли тут, в мнимости, некоторый перенос заряда духовной жизни, подобно тому, как мы каждые сутки невинно переносим с вечера в утро наш заряд житейской активности? И тут, видимо, действуют самые тайные путевые силы — силы «оживления», удержания на Пути...

Вполне может быть, что некоторые из нас не зря отдают несколько лет на «горизонтальный», проходной отрезок мнимой душевности. Отрезок этот идеалистичен и входит в период идеалов. Кто испытал тот «неповторяющийся порыв, ту на один раз данную человеку власть сделать из себя все, что ему хочется, и как **ему** хочется, и из всего мира все, что ему хочется», тот благоговейно вспоминает те счастливые времена, когда он, подобно Ленину в «Казаках», «сознавал в себе присутствие этого всемогущего Бога молодости, эту способность захотеть и сделать, способность броситься головой вниз в бездонную пропасть, не зная, за что, не зная, зачем» (гл.11). Разве этот порыв перевернуть по своему желанию мир, и это сознание способности сделать все, что захочется, не «мнимы»? А ведь не проживешь без них потом... Это не омут, а состояние *отваги души*, которое совершенно необходимо перед первой атакой человека на укрепление его Пути.

7.

Человек давит ближнего своего не столько потому, что находится в кармическом состоянии борьбы ли, несвободы ли, или даже ненависти, а потому, что жаждет власти, или корысти, или завистлив, сластолюбив, хитер, подл, глуп, наконец. Разумеется, эти злые качества, которыми один человек делает зло *другому*, катализируются или прикрываются собственно кармическими, то есть душевными состояниями, но надо помнить, что свою кармой человек прежде всего приносит зло *самому себе*, — сбивает себя с Пути. Кармы нет ни у животного, ни у святого. Но покуда человек проходит Путь свой, он несет в себе свою карму, которая вредит ему самому и лишь в качестве побочного действия — другому.

Однако карма, дурная карма, не только вред, зло Пути. «Соблазны должны прийти в мир...» Значит, нужны они? В прямом переводе соблазны это ловушки для души, душевные ямы, заманки, душевные прельщения, то есть всякого рода дурные душевные состояния, так или иначе связанные с кармическими состояниями или являющиеся **ими**. Соблазны играют какую-то важную, и не только отрицательную роль в жизни человека, не разобрав которую нельзя понять самого себя и свой Путь.

Хорошо известно, что человек способен на совершенно фантастические проявления похотей тела, которых у тела изначально вообще нет. Человек гораздо более похотлив, нежели животное, существо. Человек может *сам* раздувать похоть, а животное — нет. Отчего? Оттого что животное не имеет самостоятельно функционирующего пласта воображения и «слова», а человек так же свободно орудует в нем, как и в плоти — то есть в конечном счете, оттого что человек более одухотворенное существо.

Дело не только в том, что каждый из нас обладает фантазией, страстями, умом, способным усиливать и извращать все потребности и повинности плоти, а в том, что человек никогда не живет без сил, *душевно* привлекающих его к греху. Как более одухотворенное существо человек всегда имеет свои *представления* о благе и свое отношение к Миру. И в то же время человек есть некто, кто, в лучшем случае, лишь домогается истинного блага, никогда не достигая ни его самого, ни полного представления о нем.

Человек — Путь и находится на Пути и уже по одному этому всегда имеет в той или иной степени ложное представление о благе жизни. Благодаря этим своим *ложным представлениям* о благе и об отношении своего «Я» к Миру, — что Толстой и называл *соблазнами*, — человек, с одной стороны, перестает чувствовать и сознавать тот грех, который создавался раньше, и, с другой стороны, привлекается душою к тем жизнепроявлениям, которые он ложно возводит в ранг блага (или — счастья, радости, удовольствия, приятности) жизни как ее неотъемлемого «должного» свойства. Это-то почитание греха благом более всего и раздувает грех. Раздутый же грех неминуемо производит соответствующей силы страдания, связь которых с вызвавшим их грехом совершенно несомненна. Грех изживается и вместе с тем изживается и соблазн.

Процесс этот в «Пути жизни» (VI, III, 13) описывается так: «Соблазны должны прийти в мир, — сказал Христос. Я думаю, что смысл этого изречения тот, что *познание истины* *недостаточно* для того, чтобы отвратить людей от зла и привлечь их к добру. Для того чтобы большинство людей узнало истину, им необходимо, благодаря грехам, соблазнам и суевериям, быть доведенными до последней степени заблуждения и вытекающего из заблуждения страдания». По такого рода соображениям Толстой в последнее десятилетие жизни предсказывал скорое наступление эпохи страданий для людей западной цивилизации.

Это одна сторона дела. Другую Толстой объясняет так: «человеку для того, чтобы узнать зло, надо вкусить от голода его. То есть учиться не мозгами, а боками, надо опытом изведать зло, потолкаться о стенки, огораживающие путь истинный, чтоб идти по нем. Одного опыта мало, нужно и знание (разумение). Испытать и знать. Знать и испытать. *Второе легче*» (50, 99).

Человек может *знать* Путь (разумением, духом, силой «оживления» в себе), — совсем без этого знания нельзя, но одним им не проживешь: нет в нас такой силы его, да и само оно, это знание Пути и Истины, раскрывается нам по мере нашего продвижения по Пути и углубления нашего духовного сознания, по мере духовного роста. Душа человека не того уровня Божественности, на коем возможен Путь по одному духовному знанию. Поэтому человеку куда легче испытать, узнать опытом, эмпирически, а не силой духовного сознания. Знать человеку тяжелее, чем испытать. Испытать легче, чем знать. Чтобы идти по Пути, надо «опытом изведать зло», для этого-то и нужны соблазны. Без соблазнов познать Путь и Истину нельзя. Конечно, есть исключения, но для них ли эта Обитель?..

Человек исходно убежден, что его жизнь дана ему для блага его. Это «*основной соблазн*» нашей жизни. Изживается он не декларациями, не умственными или Богословскими построениями, не откровением духа и даже не в процессе, а в *результате* естественного пути жизни, — тогда, когда человек сумеет перенести центр тяжести жизни в свое духовное Я. Надо Путь пройти, чтобы реально преодолеть этот соблазн. И

надо преодолеть этот соблазн, чтобы пройти Путь. Так со всеми соблазнами в нашей жизни.

По духовной немощи нашей мы можем идти по Пути только толкаясь об отгораживающие его стенки-соблазны, опытом узнавая дорогу. Но узок путь, ведущий в Царство Небесное, и вслепую, только тыкаясь о стены, на него не попадешь.

8.

Люди должны грешить и не грешить не могут. Зачем же сотворил так Бог? Нельзя ли как-нибудь, чтобы греха не было? «Спрашивать об этом, — говорил Толстой, — все равно, что спрашивать о том, зачем Бог сотворил матерей так, что для того, чтобы им иметь детей, им надо мучиться, рожать, выкармливать, воспитывать детей. Не проще ли было бы, если бы Бог сразу дал матери готовых детей, без родов, без кормления, забот и страхов? Никакая мать не спросит этого, потому что ребенок и дорог ей потому, что в муках родов, и в кормлении, и в выращивании, и в заботах о детях была ее лучшая радость жизни. То же и с человеческой жизнью: грехи, соблазны, суеверия, борьба с ними и победа над ними — в этом и смысл, и радость человеческой жизни» («Путь жизни» VI, V, 1).

Грехами Толстой называл все то, что препятствует единению человека с Богом и людьми. Грех усиливает сознание отдаленности — непосредственно, замыканием на себя, или через ожесточение пределов отделенное™ («тела»). Сознание греховности вытекает из сознания неразделенности духовного существа и в качестве душевного знания всегда реагирует на усиление сознания отдаленности, стремящегося к выражению в поступках или в желаниях поступков. Совесть, любовь, разум, религиозное чувство — все эти грани души, проявляющиеся при ее рождении, суть разные проявления сознания духовной неразделенности. Впервые они начинают мощно работать в человеке во времена резкого усиления его сознания отдаленности, после душевного рождения, в момент юношеского смятения (от сознания своей самостоятельности вместе с сознанием душевного одиночества), с одной стороны, и от удручающего сознания своей подвластности стихиям плоти, с другой. Сознание телесной и душевной отдаленности в этот момент доходит до сознания телесно-душевного разрыва, катастрофы на Пути. И вместе с тем именно это сознание усиливает работу идеальных стремлений души, противодействующих как наплыву похотей, так и сознанию душевного одиночества. В некотором смысле можно сказать, что взвод духовной жизни в первой половине периода идеалов происходит благодаря «грехам тела»: без грехов нет души, а без души — грехов. Из этого, кстати, следует, что искусственно вызванное погашение сознания греховности похотей означает разрушение духовного сознания в человеке и прежде всего погашение сознания души, понижение степени знания души в себе. Ну и, конечно, утрату восприимчивости к истине.

Таково в общих чертах значение «грехов» для духовной жизни. Ну, а значение соблазнов? Как существа путеносные, люди всегда так или иначе различали добро от зла, «боролись со злом, искали истинный наилучший путь и медленно, но неотступно подвигались на этом пути». Соблазны же, давая ложные представления о благе и говоря людям, что «этого не нужно делать, что не нужно ничего искать, что им и так хорошо и нужно жить, как живется», *заграждают* человеку Путь.

Соблазны загораживают Путь, затрудняют, останавливают его, но и, что особенно важно для учения Пути, принуждают к более активной *свободной* работе; и каждый раз, устанавливая заграду на Пути, они тем самым устанавливают и необходимую силу роста, способную преодолеть это препятствие. Соблазны нужны, как нужна сила трения и сила притяжения для работы взлета и полета: без этих сил легко оторваться и лететь, но ведь и работы не нужно никакой. Держителю Пути для недоступных нам целей нужна от нас именно путевая работа, труд прокладывания, а не просто хождение по Пути, ноша одних участков которого может быть легче или тяжелее для того или иного носильщика.

По некоторым причинам человек может играючи проскочить какой-то участок, даже период Пути, не встретив на нем серьезного сопротивления. Какая в этом заслуга? Каждому предстоит свой собственный труд жизни, свой трудовой участок Пути, своя яма (или ямы), в которой ему сидеть удобнее, приятнее, сподручнее всего, или выбраться из которой ему всего тяжелее. Путь как работа Божья совершается не просто при прохождении, а при преодолении Пути. Поэтому в пределах естественного пути жизни нельзя говорить о большем или меньшем достоинстве человека в зависимости от точки кривой Пути восхождения, в которой он находится. Один может дойти до критической точки, практически не начав еще труд *своего* Пути, другой, входя в пятый период, совершил уже большую часть отпущенной ему на долю работы. О достоинстве человека можно судить только *по цельной* картине всего его естественного пути, понимая, что опережение или отставание от графика нормативной кривой Пути восхождения может быть вызвано специфическими особенностями его собственной путевой судьбы, а не качеством работы его путеносных сил.

Путь жизни — не спорт, и спортивное отношение к Пути — один из соблазнов. Путь заграждающих.

У каждого свой, особый соблазн, ему назначенный и ему нужный. Об этом мы уже говорили. Соблазны вместе с грехами это та почва, на которой произрастает духовная жизнь. Прорастет ли семя — это зависит как от пробойной силы роста в нем, так и от заграждающей толщи и плотности пласта почвы, которая его прикрывает. Образ почвенного пласта грехов и соблазнов человека годен для иллюстрации многих явлений жизни.

Весь естественный путь жизни человек находится в ненормальном духовном состоянии, то есть в состоянии прельщения, соблазненное™ ложными представлениями о благе. Для естественного пути прежде всего характерны ложные представления об отношении людей к людям. Соблазнов такого рода Толстой насчитывает пять: гордости (представление о своем превосходстве), неравенства (представление о высших и низших людях), устроительства (представление о возможности и праве одних устраивать насильем жизнь других), наказания (представление о праве и пользе наказания) и тщеславия (представление о руководстве не своим разумом и совестью, а людскими мнениями и законами, то есть не своею, а Общею душою).

Все эти соблазны или являются или зиждутся на тех кармических состояниях, на которые мы указывали выше. Соблазну гордости полностью соответствует кармическое состояние гордости. Соблазн неравенства вполне основан на кармических состояниях антисторгии и ненависти, в которой Толстой всегда особенно выделял шовинистические чувства. Соблазны устроительства и наказания держатся на все той же карме гордости плюс карма борьбы. Что же до соблазна

тщеславия, то он просто есть иное выражение кармы духовной несвободы.

Различие между кармой и соблазном то же, что между создающим и созданным. Кармические состояния в одной стадии (периоде) жизни создают соблазны в другой. Соблазн — действие кармы, но и сам, конечно, обладает кармическим действием. Таким образом, кармические силы, вторично воссоздаваясь через соблазн, пронизывают весь Путь, проникают во все периоды жизни. Карма, выработанная в детстве (хотя она, по Толстому, и легче всего изживаема), мало что обернется соблазном в молодости, но будет мучить и в пожилом возрасте. Любая карма вполне гасится только на свободном пути жизни. К несчастью, то же можно сказать, видимо, и о карме Прапути. Хотя тут есть одна немаловажная особенность.

Соблазн есть своего рода воплощение кармы, *напластование* кармы, которая таким образом обеспечивает «массу» того почвенного слоя, через который предстоит пробиться ростку. Первоначальный слой у каждого свой и задан кармой Прапути, которую можно рассматривать как то, что Толстой называет «похотями тела». Разумеется, эта карма являет собой самый поверхностный слой, за которым находятся и на который воздействуют более глубокие слои кармы — душевный, личностный. Вместе с тем, этот поначалу очень плотный и упругий слой служит тем противодействующим моментом, на котором производится завод и подзавод духовной жизни, нужный для совершения путевой работы. Сама же путевая работа естественного пути жизни преимущественно, и чем дальше, тем больше, совершается в преодолении всевозможных напластований кармы, созданных в предыдущих периодах Пути жизни.

Человек сам впрок уготавливает себе душевные ловушки, капканы, ямы, топи, в которые потом попадает, вязнет, тонет. Первоначальный почвенный слой («грехи телесные») с годами все более и более теряет крепость и упругость, возможность подзавода духа в теле имеет свой срок;

но не имеет срока и все более с годами ширятся, крепнут, прессуются, твердеют напластования соблазнов. Путь жизни таков, что попасть в ловушку какого-либо соблазна и идти дальше, не выбравшись из нее, нельзя: в любом из них утонешь, погрязнешь. И это не наказание Божие и не происки дьявола, — такова тактика Пути восхождения и, шире, Пути жизни, которым не следовать мы не властны.

9.

«Соблазны и суеверия со всех сторон окружают человека, — пишет Толстой. — Идти в жизни среди этих опасностей, все равно как идти по болоту, постоянно погрязая и постоянно выбираясь» («Путь жизни» VI, III, 12).

Это не жалоба. Такова жизнь. Каждый человек в ней всегда находится в какой-то душевной яме: либо сидит в ней, либо попадает в нее, либо выбирается из нее. И выбравшись из одной, тотчас попадает в другую. Оступился

— выбрался, из одной ловушки — в другую, вылезешь — скатишься, вновь вылезешь, чтобы опять залезть, упасть

— только так и живет душевный человек.

Поначалу Толстой думал, что этот труд дан человеку как крест, который он должен нести. «Устроиться так, чтобы все пошло по маслу, нельзя, — пишет он в 1889 году Хилкову, — а в том-то и жизнь христианская, чтобы выбиваться из одной ямы в другую, чтобы трудиться, нести крест и не думать о том, что выйдет из моего труда и несения креста» (64, 277). Теперь

мы понимаем, что из этого труда и креста должен выходить Путь.

«Живет юноша, поступает в учебное заведение, предается науке; но скоро, увидав и тщету и незаконность досуга и жира иаучников, бросает, идет в революцию; но познав гордость, жестокость, исключительность революционеров, бросает, идет в народ. В народе суеверия, эгоизм борьбы за существование отталкивают его. Может даже пойти на время в Православие, в монастырь — лицемерие. Попадает в общину — тоже находит не то — выходит. Тут сходится с женщиной, которой увлекается, тем более, что она как будто разделяет его стремления — сходится, родит детей, находит в ней совсем другое, не то, чего он ждал, мучается с нею. Она бросает его. Он остается один и живет у приятеля, сам не зная, что делать, как жить, но, как и всегда, везде любя людей вокруг себя и помогая им, и тут умирает. И умирая, говорит себе: неудачник я, пустой, дрянной человек, никуда не годился, за что ни брался, ничего не мог доделать, никому даже не нужный, никого не умел даже привязать к себе. И, ударяя себя в грудь, говорит: Пустой, дрянной я человек, Боже, милостив буди ко мне грешному. Я думаю, что ему хорошо, и я желал бы быть им, — заключает Толстой. — Такой спасется и вне общины» (64, 299).

Тут все есть: и духовное беспокойство, и борьба, и из ямы в яму и через яму, и рост, и любовь к людям. Не хватает одного: *цельной картины жизни*. Нет Пути. Толстовский герой, конечно, не пустой и уж тем более не дрянной человек, но — отчетливо видно — путевой неудачник. Хотя он и любит людей и только и делает, что несет свой крест. Из его труда единства Пути не вышло — одни клочки, лоскутки Пути, на которые разорвана вся жизнь. История эта, быть может, и работает на учение роста, но никак не на учение Пути. В ней можно уловить какую-то последовательность душевных превращений, но в ней нет главного — *направления и центра*. В жизни толстовского героя множество следующих друг за другом и почти разрозненных рабочих операций, но нет той единой рабочей операции, которая и составляет Путь.

Каждый день жизни человека — череда спусков и подъемов душевной жизни, обольщений и разочарований. Из таких спотыканий, падений, взлетов, побед и поражений, из таких отдельных рабочих операций состоит вся биография души человека — и каждый его год, и каждый его период или стадия Пути жизни. Но и весь Путь человека от первого его периода до свободного пути жизни представляет собою одну, единую человеческую операцию работы Бога, в которую *должны складываться* все взлеты и падения души, все движения жизни.

Выбираться из одной душевной ямы в другую — не самоцель. Человек совершает не крестный подвиг, а Путь. И Путь этот можно охватить разом, в единстве, как одну операцию, составляющую назначение и труд жизни человека. Каждый период и каждая стадия Пути имеет свое назначение в общей работе жизни. Подобно отдельным операциям каждого дня, года, периода жизни, эта единая операция — Путь нашего существования — представляет собой вхождение в некоторую частную, уготованную каждому отдельному человеку яму или, лучше, шахту души и выход из нее. Но в нашей, человеческой. Обитатели есть и одна специально для всех предуготованная общая глубинная точка в шахте души, которая составляет *центр* жизни, центральное место Пути жизни, куда сперва нужно попасть, а потом выбраться. В этом «попасть» и «выбраться» — основная и первейшая задача человека как самовластного орудия Божьего.

Все препятствия на Пути человека существуют только для того, чтобы, преодолевая их, он мог совершить одно назначенное ему главное в этой Обители преодоление. Что же это за преодоление, для которого мы живем и которое нам предназначено? Что же человеку нужно преодолеть? Ответить на этот вопрос можно, верно определив *центр Пути жизни* и *центр Пути восхождения*.

Наличие единой рабочей операции человеческой жизни подразумевает два отдельных поприща: поприще вхождения в центр жизни, в центральное место Пути жизни, в которое человек должен, как в цель, *попасть*, и поприще выхождения, исхода из этой общепутевой шахты души. Но что считать *поприщем вхождения* и *поприщем исхода*?

Пусть поприщем вхождения будет Прапуть. Тогда в него следует включить первую четырнадцатилетнюю стадию жизни, в которой происходит актуализация Прапути. Это значит, что в центр Пути нашей Обители человек входит с душевным рождением. Тогда поприще исхода надо отсчитывать либо с начала периода «чужой жизни», либо с личностного рождения. Ни то, ни другое невозможно, так как не представляет преодоления того, что человек обретает в результате процесса душевного рождения. Да и весь период идеалов похож не на центр, а на пролог жизни.

Другое дело, если центральным местом Пути счесть четвертый период жизни, период «чужой жизни», где вязнет не худшая половина рода человеческого. В личностном рождении действительно есть преодоление того рода, которое мы ищем: преодоление-осуществление; недаром многие культурные светские люди считают момент личностного рождения главным переломом жизни и, сами того не сознавая, исчисляют от этого момента нечто подобное тому, что мы назвали поприщем исхода. Почти каждый культурный человек в наше время стремится, как актер, изобразить из своего характера личность, достижение статуса которой почитается высшей целью человеческой жизни. Разумеется, мы не можем разделить такую точку зрения. Считать поприще исхода с момента личностного рождения значит совсем обесценить значение и роль рождения духовного (чего многие, сами того не сознавая, вообще-то и хотят).

Весьма привлекательно обозначить центральным местом кривой Пути период «своей жизни», наступающий после личностного рождения. Тут, кажется, и расположен центр человеческой жизни, центр Пути жизни. Но не центр Пути восхождения.

С духовной точки зрения нет никакого сомнения в том, что «своя жизнь» пятого периода Пути — это своя, личностная яма (или ямы) души, в которую человек обычно с трудом попадает и из которой с еще большим трудом выбирается. Не сомневаясь, можно весь Путь человека до личностного рождения отнести к поприщу вхождения; ровно так же можно, не робея, отнести весь духовный путь, начиная с духовного рождения, к поприщу исхода. Установив это, можно в перспективе всей жизни осмыслить главное дело Пути восхождения, главное его преодоление: преодоление той равновесной душевной автономности и телесно-душевной гармонии, той личностной самобытности и самовластности, которую человек осуществляет в себе в результате личностного рождения. Центр Пути восхождения как будто сам собою устанавливается на пятом периоде жизни.

Если период «своей жизни» есть центральное место Пути восхождения, его им же созданное главное препятствие, то преодоление этого препятствия начинается с критической точки Пути, с наступлением шестого периода пробуждения.

Можно ли считать эту точку точкой главного перелома Пути восхождения, откуда берет начало его поприще исхода? Не есть ли период пробуждения уже исход, выхождение? Вопрос не праздный, так как от его решения зависит решение общепутевой проблемы удачи или неудачи дела восхождения. Достаточно осознать ответственность этого вопроса и его решения, чтобы ясна стала полная невозможность положительного ответа на него. Удачное прохождение критической точки и всего периода пробуждения это одна из удач Пути восхождения, но никак не определитель или сигнал результативности дела восхождения.

Человек шестого периода Пути сплошь и рядом теряет путевую благодать, попадает в самодвижение ложного или омут мнимого роста и уносится нисходящим потоком жизни, сходит с Пути восхождения. В периоде пробуждения происходит путевое таинство осмысления личностного духовного Я, своей духовной ипостаси — духовного «отца» себя, четвертого лица. Это огромный скачок духовного роста на Пути восхождения, но не его перелом, а углубление, последнее выявление и результат всего предшествующего направления движения восходящей жизни. Линия периода пробуждения на Пути восхождения имеет тот же знак, что линия периода «своей жизни», и оба эти периода, находясь перед точкой главного перевала, должны быть отнесены к поприщу восхождения этого Пути.

Главное дело всего Пути восхождения теперь должно быть осмыслено несколько иначе. Перенеся центр жизни из пятого периода «своей жизни» в седьмой период духовных родов (а это мы и сделали, приписав шестой период пробуждения в одну линию с пятым), мы тем самым выдвинули в качестве главного, поворотного препятствия Пути восхождения не душевную автономность и личностную самовластность человека после личностного рождения, а то онтологически данное (всем? каждому? некоторым?), самобытно-живущее личностное духовное Я, которое в духовных родах создается в себе «четвертым лицом». Выходит, что главным препятствием всего Пути восхождения является *персоналистическое препятствие*, которое сначала создается, творится жизнью, добывается на Пути восхождения, а потом *преодолевается*. Только добыв и преодолев, можно говорить об успехе дела путевого восхождения.

Препятствие это уже менее всего представляется «ямой», скорее — горным *перевалом*, через который человек переходит. На Пути восхождения сначала взбираешься на гору плотской жизни, живешь для своего преходящего существа, затем «приходит сознание нетвердости того, на что громоздишь» (критическая точка), начинается стремительный спуск с плотской горы, и в результате оказываешься на перевале, где «видишь, что единственно живое — это духовное существо» в тебе, потребности которого и начинаешь удовлетворять, продолжая Путь, — все выше и выше подымаясь на другую гору (см. 54,53-54 — 1990 год).

Так разъяснял Толстой Путь, каждый раз сокрушаясь, что он все еще находится на перевале между двух гор. Он смотрел вверх, видел подъем и горную вершину, и ему казалось, что он внизу. На самом деле эту главную переломную точку хребта Пути восхождения он перешел в недрах седьмого периода духовных родов, где он преодолел свою личность, осознав ее пределами отграниченности, а не центром себя.

Где-то в середине седьмого периода, годам к сорока пяти у мужчин, наступает момент, который часто называют переходным мужским возрастом и обычно отмечают по

первым приступам уже недугов старческих. Процессы в плоти так плотно подогнаны к нормативной кривой Пути, что сами подталкивают человека, когда нужно. Так и тут, в этой точке, недуги возраста внезапно самым явным образом — сердечными приступами, радикулитами и проч. Ставят человека перед лицом грядущей смерти. В этот год-два человек в самоощущении впервые становится смертным, реально преходящим, так что начинает, гадая, считать оставшиеся годы. До этого момента он, падая и поднимаясь, шел душою как бы вперед, *в жизнь*. С этого момента он не только плоти, но и душевно как бы *возвращается* обратно, *с жизни*. Это «обратно» и без всяких болезней особенно переживает тридцатипятилетняя женщина, начинающая, обычно, в этом возрасте видеть старость.

В жизни нам не раз кажется, что мы уже не идем *в жизнь*, а сходим с нее. Но это только более или менее резкое уменьшение скорости «вхождения», переживаемое нами как утрата. Действительное прохождение точки перелома обладает такой несомненности), что ее нельзя осознать иначе, как перелом из «в жизнь» к «с жизни». Прежде были *погашения*, снижение, теперь же, впервые, *отстранение*, ненужность того, что гасло и далеко еще не погасло в тебе, но на что уже не романтически, а буднично, в чувстве жизни «взираешь равнодушно». Это — метка главного перевала Пути восхождения в жизни всякого человека.

Вдруг оказывается, что ты не хочешь, не можешь пылать тем, чем мог и хотел год назад, что ты без видимых перемен очутился в каком-то совсем другом состоянии движения по жизни, — с другим ли центром или вообще как будто без него. Если человек до этого главного перевала прошел и личностное рождение, и духовное рождение в самосознании, то есть уже проявил «отца» в себе, то в этот момент он становится способным перенести свою жизнь в «единственно живое» в нем и тем самым как бы начинает новое обратное восхождение, новую жизнь. Если же — нет, то он возвращается обратно.

Толстой не раз говорил, что жизнь от рождения до смерти совершает круг¹ и даже рисовал этот круг в дневнике (например, 55, 228). Воспользуемся его идеей и проиллюстрируем сказанное.

Есть плоскость, из-за которой мы появляемся, рождаемся и за которую исчезаем, умирая. Производим мы этот «круг» для того, чтобы совершить по нашу сторону плоско-

1 Плотский и душевный, которые не совпадают друг с другом. Разделяющая две ветви (вис жизни) круга переломная точка *плоти* совпадает, по наблюдениям Льва Николаевича, с критической точкой (35—37 лет) и, значит, побуждает совсем другие путевые явления, чем переломная точка *души*, возникающая, как мы видим, десятью годами позднее.

ста работу, для которой необходимо добыть духовного «отца» себя — достигнуть некоторой точки — и возвратиться назад. Круг одних людей где-то в стороне от этой точки, круг других не достигает ее, и только тот, кто дошел до нее, *может* совершить свое предназначение — возратить Сына Отцу. Только с момента персоналистического перевала и *начинается* это возвращение Бога во мне к Богу в Себе. Таким образом, можно сказать, что в процессе жизни человека им должен быть поднят в себе и подчинен Ему некоторый онтологический глубинный пласт духовной жизни. Этот пласт

персоналистически задан на Пути восхождения как предмет работы и заключает в себе суть задания человеку как Божьему путепроходцу.

Быть может, весь наш, земной, Путь вершится для *этой* работы сначала добывания, потом освобождения от Личности, работы, распадающейся на два поприща. На поприще вхождения, совпадающем по сути с естественным путем жизни, совершается работа выдвижения, проявления, добывания этого персоналистического пласта. На поприще исхода, совпадающем по сути с духовным путем жизни человека, совершается работа «вращения» добытого духовного Существа, его проявление, что само по себе, видимо, одновременно означает духовное единение с Отцом. Это лучше всего, я думаю, выражено в молитве Толстого последних лет жизни: «Помоги мне быть в Тебе, с Тобою, Тобою» (57, 3).

10.

Двигатель Пути жизни человека воссоздается по чертежам Прапути в первом периоде жизни, доводится и заправляется горючим во втором, взводится в третьем и запускается в ход — в четвертом. Мотор Пути может не завестись вовсе или взвестись и тотчас заглохнуть, или оказаться слабым, порченным, или его сломают, и может он, достигнув полных оборотов, и пойти вразнос в предстартовом возбуждении, — все может случиться. Но если духовная жизнь крепко заведена, удачно переведена в режим мнимой души и сохранена там, то для человека в конце третьего — начале четвертого периода наступает момент *старта Пути* восхождения.

Вся жизнь человеческая, шаг за шагом, есть преодоление препятствий для роста души. Это верно для любого участка Пути жизни. На Пути для прохождения Пути везде расставлены препятствия, каждое из которых можно преодолевать всю жизнь, но преодоление каждого из них означает не только усиление энергии роста, но и созревание чего-то нового в душе. Так всегда и везде; но особенно — в четвертом периоде жизни.

Сравнение продвижения по Пути с хождением по болоту прежде всего верно по отношению к периоду «чужой жизни». В другие времена можно еще нет-нет да и ступить, не погрязая, на твердую почву, в четвертом же периоде: что ни шаг — то яма, топь, капкан, омут, из которого надо не замедлить выбраться. Через эту *трясину* и лежит дорога к личностному рождению. Если третий период можно назвать *периодом взвода* духовной жизни, то четвертый период следовало бы назвать периодом соблазнов, понимая это слово в самом широком смысле душевных ловушек, заманок, обольщений.

Как только человек выходит на старт жизни, все жирующие в нем кармические силы высвобождаются и начинают бушевать. Впечатление такое, что человек проходит *ходовые испытания* действительной ценности и стойкости своего духа. Чтобы быть допущенным выполнять Путь восхождения, мало взвестись и удачно выйти на старт, надо еще доказать, на самом ходу доказать силу и стойкость путеводных сил в себе. В годы ходовых испытаний путеводные силы роста и оживления противоборствуют силам кармы, слою напластований которой могут быть столь широки и тяжелы, что через них не пробиться даже удачно взведенной и сохраненной духовной силе.

В нашей жизни есть роковые моменты, когда создается непробиваемая карма. Их, наверняка, немало в детском

возрасте.¹ Есть они и позднее. Особенно страшна карма,

1 Есть поразительные случаи с мальчиками 4—5 лет, которых родители вынуждены были отдать на год-два в чужие руки. Несмотря на все последующее усиленное воспитание в ином направлении, усвоенное в это время не поддавалось искоренению и в виде какого-либо душевного уродства сохранялось затем десятилетия, если не всю жизнь. Может быть, тут, в 4 года, человек проходит самую первую, начальную развилку жизни, результаты выбора направления которой могут быть потом оспорены.

созданная в пике чистоты жизни, в 16 (13) лет. Разврат, озлобленность, хищность в этом возрасте недаром вызывают ощущение нравственного кошмара. Падение в этой точке по большей части означает гибель Пути — немедленную или в дальнейшем через карму. Вообще почти все, что происходит во втором и даже в третьем периоде жизни, если не тотчас сбивает человека с Пути, то откладывается в нем кармой, которая в четвертом периоде и создает заслоны, пропасти и топи.

Вместе с кармическими силами человека в эти годы обуревают потоки похотей плоти, не столь острых, как прежде, но более властных, напористых. Обручи, которые раньше, в периоде идеалов держали их, теперь ослабли, и мало, пожалуй, найдется людей, которых тут на какое-то время не захватила бы *совсем* темная волна плоти. Конечно, чаще всего на гребне ее оказывается слепая, безличная стихия вождлений пола, гасящая все огни духовной жизни. Особая власть ее состоит в том, что здесь в одном и том же напоре действуют как секс, в избытке данная природой сила плоти, так и в избытке прежде накопленная карма блудливости, от которой не свободен никто.

Рано или поздно в четвертом периоде жизни наступает такой момент, который одни потом вспоминают как наилучшую, наиболее полнокровную, даже самую счастливую пору жизни, другие — как адское наваждение, полный мрак, наибольшее свое падение. Именно в четвертом периоде Пути человек проходит *наинизшую точку Пути жизни*, которой он часто, но далеко не всегда, обязан стихии пола. Разные люди попадают в нее по-разному и в разное время, более или менее отступив от середины четвертого периода, то есть в 23—25 лет у мужчин, и лет в 18—19 у женщин.

Последнему обстоятельству не нужно удивляться: жестокосердие, эгоизм, гедонистическую жадность, недоброту, черствость, духовную пустоту девиц этого возраста знают все, кто не прельщен и не обманут ими. Никаких особых «причин» или «рациональных объяснений» такого их душевного состояния нет, есть точка, которая находится на кривой Пути, и которую надо перейти и пережить. В этой низшей точке Пути людям столь же необходима активная духовная помощь, сколь нужна была крайняя душевная осторожность при прохождении ими ранее пика чистоты.

Человек, вышедший в четвертый период жизни, подобен попавшему в шторм кораблю, на котором почему-то незадействован, не работает руль управления. Корабль может потонуть и из-за силы шторма, и из-за своей нестроенности, некрепкости обшивки, неустойчивости, перегруженности, даже от столкновения с другими такими же дурно управляемыми кораблями — но никак не по вине своего Конструктора. Жизнь и Путь — не конструкторское бюро

Всевышнего, а Его задание на изготовление орудия и работу. Все что брак, — не вводится в работу, а то, что вводится, прежде всего проверяется, испытывается на крепость хода. Человека носит по волнам, валы соблазнов накатываются и накатываются на него беспорядочно и бессистемно. Бессистемность эта тоже, наверное, нужна. Что за вал набегит прежде и какой затем, зависит от полуслучайных обстоятельств житейского потока, в который каждый попадает.

Толстовский юноша ищет истину, то есть все-таки держится за руль, и то сперва становится научником, потом революционером, потом народником не по своей воле, а потому что так повела его жизнь. Что же говорить о тех из нас, руля не ведающих, которые совсем не способны остро переживать ложь и мнимость жизни? Куда после старта понесет каждого, через какие ямы, на какие волны, — предсказать никогда нельзя. Это зависит не от себя, а от сложения внешних обстоятельств. Тем и страшно послестартовое время жизни, что руль управления тут долгое время находился в чужих руках, которым дана власть править моим ходом и которые могут направить меня чуть ли ни куда угодно.

Подходи под всякую жизнь — вот что нашептывает человеку дьявол, приставленный к его четвертому периоду «чужой жизни». О могуществе этого дьявола вспоминаешь потом с ужасом. Многие, впоследствии далеко ушедшие на Пути, душевно смелые и честные люди говорят, что в эти годы молодости они, сложись так, могли стать кем угодно, даже пытаться людей или, притворившись мелким бесом, похотывая, писать гнусности. Видимо, пропорционально утрате религиозного чувства глохнет и инстинкт душевного самосохранения и человек оказывается во власти соблазнов, которые предлагаются ему извне.

Конечно, в выборе тех или иных ловушек у человека есть некоторая свобода, степень которой зависит от яркости переживаний периода идеалов. Но «ассортимент» прельщений для выбора каждый раз определяется внешними обстоятельствами. Человеку может повезти или не повезти с этим «ассортиментом», но при всех вариантах он выбирает всегда «чужое», которое затем само стремится стать «своим».

Можно понять подвижников разных духовных религий, которые пытались затормозить Путь, не выпустить его из периода духовного взвода жизни, сознавая, что любое дальнейшее продвижение само собой означает соблазн, падение, гибель. Не исключено, что и сама идея отгорожения от мира, монастыря, возникла из этого стремления не войти в период чужой жизни, насильно сохранить ясность и чистоту третьего периода Пути. В основе монастырского жизнечувствования положена борьба против дьявола, но дьявол этот — и Библейский искуситель, и Новозаветный родоначальник и виновник греха — есть обольститель, под начало которого отдается жизнь человеческая в четвертом периоде Пути.¹

Безмерны и могучи геройские усилия иноков, которыми они, сами того не ведая, уклонялись от предначертанных ходовых испытаний Пути. Замечательнее всего, что это (уклонение) им удавалось, но впоследствии оборачивалось своего рода духовной инфантильностью. Отсюда духовная несамостоятельность, из-за которой человек начинает рыскать руководства себе, искать начальников своего духа среди таких же, как он, людей. Только случайно эти начальники духа, которым с *полной покорностью* вручают руль своей жизни, могут оказаться теми, которых желают иметь в теории; по большей же части духовная власть, как это есть и в

мирских делах, принадлежит тем, кто жаждет этой власти. Жаждут же власти, и особенно духовной власти, всегда для себя, и потому в конечном счете рулевое управление Пути все-таки вручается в чужие руки, выставляемые в качестве высшей духовной власти. Таким

1 Это не значит, что монастырь противодействует Пути или, наоборот, нужен только в четвертом периоде жизни. Монастырь может быть и источником благой кармы, и необходимой остановкой бега по касательной Пути, и пособником «воскресения» на Пути, но может стать и узаконенной остановкой. Противоречия и проблемы монастырской темы необозримы и должны осмысливаться практиками-знатоками ее

образом, уклониться от «чужой жизни» не удастся. Путь не обойдешь. Так или иначе, раньше или позднее, каждому придется войти в четвертый период жизни, который совершенно необходим и для Пути восхождения и для Пути жизни.

Во-первых, в четвертом периоде, в этой трясине жизни, постоянно погрязая, и выбираясь, и опять погрязая, и опять выбираясь, человек *живет* — каждый раз совершает новое духовное усилие, производит новое ускорение духовного роста, увеличивает полноту жизни, становится, как ни странно, все более и более живым. Во-вторых, каждый раз выбираясь и преодолевая, человек тем самым впрок увеличивает свой запас путеводных сил, накапливает благоую карму для следующего поприща Пути. Все же, кто оказывается неспособным увеличивать полноту жизни и заготавливать благоую карму, выводится из Пути восхождения и получает свое задание на Пути жизни. Это тоже необходимо. Но более всего, пожалуй, период «чужой жизни» необходим затем, чтобы кармически *очистить* человека, вывести из него яды кармы. Есть на Пути одно обстоятельство, которое с несомненностью свидетельствует об именно таком путевом предназначении четвертого периода жизни.

11.

Многим людям по выходе из четвертого периода Пути хорошо знакомо состояние обновления, которое варьируется в разных случаях от состояния освежения души до мощного нравственного подъема, в котором мужчина или женщина (особенно женщина) в благости раскаяния доходит до отвращения ко всему тому, что только что, еще месяцы назад составляло предмет устремлений и точку приложения жизненных сил. Душевный подъем этот вовсе не означает личностного рождения Пути восхождения, к которому дело должно подходить в то же время. Тут вполне независимая точка Пути жизни, огонь которой сплошь и рядом загорается даже и в тех из нас, кому почему-либо не уготовано перейти рубеж третьего рождения Пути восхождения.

Личностное рождение это вскрытие канала души, единственно ведущего к онтологически заданному пласту Личности — первоначальное *просветление*, потребовавшее постоянных усилий на броски духовного роста, — чего никак нельзя сказать о том подъеме на кривой Пути жизни, который мы обсуждаем. Это вообще не духовное просветление, как личностное рождение, а духовное очищение.

Усиление Богосознания (как сознания единого духовного Начала) непременно связано с ростом, сопровождается

усилением, углублением духовного сознания и находится на «мужской» линии духовной жизни. Очищение Божьего сознания (как действия в человеке сознания самого Бога) сопровождается усилением своего рода «религиозного чувства» как сверхзнания себя должного и находится не на линии духовности, а на «женской» линии любви. Душевное рождение 14 (10) лет это несомненно просветление, усиление духовного зрения в линии разумной духовности. Следующая за душевным рождением точка наивысшего подъема религиозного чувства, точка пика чистоты 16 (13) лет наступает в линии любви. Может ли быть пик чистоты без душевного рождения, мы не знаем (кажется, что может) и потому будем говорить о *тандеме* точек начала третьего периода Пути жизни.

Тандем путевых точек есть и в начале пятого периода, когда человек рядом с личностным рождением или отдельно от него испытывает такую радость новой жизни, такую бурю желаний и мечтаний, такую пронзительность чувств души, которые можно сравнить только с состоянием пика чистоты. Сами эти чувства, желания и мечтания могут быть сколь угодно разнообразны и индивидуальны, но всегда идеальны, создают идеал, устремлены к идеалу и в той или иной степени имеют в виду осуществление себя в идеале самоочищения.

Этот возврат религиозного чувства краток и быстро глохнет без поддержки сил, проявленных при личностном рождении. Характер чувствований или, как мы приняли говорить, стиль одушевленности человека во времена возврата религиозного чувства вполне, как это и следовало бы ожидать, совпадает с его собственным, индивидуальным характером чувствований в пике чистоты лет пятнадцать тому назад: та же и в том же категоричность взглядов, тот же и в том же максимализм, те же, только более уверенные и тяжелые взмахи нравственных крыльев, в том же, что и в 16 лет, неистовость, хотя куда более сдержанная и обладающая средствами не только к мечтанию, но и к исполнению. Вообще на первый взгляд кажется, что то, о чем двенадцатилетняя девушка и шестнадцатилетний юноша мечтают, заводя себя, — то стремится реально, в работе осуществить себя лет в 28 (20).

Но осуществление юношеской или девичьей мечты в этой точке жизни бывает только в старых романах и никогда в реальной жизни. И не потому, что мечты не могут соответствовать действительности, а потому, что жизнь не кончилась, и, в некотором смысле, если говорить о направленном движении к центру Пути, только начинается. Мечты точки первого пика чистоты заманивали человека на Путь жизни и служили взводу его духовной жизни. Мечты точки *второго пика чистоты* — тоже подзавод и своего рода «заманка» для вхождения в «свою» душевную колею, к главному хребту Пути восхождения, через который предстоит перевалить.

В отличие от первого пика чистоты, точка второго пика чистоты, находясь, как и первая, в линии любви, не самоценна и, служа целям личностного рождения (своего собственного или через другого), взводит и вгоняет в «свою жизнь». Причем, если наступление первого пика чистоты совершенно произвольно и по сроку неизбежно так же, как неизбежно в срок цвести цветку, то второй пик чистоты *ждет* своего часа, может разрядиться вхолостую, может дожидаться, но может так и не дожидаться себя. Пик этот иногда наступает до личностного рождения, иногда после, но может быть и без него. Блажен тот, кто, пережив сосущее чувство душевного голода второго пика чистоты, насытил, наконец, себя той пищей, которой жаждал. И печально, когда, чтобы снять

голодное чувство, приходится обманывать себя, потребляя суррогаты душевной пищи. Бывает и так, что точка второго пика чистоты вот-вот должна бы быть, могла быть в жизни человека, но ее не было. В таких случаях женщина, которая всегда особенно остро переживает неудачу второго пика чистоты, говорит, что время а *ней* идет зря, попусту, ни для кого. Мужчина же — просто окостеневаает.

В жизни нашей должно и может так случиться, что точка личностного рождения в линии разумной духовности совпадет—не совпадет, а образует единство, тандем с точкой второго пика чистоты в линии любви. Тот, кто знает возникающее при этом состояние, знает и что такое *истинная полнота собственно земного существования*, и что такое душевная, доходящая до ясновидения пронизательность, и, главное, что такое земное *счастье* (а значит, и слепота). Испытать, не входя в «свою жизнь», это состояние чистоты, слепоты на тьму и, вместе, просветления — самая большая радость, которую может получить человек от жизни за весь свой естественный путь. В тот момент, когда человек зачинает себя, начинает пробивать себя к центру Пути восхождения, его заново заряжают и поднимают I ад собой. Вплоть до духовного рождения (до которого еще надо дойти) это безусловно лучшая пора Пути, о которой вспоминаешь потом со слезами боли и умиления. Но как больно и обидно, когда самая счастливая пора эта бывает испорчена.

Линия любовной духовности, как и другие линии жизни, весьма неравномерно движет человеком на его Пути. То она уходит в глубину, в тайники свои, то всплывает наружу, на поверхность душевной жизни, и тут производит работу; затем опять отступает вглубь. Но бывают мгновения, когда любовная духовность овладевает всем духовно-душевно-плотским существом человека, полностью наполняет его и хозяйничает в его Пути жизни. Таковы точки пика чистоты. «*Любовь* душит меня, любовь плотская и идеальная... — пишет Толстой в начале 1857 года, когда он как раз находился в состоянии второго пика чистоты. — Я сам себя интересую чрезвычайно. И даже люблю себя за то, что любви к другим много» (47, 129). Так же «душит» идеальная и плотская любовь во времена первого пика чистоты. И конечно же, прежде всего любовь «к ней» или «к нему». В такой любви или мечте любви более всего и происходит взвод духовной жизни в начале третьего и начале пятого периода жизни.

Но это разный взвод и разных состояний души человека. В точке первого пика чистоты человек заводится на Путь жизни, тут важен общий накал души его, избыток духовной энергии и сил, которые не дадут ему остановиться, встать на Пути, засесть в одну из душевных ям, которых полным-полно в четвертом периоде жизни. Тут обретается главная путевая способность — способность к ускорению духовного роста, к броскам роста, к путевой «брани». Завод же второго пика чистоты не на «брань» духовной жизни, а на *труд* духовной жизни, на Путь восхождения, на тяжелый и напряженный труд бурения себя, для которого нужна прочность душевного бытия и устойчивость всей жизни. В периоде идеалов, где «идут бури», ничего этого не нужно. Чем «несчастнее» любовь, тем тут лучше, — больше, круче заводится, (см. 2.3.3).

Во времена второго пика чистоты необходимо некоторое душевное обеспечение, мистическую сущность которого мы когда-нибудь попытаемся понять. Есть в эту пору жизни непреодолимое стремление опереться на «нее» («него»), продолжать путь непременно вдвоем, вместе, как единое целое осуществляя свои вновь засветившиеся идеалы жизни. И при этом иметь и сохранять полную устойчивость,

надежность, колеблемость своего центра тяжести жизни. Трудно сказать, как это совместимо. Поэтому-то в эту пору у мужчин столь распространено убеждение, что необходимую для него (для предстоящего труда жизни) устойчивость души самому обрести чрезвычайно трудно и что ее может дать только женщина, жена, «семейное счастье», если вспомнить название толстовской повести того времени, в которой и разрушалась эта законная, но опасная иллюзия. Любовь во втором пике чистоты дана не только на подзавод труда духовной жизни, но и на единение с другим «Я», которое по мечте твоей должно составлять единое целое с твоим «Я» и, как единое с тобой, совершать совместно *твое* дело жизни.

Такова полная мечта о новом будущем счастье, составляющая основу любовного чувства второго пика чистоты. Стремление воплощения этой мечты в действительность ставит человека, всю его путевую судьбу в зависимость от воли или, часто, произвола другого человека, у которого иной путь, а то и беспутье. Начертавший кривую Пути восхождения, рассчитывал здесь, наверно, на ту душевную способность, которую Толстой считал главным свойством именно женской любви: желание, стремление и радость отдать свое мировоззрение любимому человеку, кто бы он ни был. Вечный идеал такой женщины — Душечка, над которой тихо посмеялся Антон Чехов, более всего страшившийся стать «рабом», утратить плоды своего личностного рождения, а следовательно, боявшийся и духовного своего рождения. Чтобы стать Душечкой, совсем не обязательно любить ничтожного Кукина, важно любить так же, *как* любила она, чего современная женщина часто лишает себя. Произошло это, конечно, не потому, что обнищала женская любовь, а потому, что, по современному извращению любви, саму ее, стань она Душечкой, любить не будут... Порочный круг этот создавался еще во времена молодости Льва Николаевича.

Неудачная любовь в пору второго пика чистоты одна из самых больших путевых бед человека. Показательно, что «несчастной», то есть вовсе отвергнутой любви в пятом семилетии, как правило, не бывает, любовь здесь должна раскрутиться, а для этого иметь реальную надежду на действительное осуществление мечты. Без взаимности (фиктивной или действительной) любви разжечься тут уже трудно.

Каждый в пору второго пика чистоты полюбивший мужчина заранее убежден, что он без особого труда выполнит, как кажется, легкую и радостную работу по единению двух «Я» в любви, дабы далее либо упиваться этим единением, либо, душевно обеспечив себя, продолжать труд своей жизни, понимаемый как угодно разнообразно. В первом случае это, бывает, удается, во втором же — почти никогда. Причем эта невозможность или трудность единения выявляется не сразу, а тогда, когда душа на полный ход запущена на любовную работу, когда она чем-то спровоцирована на прокол второго пика чистоты. Нередко человеку приходится все использовать свои, совсем для другого дела предназначенные душевные резервы. Это беда тем более губительная, что время от времени сопровождается дарующими надежду вспышками величайшей радости, ослепляющей человека.

Так можно истратить весь запас духовных сил, в том числе и путеводных сил, тех, которые необходимы для Пути восхождения. Нет ничего тягостнее такой зряшной душевной работы, которая духовно выматывает человека. Можно ли долбить или копать, стоя на шаре? Так же трудно совершать труд третьей стадии жизни, находясь в состоянии душевной неустойчивости. Хуже же всего то, что тут сгорают неприкосновенные запасы духовной энергии, необходимые

для уверенного выхода через центр Пути на духовный путь жизни.

Кто знает, как выйти из этой ситуации? Нужно не попадать в нее. Толстой попал на это разрушительное колесо и вышел из него. История любви и разрыва двадцативосьмилетнего Толстого и двадцатилетней Валерии Владимировны Арсеньевой очень поучительна. Как Толстого тогда занесло на нее, сказать трудно. Занесло, и все тут — пора нашла такая. На исходе четвертого семилетия жизни, в несколько месяцев лета и осени 1856 года с Толстым, по наблюдению его тогдашних знакомых и судя по его дневникам, произошел серьезный внутренний переворот. Кроме изменения мировоззрения, он с этого момента почти целый год до лета 1857 года «упивался быстротой нравственного движения вперед и вперед» (47, 109).

Началось все с его любви к В.Арсеньевой, которая и в старости осталась для него «Валерией». Что это была за женщина и могла ли она быть возбуждена на более или менее устойчивое нравственное и духовное усилие, мы не знаем. Да и требовалось от нее только неукоснительное следование созданному Толстым образу семейного счастья, все же остальное — образование ее сердца и ума, и даже воспитание вкуса — Толстой брал на себя. В чувстве к ней Толстого вообще не приходится сомневаться. С другой стороны, в Дневнике его того времени можно найти немало неправдоподобно уничижающих ее характеристик, свидетельствующих о чрезвычайной накаленности и взрывчатости его чувств. Толстой был уже готов бросить всю свою энергию на эту женщину, через которую, вероятно, можно было бы выгореть дотла.

Наивысшей точки его чувство к ней достигло в начале ноября 1856 года, когда он фактически сделал предложение. Брак их расстроился из-за, казалось бы, совсем незначительного обстоятельства — ее вполне невинного и мимолетного увлечения, о котором она же первая рассказала ему. Дело было не в самом факте ее увлечения, не затрагивавшего его чести, — Толстой готов был простить и уже простил ей это, — а в каких-то трудно уловимых оттенках этого ее чувства, которые все же уловил Лев Николаевич. «Она сама себя надувает, — пишет он в Дневнике, — и я это вижу насквозь, вот что скучно» (47, 102).

Представьте: в пору наивысшей радости естественного пути жизни человек по какому-то оттенку чувства понимает, что девушка, которую он любит, без которой он чувствует «тоску невыразимую везде», с которой связаны все его мечты о счастье в будущей жизни — понимает, что эта девушка не то что не любит его сейчас — как раз сейчас ей искренне кажется, что она любит, — но непременно разлюбит его в будущем, то есть понимает, что счастья с любимой не будет, а будет только потрава себя, от которой надо скорей бежать. И Толстой, страдая, но спасая себя, придрался к какому-то ее слову, порвал с ней и в назидание себе написал «Семейное счастье». Так он не обрел радость, но сумел отказаться от миража этой радости (что очень не просто) и, главное, сохранил себя. То, конечно, Толстой. Ну а мы, грешные?

В любви второго пика чистоты — 28—30 (20—22) года — есть одна особенность, отличающая ее от всех иных подобных чувств и чувствований человека. Эта отличительная черта — резкое обострение пронизательности, душевного ясновидения на жизнь вообще и на каждого человека. Вот как в последнем томе «Войны и мира» Толстой описывает Пьера в пору второго пика чистоты, счастливо совпавшего у него с личностным рождением, и потому особенно «безумного»:

«Пьер часто потом вспоминал это время счастливого безумия. Все суждения, которые он составил себе о людях и обстоятельствах за этот период времени, остались для него навеки верными. Он не только не отрекался впоследствии от этих взглядов на людей и вещи, но, напротив, во внутренних сомнениях и противоречиях прибегал к тому взгляду, который имел в это время безумия, и взгляд этот всегда оказывался верен. «Может быть, — думал он, — я и казался тогда странным и смешным; но я тогда не был так безумен, как казалось. Напротив, я был тогда и проницательнее, чем когда-либо, и понимал все, что стоит понимать в жизни, потому что... я был счастлив» (т.1У, ч.1У, гл.ХІХ).

Вообще говоря, эту проницательность на жизнь человек знает в себе и в момент первого пика чистоты, в юности, когда в нем впервые выходят на поверхность его скрытые силы установления Пути. Эти же силы оживления наставляют человека в его прозрениях и далее. Такие прозрения будущего (то есть Пути) по выходе из четвертого периода знакомы в минуты любовного безумия многим из нас, но им редко верят, и даже видят достоинство в том, что не верят, а потом, когда поздно, вспоминают о них с горечью. Любовь в эту пору становится провидческим чувством и, надо думать, человеку не зря дана тут эта зрячесть в любви, которой до того у него не было. Надо доверять этому своему путехраняющему провидческому чувству, как это сделал Толстой, а не слепить самого себя из-за странной боязни неполноценности своей страсти или из-за чего бы то ни было иного.

Партия второго пика чистоты в жизни Толстого вовремя не была сыграна¹. Это, наверное, большая неудача. Но было бы хуже, если бы он, как многие из нас, попытался, ослепляя себя, сыграть ее, несмотря на тот сигнал путевой опасности, который ему посылался его же любовным чувством.

12.

Без предварительного мощного очищения быть не могло и второго пика чистоты в жизни человека. Очищение необходимо предшествует второму пику чистоты. А это значит, что весь четвертый период жизни со всеми его соблазнами, страстями и беспутством, можно осмыслить в качестве чистилища естественного пути жизни. Это — жерло, в котором души одних сгорают вовсе, других — выгорают до какой-то глубины, третьи же очищаются в огне. Таков, наверное, смысл, такова и задача четвертого периода Пути — *периода чистилища жизни*.

В четвертом периоде Пути происходит извержение души, но не извержение «чужого» в ней, как можно было бы подумать, памятуя прежде сказанное, а извержение *себя*. Человек идет по болоту, но цель не только в том, чтобы перейти это болото, то есть через топи «чужого» выйти к тверди «своего», а в том, чтобы в этих хождениях извергнуть из себя, изжить из себя то, что должно быть извергнуто и изжито. Это может быть и сама душа. Недаром люди, сошедшие с Пути жизни еще в предстартовое время, в третьем периоде жизни ждут вхождения в жерло чистилища как своего звездного часа. Здесь они извергают всего себя, горят и сгорают в шлак; горение это и составляет их лучшее воспоминание в жизни. К концу чистилища они

¹ Но это не значит, что ее вовсе не было. За шесть последующих лет Толстой несколько раз чуть было не начинал ее, и каждый раз обрывал. Это становилось уже опасным. Второй пик чистоты ждет, но не до бесконечности, и с каждым годом что-

то утрачивая.

еще дымится, но далее только остывают. И вспоминают, чтут свое горение, утраченную силу страстей, саму по себе страстность, буйство души и тела, независимо от характера или содержания страстей.

Другие вспоминают четвертый период более личностно. Особую привлекательность составляют для них не столько сила страстей того времени, сколько точка приложения их, — то прельщение или обольщение, которое завладело тогда всею их жизнью, а потом *перегорело*. В период чистилища такой человек изжил в себе то наслаждение, которое более всего манило именно его, изверг из себя *свое*, ему свойственное прельщение. Нужно ли говорить, с какой слепой страстью человек занимается этим делом?

Конечно, такое индивидуальное прельщение никогда не вычеркивается из жизни, но в качестве *главного* прельщения оно теряет свою особую силу. Тот, кто в 20—25 лет постоянно жил, скажем, в состоянии влюбленной блудливости, так что это душевное состояние определяло всю его жизнь и было главным, тот обычно в зрелости, продолжая быть под властью тех же сил похоти, почти свободен от нее как прельщения души. Заметьте, что пожилые ловеласы, как правило, горели в молодые годы чем угодно, но не женщинами. Тогда было другое наваждение, овладевшее в данном человеке куда большей обольщающей силой. В чистилище Пути человек, сам не управляя собою, реализует — извергает и гасит — те свои главные прельщения, для которых создались необходимые условия; гасит, конечно, не совсем, а как главное, особенно властное над ним.

В послестартовое время (на третьем десятке жизни) все кармические силы начинают активно работать на Пути. Карма прежних времен создавала душевные напластования, ложные представления о благе, которые Толстой называл соблазнами. Все соблазны в период чистилища составляют как бы питательную почву для плевел-прельщения, то есть тех душевных устремлений, которые направляют человека, определяют выбор той или иной душевной ямы из предложенного ему «ассортимента». Какие из плевел вырастут и какие прежде, а какие позднее, — в руках дьявола четвертого периода, но сами плевелы эти — «свои». Они напитаны всеми соками соблазнов, но в строго индивидуальной, особой для каждого пропорции, обладающей наибольшей властью над его душою.

В жерле чистилища сгорает не почва, не соблазны, а ростки соблазнов, плевелы обольщений, созданные уникальным балансом кармических сил конкретного человека. Сгорая, они не освобождают человека из-под власти соблазнов, но разрушают тот «свой» роковой баланс кармы, под особенную власть которого он склонен подпадать как личность. Тут своего рода личностное освобождение и очищение, извержение и сожжение тех «своих» ростков соблазнов, которые стали бы наиболее опасны после личностного рождения, в периоде «своей жизни» и особенно пробуждения. Выполоть «свои» плевелы из «своей жизни» — вот, кажется, задача периода чистилища жизни.

Секрет стратегии естественного пути жизни, наверное, состоит в том, что главные плевелы «своих» обольщений всходят *раньше*, чем семя доброе. Час плевел наступает тогда, когда семя доброе только набухает. Чтобы можно было сжечь, выполоть, перепахать плевелы, они всходят прежде, чем прорвется на поверхность росток духовного семени. Что было

бы с ростком этим, не будь такой последовательности!.. И действительно трудна и опасна судьба человека, которому управляющий чистилищем слепой дьявол не позволил реализовать и изжить основные его прельщения. Одно можем сказать: сам человек всегда *стремится выжечь в себе то, что заглушает его.*

Духовно взведенный человек выходит¹ на старт собственного Пути, но прежде чем начать свой Путь, проходит очищение в огне беспутия. С «горизонтального» участка мы всегда входим в «вираж». Вход в чистилище всегда обвал, хотя обваливаться человек может постепенно, оползнем, или сорвавшись, разом. Последнее обычно бывает тогда, когда период идеалов почему-либо затянулся; тогда человек чуть ли не сразу же попадает в наинизшую точку жизни, к «самой пылкости дурости», как удачно определил кто-то. Человек идет вразнос, что часто кончается путевой катастрофой. Девушкам в 16—18 лет все же помогает их еще идеалистическое окружение юношей-сверстников, от которого они стремятся отойти. У молодых мужчин такой подпоры нет и своей «пылкости дурости» они могут противопоставить лишь то, что **ими** же нажито в периоде идеалов.

Наинизшая точка жизни — низшая как в нравственном, на линии любви, так и в духовном отношении, на линии духовной разумности жизни. Это не означает гибель духа. Здесь человек лишается не духа (тогда бы он стал животным), а *силы духа*, способности руководиться духовным сознанием и религиозным чувством. Во всю вторую стадию Пути человек остается дипольным существом, которым он становится с душевным рождением и которым перестает быть с рождением личностным. В душевном человеке всегда два центра тяжести жизни, только в периоде духовного взвода эти центры бурно взаимодействуют, противодействуют, тормозят друг друга, в периоде же чистилища они друг от друга оторваны.

Связи между духом и телом в сердцевине четвертого периода жизни разорваны настолько, что идеальные представления о благе, даже оставаясь на прежнем уровне, почти совсем перестают оказывать реальное позитивное (путеводное) или негативное (контролирующее) влияние на волю, которой, таким образом, полностью овладевает прельщение.

С этого момента человек в буквальном смысле начинает вести двойную, тройную жизнь, и может думать одно, говорить другое, а делать третье. И при этом не чувствовать разлада или, во всяком случае, не мучиться им. Конечно, сила подзавода — «юноша» в глубине души — остается еще многие годы и десятилетия во взрослом человеке всегда готовой проявить себя, но редко себя проявляющей и лишь присутствующей в нем силой. С периода идеалов этот «юноша» всегда *«дежурит»* в душе, но в чистилище нельзя использовать его, прежде не выключив в себе действие центра тяжести плоти. В чистилище человек способен лишь переключить себя из состояния «тьмы» в состояние «света», но не включить свет во тьму, не светить во тьме. Обычно такое кратковременное переключение, такая короткая «остановка жизни» означает конец какого-либо прельщения, преодоления душевной ловушки, еще одно сожжение кармы.

На линии любви наинизшую точку жизни можно представить как конец того процесса перекрытия канала для Божьего сознания, который начался еще в конце магического периода жизни. Для нормально идущего по Пути человека тут его впадина антилюбовности. Для сошедшего с Пути человека это, разумеется, никакая не «впадина», а, может быть, даже и одна из вершин в линии любовной духовности.

Степени падения человека неисчислимы, но говоря о

генеральной кривой его Пути восхождения, можно установить на ней впадину наибольшей остроты сознания отделенности, самозамкнутости и враждебности — не ко всему, не к жизни как таковой, а к *иному Я*. В эту пору человек ищет признать в другом человеке «другое Я», то есть друга, и рад этому. Он легко признает в качестве «другого Я» некоторое коллективное единство, но явно или подспудно враждебен ко всему, что не вошло в область его саморасширения. Тут на какой-то срок и образуется то взаимопроникновение любви и ненависти, которое не дошедший до пробуждения и неискренний Максим Горький считал постоянно действующим фактором души человеческой. Конечно, можно стараться развить в себе это уродливое образование души, сделать его навсегда нормой, — этого и желает чистилищный дьявол и те, кто берут на себя его функции.

Кажется, Исайя угрожал евреям педократией, властью детей над ними как наибольшей карой Божией. Оно, действительно, обидно. Но думаю, что худшее, что может случиться в обществе, это власть 20—25 (16—19)-летних людей в нем. Человек в это время, страстно любя некоторых, не любит никого. Ему категорически противопоказано заниматься людьми, к которым он не должен выходить и которым он может даже и не по злу принести зло. Есть правило в жизни: *в пору, когда «обнищала любовь», следует заняться вещами — или самим собою!* — но не людьми, не управлением, не просвещением, не воспитанием, даже не лечением их и не борьбой за их благо или блага. В 24 года легче всего идет математика, астрофизика, лингвистика, геология. В двадцать четыре же какое наслаждение образовывать себя (в толстовском смысле), заготавливать впрок, копить себя. Но выйди на люди — и станешь злыднем!

Неплохо в пору эту и «спится» в мнимой душевности. Ночь же... Многие девушки только и спасаются этими снами. На какие картины, стихи, симфонии, рассказы, критические статьи, философские трактаты или науку она попадет, зависит от полуслучайных обстоятельств — замечательна преданность, с которой здесь отдаются разным именам. Это, возможно, спасает от гибели, но не очищает от кармы. В чистилище жизни человек должен выплавиться (как в домне) в действительно жару, выгореть в настоящем огне, а не в жару и огне мнимом.

Чаще всего идущий по Пути человек выходит или, вернее, обрывается в четвертый период из отрезка мнимой душевности, которую продолжает нести в себе. Выгорать без нее — ох, как туго. Собственно говоря, мнимая душевность никогда никому не мешала плотски прельщаться, как кому хочется. Она помогает—не помогает, а анестезирует человека в это трудное для него время. Значение, роль и место работы мнимой душевности в четвертом периоде жизни столь сложно и запутанно, что для того, чтобы выработать хоть сколько-нибудь четкий взгляд на эти вопросы, нам надо коснуться многих проблем, о которых мы пока даже не упоминали. Ясно, однако, что, как совсем без мнимой душевности плохо, так и попадать в омут мнимого роста губительно.

Возможность самовращения в соблазне, своего рода сновидческой деятельности со своими препятствиями, победами, падениями, душевными ямами и взлетами — одна из самых грозных опасностей рассматриваемого периода Пути. Во сне можно пройти и сквозь стену, можно и многое другое, но от этого с души ничего реально не счищается и ничто не создается. Человеку часто кажется, что культура усиливает в нем нити духовного тяготения, возвышает и обуздывает его. На самом деле происходит нечто вроде возгонки духа в

мнимую душу, когда твердость своего центра духовного тяготения расплывается в дым, образуя вместо твердого центра облако. Символ культуры — облака, висящие в небесах. Спору нет, они способны манить и притягивать к себе, создавать туманности духовных центров, подобие духовной жизни, и это не так уж плохо при разрыве духовных связей четвертого периода жизни. Наверное, даже неизбежно или желательно. Но это все же праздность, труд подменяющая, а не труд. Блажен, кто в 25 лет способен обольстить свое прельщение, но все же нельзя свое земное болото превращать в псевдонебесный омут, в непроходимую топь мнимого роста, от которой просыпаешься к действительной жизни, когда уже поздно.

13.

Из того, что в четвертом периоде жизни происходит кармическое очищение человека, конечно, не следует, что беспутие чистилища — хорошо. Прохождение этого болота жизни само создает карму, предназначенную действовать в следующей стадии Пути. Весь четвертый период человек зажат между необходимостью последовательно идти по соблазнам для очищения и роста с одной стороны, и кармой от этих соблазнов с другой. Кто тут может подвести баланс?

Мало ли людей, так обнадеживающе начинавших после душевного рождения, бурно прожив четвертый период, легко перемахнули порог личностного рождения и вскоре спекались, гасли, останавливались? Карма. А те, кто и не хуже других были в пору духовного взвода, и обвалились в следующий период вроде бы удачно, и в чистилище особенно не буйствовали, а результат — в типе или в толпе.

Как человек проходит четвертый период жизни, обеспечено кармически и духовно всей его предшествующей жизнью, но вовсе не определяет его способность к личностному рождению. Вопрос этот решается на небесах таинственными силами установления Пути. Для личностного рождения должен быть в глубинах души онтологически задан сам личностный пласт, который человек потом может поднять или не поднять. Последнее в свою очередь зависит от качества осуществления Прапути в первой стадии жизни и, наверное, от душевного рождения, а окончательно решается, как думается, на первой развилке Пути, лет в восемнадцать. Решенное в этой точке почти бесповоротно, так что нужны особые беспутства, чтобы отменить его. Практически же, кому суждено, — те проходят личностное рождение, что бы ни было в годы чистилища. Для этого им надо в конце четвертого периода преодолеть лишь карму несвободы, раскрыть и ощутить себя. Это же, в свою очередь, предполагает исходный путеводный дар свободы, освобождения, «оживления», не заглушенный в детстве и отрочестве и развитый во времена взвода духовной жизни. И — только.

Карма четвертого периода жизни вряд ли слабее кармы любого другого отрезка Пути или Прапути. За обвал свой и за утрату чистоты души человеку приходится платить только в конце третьей стадии Пути восхождения. Причем действие и его тяжелые последствия тут так далеко отдалены во времени, что возмездие даже и не воспринимается возмездием, а моментом естественного развития человека.

После личностного рождения карма чистилища вовсе не мучает человека, наоборот, поначалу она доставляет ему наслаждение. Карма, как мы говорили, сбивает крутизну восхождения последующей стадии Пути, так чтобы в итоге перевести его на кривую нисходящую. А это процесс когда быстрый, а когда, и чаще всего, медленный. Чтобы сбить

крутизну восхождения личностного человека, кармически силам вовсе не нужно лишать его облика, — достаточно удлинить его период «своей жизни», который мы ранее, может быть, недостаточно ответственно назвали солнечным периодом естественного пути жизни.

Свободно-духовный человек назвал бы эту пору порой пьянства человека своим «Я», опьянением самим собой. Главное желание личностно рожденного человека, его основной двигатель жизни есть стремление разработать свое «Я»: создать цельный образ себя, утвердить и по возможности явить его. При этом он может идти как в направлении самоуглубления, разрабатывая и подымая все новые пласты своего сознания, так и в направлении изощрения себя, все более и более совершенно и умело себя повторяя. Первое — рост и восхождение, в состоянии которого человек хоть какое-то время всегда живет после личностного рождения в «своей жизни»; второе — ложный рост, самодвижение и нисхождение, в которое многие из нас впадают потом. Второе—остановка и продолжение первого, но где кончается рост и начинается самодвижение никогда не видно: и то, и другое до времени в переживании счастливо. Проходят годы, прежде чем зримо и вдруг проясняется, что ты давно уже не растешь, а «ушел по касательной»...

В конце чистилища человек все более и более сознает то, что чуждо ему из того, что он вобрал в себя за эти годы. Чуждое определяется не по достоинству его, а только по несвойственности себе. Стоя на пороге личностного рождения, каждый желает быть в одном лице и композитором, и исполнителем, и инструментом. Быть композитором, самому вести себя и управлять собою, дано не всякому, и тот, кому не дано, ищет и находит свой образ установления — становится «типом». Но так или иначе, на хаотичные желания плоти здесь набрасывается узда, не прежняя, третьего периода жизни, выработанная религиозным чувством узды совести, чести, внутреннего достоинства, — а новая, узда управляющего личностью начала — «своего» (состава «Я») или «моего» (мне принадлежащего или к которому принадлежу «Я»). Так опять обретается рулевое управление, через которое человек сознает себя некоторым плотско-духовным единством, некоторой целостной особенностью, цельно отделенной от других на всех вскрытых уровнях души. Это, видимо, и есть то, к чему - стремится Путь жизни, — но не Путь восхождения.

Обретая единство чувств и чувствований, единое руководство душою и телом, личностно рожденный человек, став «зрелым» человеком, перестает быть дипольным существом, для которого внутренне нетрудно любое расхождение слов и дела. Теперь ему нужно как-то замазать, примирить в себе — пусть искусственно — противоречие «своей правды» и своего дела. Личностно рожденных циников не бывает. Ничто более не ставит заслон личностному рождению, как культивирование цинизма. Для циника нет сознания греха; у личностно рожденного человека есть сознание греховности, ощущающегося в качестве сознания измены самому себе. Любое отступление от себя сознается им как грех. При этом стремление и вкусы могут остаться почти теми же, что были, но, если раньше они определялись внешними различиями между людьми (физическими, умственными, культурными, профессиональными, яркостью общения), то теперь они определяются внутренними, душевными различиями между ними. Даже плотские пристрастия теперь устанавливаются душою.

Конечно, через личностное рождение проходит только тот, кто на душевном уровне, по характеру воли и чувств оказался

в состоянии определить «свое» и, главное, создать «свой» мир, то есть осознать свою цельность, единство и особенность не только отрицательно, но и положительно, кто не пришел лишь к своим, но к себе. Такой человек сознает свое «Я» не в чувствилище плоти — в основании конуса его «Я» — и не в точке, где, он знает, зажжено его сознание, — на вершине конуса, — а как весь конус, как единое духовно-плотское целое. Так сознание «Я» еще не меняет самих стремлений человека, но меняет их характер.

Путь жизни вышел туда, куда должно, и на этом, собственно, завершен. Личностно рожденный человек, обретший стержень себя и свой руль, счастлив. Ему вновь, как прежде, кажется, что он может все. Начинается «своя жизнь», и большинство из начавших ее во всю последующую жизнь на разных уровнях повторяют себя такого, каким стал в первое время личностного рождения. Они как бы не успевают выйти из периода своей жизни и навсегда застревают в нем.

Каждый прошедший личностное рождение потенциально способен к рождению духовному. Путь к рождению духом лежит через пробуждение, и, прежде всего, через критическую точку жизни, которая, собственно, может наступить когда угодно. Для нее нет возрастного ценза, но есть свой срок или, вернее, свое место на Пути: точка эта в последовательности других точек кривой Пути должна находиться строго *на своем* месте.

Генеральная кривая Пути восхождения размечена так, чтобы духовному рождению в самосознании необходимо предшествовала точка наибольшей скорости роста, а ей — критическая точка жизни. Оно и понятно: в критической точке устанавливается направление, в точке максимума скорости роста дается разгон, который и обеспечивает собственно пробуждение духовного сознания. Но если прохождение критической точки в жизни любого, прошедшего личностное рождение человека, я думаю, неизбежно, то точка максимального роста, точка «откровения», вершина сорокалетия весьма жестко привязана к плотскому возрасту на Пути восхождения.

Критическая точка путевого человека может наступить и в 45, и в 60, но тут она — не на своем месте, — она уже не сработает на Пути: поздно... Такое запаздывание — обычнейшая вещь в жизни. В результате его мощная оживляющая сила идет не на духовный рост, а на самодвижение, ускорение которого повышает конкурентоспособность человека в избранной им сфере деятельности и тем самым обманывает его. Можно не сомневаться, что это роковое путевое опоздание, продлевающее пир пятого периода, создает нам в отместку лукавый чистилищный дьявол, пользуясь кармой четвертого периода жизни. Карма свое сработала, как только критическая точка незаметно сдвинулась на период.

Критическая точка жизни и точка духовного рождения в самосознании находятся между собой в отношении вопроса и ответа. Нельзя отвечать на то, что не спрашивают. Не может быть духовных родов в самосознании без предшествующих им стремлений решения Пути. В периоде «своей жизни» этому препятствует своего рода консерватизм, из-за которого большинство личностно рожденных людей лишь на разных уровнях повторяют и повторяют себя. Карма плотского и душевного человека понижает энергию путеводной силы личностного человека, необходимую для вступления в шестой период пробуждения. Есть люди, которые больше всего боятся разрушения в себе сознания Я как независимого, единого духовно-плотского целого. В периоде же пробуждения это единство начинает если не разваливаться, то расслаиваться:

композитор, исполнитель и инструмент, бывшие недавно еще в едином лице, начинают как бы разделяться.

Прежде всего, восходящий человек в периоде пробуждения начинает различать в составе своего Я не композитора и исполнителя, а инструмент, орудие (топор, который рубит, как еще до Толстого, говорил Аристотель) и исполнителя — то «Я», которое рубит топором, то есть «отца», сознаваемого в четвертом лице. Представление о четвертом лице может быть столь же ярко, как у Толстого, или смутно, но совсем без него не может быть пробуждения, а затем и точки главного перевала между «входом» в жизнь и «выходом» с нее. Точка духовного рождения на Пути восхождения несомненно лежит уже на линии исхода, и для того, чтобы достигнуть ее, человеку необходимо преодолеть еще один, пожалуй, самый мощный заслон кармы, накопленный непреодоленными прельщениями всей прошлой жизни.

14.

Перед нами дневник шестидесятитрехлетнего Януша Корчака, в котором он за два месяца до мужественной своей гибели пытается осмыслить пройденный им путь, графа его строго по семилетиям. Эти путевые самонаблюдения знаменитого педагога во многом совпадают с тем, что мы уже знаем о Пути.

«Если я прослежу мою жизнь, — пишет он, — (каждый) седьмой год принес сознание своей (вновь обретенной) ценности». «Я есть», — так Корчак определяет плотское рождение; «Я вешу», — момент смены первого и второго периодов; «Я значу» — душевное рождение; «Меня видят» — начало чистилища; «Я смогу» — личностное рождение; «Я буду» — конец пятого — начало шестого семилетия.

Вот как описывает Я.Корчак душевное рождение: «Четырнадцать лет. Гляжу. Наблюдаю. Вижу... Глаза у меня должны были открыться. И они открылись. Первые мысли о реформах воспитания. Читаю. Первые тревоги, беспокойства. То путешествия и романтические приключения, то тихая семейная жизнь, дружба (любовь) со Стасом. Я размышляю о любви; до тех пор я только чувствовал — любил. С семи до четырнадцати я непрерывно был влюблен в ту или другую девочку... Любовь к Мане с четырнадцатого года моей жизни являлась составной частью этого. Чувств, поочередно, то убаюкивающих меня, то потрясавших. Мир, полный интереса, находился уже не вне меня. *Теперь он был во мне.* Я существую не для того, чтобы меня любили и мною восхищались, а чтобы самому действовать и любить. Не долг окружающих мне помогать, а я сам обязан заботиться о мире и человеке».

Прекрасно: я один, и я сам.

Начало чистилища Я.Корчак осмысливает как убывание жизни и как бунт против законов природы, ведущих все живое к смерти. Пожалуй, это у Корчака от ума. Но описание душевного состояния «двадцать первого года» жизни очень верно:

«3х7. На моем седьмом году — школа, на четырнадцатом — религиозная зрелость (!), на двадцать первом — *армия*. Мне было тесно уже давно. Тогда меня сковывала школа. *Теперь мне тесно вообще.* Я хочу завоевывать, бороться за новые просторы».

Слово «армия» тут не надо понимать буквально. В 21 год Я.Корчак начал активную литературную и оппозиционно-общественную деятельность, в результате которой был даже ненадолго арестован. На армейскую службу он попал только в

26—27 лет; так что слово «армия» надо понимать в смысле борьбы жизни. Надо завоевать, сделать, иметь, взять, — таково требование души четвертого периода. Как пишет Корчак: «Стань на колени, целясь и стреляй». А то — в атаку!

Личностное рождение («Я смогу»):

«4x7. Потребность в *безукоризненной деятельности* на своем собственном участке. Я хочу уметь, знать, не лениться, не ошибаться. Я обязан быть хорошим врачом. *Вырабатываю собственный образец*. Не хочу подражать признанным авторитетам». Автор, как видите, идет строго по путевому графику. Впереди — критическая точка жизни — «Я буду».

«5x7. Я выиграл в жизненной лотерее. *Мой номер уже выпал*. Ставка — ровно столько, что в этом розыгрыше *не проигрываю* (если только не рискну вновь). Это хорошо; я мог и проиграть. Зато потерял шанс на главный выигрыш, значительный выигрыш — жаль! Мне справедливо вернули то, что я потратил. Безопасно. Но серо — жаль. От одиночества не больно. Ценю воспоминания. Школьный товарищ — приятная беседа за стаканом черного кофе в случайной уютной кондитерской, где никто не помешает. Не ищу друга — знаю, не найти. Не стремлюсь знать больше, чем положено. *Я заключил с жизнью договор: не будем мешать друг другу*. Не пристало выцарапывать глаза, да и бесполезно. Кажется в политике это зовут: разграничивать сферы влияния. Вот досюда, *не дальше и не выше*. Ты и я».

Не это ли на графике Пути зовется началом успокоения... Оказывается, «я буду» у Корчака сказано в продолжение «я смогу», то есть «свершусь». Оглядывая свою жизнь, Корчак видит, что он начал свершаться в момент личностного рождения и установился вполне, свершился как личность в тридцать пять лет, в середине жизни. Дальше ему осталось лишь разрабатывать то, что уже стало. Это: «Я свершился и буду», «я смог и буду» — по прямой. Все, что дальше, — осуществление «буду» личностного рождения. Поэтому Корчак и не указывает формулы дальнейших путевых точек. Конечно, впереди еще точка максимальной скорости роста и точка духовного рождения в сознании, в которой может переломиться Путь.

И действительно:

«6x7. *А быть может?* Уже или есть еще время? Это зависит от... Сведем баланс. Имеет, должен. Если бы можно было знать, сколько еще лет, когда конец. Смерти я еще не чувствую в себе, **но уже** думаю о ней. Когда портной шьет мне новый костюм, я не говорю: это последний, но вот эти письменный стол и шкаф, наверное, переживут меня. Я договорился с судьбой и с самим собой. *Так без эксцессов и сюрпризов...*»

В 40 лет Януш Корчак написал, как говорят, лучшее из своих произведений — «Как любить детей». На это и использовала его точка откровения. Все то, что происходит теперь с ним, есть, собственно, прямое продолжение пятого периода жизни: продолжение по медленно нисходящей прямой.

Вопрос периода духовных родов: что есть жизнь, благо, счастье? Собственно, от ответа на этот вопрос зависит быть или не быть на духовном пути жизни. Вот как отвечал на него Корчак в 50 лет:

«7x7. Что такое, собственно жизнь, счастье? Лишь бы не хуже, лишь бы так, как сейчас. Две семерки встретились и учтиво раскланялись, рады, что именно так, и именно здесь, и при таких обстоятельствах. Газета — внешне лишь бессмысленное чтение. *Да даже бы и так*. Без газеты нельзя. Тут и переломные, и отрывки из повести, и некрологи, и

театральные рецензии, и сообщения из суда. Кино — новый фильм. Новая повесть. Мелкие происшествия и мелкие объявления... Все это не столь интересно, сколь разнообразно... Широкое русло, так сказать, величаво катящей свои волны Вислы, именно такой, как под Варшавой. *Мой город, моя улица, мой магазин, где я всегда покупаю, мой портной, мое — и это самое главное — место работы.* Лишь бы не хуже. *Если можно было бы сказать солнцу «остановись», так это, пожалуй, сейчас». (!)*

И это в год великой ломки жизни! Вместо бури духовного рождения — полное успокоение. Не мудрено, что:

«7x8=56. Как годы промелькнули! Именно промелькнули. Только вчера 7x7. *Ничего не прибыло и не убыло!* Какая огромная разница: 7 и 14, 14 и 20. А для меня тот, кому 7x7, и тот, кому 7x8 — одногодки».

Это — уже результат. Результат честной, *прямой* жизни, с сознанием долга и греха. Януш Корчак до конца, даже под страхом смерти не изменил себе, и в смерти остался себе верен. Так можно было бы, так удобно подумать.

То, что Корчак рассказывает о себе в своем дневнике, разумеется, правда, но не вся. Тут — особенно в описании «7x7» — слышна самоирония, которая свидетельствует о высшем взгляде автора. Значит, Путь Корчака не завершился ни в 50, ни в 56 лет и имел *другой результат*. Не могу допустить, что в последние годы Я.Корчак не был религиозным и духовным человеком. «Тяжелое это дело — родиться и научиться жить, — говорит он. — Мне осталась куда легче задача — умереть. *После смерти опять может быть тяжело*, но об этом не думаю. Последний год, последний месяц или час. Хотелось бы умирать, сохраняя присутствие духа и *в полном сознании*. Не знаю, что я сказал бы детям на прощание. Хотелось бы только: они *вольны. сами* избирать свой путь».

Такого, будучи на естественном пути, не скажешь. Не подлежит сомнению и то, что взгляд Корчака на вопрос жизни, блага и счастья существенно изменился после пятидесяти шести лет; об этом он сам засвидетельствовал делом, умирая: конец его жизни полностью опровергает ту концепцию блага, над которой он иронизирует, вспоминая свое пятидесятилетие.

Видимо, Корчак вышел на путь духовного освобождения, но вышел поздно, — быть может, только в гетто. Это нисколько не умаляет его жизни. Тем более, что мы не знаем последних дней и часов ее. Даже многие известные религиозные философы, несмотря на огромные свои способности, обречены были десятилетиями стоять перед крепостью четвертого рождения, не имея сил пробиться через нее и выйти в поле духовного освобождения¹.

Состояние пятидесятилетнего Корчака — «лишь бы не хуже, лишь бы так, как сейчас» — знакомо в определенном возрасте большинству людей. Лет в 45—47, может, чуть раньше или позже — в самом начале спуска «с жизни», вскоре после тревог центра Пути восхождения бывает момент какого-то равновесия, покоя, глубокого удовлетворения тем, что есть, и собою. Лицо немолодого, дородного, самодовольно наслаждающегося жизнью мужчины легко найти сразу же, как выйдешь на улицу, в любой час, в любом месте. Он не ходит, он движется. Спуск начался. Ничто не предвещает грозных раскатов духовного рождения. Небо чисто. Медленно-медленно, даже как-то радостно и спокойно начинает человек свой сход с жизни. Для тех, кого наградила Бог, это прекрасная пора упоения творческой зрелостью, в которой Толстой написал «Анну Каренину», роман, на котором почти до самого

его конца и лежит отпечаток этой поры. Вероятно, в другое время он не мог бы быть и замыслен.

Отсутствие «друга» к середине жизни, к тридцати пяти годам — вот, наверное, одна из самых крупных неудач пути Корчака: «Не ищущу друга — знаю, не найти». Это очень важное обстоятельство.

Кто не знает, что разводы и женитьбы в 40—43 мужских года — распространеннейшее явление. В следующее за тем пятилетие все стремятся сохранить стабильность, редко предпринимая что-либо новое, ломающее жизнь. Тут ничего ломать нельзя. Иначе беда. Это не впечатление, это знаешь твердо. Не то что рискнуть, а какой-то страх тронуть себя. Боишься нарушить ровное течение жизни. До этого момента все наживалось само собою, в процессе жизни; теперь, если наживать, то — специально. Так что все, что имеешь, — с собой. И хорошо! «Остановись, мгновение».

Что значит эта *пора затишья*, жизни? Значений наверняка немало. Одно из них — кармическое, наиболее явное по Корчаку. Самым сильным, основным соблазном души Януша Корчака был, как видно из его записей, *соблазн борьбы жизни*, с которым он вступил в чистилище и который, как и положено, изжил тут. Так что сам по себе эффект успокоения на четвертом десятке жизни может быть результатом погашенного в чистилище основного соблазна борьбы и не означать сход с Пути восхождения. Ровно так же, наступление поры *затишья борьбы* жизни в середине седьмого периода жизни с кармической точки зрения означает погашение одного из главных соблазнов естественного пути — соблазна борьбы, преграждающего Путь восхождения на подступах к духовному рождению.

Духовное рождение в сознании, соответствующее сорока двум годам генеральной кривой Пути, подготавливается и происходит на линии разумной духовности. Но для свершения таинства духовного рождения на Пути (49 лет генеральной кривой) необходимо, чтобы прежде проявленное в сознании стало волеием, получило управление восхождением в человеке.

Все дело в том, что человек в линии разумной духовности, по уровню духовного сознания может *быть готов* к этому, но все же не выйти на духовный путь — не получить на это позволения по линии Любви. Духовно самовластным человек становится по линии разумной духовности, но получает разрешение на это по линии Любви. Сам по себе акт духовного рождения двухчленен и двучастен. Для его осуществления должна быть выполнена достаточная работа духовного роста и духовного очищения на всех линиях жизни: любви и разума, чистоты и сторгии, кротости

и смирения. Поэтому точка духовного рождения плавает на кривой восхождения в течение всего восьмого периода Пути.

Для сознающего Путь свой человека приближение к точке духовного рождения всегда страшно; так бывает страшно идти на решающий вступительный экзамен, от результата которого зависит жизнь. Выдержать этот экзамен без достаточного труда роста нельзя, но одного качества духовного сознания недостаточно: нужно еще получить проходной балл, сдать экзамен на карму по всем линиям жизни.

Прельщение похоти на линии чистоты жизни, соблазн блуда, данный нам кармой Прапути, изживается на подходах к духовному рождению сам собою. Это закономерное явление для человека, к тому времени еще удерживающегося на Пути восхождения. Чем дальше на Пути, тем соблазн этот, не без взрывов, конечно, но более и более слабеет, разрыхляется, теряет силу, и к пятидесяти годам не должен составлять значительного препятствия для духовного рождения. Нормативный возраст духовного рождения может быть установлен прежде всего по этому, плотскому параметру. Зачем-то нужно, чтобы в конце шестого периода Пути было ложное усиление плотской жизни, которое затем резко сменяется ее действительным ослаблением к концу седьмого семилетия жизни. Любопытно, что это обстоятельство крайне затрудняет ранние духовные роды — скажем, лет в сорок. Выходит, что в линии чистоты человек *преждевременно* не впускается на путь духовного освобождения. Можно гадать, зачем это нужно, но это нужно.

Два сочлена духовного рождения — в чистоте и росте — не должны быть разъединены или находиться в неравноправном положении друг к другу, что легко может произойти в моменты ускорения духовного роста. Самым мощным из таких моментов является, конечно, точка откровения на Пути — 40 лет; но само по себе ускорение роста может быть в любом возрасте после душевного рождения.

Заметьте, что, чем, с одной стороны, мощнее ускорение роста, и чем, с другой стороны, моложе человек, переживающий ускорение роста, тем более расположен он к *аскетизму*, что с путевой точки зрения означает попытку досрочной сдачи кармического экзамена, экзамена очищения. Не знаю, имеем ли мы право говорить о *соблазне аскетизма* Пути восхождения; ясно, однако, что от человека естественного пути требуется не аскетизм в смысле подавления, а воздержание, удерживание в границах, сдерживание себя, производящее благоую карму и ограничивающее карму дурную. Принципу работы Пути на естественном пути жизни аскетизм в чистом виде противопоказан: это не совершение, а уничтожение задачи труда жизни. Что подтверждается и другим наблюдением, по которому на любом «досрочном» аскете (если не считать периода духовного взвода) лежит печать ограниченности и, более того, духовной неподвижности. Таким образом, бросок роста в результате аскетических усилий сменяется неподвижностью без снижения, правда, достигнутого уровня духовного сознания. Преждевременный (до духовных родов на Пути) аскетизм и является как бы средством сохранения достигнутого уровня духовности. Но тактика сохранения всегда, как известно, приводит к регрессу. «Досрочный» аскетизм чреват дурными последствиями, самое распространенное из которых есть утрата разума как непосредственного духовного индикатора в распознавании и узнавании истинного и ложного.

Нельзя представить себе рождение духом человека, находящегося в состоянии азарта борьбы жизни. На духовное рождение несомненно надо сдать экзамен на кротость.

Политический деятель, революционер или карьерист, спортсмен, общественник или задира-журналист на духовном пути жизни совершенно немислимы. Пора затишья свидетельствует о разрешении духовного рождения в той самой линии жизни, по которой Толстой выстроил свою проповедь.

Возможно и другое значение этого момента. Почему, спросим, именно в эту пору человек менее всего склонен ломать течение своей жизни и даже знает, что ломать теперь ничего нельзя? Не означает ли это, что в этот момент погашения соблазнов борьбы и пола человек должен что-то *совершить* в себе, чтобы рассчитаться с естественным путем на других линиях жизни?

Если крепость кармы плоти (как и вообще кармы Прапути) теряется с годами, то твердость напластования соблазнов душевной и личностной стадий жизни с годами только увеличивается. Таковы соблазны гордости, тщеславия, несвободы, неравенства. Никакими аскетическими усилиями нельзя перепахать эту упругую почву и прополоть въедливые плевелы ее.

Остатки их составляют предмет работы первой стадии духовного пути. Но важно, чтобы это были все же остаточные кармические явления недопрополотой, недоперепаханной кармы. И так как духовное рождение в значительной степени есть акт отвержения того, что утверждалось с момента личностного рождения, то именно работа смирения, надо полагать, составляет главный труд на подходах к духовному рождению. Нет смирения, нет и духовного рождения. Пора затишья борьбы жизни — лучшее душевное состояние для совершения работы смирения. Не потому ли душевное состояние это так долго определяло Путь Януша Корчака — до той поры, пока в некотором смысле ему не пришлось отречься от своего блага...

«Тяжелое это дело родиться и научиться жить», — писал Корчак. Труден, не в подъем труден бывает человеческий Путь восхождения. Даже если плотской и душевной кармой тебя не выбило до первой или второй развилки жизни, если достало у тебя духовных и путеводных сил не опоздать взять курс на пробуждение, если в тебе даже свершилось все то, что должно совершиться в седьмой период духовных родов, то это еще не значит, что ты обязательно вышел из естественного на духовный путь. К этому времени ты можешь нести такие напластования кармы, преодолеть которые недостает ни духовных сил, ни просто воли.

Да. Воли. Ни одна из точек естественного пути не требует от человека такого напряжения воли, как эта, перед духовным рождением. Прежде волевое усилие нужно было только для блюдения себя, для сохранения чистоты в видах ослабления дурных кармических процессов. Теперь же воля необходима не для предупреждения, а для подавления и преодоления в себе кармического действия как такового. Препятствие недостатка волевых усилий на предотвращение кармы может быть возмездно в самом конце естественного пути, где приходится компенсировать его избыточным волевым усилием. Именно тут, в конце седьмого периода жизни, обретает путевой смысл общерелигиозное требование самообуздания и воздержания.

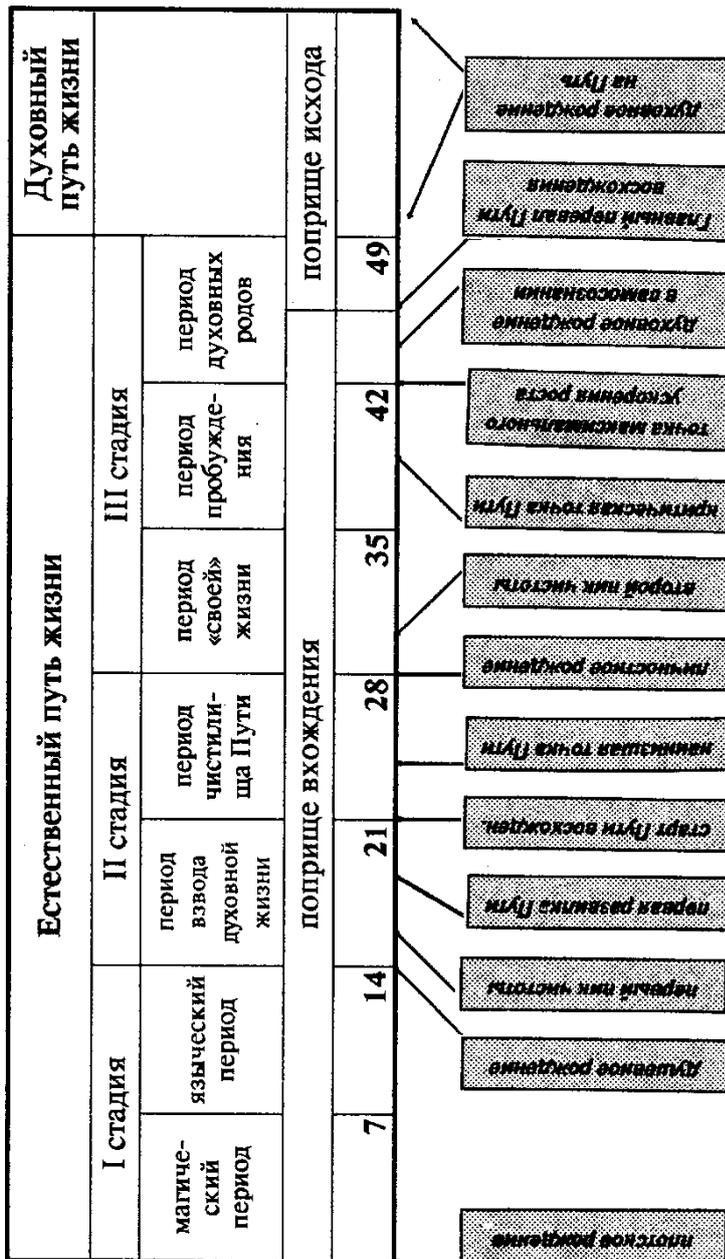
Если угодно, это — *бой*, в котором приходится пробивать себя, на что даже Льву Толстому, при всей его пробойной энергии роста, потребовалось не месяц, не два, а шесть лет — с 1878 по 1884. И это при пятнадцати годах почти святой, по мирским понятиям, жизни!.. Рискну даже утверждать, что и вся его первоначальная проповедь с «делами истины» и ненасилием

есть вымороченный плод этих его усилий духовных родов. Умалять это Льва Николаевича и его страстную проповедь — не умаляет, но заставляет задуматься о путевых источниках мыслей и страстей наших.

На Пути восхождения человека перед его духовным рождением воздвигнут заслон кармы, созданный всем предшествующим ходом жизни. Нужно особое усилие воли, чтобы пробить его. Но усилие это обусловлено все же не только логикой жизни. Его рассудочно и невозможно понять. В нем, в его необходимости есть нечто недоступное нашему уму: оно нужно само по себе, как *родовое страдание*, которое нужно вынести, преодолеть. Это может быть чисто нравственное страдание, или мучения плоти по болезни, или боль утраты чего-то или кого-то, либо как-то иначе, но оно *должно* быть. И объяснять эту необходимость рационалистически бесполезно.

Новую духовную ношу свою человек рождает в муках, которые он может и не выдержать. Видно, на духовном пути человек непременно должен иметь и нести вместе с духовной ношей и крест свой — гонения ли, болезни ли, поругания, нищету ли и прочее. Сложить этот крест, какой бы он ни был, с себя нельзя. Ровно так же нельзя стараться избежать предстоящих страданий духовных родов. Это явление одного, кажется, порядка, и из одного Источника.

Надо быть готовым выдержать эти страдания и идти на них. Дорогу из естественного пути жизни на духовный путь надо *пробить*. На линии любви это пробой кармического заслона. На линии разумной духовности это тоже пробой, но пробой не в карме, а в чем-то, что мы пока что не умеем назвать.

3.3. 0 душевной жизни
(к четвертому чтению Пути)

*Голова души находится на небе, ноги же ее
— на земле.
Плотин*

1.

«...часто (а может быть и всегда) наше довольство, недовольство жизнью, наше впечатление от событий происходит не от самих событий, а от нашего душевного состояния. И этих душевных состояний, очень сложных и определенных, есть очень много. Так есть состояние стыда, состояния упрека, умиления, воспоминания, грусти, веселости, трудности, легкости. Как возникают эти состояния? Не знаю. Но знаю, что бываю в состоянии стыда, и тогда все стыдно, а если не к чему приложить стыд, то стыдно беспредметно. То же с состоянием упрека, с умилением, то же с воспоминанием, как это ни странно. Все вспоминаешь, а нечего вспоминать, то вспоминаешь то, что сейчас есть, и то, что вспоминал это еще прежде; то же с грустью, веселостью...» (54,160—161).

Названные здесь Толстым душевные состояния вызваны, возможно, каким-то начальным впечатлением или событием. Но почему-то именно *это* событие, а не какое-то иное обусловило восприятие ряда дальнейших событий жизни, ничуть не менее ярких, чем то, которое их вызвало? Даже если допустить, что всякое состояние души нашей возникает от внешних ей явлений бытия, то и тогда придется признать: душа обладает некоторой способностью выбора, благодаря которой она в одном случае вводится в нужное ей состояние, а в другом — не вводится. Это зависит от ее предшествующей готовности войти в тот или иной *рабочий режим*, в который она самозапускается с помощью внешних явлений или без их вспомогательства.

Впрочем, представление о душе, как об управляемой извне машине, представление, по которому каждое последующее наше душевное движение как-то и чем-то детерминировано, совершенно неприемлемо для всякого чувствующего себя и нуждающегося в своей душе человека. Душа наша, работая, *живет*, она — живая и работает *сама*. Внешние ей процессы, скажем, процессы плоти усиливают или ослабляют данный душевный режим, могут даже сломать его — но не они все же обуславливают течение душевной жизни в целом.

Говоря; человек есть Путь, мы, конечно, имеем в виду его душу. По своему путевому расписанию функционирует и плоть, что, несомненно, и для души имеет путевое значение. График плоти в большой степени обслуживает жизнь души, согласован с путевыми процессами в ней и оказывает на них влияние, служа, а не диктуя. Плоть — колея; только колея. Но колея особого рода. В одном месте она чуть ли не направляет ход души, в другом служит противодействующей ему силой, предполагающей преодоление, в третьем наказывает душу за сходы и уклонения, а то и вовсе не участвует в душевной работе.

Не плоть проходит Путь. Плоть только подогнана к Пути души. По крайней мере, это должно быть так, так как под душою разумеется само неизменное в изменениях, со-вершающее Путь и им являющееся «Я» человека, которому *принадлежит* плоть — ив качестве границы его отделенности, и сама по себе, как одна из организаций «Я».

Жизнь можно понять и как результат взаимодействия сознания отделенности и сознания нераздельности, и как само это взаимодействие или контакт. Не исключено, что все на свете обладает своей степенью и глубиной сознания отделенности и нераздельности. Большой жизнью, большей полнотой жизни обладает тот, в ком полнее осуществляется сознание духовной нераздельности: от сознания связи с ростком себя до сознания Бога. И каждой ступени сознания нераздельности, вернее, каждому находящемуся в существовании ряду сознании нераздельности соответствует ряд сознании отделенности: телесной, животной, душевной, личностной разных родов, духовной. Каждый скачок духовного роста, порождающий высший разряд жизни, одновременно вводит в новый пласт сознания отделенности.

Каждому существу, в том числе и человеку, соответствует свой *целостный ряд* как сознанию отделенности, так и сознанию нераздельности. Целокупность и единство этих сознаний мы и называем *душою*. Животная степень полноты жизни, животная душа существует не на взаимодействии, а на контакте тех сознаний отделенности и нераздельности, благодаря *результату* предшествующего взаимодействия которых она выведена в существование как данная ступень полноты жизни. Животное существует в том пласте жизни, какому присущи лишь процессы, которые его, пласт этот, породили. Животное

— *повторение самого себя*. Человеческая степень полноты жизни, человеческая душа есть не только результат взаимодействия действовавших ранее высших сознаний, выведших его в его полноту жизни, но и результат активности продолжающегося в нем взаимодействия сознания отделенности и нераздельности.

Животное всегда равно самому себе, не может ни взлететь, ни выпасть — ни стать выше, увеличивая полноту жизни, ни стать ниже, уменьшив данную полноту своей жизни. Душа животного закабалена, несвободна, даже если она *готова* совершить бросок духовного роста, и даже если она тужится, тужится, тужится навстречу человеку, но смочь — не может... У кого был пес и кто видел, знает эти духовные потуги пса, тот поймет, о чем идет речь.

Животное — не работа, это нечто выработанное. Работа — человек, в котором, идет борьба «духа» (сознания нераздельности) с «плотью» (сознанием отделенности), и душа которого потому обладает как свободой изменять свою полноту жизни, так и, временами или навсегда, лишать себя этой свободы.

Определение души как целокупности в единстве ряда сознании отделенности и нераздельности фиксирует душу статически, лишь как точку на Пути, характеризующую состояние, ступень, но не рост. А следовательно, и не *душу на Пути*. С позиции учения роста более всего важно знать не величину, а направление вектора состояния жизни, то есть не только «состояние» (соотнесенное состояние) души, но и режим ее работы, определяющий ее направление — ее восхождение или нисхождение. Само по себе мое Я, моя душа — рабочий процесс. И в таком качестве может быть описана и оценена тем режимом, в котором она работает.

Говоря о том, что наше восприятие событий зависит не от самих событий, а от того определенного душевного состояния, на которое ложатся впечатления от них. Толстой хотел указать на существование самопроизвольных, чисто душевных состояний. Душа сама как бы окрашивается в определенный «цвет» грусти или веселости, умиления, упрека или душевной легкости и т.д. При этом Толстому не было необходимости подчеркивать, что каждое из этих состояний, несмотря на всю их определенность как состояний Я, ничего, собственно, не говорит об этом Я, о тех процессах, которые совершаются в нем. Одно и то же чистое душевное состояние — грусти, скажем, — оставаясь состоянием грусти, может появиться в качественно и существенно различных режимах работы души. Условно говоря, важен не «цвет», а яркость его и, главное, его «оттенок».

Душа наша — поле, которым овладевает то или другое сознание из составляющего душу целокупности ряда их. Активизация сознания духовной нераздельности вводит душу в *духовный режим*. А активизация сознания тела, телесной своей отделенности вводит в *плотский режим*. При этом душа может находиться в одном и том же состоянии грусти, умиления, стыда. Но это разное умиление, разная грусть и разный стыд. Собственно, в чисто душевных, *безрежимных душевных состояниях*, о которых сказал Толстой, мы почти не живем. Они возникают только потому, что и душа может, видимому, работать *вхолостую*, без нагрузки.

В самом по себе плотском режиме душа, полностью поглощенная сознанием телесной отделенности, живет не часто. Плоть должна завладеть душой, а для этого недостаточно обычной силы голода, холода, пола и т.д. В плотский режим душа почти неизбежно ввергается при страданиях плоти — страданиях боли, непосильного труда, зверского вождления,

разного рода истязаний тела. Жить какой бы то ни было духовной жизнью, терпя острую боль (пока не притерпелся к ней), практически невозможно. Сами по себе страдания никогда и никого не очищали и не облагораживали. Духовное действие на некоторых людей производит выход из плотского режима, как бы освобождения души из кандалов плоти.

На духовном пути жизни плотский режим может стать кошмаром. Этот кошмар Лев Николаевич особенно остро переживал в 1887—1888 годах, когда им были написаны «Крейцера соната» и «Дьявол», вызвавшие ярость Софьи Андреевны: ей казалось, что ее оплевали.

Природой уготованная производить из плоти плоть, женщина по одному этому почти совсем не знает ужаса плотского режима как такового. Редкая женщина в состоянии понять этот ужас, даже если она и способна принять в себя мысль целомудрия. Плотский режим сам по себе более свойственен женщине, нежели мужчине¹. Именно в глубинах плоти женщина обычно чувствует изначальные силы жизни, которым при желании можно придать божественный статус.

Душу часто представляют некоторой особой силой, которая обращает прах в живое существо и которая имеет источник свой в Боге. При этом так ли важно, как была придана плоти эта сила: разом или в результате миллионов лет естественной эволюции? Если душа есть то, что живет, то самая жизнь (независимо от того, Бог ли совершил чудо оживления материи, или это чудесным образом произошло само собой) есть некоторое качество или форма существования тел, материи. Тут, собственно, не о чем спорить. Другое дело, если нет ни «праха» («мертвой» материи), ни сил жизни, а есть дух в разделении, в отграничении, сознание чего и есть жизнь. Жизнь есть особое качество или форма существования духа (а не материи), свойственное нашей Обители (сознанию отделенности).

Отсюда, в частности, следует, что в нашем мире есть множество по-раздельности не живущих частей живого, но неживого собственно нет.

Душа — не дух, то есть часть (дуновение) неизменного духовного Начала, и не то, чем этот дух самозамкнут, ограничен и отграничен, а дух в отграничении — то изменяющееся, растущее, дышащее, проходящее Путь духовное неизменное, которое определяется в понятии «Я».

В зависимости от ускорения роста и занятой точки на Пути, это «Я» (душа) может обладать различной полнотой жизни, которая, в свою очередь, может иметь тенденцию к увеличению или уменьшению. Однако человек, в отличие от всего существующего, обладает некоторой свободой увеличения полноты жизни в себе. Эта его свобода или возможность связана с способностью его души работать в духовном режиме,

¹ Потому женщина, в общем случае, легче мужчины переносит всяческие телесные страдания; отсюда же и вовсе неведомое мужчинам, чисто женское наслаждение чистотой тела, телесная потребность чистоты, и женское зеркальное самолюбование, ее чувство своей «внешности», важное не только для другого, а само по себе, по сознанию тела.

В терминологии Толстого, как помните, есть понятие «человека живого», выделяемого в особую категорию из всего остального Мира (включая и человека как умное животное). Мы говорили уже, что сам Толстой относил это понятие только к духовному человеку (прошедшему через духовное

рождение), но, в принципе, оно может быть отнесено к каждому из нас, в ком не прекратился процесс духовного роста, чья душа так или иначе работает в духовном режиме. Можно сказать, что *жив* тот, в ком душа способна работать в духовном режиме. Живая душа это не что иное, как свободный духовный процесс. Нет свободы духовного процесса — нет роста; умер на Пути жизни — и нет «жизни», душа мертва, становится мертвой душой. С этой точки зрения духовный режим это режим жизни души, а режим плотский — режим душевной смерти, существование в гробах своих.

2.

Душу свою мы знаем не саму по себе, не потому, что она в нас есть, а по ее работе и в ее работе — в жизни. Жизнь же души это работа духа в отдельности, свободы в необходимости, работа, которая и постигается разумом.

Определить разум трудно не только потому, что это означает определить то, что все определяет — определить определитель — но и потому, что для этого его, разум, нужно *вычлени*ть из души. Разум это одно из тех рабочих проявлений души, по которым мы знаем ее существование в себе и узнаем душу в другом. Душа и состоит из таких проявлений или рабочих состояний. Можно сказать, что душа (в качестве процесса) это разум (душа познает и узнает душу), как можно сказать, что душа это и совесть, и любовь, и религиозное чувство. Вернее, душа это работа в разуме, любви, религиозном чувстве и совести.

Конечно, душа наша не состоит из частей. Ее нельзя собрать и разобрать. Религиозное чувство и любовь входят в разум, и разум в религиозное чувство и любовь, и все они есть в совести, и совесть есть в каждом из них. Душа не работает теперь разумом, потом любовью, а затем совестью, она работает вся целиком. И все же мы различаем в себе разум и любовь, и совесть. Это значит, что единая цельная душа может теперь работать как разум, *в режиме разума*, потом как любовь, *в режиме любви*, а затем *в режиме совести*. Трудно сказать, что такое разум, но можно определить его как один из режимов работы, в котором, трудясь, целостно живет душа. Душа может становиться, быть разумом, затем она же становится, делается совестью, потом становится, превращается в религиозное чувство, а когда ни в то, ни в другое, ни в третье, то она есть любовь. Нет любви — нет души. Только так мы знаем в себе свою душу.

Однако, говоря «разум» или «любовь», мы разумеем какой-то обобщенный режим, какое-то всего более главенствующее душевное состояние, чем собственно режим души. Под общим понятием «любовь» мы разумеем и чувственное пристрастие, и любовь к Богу, и множество других промежуточных режимов. Любовь-эрос — почти что плотский режим, агапическая любовь — духовна. То же самое и с понятием разума; есть разум в плотском режиме (тот, который есть и у животного), и в режиме духовном — духовного сознания, есть разум и во многих других душевных процессах. То же и с совестью, и с религиозным чувством, колеблющимся от идолопоклонничества до чувства-сознания Богопричастности на вершинах свободного пути жизни.

Таких *рабочих позиций* для каждой из четырех режимных составляющих души может быть много. Душа более жива или менее жива в зависимости от той рабочей позиции, в которой она пребывает. Чем любовь ближе к духовной позиции, тем больше душа «разжимается», тем она сама «больше»; чем любовь ближе к плотской позиции, тем больше душа

сжимается, тем она «меньше», менее живая.

В чисто плотском режиме душа не жива. В плотской позиции религиозного чувства человек, как животное, совсем не знает более высокого душевного состояния, чем то, в котором он находится. Эта полная душевная неподвижность и означает смерть души. Плотскую позицию совести тяжелее всего представить, так как это не просто бесстыдность, а полное отсутствие самого сознания стыда за себя, абсолютная потеря самоуважения, то есть фактическое вырождение «Я», отмирание души. Чем дальше душа от такого состояния, тем больше она оживает, тем больше она *есть*.

Душа наша обычно работает в таком режиме, в такой своей точке, которая одновременно находится под воздействием как разума и религиозного чувства, так и совести и любви. Но под воздействием разным, так что сейчас любовь, например, более заполняет мою душу, чем религиозное чувство, а последнее — более, чем разум. И так в любой мыслимой пропорции. Так что каждую из четырех составляющих души можно представить себе душевным *полюсом*, а саму душу признать многополюсником — для нас четырехполюсником, — в котором находится межполюсное силовое поле.

Если и дальше развивать это представление полюсов и поля, то нужно сами полюса представить не как «точки» или «центры», а как лучи или, грубее, как полюсные стержни, как «направляющие» души-поля. В бесконечности они исходят из одного Источника и могут активизироваться в любой своей части, в любой рабочей позиции. Причем ближе к плотскому режиму полюсные стержни утончаются и общее поле души слабеет, по мере же приближения к духовному режиму, наоборот, поле усиливается и эти стержни-полюса все более и более утолщаются.

Упрощенно говоря, душа в каждом из своих режимов работает в какой-то одной точке межполюсного силового поля, в одной из бесчисленных точек этого поля, общий характер силовых линий в котором только ей свойственен и неповторим. Как бы убого ни было такое представление, оно уже дает возможность говорить, хоть и условно, о конкретной душе человека. В этой системе представлений ничто не мешает нам сказать, что каждая душа прибывает в этот мир со своим, только ей свойственным расположением полюсных стержней души, со своей особенной конфигурацией душевного поля и его силовых полюсов.

Я думаю, что меня поймут, если я скажу про кого-либо, что он живет в ослабленном душевном поле или что у него сильный стержень разума и ослаблен, узок стержень совести. Или что стержень любви у такого-то человека проходит прямо по центру его души, поглощает его полюс совести и в немалой степени обессиливает силовые линии разума. Или что беда третьего человека и проистекающий от него вред — от искаженное™ его души, от того, что любовь и совесть работают в нем в куда более плотской позиции, чем его религиозное чувство и разум. В душе Толстого, кстати, мощнее всего работали силовые линии совести, затем религиозного чувства, затем любви. Я знаю про себя, что, как правило, над моей душой властвует разум и религиозное чувство, затем совесть, затем любовь. Душа всегда искажена в нас, искажения такого рода обычны, но и они, если не говорить о патологии, имеют свой предел.

Нельзя выдумать человека, в душе которого один полюс работал бы близко к плотской позиции, а другой — к духовной. Душа наклонена, но не опрокинута и не разорвана. Между полюсами ее всегда есть связь и некоторое

согласование. Сила тяготения того или иного полюса в душе может быть больше или меньше, но в отношении рабочей позиции между полюсами должно сохраняться соответствие. Нельзя одухотворяться в разуме, не одухотворяясь в религиозном чувстве. Здесь может что-то — разум — работать активнее, но в результате вся душа со всеми своими полюсами станет работать в более духовном режиме. То же самое происходит и в процессе душевного омертвления. В отношении крайних своих позиций душа вся подымается или опускается, поднята по стержням на каком-то уровне или до какого-то уровня вся опущена. В своем трудовом процессе душа как бы идет слоями, работая то на одном, то на другом уровне духовности.

Это дает возможность говорить о пластах души.

«Царство Божие внутри есть». Этим сказано, что Царство есть, существует, осуществлено внутри, и указано, где и как искать его — «внутри». Идя по направлению к Царству Божию, внутрь человека, мы ранее¹ согласились различать три пласта: пласт духовного сознания (уровень «своей истины»), душевный пласт («уровень слова», «своей правды») и пласт воления («уровень поступков», «Дела»).

То, что мы называли пластом духовного сознания, есть, разумеется, лишь наружный пласт уходящей внутрь области духовного Я. В этом пласте «изнутри» накапливается Истина как элемент или грань духовного сознания, тут же совершается собственно духовный рост. Малейшие изменения и процессы в этом пласте могут существенно изменить все наше жизненное чувство. Но чтобы это произошло, нужно, чтобы известное на этом уровне было признано душой, переведено на «уровень слова», произнесено в душе, раскрыло себя выражением в чувстве и мысли и было закреплено в памяти души в качестве уже добытого.

Конечно, далеко не все, а только часть того, что уже накоплено в духовном сознании, что получено в таинственном процессе духовного роста как «слово произнесенное», принимается на следующем пласте, переходит на уровень «произнесенного слова», становится фактом душевной жизни. Между двумя этими пластами (духовного Я и души) существует нечто вроде «канала», могущего открываться, закрываться, расширяться, сужаться, а то и рваться или стягиваться до полного совмещения обоих пластов. Работу в этом канале, то есть перевод известного в духе в признанное душой вполне можно назвать работой и действием *истинности* в человеке.

Искать Царство Божие и Правду его, искать «внутри» означает рост духовного сознания, питаемого светом Истины оттуда, где обитает Истина и Правда.

Истина — это тот элемент духовного сознания, который будучи высказан, переведен на уровень души, становится соответственным правде.

Искать Царство Божие или, что то же, изнутри *добывать* для души Правду его и означает действие по каналу истинности. Определить степень свободы человека в этом действии духовного «рождения» и истинности было бы очень важно, но можно ли? Ясно, что тут нет ни полной свободы (власти) человека, ни полной несвободы, что степень этой свободы меняется на Пути и в течение жизни и что своими усилиями (работой) можно больше или меньше увеличить ее (как можно, конечно, и уменьшить). Ясно еще и то, что возможности собственной работы истинности у человека несоизмеримы с его возможностями роста в духовном сознании.

Истина мне дается, мое дело добывать из нее Правду. Не

исключено, что Истина дается мне сообразно моим возможностям (свободным и несвободным) добывать Правду. Много дается тому, кто много может взять. Во всяком случае нехватки запасов «своей истины» в нашем духовном сознании не может быть. Недаром под духовным ростом мы понимаем не только процесс накопления Истины в духовном сознании, о котором мы непосредственно ничего знать не можем, но и совершающийся процесс раскрытия, узнавания Правды в душе. Истина сугубо потенциальна. Правда есть частичная актуализация Истины, совершающаяся при переходе в душу, по каналу истинности.

Пласт духовного сознания в себе, свое духовное Я человек в глубине души переживает как свое собственное, «ближайшее» к нему духовное солнце — свой духовный центр тяготения, света, тепла. Если не говорить о мгновениях откровения и озарения, то этот духовный центр мы знаем не как таковой, а по его импульсам в душевном пласте через канал истинности. Душа может работать в самых разных режимах, но движущая сила этих режимов одна и та же, исходит из одного источника и по *одному каналу*.

В глубине души мы не будем различать отдельных каналов управления совестью, разумом, религиозным чувством. Канал истинности это канал добывания Правды души и в совести, и в религиозном чувстве. Канал истинности это канал, через который живет то, что можно мыслить или в четвертом лице, как «отец». Отец, Бог, или в первом лице, как Сын или духовное Я, — в чем та высшая точка, с которой я с вершин духа вижу себя.

С этой точки я *сужу себя*, и это называю совестью, *верю* (доверяю) ее индикации истины, и это называю разумом, *верую* в провидение себя, в себя заданного, в ею явленный лик «Бога своего», и это называю религиозным чувством. Будем считать, что имею я способность судить, верить и веровать по одному и тому же каналу и получая один и тот же импульс.

В один момент моя душа почему-то более ответственна, переживает ближайшее духовное солнце более как духовное тяготение и оттого запускается в режим совести. В другой момент она почему-то более переживает свое духовное солнце светом, идущим от него, и запускается в режим разума. В третий момент душа более всего воспринимает от своего духовного солнца именно его направляющую волю на меня, слышит глас Бога своего и запускается в режим религиозного чувства. Наконец, в четвертый момент душа становится особенно чувствительна к потокам духовного тепла от него и вводится в режим любви. Ну а если почему-либо перекрыт канал истинности (он же и канал совести, любви и религиозного чувства), то душа неминуемо переходит на более плотский режим. Как и почему душа переводится из одного рабочего режима в другой или из рабочего режима в *режим праздности* («мнимой душевности») — вот один из основных вопросов науки о душе.

В общей перспективе всего Пути человеческой жизни эти превращения, надо полагать, программируются развитием чисто духовных процессов, генерирующих силы оживления. Но ежедневно, в частных процессах повседневной жизни духовное сознание не задает режим работы души, что создает в человеке определенную неустойчивость, но и большую режимную свободу. Почему сегодня с утра я проснулся в одном душевном режиме, который затем в течение дня много раз менялся (или, напротив, почему-то не менялся), я, по большей части, не знаю, но могу смело утверждать, что почти все эти превращения вызваны не теми процессами в духе, в которых я бессилён принять участие. А это значит, что человек,

в принципе, может найти способ управления режимами своей души, что давно и хорошо известно. Важно, однако, что эта способность душевного самоуправления человека возможна только потому, что духовная сила всех режимов одна, по одному каналу, и, как правило, не несет в себе самой жестко управляющего сигнала.

3.

Само по себе духовное сознание почти никогда не работает в нас. Чисто духовный режим душе не свойственен хотя бы только потому, что душа есть *работа духа в отделенности*, что в глубинах духовного сознания не имеет земного содержания. Все, что мы способны чувствовать, переживать, мыслить, все это может являться душе благодаря сознанию отделенное™. Вне и без сознания отделенности душа работать и воспринимать не может. Потому результаты или действия духовной неразделенности, если когда доходят до души, то всегда в «облике» отделенное™ — в *видениях*. Видения это единственная форма душевного восприятия духовных реальностей, которые иногда просачиваются в душу.

Видения возникают самопроизвольно. Для этого часто достаточно притупить, отключить большую долю своего сознания отделенное™, что нельзя ни наяву, ни во сне, а только в переходный момент, в полудреме. Вот в этом раскрытом состоянии и заполняют сознание какие-то сложные, вневременные не то мысли, не то воспоминания, не то образы, но не разворачивающиеся в сознании как воспоминания или картины, а возникающие разом и целиком; они, что замечательно, не имеют обычно никакого отношения к предшествующим ощущениям, чувствам и мыслям. В этом смысле такое видение совершенно свободно, независимо от процессов в душе человека. Яркость и четкость его способны усиливаться, вернее, проявляться, да бывает, с такой скоростью, что даже ранее выключенные верхние пласты сознания отделенности мигом включаются, и ты, как от толчка, пробуждаешься. Если ты при этом пытаешься задержать это видение, то, как правило, приходится убедиться, что это невозможно: остаются какие-то обрывки образа и мысли, по которым цельная картина не реконструируется. Такие «холостые видения» знакомы всякому и значат не более «холостых режимов» души, о которых мы выше говорили. Но бывают в жизни человека и другие, нехолостые видения.

Собственно духовные режимы это мир религиозно-художественных видений, мир иллюзорной отделенности, в котором нам становится доступна работа духовного сознания самого в себе. Как таковая, работа духовного сознания едина и цельна. Только частично переходя на уровень души, она может члениться по полюсам на режимы разума и совести, религиозного чувства и любви. *Глубинная граница души* проходит там, где становится невозможным такое разграничение. На этой-то границе души, одновременно являющейся и пределом существования сознания отделенности, мы и знаем многие видения. Неразумно пытаться классифицировать их. Не системы ради, а для иллюстрации укажем на четыре «полюсных видения», соответствующих духовным позициям четырех полюсных режимов души.

В «Откровениях князя Андрея» мы попытались рассказать о толстовском видении князя Андрея как о видении-предвидении, водящем видении, путеводном видении, содержащем одновременно и назначающее, и исполняющее воление и действующем в качестве личного духовного Я, духовно-личностной ипостаси, «отца», «Бога Своего». Вне

сомнения, это видение из духовного режима религиозного чувства, один из высших актов проявления этого чувства. К этой позиции религиозного чувства приближаются и хилиастические грезы, и некоторые видения сокровенных «мечтаний» о себе в юности, во время духовного взвода Пути жизни.

Путеводное же значение имели для Толстого и «откровения жизни» князя Андрея. Но для самого князя Андрея эти его откровения, как их изобразил в нем Толстой, есть тоже видения, но не религиозного чувства, а разума. Князю Андрею открылась Истина, явившаяся ему в состоянии озарения, видения-мысли. Высшие позиции режима разума, которые, быть может, только и следует называть разумом, всегда имеют характер видения, «смотрения», узнания знакомого.

Совесть человека всегда работает в видении, «мальчиками кровавыми в глазах», сердечной мукой в представлении. На высших ступенях режима совести появляется сторгическое видение сродства души другого человека, о котором мы, даст Бог, когда-нибудь расскажем. Полны зрячести к невидимому и духовно умиленные, раскрытые глаза святых, пребывающих в агапическом состоянии любви.

Все эти четыре полюсных видения связаны между собой (так оно и есть у Толстого в «Войне и мире») как четыре лика одного и того же явления. Но видение не только предмет религиозно-художественного творчества и при нем проживающего, приживающего умозрения. Видение это еще реальный, хотя и редчайший режим целостностного и разового явления духовного сознания. Есть люди, утверждающие, что они дважды на дне беседуют с духами. Не они, конечно, предмет разговора.

Духовное творится делом, работой; и вхождение в духовный режим, с его видениями, тоже требует усилий, во всяком случае не выигрывается в небесной лотерее. Человек, своими усилиями или силою благодати добывший душу до ее глубинной границы, испытывает особое давление, зачастую изменяющее все его жизнечувствование и его Путь. Особенно резко это бывает у женщин, на которых, именно благодаря их плотскости, чисто духовные явления производят чрезвычайное впечатление.

Толковать об ангелоявлении, не испытав его, нельзя. Но понять его духовную реальность, сошедшую к нам, в отделенность, можно. Духовное существо в его собственной духовной отделенности не узреваемо. Духовное существо может быть доступно нашему восприятию только как существо отграниченное, возникающее не иначе как в видении, то есть в «виде», в кажущейся форме, в псевдоотделенности. Ангел всегда является человеку в качестве вестника или посланника Того, к Кому обращено человеческое сознание духовной нераздельности, то есть представляется исполняющим работу Бога на человека. Это луч невидимого света, который как-то способен становиться призрачно видимым и в такой форме проникать через канал истинности в душу. Если есть духовная реальность, то могут быть и такого рода *рабочие явления* духовного сознания в нас. В конечном счете, важно не то, что они проникают в душу, а то, что эти видения имеют воздействие на велью — работают в полном смысле этого слова.

Воля — понятие, безусловно, путевое, хотя и производное. Первичны понятия Пути, жизни, роста, все собственно духовные процессы, которые могут становиться волей в нас или для нас. Воля Бога более всего означает действие Его замысла в нас. Подразумеваемая сила оживления, можно говорить о действующей в нас путеводной воле, но само понятие воли здесь столь размыто, что становится неотличимо от понятия

силы.

Сила — это понятие отвлеченное, существующее только в производимом действии (или противодействии), которое, в свою очередь, вызвано нарушением некоторого стационарного состояния. Она реактивная по своей природе и есть то, что стремится уничтожить причину себя, подавить возмущение, возвратит в исходное состояние, добиться стационарности. Сила всегда препятствует выходу из «нулевого» состояния, вызываемому какими-то изменениями, но сама никогда не вызывает их. В понятии силы заключен смысл противодействия новому, а значит, и противодействия росту, Пути, оживлению. Если мы говорим о духовных силах, силах установления, усиления, очищения, то только по аналогии с той неведомой нашему уму причиной, которая заставляет падать брошенный камень.

Сила действует только в том, чем отделено, в пределах отделенности, обусловлена изменениями в этих пределах и, строго говоря, не может употребляться для описания духовных явлений — того, *что* отделено. В духе нет сил, есть сознание. Духовные процессы производятся сознанием, действующим только «в» (чем-то), изнутри, от Царства Божия, где обитают духовные Я, а не силою, действующей всегда «между» (чего-то). Духовное сознание действует *на* что-то и *в* чем-то, но не «между», как сила. Нашему воображению это недоступно, и мы, представляя сознание силой, вынуждены вводить понятие Источника духовных сил, действующих от Него ко мне, между «Я» и Им.

Мы говорим о «силе жизни». Толстой предпочитал говорить о «разумении жизни», о сознании неизменного (то есть неподверженного изменениям) духовного Начала. Сознание есть изменение неизменного духовного — изменение, не исходящее «от», — чему нельзя приписать статус «источника», что, собственно, не может иметь названия и что потому называется «Началом». В этом смысле сознание духовного Начала есть «Его» действие, Его «сила», и в частности, то, что мы именуем духовным ростом самим в себе, происходящим на духовном уровне, в пласте «своей истины» духовного Я.

Если духу соответствует понятие сознания, а плоти, пределам отделенное™ — понятие силы, то духу в отделенности, душе нашей, соответствует понятие воли. Поэтому воля есть категория личностного изменения, нечто самозаконное, в себе знаемое, «зрячее», а не «слепое» удовлетворяющее чему-то извне, как сила. В отличие от силы, воля несет в себе видение, она не делима с этой формой восприятия духовного в душе, и уже по одному этому не переживаема иначе как в исхождении из чего-то, чему она должна принадлежать. Все глубинное, от чего исходит воля в душе, обладает для нас, верно это или нет, статусом духовного сознания.

В корнях своих воля есть *сознание* необходимости и *видение* приведения ее (необходимости) в исполнение.

Понятия «силы» и «сознания» несовместимы. Нельзя говорить о силе, вызывающей сознание (что означало бы уподобление духа материи), как нельзя говорить о сознании, вызывающем силу (что предполагало бы наличие непосильного человеку знания того духовного, которое вызывает к существованию). Однако можно говорить о «силе сознания» и о «сознании силы» — то есть о воле как об исключительно душевном явлении. «Воля», как и «личность», понятие, которое можно приписать только душе (единичной, Общей ли, или Мировой), которое имеет значение лишь как душевное, а не духовное или плотское явление.

Говоря о воле, мы предполагаем наличие души и, говоря о

душе, мы предполагаем наличие воли.

Воля так же неотделима от души, как сознание от духа и сила от материи. Силы (плоти) — обычнейшее препятствие для воли, но не то, без чего воли нет. В том же смысле, в котором сознание (рост духовного сознания как такового) есть работа духа и сам дух, а сила есть работа плоти и сама плоть, в этом же смысле воля есть работа души и сама душа. Под волей вполне можно разуметь, скажем, усилия истинности, которыми «своя истина» переводится в «свою правду». Такое усилие души на произнесение «слова» действует на глубинной границе души, уже в канале истинности, и есть предел собственной духовной работы души, в котором она, как работа, концентрируется вся.

Душу можно определить как волю к истине, то есть разум, как волю на воплощение «четвертого лица», то есть религиозное чувство, как волю к духовной ответственности, то есть совесть, и как волю к духовному единению, то есть любовь.

В некотором смысле душа на своей глубинной границе есть *воля духовного действия*, воля к духовному росту, которым определяется все ее содержание. Эту волю можно было бы назвать *духовной волей души*, но при этом нужно разграничивать эту душевную волю, *действующую* с одной, наружной стороны канала истинности, и ту мощь духовного сознания, которая *раскрывает* канал истинности с его другой, глубинной стороны. Это разные явления.

В юродивом, для образа которого вовсе не нужна воля духовного действия души, предполагается именно особая мощь духовного сознания — чистота духа, чистота канала истинности, через который выходит наружу высшая Правда. То же самое и дети, в которых нет духовной воли души и через которых так чисто, явно, хоть и слабо, узко, светит свет духовного сознания. Напротив, человек в проповедническую пору жизни (первый отрезок стадии освобождения духовного пути жизни) находится в обладании всей своей душевной волей духовного действия (духовной волей), что отнюдь не предполагает чистоты и раскрытости его канала истинности, который обычно в эту пору основательно закармирован. Только на свободном пути жизни, на вершинах воплощения в человеке начинают совмещаться юродивый и пророк, дополняя и восполняя друг друга.

4.

Кроме пласта духовного сознания самого в себе и пласта духовного сознания в выражении, пласта души, мы ранее условились различать еще третий, о котором мы говорим и как о пласте плоти, и как об «уровне поступков», и как о собственно путевом пласте. Говоря об уровне плоти, мы держим в уме не физиологические процессы тела, а ту область целостного состава человека, в которой вершатся *поступки*. Такая область, где решаются действия и устанавливается поведение человека в мире, принадлежит одновременно и душе, и плоти. Ровно так же, как есть глубинная, нижняя граница души, где возникают видения и действует воля духовного действия, так есть и внешняя, *верхняя граница души*, управляющий слой души, где устанавливается направление воли на уровне плоти. Это пласт души, в котором действует «воля плотского действия».

Далеко не все то, что перешло на «уровень слова», что сказано в душе, становится не только действием, а хотя бы нашим велением, давящим исповеданием в нас. Духовное сознание, пройдя канал истинности, должно затем из края в

край пройти всю душу и «воплотиться». Дело тут вовсе не в осуществлении какого-либо действия или воздержания от него, не в том или ином роде совершения. Дело в возникновении самого намерения отдать руль тому, что произнесено в душе, взять руководство над течением житейского потока и не то чтобы подчинить его, а придать ему иное направление.

Воля духовного действия души, духовного роста есть то, с помощью чего, большей частью, душа получает питание из глубин духовного сознания. Это отнюдь не единственный источник ее питания. Есть и другие сознания, скажем, сознание Общей души или души другого человека, которые, внедряясь в душу, влияют на нее, как правило, не менее собственного духовного сознания. Все эти сознания совокупно вырабатывают нравственные побуждения и представления человека, которыми он пытается руководствоваться в потоке жизни. Однако, все нравственные устремления в нас имеют более характер сознания, чем воли; они скорее назначают действие, чем исполняют его. Человек всегда знает в себе и может различать две воли; одну душевную (нравственную) *назначающую волю*, другую — *волю исполняющую*, обуславливающую поступки человека.

Назначающая воля преодолевает соблазны, вернее, сама есть результат соблазнов и их душевного преодоления. Исполняющая воля преодолевает силы плоти и то, что Толстой называл инерцией жизни. Душа, работая, вырабатывает назначающую волю, которая воздействует на поведение человека не непосредственно, а через исполняющую волю. Назначающая воля действует еще на «уровне слова», в пласте души; *она и есть внешняя граница души*. Исполняющая воля или воление действует уже на уровне действия, в пласте плоти; *она есть внутренняя, глубинная граница плоти*. Между этими двумя границами есть тоже свой «канал».

Душа своею назначающей волей стыкуется с волнениями уже не принадлежащей ей области, на которые она реагирует, но которыми она совсем не обязательно в полной мере руководит. Эта мера зависит от степени *искренности* человека. Искренность и есть не что иное, как свойство или действие, предполагающее приведение исполняющей воли в соответствие с волей назначающей. Так что внешний канал души, канал воздействия высказанного в душе на характер и направление волений человека можно назвать *каналом искренности*.

Весь процесс роста, от возникновения «чуть-чуточных изменений» в духовном сознании до исполняющей воли, Толстой, не членя его, называл действием или свойством *правдивости* в человеке. Правдивость это процесс осуществления Правды Царства Божьего — истинность и искренность вместе. Действие обратное истинности — лицемерие (то есть самоискажение своего действительного лица); действие обратное искренности — ложь. Именно *усилиями искренности* человек проламывает стены лжи в себе.

Человек — существо лживое. Легче легкого обличать его. Но человеку нужно лгать, себе и не себе. Не лжет животное, и то только в сравнении с человеком. Но оно, в сравнении с человеком, и не растёт. Человек — существо, *изнутри* растущее, изменяющее полноту жизни в себе, и потому то, что у него внутри, что ближе к Правде Царства Божьего, никогда не соответствует тому, что снаружи. У всякого человека всегда в духовном сознании одно, на уровне души — другое и в исполняющих велениях — третье. Таков сам процесс проявления, в котором полного соответствия быть не может. Во всяком случае — у человека живого, идущего по Пути. Различна в нас только степень несоответствия. И все же не

всякую степень несоответствия человек может выдержать. Изолгавшийся человек противен сам себе и начинает любить не людей, а кого-то или что-то еще.

Человеку трудно переносить свою искренность, и потому-то он лжет себе. Он должен знать себя правым, в гармонии нравственного чувства, разума и исполняющей воли, и гармонию эту осуществляет, ставя перегородки лжи в канале искренности, то есть между «своею правдой» души и своими велениями, движущими его жизнью. Душа руководит действиями человека в той степени, в которой в нем чист канал искренности между его душою и его велениями.

Как и канал истинности, канал искренности один и тот же для разных импульсов, которые по нему идут в зависимости от режима работы души. По большей части это сигналы несоответствия, указывающие на отступление души от своей же Правды. Таковы сигналы и совести, и разума, и религиозного чувства, и любви. Вытерпеть шоковые разряды этих импульсов человеку трудно, и потому он старается заглушить их. В людях жив страх перед своею правдой, которая всегда обличает их. Никто не может жить только по правде, ибо как только он достиг такого соответствия, так тотчас правда его стала иной, более глубокой. Поэтому каждый из нас так или иначе одурманивает себя. Толстой даже полагал, что чем, с одной стороны, чутче, активнее работает душа и, с другой стороны, хуже жизнь человека, тем больше ему приходится *одурять*, глушить себя.

Усилия искренности тем тяжелы, что ими преодолевается страх перед своей правдой, которая, дай ей волю (сделай ее волей), неминуемо рушит накатанную жизнь. Страх этот тем больше, чем более накатана жизнь. Меньше всего он, разумеется, в молодости, и потому молодому человеку его искренность ничего не стоит. Но к середине жизни усилия искренности мало кому по силам. К этому времени подавляющее большинство людей завершили Путь, прекратили работу жизни и доживают свой срок не при «внутреннем», а при «внешнем» освещении, заменяющем и подменяющем свет души. И это второе, что мешает искренности.

«Когда в раздумье — не знаешь, что хорошо, что дурно, нужно *войти в себя*; не искать спасения при внешнем свете, а потушить этот внешний свет. Он один мешает видеть то, что добро и что зло», — говорит Лев Николаевич (43, 163). Прежде всего перед душою должен быть поставлен вопрос («когда в раздумье»), а когда вопрос поставлен — «войти в себя», подавляя страх, пробивая ложь, туша внешний свет. И тогда получишь ответ в своей душе. При этом на один и тот же конкретный вопрос у каждого, конечно, будет свой ответ, соответствующий его душевным возможностям в данный момент жизни и Пути — смыслом «своей правды» в нем. Но сами по себе усилия искренности, осуществляя Правду в исполняющей воле, тем самым побуждают к работе волю духовного действия, что — еще раз повторим — приводит к совершенствованию, углублению «своей правды» и переводу ее на высшую ступень.

Человек, который смог оказаться в раздумье, а затем сумел «войти в себя», уже, по сути, «воскрес» на Пути. Так что канал искренности можно назвать *каналом путевого воскрешения* человека. Главная работа в этом канале состоит в *очищении* души от лжи.

Ложь — обходное средство приведения в соответствие назначающей и исполняющей воли. Но такое соответствие подавляет или лишает нагрузки то душевное усилие, которым назначающая воля действует на исполняющую волю. Есть множество людей, которым неведомы душевные усилия (*от*

души *на* исполняющую волю) и которые знают только усилия волевые, исполняющей воли. Это диктует ритм самоуверенности, когда в человеке нет сомнений и нет нужды «входить в себя». Для мирской борьбы такое состояние, наверное, удобнее всего. Оно придает кулачную силу; к тому же, про такого человека не скажешь, что он не искренен. В нем, как в животном, нет канала искренности, нет напряжения между назначающей душевной волей и волей исполняющей, нет, собственно, работы души, а значит, и нет самой назначающей воли.

Исполняющая воля — естественный центр человека, на ней сходится все — и назначающая воля, производимая работающей душой, и силы, производимые работающей плотью. Сочетание того и другого в исполняющей воле мы знаем в себе как страсть. *Страстность* — нормальное проявление исполняющей воли, в которой сталкиваются душа и плоть. Чем больше исполняющая воля находится под властью плотских сил, тем более страсть превращается в *похоть*. Такой переход знаком всякому и наступает тогда, когда душа все более входит в плотский режим, руководимая изнутри чем угодно, но только не собственным духовным сознанием.

В плотском режиме канал искренности таков, что душа легко наполняется силами плоти, похотью. Похоть может проходить по каналу искренности в обратном направлении и даже овладевать назначающей волей. Душевная неподвижность, застой роста очень часто есть результат овладения назначающей воли (то есть души в узком смысле) волей исполняющей. Вот тогда-то исполняющая воля застывает на лице, создает на нем замороженное выражение твердости и самодовольства, способное стереть любое другое выражение в любой момент жизни.

Назначающая воля вообще есть результат не только душевной работы, но и, так сказать, обратной связи плоти. Взаимодействие духа и плоти может происходить и в исполняющей воле — на уровне поступков, и в воле назначающей — в душе, и между ними — в канале путевого воскресения. Это канал, в котором душевная воля переходит в воление.

Для формирования назначающей воли душевная работа, конечно, необходима. Но действующая назначающая воля вовсе не нуждается в новой душевной работе. Она производится на том уровне «своей правды», какой уже достигнут. При бурной духовной работе в глубинном канале души, работе, увеличивающей уровень «своей правды», работа в канале путевого воскресения обычно прекращается. Как правило, душа может работать или на духовное сознание, как духовная воля, или на исполняющую волю, как назначающая воля, — на «заряд» или на «разряд». Работая на заряд, она отключается от исполняющей воли; работая на разряд, она выключает волю духовного действия.

Среди нас всегда есть безвольные люди, душа которых, активно умея работать на «заряд», почти не умеет работать в канале искренности. Есть и другие, духовно безвольные люди, душа которых охотно трудится над исполняющей волей, но не может привести в работу свою волю духовного действия. В словах «сила воли» мы имеем в виду волю исполняющую, «силе» которой — обычнейшая вещь — вполне может сопутствовать слабость, бессилие воли души. Видимо, каждому из нас задана *своя* работа, и, значит, придана своя безвольность.

5.

Работа души редко когда производится в одном и том же режиме. Как правило, каждая законченная рабочая операция души состоит из нескольких режимов, переходящих друг в друга. В душе человека есть некоторые *связки режимов*, столь жестко состыкованных между собой, что достаточно душу запустить в один режим, чтобы она сама последовательно прошла все. Такова, например, столь важная в жизни работа постигновения другой души. Акт постигновения душою души у всех один и тот же, хотя мощь, стиль, острота каждого из режимов резко различается от человека к человеку и у одного человека в разные минуты его жизни.

Всякий, наблюдая за собой, может заметить что душа его, постигая другую душу, работает как бы иглою: входит и выходит, сначала проникает, переносится в другого или другое, чувствует за него, им пленяется, им становится, а затем высвобождается, обратно возвращается в себя. И находит *в себе* и то, что было получено душою в ее проникновении, и ту высшую в себе точку, с которой полученное может быть разом озарено, взвешено и оценено. Толстой часто приводил мысль Амиеля, которого он, собственно, и открыл людям: «Понимать вещи — значить побывать в них и потом выйти из них. Нужно, стало быть, пленение, а потом освобождение. Тот же, который находится еще под очарованием, так же как и тот, кто не был очарован, — одинаково не могут понимать. Мы знаем хорошо только то, чему прежде поверили и потом обсудили. Чтобы понимать, надо быть свободным, но прежде этого быть плененным». Так это во всех случаях, хотя бы само «пленение» и «освобождение» не длилось и мгновения. Душа, постигая, всегда вначале ныряет, а потом выныривает, сначала добывает заряд, потом выносит его к себе — и в себе взрывает.

В первой стадии акта постигновения человек должен суметь перенестись в другого. Для этого нужна особая чуткость, позволяющая пробиться в другую душу. Такой чуткостью душа обладает в режиме любви. Режимом любви душа может пользоваться в качестве проникающей силы. Это *пробойный режим*, имеющий силу раскрывать то, что подлежит постигновению. Любовь тут — острие постигающей иглы души. Непосредственно постигнуть душою мы **можем** лишь то, куда или во что может проникнуть наша душа, с чем она в той или иной степени способна воссоединиться, войти в единение, работая в режиме любви. Поэтому одно мы можем постигнуть лучше, другое хуже, а третье вообще закрыто от нас.

Бывает, что душа, запущенная в пробойный режим любви, словно натывается на стену, через которую ей не проникнуть. Это может быть стена чужой, прочно отгородившейся от нас души — тогда мы чувствуем особого рода отталкивание, приносящее душевную боль отвергнутости. А может быть и стена в своей душе, не могущей или не желающей вступить в предложенную ей душевную связь. В этом случае душа отвращается, словно от негодного в пищу, далекого от ее потребностей, хотя и безразличного самого по себе продукта. В ней просто нет канала, по которому могла бы быть осуществлена такая связь, как взаимодействие или проникновение.

Этот третий канал души, который мы назовем *сторгическим каналом*, может быть закрыт к тому или иному явлению внешней душевной жизни, либо к другой душе в целом. Но даже когда он открыт, даже тоща душа не всегда способна исполнять работу в нем. Мы вправе говорить о *сторгической воле* и *сторгическом безволии* человека.

Сторгическая воля и связанная с ней интенсивность пробойного режима любви не всем дана одинаково. Она же составляет основу истинного художественного творчества. Без особо чуткой способности душевного проникновения можно обучиться и обладать некоторым вторичным художественным умением, выдаваемым и часто принимаемым за творческое проникновение. На эту тему Лев Николаевич написал целый трактат, и мы не будем тут повторять его.

Сторгическая воля, как и духовная воля и воля назначающая, — один из главных показателей состояния и свойств души человека. Этот показатель нелегко выявить и им непросто воспользоваться: трудно бывает решить, то ли воля (духовная, назначающая, Сторгическая) у человека слаба, то ли соответствующий канал у него перекрыт. Последствия и в том и в другом случае могут быть одни и те же, но суть их различна. Сторгическая воля в человеке может остро возбуждаться (например, красотой) даже тогда, когда сторгический канал души или закрыт, или забит совершенно, или отказывается служить. В полудреме, в том самом состоянии, в котором возникают «холостые видения», — наоборот: сторгической воли вовсе нет, а сторгический канал более или менее раскрыт. Такое состояние не столь безопасно для души, чтобы им можно было баловаться.

Если внутренний канал, канал искренности, можно назвать *входом души*, через который она «заряжается», то канал искренности и сторгический каналы — *выходы души*, через которые она разряжается. Работа, совершаемая при этом, зависит и от назначающей и сторгической воли, и от состояния каналов. Так что то или иное состояние души следует описывать в сочетании и во взаимодействии ее воли и ее каналов.

Для того чтобы постигнуть другую душу, надо проникнуть в нее сторгической волей, действующей через один из выходов своей души. Следует сказать, что каждый из сторгических выходов души может образовывать связь лишь с душой отдельного человека или в пробойном режиме проникать лишь в отдельную, одну душу. Таким способом человек может постигнуть другого человека, но не, скажем, душу нации или внутренние истоки исторического движения. Отсюда такое обилие «соблазнительных» — людей, способных глубоко проникать в другие души, даже душу человека вообще, но не способных ничего постигать в мотивах и движениях жизни общей. Человек, на мой взгляд, вообще особенно глуп и слеп в постигновении именно общественных и, шире, исторических процессов. Быть может, это результат нашей гордости и эгоистичности, по которым даже в отношении своих детей мы становимся глупцами.

«Если бы кто сомневался в нераздельности мудрости и самоотречения, — говорил Толстой, — тот пусть посмотрит, как на другом конце *всегда* сходятся глупость и эгоизм» (52, 93). Конечно, глупость — душевный недостаток (недостаток способности души работать в режиме разума), которым может обладать добрый и скромный человек, но в гордом, самодовольном и существенно эгоистическом человеке, будь он даже великим умником, работа душевного постигновения надежно блокирована его погашенностью именно в сторгической области жизни.

Эгоистический человек самозамкнут, гордый — сторгически безволен, и тот и другой мало способны на то проникновение в другую душу, на то «пленение», которое составляет первую начальную стадию работы постигновения.

В них нет пробойной силы души, и они часто компенсируют этот недостаток в обход сторгического канала, — на-

блюдением и анализом. Зоркий эгоист часто хорошо знает человека на уровне чувствилища плоти, для изучения которого вовсе не требуется усилие душевного проникновения. Все то, что можно узнать о функционировании плоти и работе души в плотском режиме, можно узнать по себе. У всех одна плоть, и как бы ни были различны состояния наших душ, как бы велики ни были нас разделяющие индивидуальные различия, душа наша работает в плотском режиме активнее ли, пассивнее ли, часто или редко, с разными оттенками, но у всех одинаково¹. Самозамкнутому или гордому человеку легче всего по себе изучить плотский режим и затем научиться различать те же пружины побуждений в других, чтобы в нужный момент уметь выгодно использовать такие побуждения.

Эгоистический умник всегда, именно по недостатку проникающей способности души, очень *хитрый* человек, лучше многих и многих разбирающийся в явлениях общей жизни, умеющий искусно эксплуатировать движения некоторых режимов души другого человека или Общей души. Это тем менее удается, чем душа другого человека ближе к духовному режиму. Отсюда и подспудное желание всякого самозамкнутого и гордого человека, его настойчивое стремление понизить уровень духовного сознания в других людях и в Общей душе, ослабить духовную волю душ, перевести души как можно больше в плотский режим, живя в котором люди легко попадают в его власть. Когда власть в обществе захватывают люди такого типа (с органическим недостатком любви), то они почти бессознательно делают все возможное, чтобы понизить и не допустить повышение уровня духовного сознания в обществе. Разумеется, эта их деятельность всегда успешна в том случае, когда общество само идет им навстречу...

Любопытно отметить, что как таковая умовая активность человека никогда не препятствует его душевному закабалению другим человеком. Ум даже может исполнять функцию прикрытия тех душевных пороков человека, из-за которых его душа не в состоянии работать в духовных позициях режима разума и любви. Есть какая-то связь между состоянием умовой деятельности и состоянием в плотском режиме: ум служит плоти и, наоборот, при прочих равных условиях, в здоровом теле — здоровый ум. Но это не означает, что и здоровый дух или здоровый разум. Закономерно, что в наши времена упоения плотью так высоко ценится умовая деятельность человека. За столетие оскудения любви, за последнее столетие человек исхитрился выковырять из своего ума мощное противодуховное орудие, перекрывающее душу в самой глубине ее, у канала истинности. Наши предки, кажется, и не подозревали о такой способности ума и возможности ее массового применения.

Чтобы совершить работу душевного постигновения, нужно обладать не только даром проникновения, основанным на достаточно остром сознании нераздельности с другой душой (основой сторгической воли), но и достаточно мощным сознанием своей душевной отделенности — сознанием *своей* души. Только такая душа устойчиво работает в духовном режиме.

В мире немало сторгически волевых людей, способных к сочувствию и душевному проникновению, но не обладающих способностью душевного отвлечения от себя. Это душевные пленники, которые, ныряя, не выныривают, и пленяясь, не могут освободиться. Душе их самостоятельно работать тяжело, и они не столько проникают, пробивают другую душу, сколько *прилепляются* к ней, чтобы работать вместе. Только так они в состоянии чувствовать себя, свою душу. Отлепиться при

необходимости они могут, но не для того, чтобы войти в себя, а чтобы вновь прилипнуть. Такими нередко бывают женщины, что, впрочем, никак не принижает их. Хуже, когда этим же качеством *душевной несвободы* обладают мужчины, к примеру, находящиеся под общественным гипнозом и даже не пытающиеся своим собственным душевным усилием оценить ту ситуацию, в которой они находятся. Они терпимы, и не по плюралистическому мировоззрению; а потому, что не в состоянии оценить другого человека, даже если душевное состояние его им не чуждо.

На первой, любовной стадии акта постигновения душа узнает другую душу. Вторая, освобождающая стадия состоит в душевном отвлечении, отделении, саморазделении. Третья же, духовная стадия работы постигновения состоит в духовном *узнании*. Как в любовной стадии есть душевная чуткость, чуткость к другой душе, так есть чуткость к истинности, к должному и недолжному, к важному в жизни. Чуткость эта исключительно зависит от степени одухотворенности человека, от мощи его духовной воли, от способности его души работать в духовных режимах или, говоря фигурально, слышать тот указующий внутренний голос, который мы называем когда разумом, когда совестью, когда религиозным чувством и который, собственно, и определяет достоинство и истинность почерпнутого в душевном узнавании.

Чтобы вызвать этот голос (этот свет, это тяготение), нужно привести душу в состояние готовности приятия его. Таков труд раскрытия канала истинности, вызывания духовного сознания волею духовного действия. Духовное сознание крайне редко работает в нас само по себе, и надо делать, нужно усилие, чтобы оно заработало в нас. Вот это-то *усилие истинности*, работа воли духовного действия и составляет третью ступень постигновения.

Есть люди черствые, с крайне узким сторгическим каналом души. Совсем черствый человек это или потенциальный злодей, или гностик. В общем случае у черствых людей резко ослаблена пробойная сила проникновения души при развитой способности души работать в духовных режимах. Им нужно, чтобы кто-нибудь выполнил за них начальный труд проникновения, чего они ищут в искусстве и, шире, культуре. По этой причине человек нередко вводится в режим мнимой душевности.

Надо признать, что именно оскудение любви в душах людей, очерствение людей может быть причиной увеличения общего спроса на искусство, которое, таким образом, подменяет сторгическую волю и пробивную силу любви. При такой подмене люди питаются тем, что им дают, и из того, что дают, часто выбирают не то, что питательнее, а то, что «вкуснее», что по их вкусу лучше приготовлено, и потому обычно кормятся поддельной душевной пищей. Бывает, и отравленной. Тут, к сожалению, не предусмотреть института душевной санитарии и гигиены, как того хотел Толстой. Охранить человека от дурной пищи нельзя, практически невозможно, но можно и должно врачевать его душевный недуг, по которому ему приходится питаться из чужих рук.

Люди, обладающие способностью проникновения, но лишённые способности отвлечения, жить не могут без внешнего руководства над своею душою и должны кому-то отдать «свою свободу» или, правильнее, назначающую волю своей души. Есть еще и другой сорт людей, легко выполняющих работу первых двух степеней постигновения, но почти или совсем лишённых способности ставить свою душу в положение приятия сигнала духовного сознания. Это душою мертворожденные или душевнонерожденные люди.

Но и среди тех, которые удачно прошли душевное рождение, нередко встречаются такие, душа которых не в состоянии работать в каком-либо одном духовном режиме — например, в духовных позициях режима разума. Что им остается? Либо подменять разум умом (а значит, и истинность доказательностью), либо компенсировать порок своей души, работая в других духовных режимах: совести, религиозного чувства. Конечно, духовные режимы взаимозаменяемы, и при отмирании одного полюса другой может компенсировать его в работе, но не компенсировать сам недостаток души. Можно безгранично сближать, положим, разум и совесть, но все же не подменять одно другим. Такая подмена уродует душу человека, подобно тому, как его уродует хождение с помощью рук.

6.

Почти каждый человек, оглядываясь назад, может сказать про себя, что он в свои 25 «больше Я», чем был в 10, 15, 18, или, если ему 40, что его «Я» более проявлено, чем в 30. Конечно, одновременно с этим, человек с болью сознает отмирание, уменьшение сил плоти, свое плотское погашение с возрастом и потому обычно не очень рад увеличению жизни «Я», но само по себе самоощущение Пути как некоторого пробуждения Я знакомо всякому. С каждым годом, десятилетием человек чувствует себя — верно это или не верно — более «зрелым», яснее сознающим себя и мир, более зрячим, лучше явленным. Словно мало-помалу спадает сонная пелена с глаз.

Процесс этот столь напоминает просыпание, пробуждение, свечение сознания после сна, что многие мудрецы так и учили понимать жизнь — пробуждением от сна. Но поскольку с другой, плотской стороны течение жизни представляется медленным умиранием, то и смерть может быть понятна через понятие пробуждения. Так жизнь и смерть и описана в сне князя Андрея, от которого он пробуждается к другой, «более действительной действительности». Вообще идея жизни-сна (или пробуждения) и смерти-пробуждения (или, напротив, засыпания после пробуждения) одна из самых властных идей в истории учений о жизни. «Можно • смотреть на жизнь, как на сон, — осторожно говорил Толстой, — а на смерть — как на пробуждение» («Путь жизни», 30, IV, 4). Это справедливо, если считать «сновидением» то, что в этом существовании «я вижу себя отделенным от всего существом», а смерть — пробуждением от отделенное™ (там же, V, 5). Сам же процесс жизни как пробуждения Толстой (VI, 3) описывал так:

«Все открывается, пока живешь, как будто все выше равномерно подвигаешься по равным ступеням. Но наступает смерть, и вдруг или перестает открываться то, что открывалось, или тот, кому открывалось, перестает видеть то, что открывалось прежде, потому что он видит что-то новое, совершенно другое».

То, что жизнь есть своего рода пробуждение, вполне достоверно по общему ощущению всего Пути жизни. Однако, другое заключение: что жизнь есть сон — уже не так достоверно. Оно и понятно. То, что мы называем жизнью, есть один из возможных способов совершения духовной работы — духа в отделенное™. Дух просветляется, проявляется, пробуждается в отделенное™. — Это закономерно. Но дух, спящий в отделенное™? Как это?.. Так можно охарактеризовать одно из состояний жизни, но не самую жизнь.

Человек не может без сна. И, в первую очередь, не плотски, а духовно. В голоде, холоде или духоте плоти плохо, но духовная жизнь может продолжаться и, бывает, даже

насыщеннее прежнего. Без сна же духовная жизнь сначала тускнеет, потом, очень быстро, становится совсем невозможной, а затем теряется энергия к жизни, чуть ли не до утраты самого сознания отделенное™. Физиологи говорят, что плоть во сне (в том числе и мозг) может функционировать так же или почти так же активно, как и в состоянии бодрствования. Собственно, плоть не спит (только отдыхает, да и то не всегда), спит душа, ей дана передышка. Видимо, она устала, выработалась, и именно это заставляет нас входить в сон, где душа наполняется чем-то необходимым для ее работы.

Есть выражение: «перевести дух». Прекрасно сказано. Вот это-то и происходит с душой во сне, когда как бы перекрывается *сток жизни* (выходы души), для того чтобы пополнить, накопить, впитать духовность сознания из ее источника. Ежедневный наш сон восстанавливает свежесть, активность сознания, освежает душу, заряжает ее. Этот режим подзарядки души энергией сознания по сути есть один из духовных ее режимов, регулярно впадая в который, живое существо обеспечивает себе саму заряженность на жизнь. Таково нормальное состояние сна.

Во сне может быть дано откровение — это работа духовного сознания; любая житейская ситуация во всех возможных комбинациях может быть реконструирована в сновидениях — это самопроизвольная работа чего-то в нас, оставшегося без душевного контроля сознания.

Во сне может работать духовное сознание, может работать плоть, но не может работать назначающая воля души. Заметьте, что никто никогда не в силах заснуть, пока у него работает душа. Бывало ли когда-нибудь вам совестно во сне? Стыдно, страшно, позорно — да, но не совестно. Ум во сне может действовать предельно интенсивно, во сне возможны самые тонкие, самые хитрые и самые низменные соображения, но действия разума никогда нет. Как только заработает совесть, разум или религиозное чувство — вы проснетесь. Работа совести, разума, религиозного чувства, то есть работа души на назначающую и исполняющую волю и есть тот разряд через сток жизни, который для подзарядки перекрывается, когда спишь.

В нашей жизни бывает и другое душевное состояние, которое напоминает состояние сна. Это состояние некоторого душевного забытья, некоторого помрачения, состояние душевной пассивности, которое относится к состоянию душевной активности как ночь к дню. Духовное солнце есть, но оно как бы с другой стороны, зашло куда-то. Такая душевная «сонливость», как это и ни печально знать, есть чуть ли не основное наше ощущение души, в котором мы чаще всего пребываем. То лжешь себе, то плоть совратила, то гнев, то корысть, то тщеславие, то устал или перенапрягся душой, то отравился испарениями души другого человека, или такое уж дурное время настало. А то встал с утра и ходишь весь день пустой и стылый, неизвестно почему. Душа — как что — впадает в сон, и не глубокий освежающий сон, а в дремотное забытье, где она забывает себя, глохнет, гаснет.

Это не столько сон, сколько обморок души, вызванный оттоком из нее духовных сил, понижением ее духовного тонуса. «Душа вкушает хладный сон», — говорил о таком состоянии Пушкин. Выход из этого обычного для «детей мира» ничтожного состояния — тоже пробуждение. И поэт так назвал это, и иначе назвать нельзя. Для человека, остро чувствующего всегдашнюю полуобморочность души нашей, понятие пробуждения становится основным понятием жизни, выражающим достоинство ее.

Бог вершит Путь человеком, Путь совершающим, вос-

кресающим; и первая задача совершающего Путь (человека) — пробуждение. Иначе душа, все более засасываясь в трясину дремотного забытья, отомрет. Однако, прежде чем пробудить душу, нужно остановить этот процесс погашения, снять с души обручи дремы, которые иногда разжимаешь, зевая, но редко когда сбрасываешь совсем.

«Встрепенуться», стать «как пробудившийся орел» и поэту, и любому другому человеческому существу удастся не всегда. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Везде свой ритм, приливы и отливы, взлеты и падения, восхождения и нисхождения, пробуждения и забытье. Есть такие приливы и отливы и в работе души. Отлив в душе не сон. Во сне, в том живительном сне, в который мы погружаемся еженощно, перекрываются выходы души, назначающая воля отрывается от воли исполняющей, и душа, отключаясь от своего стока, на который она разряжалась, становится на подзаряд — естественное дело, которое не требует от нас никаких усилий духовной воли. В переходный момент засыпания, когда сток закрыт, но душа еще продолжает работать, могут возникнуть видения холостого режима. В момент пробуждения от сна сток души вскрывается, открываются ее выходы, плоть высвечивается сознанием, получает управление, входит под контроль души.

Наверняка многие недуги, требующие психиатрического лечения, вызываются резким сужением канала искренности (путевого воскрешения). Отличие такого состояния от сна в том, что, во-первых, оно вызывается не душевными, а плотскими процессами, во-вторых, сужение это происходит не от души, а со стороны плоти, в-третьих, душа не становится в подзаряд, продолжает бодрствовать, плохо разряжаясь, работает не работая. Во сне душа по своей нужде отключает плоть от себя, в болезни плоть сама отключается, отказываясь повиноваться душе. Душевнобольной, быть может, это человек, у которого плоть и душа по большей части бодрствуют сами по себе, разорвано.

Куда более походит на сон перекрытие внешнего канала души в старости, когда отработавшая свое душа отключает сток в плоть, в предположении усиления духовной работы через внутренний канал истинности. Конечно, происходит это с активной помощью самой плоти, которая, однако, не является причиной явления. Про старого человека говорят, что он «впадает в детство». Это отчасти верно для любого, даже для такого человека, как Лев Толстой. Действительно, в первом, магическом периоде жизни несозревшая душа еще не установила связь с плотью, ребенок искренен потому, что в нем еще нет канала искренности. Плоть ребенка пока душевно бесконтрольна и исполняющая воля его беспризорная. И с плоти старика снят контроль души, а силы плоти его ослабли, одряхлели настолько, что контроля этого не требуется. Старик засыпает и должен приникнуть к своему источнику — вот верная картина.

Иное дело «хладный сон», обморок душевный, когда сужается не внешний, наружный, а глубинный канал души, вход ее, канал истинности, отключается не сток, а приток и исток ее. Сток как раз открыт, и душа при перекрытом источнике, продолжая разряжаться, быстро охладевает, гаснет, погружается во тьму. Происходит это не по причине ослабления воли духовного действия, хотя она и ослабевает при этом, конечно. Тут дело вовсе не в том, что душа из работы на духовное сознание переключается на волю. Она может продолжать работать на «подзаряд» и в то же время утрачивать восприимчивость к истине, к идеалу, к четвертому лицу вообще. Если же в такой момент душа переключается на

«разряд», то это гасит и душевную волю (назначающую и сторгическую), что, как выше сказано, приводит к самодовольству и вообще к утрате любовного и душевного благосостояния — утрате необратимой или вскоре возмещаемой. Последствия такого отлива могут быть самые различные, но прежде чем говорить о них, надо попытаться понять природу самого явления.

Карма — вот, кажется, первое объяснение, которое приходит на ум. Но карма — препятствие, противодействие, а не духовное действие, способное самостоятельно закрыть душу от ее источника. Карма углубляет процесс падения, погружения во тьму, но обеспечить сам этот процесс не может. Разумеется, закармированность души закупоривает ее изнутри, забивает глубинный канал ее, обессиливает духовную волю души, но происходит это так же, как у душевнобольного, когда плоть сама закупоривает внешний канал. Карма — это болезнь, отчасти необходимая, нужная для здоровья болезнь души, но болезнь, а не функция здоровья. Карма не столько способствует отливу духа, сколько укрепляет отлив, препятствуя процессу восстановления духовной силы, вскрытию канала искренности, притоку духа, оживлению души, ее *воскрешению*. От сна душа пробуждается, после отлива она воскресает.

Карма сбивает подъем духа, препятствует очередному воскрешению души и может остановить этот процесс и даже не допустить его. Но есть в душе явления, которые почти не зависимы от кармы и вызываются глубинными духовными процессами, о которых мы, как о явлениях оживления, роста, благодати, установления на Пути, — ничего знать не можем.

Таковы явления *духовного отлива и прилива в душе*. При духовном отливе вход души сужается не «снаружи», от души, а «изнутри», от непостижимых глубин духа. Очень часто во времена отлива никакими душевными усилиями приостановить его, а тем более его прекратить, нельзя. Духовный отлив — явление неизбежное, нормальное, законное и зачем-то нужное душе на ее Пути.

7.

И в плотской жизни есть свои «биологические ритмы»: физиологический, эмоциональный, интеллектуальный, но не они определяют судьбу и течение даже нашего плотского бытия. Плотью мы проходим жизнь не ритмически, а толчками. Плотская — и животная, и эмоциональная — жизнь человека протекает приступами: голода, похоти, усталости — в теле, или страстями и взрывами — на глубине исполняющей воли. Конечно, согласно своему ритму в один день я больше устану от той же работы, чутче среагирую на внешнее раздражение, быстрее пойму, восприму, чем в другой день, и это важно, но все же куда более важно в промежутках, в передышках между приступами, чем во время их. Здоровое, полное плотских сил животное, удовлетворив свои потребности, не знает, что ему дальше делать, и до нового приступа в теле только бытует, а не живет. Для человека, не в нужде живущего плотской жизнью, всегда целая проблема занять себя в промежутке от одного приступа желания до другого. Сколько суеты и вреда ежедневно производится людьми по этой причине!

Душевные процессы могут воздействовать не только на плоть, но и на тело, иногда непосредственно нарушая его функции. Каждому знакомо и обратное явление — воздействие тела или процессов в плоти на жизнь души. Однако действие это не непосредственное. Душа через назначающую и исполняющую волю подает плоти управляющий сигнал,

импульс повеления, плоть же через тот же канал искренности подает душе лишь сигнал возбуждения, дает душе *повод к самостоятельности*. Это всегда более или менее свободная *реакция* на повод, за который душа хватается для выявления своих собственных, ей присущих содержаний. Возможно, что каждому или многим телесным процессам, каждому поводу от плоти соответствует определенная реакция души, определенные движения душевной жизни; наличие такой зависимости несомненно, но тут не подключенность одного, душевного процесса, к другому, плотскому, а два параллельных процесса, два ряда, между которыми есть динамическое соответствие. Душа работает, побуждаемая к этому телом. И если душа реагирует на повод тела, то не потому, что не может не реагировать (это-то она как раз может), а потому, что *это ее работа* — то, благодаря чему она есть. Работа души может быть успешной и безуспешной, экономной или расточительной, истинной или ложной, более или менее содержательной, активной, очищающей или, наоборот, разъедающей, но она всегда имеет рабочее значение и всегда — труд, работа.

Плоть задает *работу* душе. В таком смысле плоть есть материал, из которого душа формирует себя и на преодолении сопротивления которого стремится себя выстроить. Но плоть свою мы чувствуем толчками, и именно *благодаря этому* душа, реагируя на толчки плоти, создает ощущение единства, цельности, слитности плотьско-душевной жизни в нас. Поэтому человек обычно так неясно чувствует отдельно плотскую и отдельно душевную жизнь в себе.

Душу свою как таковую вообще можно почувствовать только тогда, когда она работает в духовных режимах. Человек, душа которого почему-то не работает в духовных режимах, не может знать ее собственное существование; вполне понятно, что для него реально существует только чувствительность плоти и некоторые высшие образования ее (ум, например), служащие целям усиления плотской жизнеспособности. На самом деле плоть долбит душу, как пилу, в ущерб себе, вызывая на себя обратный огонь назначаемой воли. Человек плотской жизни, хорошо зная это, стремится закупорить душу извне, перекрыть канал путевого воскресения, что, кстати, ему при соответствующем «мужественном» воспитании легко удастся.

Есть люди, считающие позором, если их души коснется что-либо, кроме слов приказа. В противоположность им другие люди совсем по иным соображениям стараются перекрыть внешний канал души изнутри, чтобы не допустить в нее возмущений от плоти. Их задача пережить, перетерпеть приступы плоти, после чего перевести душу в неплотский режим. Толчки плоти для них не повод для труда души, а вражеские происки, телесная провокация духу. Но это вовсе не те душевные провокации (борьбы, ненависти, несвободы, блудливости, гордости), на которые ополчается Нагорная проповедь и которые, действительно, смертельно опасны для души. Телесные «провокации» нужны душе для работы. Быть может без них собственный объем, сама она — «меньше». Скопец, изымая орган своего тела, вместе с тем резко ограничивает, оскопляет работой свою душу. Нельзя потакать плоти, но нельзя и особо подавлять ее. Тут не баланс, а задача жизни, которую каждый из нас, всегда путаясь, по-своему разрешает.

Этой-то задаче немало помогают духовные процессы прилива и отлива в душе.

В состоянии отлива давление духа, сила духовного тяготения на входе души все время падает, наступают сумерки

души, при которых она, теряя духовный вес, облегчаясь, всплывает вверх, все более переходя в недуховный и, прежде всего, плотский режим. Отлив — это утрата способности работать в духовном режиме, охлаждение, заморозки души, в которых она лишается подвижности и назначающей власти духовного сознания, а значит, доступна всем ветрам и прежде всего, конечно же, порывам плоти. В это время все соблазны, и плотские, и душевные, толчками долбят душу и пробивают, заполняют ее. На естественном пути жизни и даже на пути освобождения не поддаться им душою нельзя. Им можно противостоять отрицательно, воздержанием, глуша себя в ожидании прилива духа. Моральные законы особенно нужны в заморозках душевных и потому отрицательны. Душа обмирает, оползает, и как ни старайся сползает медленнее, совсем пересилить сползание нельзя.

Не будь отливов и приливов, не было бы и устойчивых побед духа над плотью, неоткуда практически быть и одухотворению, духовному росту, процессу превращения животного в духовное. При ровном духовном состоянии души над нею властвовала бы плоть: в одно время задавила бы ее, в другое отпустила бы, но всегда по своим, плотским велениям. Душа наша и так на привязи у плоти и не в силах противодействовать каждому ее толчку. Тем более в начале Пути, когда плоть наиболее сильна, а человек еще не способен на длительное духовное усилие. Не будь отливов, невозможно было бы выковывать дух.

И во всякую иную пору без отливов труднее сохранить душу, то есть ее способность работы в духовных режимах. Душа наша всегда в движении, всегда в качаниях, — эти раскачивания необходимы, чтобы сохранить Божеское Начало в душе — то, «что есть в нас прекрасного, не человеческого, а оттуда», говоря словами Толстого в письме 1956 года к А.А. Толстой.

Во второй части этого письма, так поразившего Толстого в старости, впервые выражен его взгляд на задачу жизни, соответствующий его позднейшим представлениям. В первой части того же письма он излагает свой взгляд на душу и ее собственные законы (на «диалектику души», как сказали бы далекие от Толстого его почитатели). Из дневников С.А. Толстой мы узнаем, что эту свою мысль (о «ящиках души») Лев Николаевич носил в себе по крайней мере десятилетие, но записал ее только единожды, да и то в светских рамках письма к «покровительнице моей души», коей тогда для него была Александра Андреевна Толстая. Думаю, что мысль эта небезынтересна и аналитикам художественного творчества Толстого. Напоминаю ее.

Толстой изображает душу в виде длинного коридора между двух рядов ящиков. Ящики — запасники души, где в готовности хранятся различные наши чувства, побуждения, интересы. По левую сторону от коридора — дурные, по правую — хорошие. Ящики имеют множество подразделений, и каждый из них может больше или меньше выдвигаться в активный коридор души, ее работающую область. Сейчас я такой, через минуту другой, то одни ящики выскочат, то другие, всякий знает это вдвигание и выдвигание в себе, эти рояльные молоточки, наигрывающие в душе ее музыку. Любой молоточек, отыграв свое, должен возвращаться из активной части назад, беда если он «западает»...

В душе, как писал Толстой, всегда должен быть *проход*. Тут, бесспорно, сложный образ и разветвленная мысль, но в письме своем Толстой излагает ее лишь штрихами и крайне скупо. Он говорит, что как левый ряд «дурных» ящиков, так и правый ряд «хороших» ящиков имеет каждый свою пружину,

двигающую каждым ящиком. Разжимается левая или правая пружина — выскакивает левый или правый ящик; сжимается она, и он убирается на место.

В такой картине уже ничто не мешает принять действие левой пружины за работу сил, действующих на душу извне, со стороны плоти, а действие правой пружины — за работу духовных сил, выдвигающих в активный коридор ящики, соответствующие духовным режимам души. Понятно, что силы эти не всегда одни и те же, и, памятуя сказанное, можем представить, что левая пружина, изображающая плотские силы на душу, всегда как курком «спускается», всегда сильнее или слабее стреляет, правая же пружина почти никогда не стреляет, а может только давить, то все более и более (прилив), то менее и менее (отлив). Плотская пружина действует молотом, ударом, тогда как духовная — прессом, давлением.

Когда пресс духа сталкивается в душе с молотом плоти, то это, разумеется, может иметь разные последствия. Александра Андреевна, по свидетельству Толстого, желала «себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее» (60, 231), то есть желала бы водворить мир и устойчивость в душе, выдвинув в активную часть своей души ящики с одной стороны — «пожать правую пружину», как говорил Толстой. «Нельзя», — отвечает он ей. Такой душевный мир дорого обойдется: молот левой пружины непременно раздолбит, сломает, выломает *вставшие* поперек в коридоре лучшие ящики души. Это уже душевная катастрофа, и для того, чтобы ее не было, пресс духа должен всегда работать, вжимаясь и разжимаясь, вытягивая и втягивая свои ящики».

Так же как поршень в цилиндре или пресс производит работу, двигаясь только в одном направлении, а в другом лишь подготавливает себя и свой рабочий материал, ровно так же и духовные силы производят всю работу души только на приливе, в отливе же заготавливают в себе то, что, собственно, и подлежит обработке.

В отливе душа сама поддается плоти, как бы впускает ее в себя и, более или менее упираясь, ждет, переживает, когда пройдет приступ плоти и в то же время наступит прилив духа. В эту последнюю пору душа, как каждый может наблюдать на себе, резко набирает силу, духовно разгоняется в сознании вины и стыда за себя, самообмана и лжи своей в сознании душевной поруганное™, нечистоты и холодности. Таково самоощущение атаки, штурма духа на плоть в душе. В подавляющем большинстве случаев только на таком подъеме душа сама способна преодолеть толчок молота плоти на нее. Новый приступ плоти сталкивается с совсем другим состоянием души, души активной, способной не допустить хотения плоти в себя.

Одни и те же удары плоти в душе могут вчера и сегодня совершенно иначе переживаться нами. Вчера я весь во власти страсти или чувствительности, горю гневом или злобой, сегодня передо мною тот же самый побудитель страсти, так же она лезет в меня, но теперь я вроде бы не хочу ее. Сегодня душа моя уже сама изжила в себе инородное духу, которое вчера властвовало над ней. Такого рода душевное непостоянство страстей человеческих живительно и само по себе душевно обесценивает страсть в качестве непреходящего фактора, властвующего над душой. Поэтому человек, даже отдаваясь плоти, вполне поддаваясь плотским или душевным провокациям, может в глубине души не верить себе. Мало-мальски душевно зрелый человек никогда особенно и не верит себе в таких случаях. Мы потому так легко расстаемся со

своею спровоцированной плотью страстью, что, поддаваясь ей, по сути дела, хорошо знали об истинном достоинстве ее. Проходит время, наступает момент, когда она почти *помимо нашей воли* преодолевается самодеятельным душевным усилием, чуть ли не автономно действующим в нас. Волевое (например, аскетическое) усилие нужно на отливе, на приливе же — только состоись он — душа, коли не сорвется, сработает сама.

8.

В активном коридоре души, учит Толстой, всегда должен быть проход (то есть в душе всегда должна совершаться работа). Без такого «прохода» души как таковой нет. Если жизнь души есть работа духа в отделенное™, то душа есть то «место», то «Я», где производится эта работа. «Я» — область работы духа в отделенное™. Тело — не «Я», но «мое», принадлежит «Я» в качестве предела отделенное™, границ действия духа в «Я». Живет не плоть (то, чем отделено) и не дух (*что* отделено), а дух в отделенности. Когда говорят о жизни духа самого в себе (вне отделенное™), то говорят о чем-то таком, что человеку воспринять нельзя. Вне отделенное™, то есть вне земных условий существования духа, есть что-то другое, что назвать жизнью («другой жизнью») можно только условно.

Жизнь немислима без взаимодействия духа и плоти, но непосредственно взаимодействовать дух и плоть никогда не могут. Это возможно только через душу. Душа есть то, через что взаимодействуют дух и плоть. Нет этой промежуточной инстанции, этого «прохода», нет и жизни.

Жизни нет, коли эта область исчезает в духе или плоти, поглощается тем или другим. Когда в теле происходит авария и оно прекращает функционировать, умирает, то прекращается и взаимодействие духа и плоти, и жизни нет. То же может произойти не из-за аварии в плоти, а из-за изживания плоти в душе на вершинах воплощения. Правда, в одном случае мы говорим о смерти тела, а в другом о высшей жизни души, но и тут и там пограничное состояние жизни. При достаточном воображении можно представить себе и третье пограничное состояние жизни, при котором душа поглощается плотью. Это постепенное уменьшение полноты жизни сначала при оживотнении сходящего с Пути человека, затем по нисходящей от человека к животному, от него к насекомому, к растению даже, и все ниже, ниже по лестнице существ до предела неживущего. Во всех этих пограничных состояниях жизни — нет души. Непосредственное соприкосновение духа с плотью, будь оно дано при полной победе духа над плотью или же плоти над духом, в жизни невозможно. И в том, и в другом случае исчезает «Я», душа, то место, где идет работа духа.

Такая утрата души была бы неизбежна, не будь в ней духовных приливов и отливов.

Александра Андреевна Толстая просила Льва Николаевича составить «изворотливый план», найти средство «от совершенного уныния», так чтобы в душе всегда было счастливо и любовно. В ответ Толстой говорит, что этого делать *нельзя*, во-первых, потому, что честная (по чести) жизнь души в постоянной борьбе и тревоге, во-вторых, потому что, выдвигая из душевных карманов лучшие ящики (то есть все лучшее из нажитого душою) и искусственно стараясь удержать их в активном коридоре, мы тем самым подставляем эти лучшие приобретения души под удары мо- лота плотского режима.

Человеку нельзя быть всегда одним и тем же. Он устроен

не так. Сохраняя душевную стабильность, человек совершает «душевную подлость». Кто столь целомудрен, что ему никогда не приходилось использовать нажитое в духовных режимах для целей, диктуемых исполняющей волей, которой овладевала плоть? Вспомните, сколько светлого, доброго, высокого, чистого разбито, обесценено за жизнь по этой причине. Душевной стабильности можно достичь не иначе, как ломая лучшие «ящики» в душе. Никак не иначе. Устраивать в душе своей генеральное сражение духа и плоти, сталкивать ящики обеих сторон, не оставляя «прохода», — это табель, так как победа одной из сторон означает уничтожение души как места работы, а значит, и уничтожение жизни.

Не сражение, не победа духа над плотью, а работа, труд духа в плоти нужен Богу. Для этого труда и происходит в душе человека пульсация поля духовного тяготения.

Приливо-отливное состояние духа в человеке обеспечивает наибольшую жизнеспособность нашей души, производящей в условиях земного существования путевую работу. Душевная работа и, значит. Путь человека вершится большей частью в состоянии духовного прилива. В отливе человеку нужно не погубить себя — вот где требуется победа над плотью. Живя на отливе, душа заготавливает себе материал, который она должна будет выработать в духовном приливе. Духовный отлив нужен как вдох для дыхания. Толстой любил это сравнение жизни человеческой с *дыханием*. Он говорил, что Бог дышит нашей жизнью:

рождение — вдох, смерть — выдох, а вся жизнь, надо понимать, это задержка между вдохом и выдохом, тот отрезок Пути, который дух проходит в теле. Отсюда и вся жизнь человеческая делится на две части, два поприща:

поприще вхождения (вдох) и поприще выхода, схода, выдыхания.

Дыхание духа мы можем обнаружить чуть ли не в любом промежутке нашей жизни: в течение одного дня, года, периода, поприща или всей жизни. У каждого свой ритм дыхания, свои длительности и глубина вдоха и выдоха, что не в малой степени сказывается на путевой картине жизни в общем и в отдельных частях. Возможно, что и вся жизнь наша может быть как приливом, выдохом, так и отливом, вдохом, заготовкой для работы в другой Обители. Нужно ли ужасаться этому? Вдох и выдох в дыхании равноценны. Такова здешняя моя доля, мой труд, моя ноша.

Человек есть Путь. И не весь Путь, а участок Пути, но участок не один и тот же для всех, а у одних — свой, и у других — свой. Поэтому-то человеку предназначена разная работа. Каждому дана своя путеводная судьба и задача, решается каждая жизнь по-разному, и только самому тебе и Богу знать, в чем твоя жизнь, твой Путь и дело твоей души.

В нашу земную жизнь из Прапути можно войти как на приливной, так и на отливной волне. Одним словно уготовано восхождение, воскрешение, другим — нисхождение, погашение. Это, конечно, зависит от проходящего Путь человека, но бывает, что такова его путевая судьба. Коренные различия в путевой судьбе могут быть даже между двумя братьями, во всем остальном сходными.

Общая духовная стратегия Пути жизни заготовлена в нас, и, главное, надо следовать этой высшей Воле, каждому отдельно заданной. Каково бы ни было путевое задание на земную жизнь, оно не требует ни людского оправдания, ни людского осуждения, ни даже противопоставления судьбы судьбе. Каждое задание, каждая путевая судьба в замысле своем не менее достойна любой другой. Вот мы позволили себе противопоставить путь Льва Николаевича и его друга

А.А. Толстой; это противопоставление не ложно только в том случае, если полагать, что Александра Андреевна *изменила* своему Пути. Я убежден, что это так. Но могло быть и иначе.

Немало людей уже входит в это существование на отливе, и их дело тут не то, что дело входящих в земную жизнь на приливе. Изучая Путь нашей жизни, мы имеем в виду путевую судьбу *только* этих последних. Только для них естественно исповедовать постоянное восхождение, ускорение духовного роста.

Путь жизни людей отлива иной. Для них главное держать себя в узде, не сползать, сохранять свою душу, задержать напор плоти в себе, побороть ее, спастись от плоти. В стремящихся к спасению аскетических течениях, иногда широких и могучих, заключена правда, следующая истине путевой судьбы людей этого толка. Поэтому ни одно нравственно-религиозное учение не приживется в широких массах людей, если его нельзя интерпретировать аскетически.

Не менее аскетизма достойна и консервативная позиция в жизни, стремящаяся сохранить уже имеющиеся ценности. Недостойной такая позиция становится, когда она стремится задержать прилив, противодействовать духовному росту, остановить Путь людей, которым дано совсем другое задание на земную жизнь. Не надо забывать, что делая всеобщим законом Волю Бога во мне, можно пойти против Воли Его в другом человеке. Однако принцип плюрализма в исповедании Пути жизни вряд ли работает. Никакой принцип не может сгладить противодействие различных стратегий Пути. Тут в помощь не принцип, а любовь.

9.

И на отливе, и в приливе духовного тяготения человек вершит свои земные дела. Но на отливе главный его вопрос «что» делать, на приливе — «как делать». Душа, работающая в духовном режиме, решает вопрос «как?»; она, если угодно, устанавливает только «средство», и ей дела нет до целенаправленного «что?» Душа на приливе не устанавливает цели, и какую бы цель действий человек сам себе ни назначил, душе его все равно, она этих целей не ведает и не нуждается знать. Ей важен только сам труд прохождения Пути, а это всегда не «что?», а «как?»

«Что», цели жизни, по большей части и устанавливаются на отливе, когда центр тяжести жизни обязательно смещается к выходам души. Наблюдая за собой, всякий может засечь моменты, когда он параллельно живет в двух планах: внешнем, событийном, и внутреннем, душевном. Цепь событий внешней жизни и ход душевных движений могут идти независимо друг от друга, самостоятельно: житейский поток сам по себе и душевный поток сам по себе. Такое отстранение души от внешнего бытия верный признак прилива духовной энергии. На отливе душа работает вовне, в струе повседневности, обслуживая суету наших дней. Суета эта может быть самого низкого пошиба или во благо всего человечества — неважно; важно то, что душа здесь включена в бытие, в «что», собственно путевую работу не производит, а лишь заготавливает материал для нее.

Как скульптору нужна глина или бронза, из чего и на чем он творит свою работу, так и для человека последовательный ряд внешних действий и событий его жизни является *сырым материалом Пути*, на котором и из которого совершается путевая работа. Все то, что посторонний наблюдатель, регистрирующий мою жизнь, мог бы рассказать обо мне, все те события, которые составляют мою биографию — все это не

Путь мой, а материал Пути, который мог быть обработан душою для себя или пропущен ею. Обычная мирская жизнь со всеми своими столкновениями, поворотами, радостями и бедами в избытке поставляет путевую глину душе. Потому-то для человека с приливной судьбою нельзя надолго удаляться от мира. Келья хороша для человека иной путевой судьбы, который, как и каждый человек, должен проходить Путь земной жизни, но проходить иначе, с упором на иных любовно-духовных областях жизни и, видимо, для иных целей. Путь один и тот же, но есть все же мужской и женский Путь; ровно так же есть Путь людей прилива и Путь людей отлива.

Живя в миру, не нужно специально отправляться на заготовку путевого материала, он, хотя и разного качества, добывается сам собой, как воздух для дыхания из атмосферы. В пору духовного отлива центр духовного тяготения отдается, нити его слабеют, сознание духовной неразделенности падает, канал истинности — вход души — сужается, центр тяжести жизни перемещается к входам души, она всплывает и активно включается в межличностное бытие.

Чем глубже отлив, тем крепче душа присасывается к внешнему бытию, тем жаднее она вдыхает в себя воздух событийности и чужой жизни. Душа суетливого человека дышит часто, судорожно, словно загнанная, словно не может уже дышать, задыхается, не вмещает в себя, но глотает и глотает, как утка, не пережевывая, без отдыха, не давая себе поблажки. Это душевная патология, конечно. Нормально душа, всплывая и прилепляясь к «что» бытия, бурно участвует в решениях внешней жизни, но напитавшись ею, отлепляется, останавливает инерцию житейского потока *в себе* и пытается обработать накопленный материал. При этом событийная цепь жизни, конечно, не разрывается, а, бывает, еще больше натягивается, закручивается, хотя душа уже не так остро реагирует на нее как на повод для деятельности, а сама работает, выковывая и закаляя назначающую волю. В пору прилива человек утрачивает инициативу в делах своих, самотекущая жизнь сама указывает (или подсказывает ему) *что* делать, он только держит руль на исполняющей воле и устанавливает назначающей воле, *как* жить.

Толкуя о «свободе воли», речь обычно ведут о свободе исполняющей воли. Но не о самоволии ее, не о ее самостоятельности в отношении душевной воли, сил плоти и внешних обстоятельств, а о ее *независимости* как от плоти, так и от давления внешнего мира, и ее возможности следовать «своим» повелениям воли назначающей. В таком смысле вопрос свободы воли превращается в вопрос свободы реализации души на Пути. А это, разумеется, зависит от точки Пути, на которой находится человек.

Человек свободного пути жизни, способный своею духовной волей вполне руководить волей исполняющей, в наивысшей степени свободен. Чем человек на Пути дальше от такого свободно-духовного состояния, тем меньше и меньше он свободен. Наименее свободно животное, не ведающее разграничения назначающей и исполняющей воли. Чем более ослаблен контроль воли назначающей, как это бывает на духовном отливе, тем человек обладает меньшей свободой исполняющей воли; чем в большей степени исполняющая воля зависит от воли назначающей, как это должно быть на духовном приливе, тем в большей степени свободен человек. На отливе, проникаясь вопросом «что?», решение которого не зависит от него, человек менее свободен, чем на приливе, где он решает вопрос «как?», куда более от него зависящий. Животное знает только «что делать?», свободно-духовный человек знает только вопрос «как?», «как быть?». В первом

случае, влияние сил внешней необходимости максимально, во втором — минимально.

Если же говорить о свободе душевной воли — воли ли духовного действия, сторгической воли, воли назначающей — то прежде всего надо уяснить, *что* противодействует ей, то есть уяснить препятствия для совершения душевной работы. Но так в общем случае ставить вопрос нельзя, так как то, что на одной точке Пути — препятствие, то может на другой точке стать подспорьем или, по крайней мере, тем, на чем может реализоваться свобода души.

Свобода души — в ее работе, в душевном действии, и свободу души ослабляет не то, что противодействует душевной воле, а то что приводит к бездействию, безволию души. В какой бы яме ни сидел человек, но откуда он на Пути жизни, такого с ним быть не должно. Восходящий по Пути человек всегда душевно свободен совершать себя, где бы он на генеральной кривой Пути ни находился. Несвободен душою только нисходящий с Пути жизни человек. Утрата душевной свободы — смерть; обретение свободы души — воскрешение, жизнь.

Разумеется, я не властен совсем или отчасти отменить духовный отлив в себе. Но у меня нет никаких путевых оснований желать отменить его. В духовном отливе накапливается путевой материал; и если отлив — не свобода, то такие пульсации свободы и несвободы души человека похожи на взмахи крыльев набирающей высоту птицы, за которой всегда зачарованно следишь.

Чем менее важен человеку вопрос «как?» и более — вопрос «что?», тем дремотнее его душа, тем менее он свободен творить работу своего Пути¹. Конечно, существо оду-

¹ Это относится не только к потоку бытия, но и к творчеству в мышлении, где в одном случае стремятся поймать и показать *новую мысль*, а в другом — *как мыслить*, то есть дать *новый образ мышления*, использующий самое мысль как материал.

хотворенное может только умышленно, по злему умыслу избежать «как», что означает ликвидацию творчества духовной жизни, к которому предназначен человек. Забвение «как» на практике выходит применением наихудших, противочеловеческих средств, которые, отдавая душу во власть падшей исполняющей воли, незамедлительно диктуют свои антидуховные цели.

Человек не может идти вспять, не ставши при этом демоническим существом. Воистину, зло — от падшести, но не столько адамовой, сколько своей. Я становлюсь злым не потому, что некогда пал Адам, не по бывшему акту падения и не от Адама, а потому что я нахожусь в процессе падшести — схожу с Пути. Значит ли это, что на каждом отливе человек не может избежать зла, злости, эрозии души? Что на отливе он всегда сжигает то, что создает в приливе? Нет, конечно. Путь должен твориться всегда, во всякое время, и при духовном вдохе, и при духовном выдохе. Сам по себе духовный отлив не есть процесс изничтожения достигнутого прежде уровня духовного сознания, не есть даже прекращение духовного роста, то есть не есть утрата одухотворенности, антирост.

В приливе *увеличивается ускорение* духовного роста, на отливе это *ускорение уменьшается*, в пределе скорость роста стабилизируется, а не падает до нуля. Рост же не прекращается и тут. И на отливе нет отрицательного ускорения роста — процесса ликвидации духовности, падшести. *Отлив — явление*

путевое и, с точки зрения учения роста может быть понят, как движение к неподвижности, к остановке роста (духовному успокоению), но не как падшесть, падение Пути. Надо различать понятия духовного отлива и падения духа в человеке.

На отливе, при *замедлении ускорения* роста человек более заготавливает то, на чем пишется «художественное произведение» его Пути жизни, работа над которым все же не прекращается никогда. На отливе более ткется холст, чем пишется картина, в приливе — наоборот. Другое дело, что войти в поток падшести, приобрести отрицательное ускорение роста человеку, понятно, легче всего на духовном отливе, так как этот процесс проще сорвать. Но падшесть не от отлива, а от органического недостатка души, большей частью, от ее неспособности полноценно работать на линии *любви*, без которой человек отлива начинает напоминать зверя.

Любовь — наиболее прочный полюс тяготения в душе нашей. И тот, который дан ей исходно. В режиме любви душа способна работать и тогда, когда в ней не было или заглохло религиозное чувство, ослеп разум, погасла совесть. Душа еще жива, если в ней есть любовь. Именно поле тяготения любви обеспечивает жизнь души, как бы далеко она ни ушла в плоть и как бы глубокий ни был ее обморок. Особое значение режим любви приобретает на духовном отливе. Любовная духовность, разумеется, свойственна душе в любом ее состоянии, пока жива она, но на гребне духовного подъема она часто отходит на задний план, уступая силе поля тяготения других полюсов души. Любовная духовность на переднем плане души обуславливается или соответствующими точками кривой Пути (например, пики чистоты), или особой приверженностью путевой судьбы к линии любовной духовности, или, наконец, общей стратегией свободного пути жизни. Мы уже писали (см. 2.3.10) о приобретаемой на свободном пути жизни способности переключать себя из роста «внутрь» (роста «истины», духовного самосознания) или духовного роста — в рост «вширь» (рост любви) или душевного роста, который Толстой часто связывал с понятием нравственного совершенствования. Такое духовное самоуправление невозможно на естественном пути жизни, где чередование роста духовного сознания и роста любовной духовности, чередование, без которого немислимо постоянное ускорение роста, совершается произвольно и зиждется на приливно-отливной структуре течения духовной жизни.

Совсем не равномерная и такая причудливая пульсация энергии свободного духа в нас есть, наверное, одна из глубочайших конструкторских тайн Творца, постигнуть формулу которой мы не в силах. Укажем на то, что тактика жизни в пору духовного прилива и в пору духовного отлива у человека должна быть разная. Перекрытие канала истины, отток духовности при отливе как бы заставляет душу искать и получать питание извне, побуждает ее активнее подключаться к другой душе, все более и более усиливая сторгическую волю в себе. То, что на свободном пути человек может сделать сам, то на естественном пути с ним делается само.

В дни отлива духовно активный человек ищет душевного общения (с людьми, с книгой) куда больше, чем в дни прилива, когда ему лучше быть без влияния других душ. В знакомом каждому мыслящему человеку состоянии внутренней сосредоточенности не любит и необходимы не всегда приятные усилия, чтобы переключить себя на даже горячо любимое существо.

Если не говорить о высших, духовных позициях работы души в режиме любви, то любим мы всегда крепче и мучи-

тельной на духовном отливе. Мощная сторгическая воля сама раскрывает сторгические каналы нашей души. Как будто вход души закрывается, чтобы мог открыться боковой сторгический выход ее. Недаром открывается он непременно в направлении от себя — к другой и, лучше всего, бодрствующей душе.

В отливе душа наименее свободна в том смысле, что она жаждет отдавать себя и с этим стремлением идет на единение с другой душой, принимает жизнь другой души за свою, то есть любит. В приливе, наоборот, душа наиболее свободна тем, что должна привлекать к себе. Душа то отдает себя, то в себя принимает, то растет «вширь», то «вглубь», то духовно очищает, то духовно углубляет себя. Таково, видимо, должное, *истинное дыхание нашей жизни*. Переводясь в режим любви, отдавая себя, мы тем самым заготавливаем основной, быть может, материал Пути жизни — душевные связи...

На отливе часто создаются исключительно благоприятные условия для разного рода душевных прельщений. Это отнюдь не означает душевной «несвободы», или что тут-то нас и подкарауливает дьявол: заграждающие соблазны должны прийти в душу затем же, зачем они приходят в мир. Если они приходят большей частью на отливе, то, видимо, потому, что тут и создается тот почвенный пласт, та почва, через которую и в которой должно произрасти семя души. Правда, если эти напластования соблазнов завладевают душой тогда, когда в ней нет ни духовной воли, обеспечивающей духовный рост, ни сторгической воли, обеспечивающий рост душевный, то в таком состоянии душевного безволия душа погашается с неминуемым падением духовности в живом человеке. Любовь охраняет нас от падшести, и когда на отливе иссякла и любовь, то человеку, которому грозит душевное погашение, часто приходится искать спасения в омуте мнимой душевности. Это на время сохранит душу, но никак не спасает ее от нисхождения. У души есть другое, более верное средство, которое ее и выручает, и губит.

10.

Душа это семя, высеянное из Прапути в мир наш, чтобы плодоносить в следующем. Она так же принадлежит нашему миру, как и не принадлежит ему. С одной стороны, душа, как все в этом мире, существует в отделенности, и мы говорим о душевной отделенности и непроницаемости; с другой стороны, это ее отграничение таково, что не дает нам никакого о себе представления, оно никаким нашим зрением не видно и несет в себе форму иного мира, существующего, быть может, без и вне отделенностей. Как адекватно описать явления душевной жизни, если все наши представления, основанные исключительно на понятии отдельности и отделенности, применимы к душе только отчасти? Поневоле приходится пользоваться понятиями мира отделенностей, и понятие поля или, скажем, канала наиболее, как кажется, подходит для таких целей, так как эти понятия в нашем веке повсюду применяются, когда надо обозначить то, с помощью чего происходит сообщение одного с другим и чьи границы отделенности не вполне доступны взору.

Современному языку в описании жизни души свойственно опираться на образ душевных клапанов и каналов, которые могут сужаться и расширяться, открываться и закрываться, как в одном направлении — *к душе* либо *от души*, — так и в обоих направлениях. В самом представлении канала наличествуют два конца. Душа может закрыть канал сама и может быть закрыта, так сказать, с другого конца. Так вход души, канал истинности может перекрываться (сужаться) с глубин, со

стороны духовного сознания к душе — это мы назвали духовным отливом — и может закрываться со стороны души, от закармированности (в том числе и от душевного лицемерия). Карма в этом смысле есть пробка, заглушка на вход души.

То же со сторгиическим выходом души, который может быть весь открыт с одного конца (например, от своей души) и еле-еле приоткрыт, почти закрыт с другого (к чужой душе). Второй выход души, канал искренности или путевого вос- решения закрывается со стороны исполняющей воли пси- хическими болезнями (от души) и со стороны воли назна- чающей аскетическими усилиями. Клапан аскетизма уста- новлен на назначающей воле, «к душе», перекрывает действие сил плоти на душу, но не препятствует давлению души на исполняющую волю, идущему в другом направлении.

Теперь мы ввели столько различных понятий работы души, что полезно хотя бы перечислить их. Одни понятия обозначают явления, имеющие стратегическое значение для Пути, другие понятия — значение тактическое, третьи могут иметь для Пути как то, так и другое значение. Представление о работе души в тех или иных линиях жизни (смирения, кротости, чистоты, любви, духовности) включает в себе стратегический путевой смысл. То же надо сказать о соотносности направления душевной работы с генеральной кривой Пути восхождения — *нисхождение* (падение) и *восхождение душевной жизни*. Сюда же надо отнести и то, что мы назвали *свободой души*, резко возрастающей при каждом новом рождении на Пути и тем ка- чественно меняющей работу души.

Тактическую нагрузку для Пути (и Пути жизни и Пути восхождения) несет работа души *в режимах* (разума и любви, религиозного чувства и совести). Эта работа может происходить более в плотской, или более духовной, или более сторгиической *позициях*. Уровень рабочей активности души, ее напряженность и мощь в той или иной позиции определяется *волей* души — духовной, сторгиической, назначающей. Эффективность работы души зависит от состояния *ее входов* и *выходов*, ее *каналов* — канала истинности, канала искренности и сторгиических каналов.

Душа работает волей в режиме на позиции через каналы зависимо от *фазы духа* — духовного *прилива* или *отлива*. Последнее имеет как стратегическое, так и тактическое путевое значение. Кроме того, мы различили *состояние подзаряди души* (сон) и состояние *разряда* (на исполняющую волю прежде всего).

Всякое ослабление линии духовности (роста духовного сознания) жизни — будь оно от оскудения духовной воли, или перекрытия канала истины, духовного отлива ли, или глубокого разряда души на плоть, — всякое такое понижение разумной духовности должно сопровождаться усилением линии любовной духовности жизни. Когда же (обычный случай) этого нет, человек может передохнуть в мнимости. Передохнуть, но никак не спастись. Когда душа наша не в силах работать ни духовно, ни любовно, то человеку, казалось бы, остается одно: стать животным. Однако этого не происходит, и в первую очередь, потому, что душа человека всегда готова подключиться к другому источнику питания — Общей душе, душе своего народа. Для этого в ней есть соответствующий канал — *канал Общей души*.

Кроме духовной, плотской, сторгиической позиций, душа обладает способностью работать в позиции Общей души. Канал Общей души, видимо, придан каждой человеческой душе исходно, существует в ней изначально, а не создан человеком самовольно или в процессе его эволюции. Значит, он быть должен, нужен душе на Пути жизни, без него ей

нельзя, и мы должны попытаться понять функцию и значение этого канала для души нашей.

Сама по себе душа это процесс, пусть семенной процесс, процесс духовного роста, — но именно и только процесс, работа, в понятие которой включается представление и о работнике, и о совершаемом им труде. Представление о труде значительно более самовластно, независимо, нежели представление о работнике. Душе как работнику всегда нужно к чему-то *примкнуть*: не к своему духу, так к другой душе или к душе народа. Примкнуть — постоянная ее забота. Хозяйство у души свое, но ей нужен сродственный Хозяин или, по крайней мере, Хозяйка. Так устроено, что душой всегда должно владеть сознание нераздельности: либо духовной нераздельности с «Богом своим» по внутреннему каналу истинности, либо душевной неразделенности с другой душой в любви по сторгическому каналу, либо сознание нераздельности, единства, зависимости от народа или общества — по каналу Общей души.

При всех духовных отливах, погашениях, духовных падениях, охлаждениях души, когда у нее почему-либо закрывается ее выход, когда она почему-либо не может дышать сама или дышать ей становится нечем, когда погибель, мрак, смерть грозит ей, душа переходит как бы на резервное дыхание, на резервный канал, канал Общей души, *всегда готовый* к употреблению. Любая душа во всякий момент своего Пути способна влиться, и влиться целиком, в Общую душу. Надо ли говорить, сколь широко пользуется человек этой возможностью? Немудрено, что сознание подавляющего большинства людей определяет не «общественное бытие», конечно, а *Общая душа*, к которой они примкнули и которая управляет ими.

Очень часто человек склонен представлять свою связь с Общей душой в качестве взаимоотношений любви. Говорят о любви к своему товариществу, племени, роду, человечеству. На это Толстой в «Царстве Божиим...» резонно возражал, что по мере расширения предмета любви сила любви должна разжижаться, превращаясь в фикцию любовности, так что по чувству любви к обществу человек на общее благо работать не может. И никто не ответил Льву Николаевичу, что патриотизм или национализм — не любовь души, а нечто другое. Да он и сам хорошо знал, что Общая душа переживается человеком не по линии любви, а по линии духовности — *как дух*, как духовное сознание. Слово любовь (скажем, «национальная любовь»), хотя и употребляемо здесь, но только в смысле, в котором говорят о любви к Высшему духовному Лицу, Богу, Отцу, Хозяину. В этом религиозном своем смысле самой любви, как чувства, уже нет, она неразличима от духовного сознания. Общую душу, по сути, не любят, ей повинуются, ей служат, ей *верят* не как любимому существу, а как Существому Высшему, изначальному, как своей духовной сущности. Хозяйке над душой.

Общая душа заменяет или резервирует действие духовного Начала в человеке, становится вместо «Бога своего». И канал Общей души работает в нас не так, как боковой сторгический канал любви, а как внутренний канал истинности, как *второй* плод души, связывающий ее с духовным сознанием. Если голова души (то есть пласт духовного сознания) находится на Небе, а ее ноги (то есть плоть) на земле, то Общая душа — отнюдь не руки, которыми мы хватаемся за другие души, а другая голова души, всегда готовая заменить первую. Чаше всего (особенно для людей отлива) не духовное сознание, а Общая душа решает «как быть?», *как* жить человеку.

Перечислить все возможные варианты работы души не-

возможно; она может работать в режиме разума, на позиции духовного Я, или в режиме любви на позиции Общей души и прочее, в любых вариантах, комбинациях, сочетаниях. Тут наверняка есть свои законы, типовые сочетания, законообразно переходящие друг в друга, есть сочетания несовместимые, конкурирующие, или друг к другу тяготеющие, складывающиеся в цельные душевные фразы. Такими «фразами» и пишется «сочинение» Пути нашей жизни.

Выходы души, сторгические каналы и каналы путевого воскрешения ее могут быть закрыты или открыты с любого конца и в любом направлении. Вход души, канал истинности может быть закрыт или открыт с любого конца, но только «к душе». Очень трудно, почти невозможно говорить о возможности стока души на духовное сознание, то есть об открытости канала истинности «от души». Воля духовного действия, в отличие от сторгической и назначающей воли, работает исключительно приточно, «к душе», и никогда на вытяжку, «от души». Примерно то же самое происходит и в канале Общей души.

Говорить о действии своей души на Общую душу столь же трудно, как и о действии души на духовную свою сущность. Бывают случаи исключительные, но, как правило, канал Общей души открыт только в одну сторону — к нашей душе. Если отдельному человеку или группе людей и можно руководить Общей душой или влиять на нее, то делается это вовсе не *по своему* каналу Общей души (как «от души» руководят другой душой по сторгическому каналу), не изнутри от своей души к Общей душе, а получая доступ к открытым каналам Общей души через искусственно созданные или естественно возникшие средства межлюдской коммуникации, раздражающие и возбуждающие Общую душу. При этом те, кто «руководит» Общей душой, не менее других воспринимают ее сигналы, в том числе и те, которые они сами сознательно возбуждали.

Душа может только раскрывать каналы Истины или Общей души к себе. Но труд, необходимый для раскрытия канала Истины, неизмеримо больше, чем работа, нужная для раскрытия канала Общей души. Оно и понятно: на позицию Общей души человек переходит, когда душе его не хватает сил работать на духовной позиции. Жизнь на духовных позициях надо заработать трудами на Пути, жизнь же на позициях Общей души уже как бы заработана, не лимитируется и выдается по требованию.

Человек легко может встать на подзаряд к Общей душе, подобно тому, как он становится на духовный подзаряд во сне. Будучи на общедушевном подзаряде, люди, бывает, в едином порыве жаждут «чужой» крови, «жизненного пространства», горят «священной ненавистью» и прочее. Для этого человеку почти не нужны никакие волевые усилия собственной души. Душа наша обладает сторгической волей и волей духовной, но не имеет воли Общей души, которой мы примыкали бы к Общей душе. Такая воля есть, но она принадлежит не своей, а самой Общей душе и действует на нашу душу гипнотически, отчасти подавляя душевную волю, отчасти замещая ее. Душевные усилия нужны для того, чтобы перекрыть в себе канал Общей души, преодолеть гипнотическую волю Общей души, но не для того, чтобы принять ее в себя. Нельзя говорить о «свободе воли» Общей души в нас, скорее уж надо говорить о свободе от воли Общей души в нас.

В отношении Общей души каждая душа обладает не волей, а безволием. Душе нужно духовно ослабнуть, чтобы она сама собою переключилась с одного, духовного своего входа на другой вход Общей души. Но чтобы обратно включиться на

свое духовное сознание, душе нужны мощные усилия ее воли, огромный труд. И это не усилия преодоления (каковые нужны, к примеру, для преодоления сил плоти или душевных провокаций), а усилия совершения самой работы — обретение свободы души. Воля Общей души часто противодействует душевной работе как таковой, утишает душевную работу, лишает душу свободы. Общая душа в этом смысле есть *начало душевной несвободы в нас*.

Свою обиду человек нередко может простить, забыть, но боль оскорбления Общей души, к которой он принадлежит, с души его нестираема. Тут оскорблено Нечто высшее, чему «Я» служит, что оно предать не может и что оно обязано защищать и блюсти превыше себя. Каждый нападающий на Общую душу (конкретную или вообще) рискует жестоко поплатиться за это. Может быть, и поделом...

Общая душа практически непрístupна. Этому в значительной мере способствует и то, что давление в широко раскрытом канале Общей души почти совсем не мешает столь нужной человеку работе в сторгическом канале, хотя, конечно, и требует приоритета. Что же удобнее всего, так это то, что Общая душа, руководя назначающей волей души, сбалансированию противодействует плотским силам. В чем-то она потакает плоти, в чем-то ограничивает ее, создавая всевозможные табу на одно, но давая разрешение и оправдывая другое. Борения Общей души с плотью всегда по силам среднему человеку в толпе, что, понятно, крепче всего защищает Общую душу от нападений.

В самой Общей душе постоянно происходят изменения, и эти перемены влияют, разумеется, на каждого из нас. Общая душа тоже дышит, в ней независимо от нас ходят приливные и отливные волны, но канал Общей души никогда не сужается сам, со стороны Общей души, его можно перекрыть только с другого конца, от своей души, но на это редко кто из нас решается и еще реже, кто может.

3.4 Кривая восхождения (четвертое чтение Пути восхождения)

1.

Никакая модель душевных процессов не может передать все разнообразие душевных состояний жизни человека. Разумеется, и наша модель годна лишь для первого приближения. Кто-то, наверное, скажет, что душевную жизнь нельзя описывать в общих чертах, грубо, так что одно из двух: либо воссоздавать работу или часть работы души в ее тончайших сплетениях, либо не касаться этого вопроса вовсе. Однако у нас своя цель, и сейчас мы не стремимся изучать и разъяснять сложные взаимодействия душевных явлений.

Прежде, чем расчленять на отдельные явления, желательно научиться *обозревать* в целом, *иметь видение своего предмета*. Узреть весь Путь в его единстве и цельности есть, таким образом, не идеальная цель, не наглая претензия самоуверенного ума, а первейшее знание, без которого так же невозможна наука о Пути, как невозможна математика без первичного знания счисления в бесконечном ряду чисел (тоже

своего рода видение, на котором выстроены все наши математические представления). Прежде чем начинать изучать душу на Пути, надо *добиться* самого общего видения Пути души. И это уже не кажется нам неисполнимым делом.

Человек рождается на свет с безвольной душой. В душе младенца нет назначавшей воли, душа эта еще не может работать, не знает противоборства, не способна ни разряжаться на плоть, ни воспринимать ее удары; она не имеет выходов, не подключена к плоти и потому не может и находиться в ее власти. И исполняющая воля его еще не сформирована; вместо нее функционируют силы плоти, которые действуют только в своем пласте, отдельно, и, не имея связи с душой, не становятся волею. В самую первую пору жизни канал путевого воскресения не то чтоб закрыт, а не образован еще.

В душе младенца ничто не предвещает способности Богосознания (разума и религиозного чувства), но зато она изнутри уже открыта для Божьего сознания (любви). При полном отсутствии воли духовного действия в новорожденной душе ее вход с самого начала в ней раскрыт и чист. На этот свет душа прибывает как бы отдельно от плоти. Она раскрыта для Божьего сознания, отъединена от плоти и сама совершенно безвольна. Такой режим души вполне соответствует описанному выше душевному режиму сна, духовного подзаряда или, что в этом случае вернее, — *духовного заряда*.

Новоприбывшая душа «бесплотна» и поставлена на заряд. Медленно пробуждаясь, она одновременно приобретает способность работать только в одном режиме — режиме любви. Можно сказать, что душа с рождения жива любовью, тепло которой она в избытке получает от чистоты духовного входа. Но не обладая и сторгической волей, она не может и реализовать себя сама. Безвольная и любовная детская душа ищет руководства, ибо, не имея своей воли, не может руководить собой.

Взрослый человек, реагируя на общение с ребенком, входит в душевное состояние, сродственное состоянию детской души. Это относится как к женщинам, так и к мужчинам, многие из которых по этой причине сперва активно не воспринимают собственных детей, пока душа последних не раскроется настолько, чтобы принимать в себя извне. Для полноценного общения с совсем маленькими детьми душа переводится в особый, материнский, режим. Главенствующую роль в духовной жизни женщины играет духовная чистота, стержень которой зависит от степени раскрытия духовного входа души. В этом смысле материнский режим души наиболее женское и женственное состояние души, в котором душа очищается, как по волшебству. Общаясь с ребенком, любая женщина, а особенно мать, сияет духовной чистотой так же, как и ребенок, и, как и он, излучает тепло любви. Все запасы своей сторгической воли женщина-мать направляет к ребенку, буквально наполняя ею его душу.

В родительском порыве мать или отец получают власть над душой ребенка, открывая к нему особый сторгический канал, «*родительский выход*» своей души. Дитя же, не обладая сторгической волей, должно иметь в душе *вход*, по которому воспринимаются волевые импульсы родительской души. Подозреваю, что этот другой вход души ребенка, разрабатываемый сторгической волей материнской души, дан человеку от рождения и потом окончательно становится тем, что мы назвали каналом Общей души.

Родители внедряются в детскую душу не через сторгический канал ее (которого еще нет в ней), а именно через канал Общей души, и сами являются первыми представителями

Общей души, ее олицетворением в душе ребенка. Родители для ребенка — это не только ближайшие по плоти, но и ближайшие ему по Общей душе люди. Они для него не «другие Я», связанные с его душою узами любви, а любимые (которые могут стать и не любимыми) боги, высшие любящие его (либо грозные, грозящие) существа, к которым ребенок испытывает чувство, подобное религиозному, и которых он выделяет в любви.

В душу нашу изначально как бы вложены понятия Отца Бога, Хозяина по духу, и Матери, Хозяйки по Общей душе. Люди говорят о Родине-Матери, подразумевая свою родную Общую душу. Вообще понятие матери связано в нашем сознании с представлением о своем *душевно*м источнике. Чувство к Общей душе (например, национальное чувство) отчетливо напоминает любовь к матери.

Мать, мы думаем, раскрывает в ребенке канал Общей души и первое время подменяет ее. С одной стороны, смотря извне, душа ребенка становится подвластной, с другой же, сама для себя — напротив, обладающей властью, волей, которая в принципе способна контролировать инстинкты и рефлексы плоти. Пусть не своей волею, а волею матери, но душа ребенка начинает сама работать. Эта та стадия, когда ребенок особенно воспринимает, что «нельзя», сам стремится исполнять запреты и, подражая кому-то, целый день назидает старым и малым. В это время (года в три) в нем уже открыт плотский выход души, есть воля, и назначающая, и исполняющая.

В магическом периоде жизни в душе происходят три параллельных процесса. Выходя из режима духовного заряда, пробуждаясь к работе, душа все больше и больше наполняется духовными силами упорядочения, ясностью и теплом «чистоты Божеской». Пробудившись совсем, душа ребенка неизбежно холодеет, теряет чистоту духовной ясности, духовный вход ее быстрее или медленнее закрывается. Это один процесс. Одновременно больше и больше раскрывается канал Общей души. Это другой процесс. Все наше воспитание, как стихийное, так и научно организованное, как семейное, так и общественное, прежде всего разрабатывает канал Общей души в ребенке и действует через него.

На Пути души в детстве есть по крайней мере один короткий отрезок, предопределяющий дальнейшую путевую судьбу. Мы уже приводили пример пятилетних мальчиков, отданных на короткое время в чужие руки, и говорили о роковых последствиях этого (3.2.10). Не знаю, каждый ли человек проходит через *точку «нулевой развилки» Пути жизни*, но те, которые проходят, подвергаются в ней серьезной опасности грубого искажения всего своего Пути волею других людей. В умелых руках детские сады могут стать мощным орудием духовной кастрации человека.

Третий процесс — это процесс раскрытия канала путевого воскрешения, постепенное формирование в душе назначающей и исполняющей воли. Отчасти процесс этот и обязан душевной работе под действием канала Общей души. Но в какой-то мере он автономен. Погашение магического сознания в конце первого — начале второго периода жизни связано с закрытием духовного входа (тем самым утратой магического сознания нераздельности) и открытием плотского выхода, что, в свою очередь, не может не усилить сознание отделенное™.

В магическом периоде жизни душа пробуждена и поставлена на работу. В начале следующего, языческого, периода Пути ей доступны все режимы, она способна совершать работу, иногда огромную и, во всяком случае, далеко не безтрудную. Но не свободную. Душа отрока полностью закреплена за Общей душой или за тем, что в данный момент действует через

его канал Общей души. Языческая душа не знает своего духовного входа и переключена на другой источник питания. В первом периоде Пути человек душевно пробуждается, становится душевно рабочим существом. Во втором периоде Пути человек — уже работающее душою, но не свободнодушевное существо.

Понятие рабочей свободной души, на первый взгляд, противоречиво, так как несвободной можно называть лишь ту душу, в которой подавлена ее способность производить работу. Если душа работает, она свободна, и в той степени свободна, в какой способна производить путевую работу. Утверждение это постулируется в предположении, что путевая работа совершается душевною волею (волями), которая для такого труда не может быть «несвободной». Прохождение Пути жизни не произвольно, а направлено, установлено и в этом смысле «несвободно». Но труд Пути, его мотор зиждется на духовном росте, проявления которого в душе могут мыслиться только свободными, так как основаны на процессах духовного сознания. Работа души, основанная не на духовном сознании, не на духовном росте (а либо на суеросте, либо на мнимом росте), путевого труда как такового не производит. Поэтому Общая душа, которая лишь подменяет или заменяет свет личностного духовного сознания, не должна бы, умозрительно говоря, производить путевую работу. Но это не так.

На кривой Пути жизни есть точки и отрезки, где Путь вершится почти исключительно Общей душою. Без Общей души, без этого «начала несвободы души» человек не мог бы пройти назначенный ему Путь. Когда нужно, она создает противодействия для совершения работы Пути, а когда нужно, активно производит эту работу сама. В языческом периоде жизни человек живет с перекрытым духовным входом в системе «Общая душа — плоть». Именно в такой системе душа *учится работать*, и для нее это, несомненно, громадный путевой труд. Ускорение духовного роста в годы отрочества не меньше, а бывает и больше, чем в другие периоды Пути жизни. Объем путевой работы во втором периоде жизни велик, но производится он в основном энергией, поступающей по каналу Общей души, в отношении которой душа безвольна и противостоять напору которой она именно в эти годы не должна и не может. Не то что душа отрока работает на Пути несвободно — так нельзя говорить. Она, работая, остается во всех режимах на позиции Общей души; и этим самым несвободна.

До второго рождения душевная несвобода как бы отпечатана на всех внутренних движениях отрока. Она жмет его в мучительном чувстве стыда и позора, когда душа начинает работать в режиме совести; давит в его славолубивых грезах, когда он душою живет в режиме религиозного чувства; выхолощивает в его нарочитых полудетских умствованиях, если он трудится в режиме разума, и лишает душу его возможности работать в режиме любви¹. Главный тон души со второго периода Пути жизни — это несвобода ее в *тщеславии*, которое следует считать одним из чувств Общей души в нас и появление которого, несомненно, сигнализирует о переходе своей души на рабочую позицию Общей души.

Центр жизни, центр сознания «Я» в языческом периоде Пути находится на исполняющей воле и даже не входит в канал путевого воскресения. Свое «Я» маленький язычник сознает и переживает в плоти, признавая власть назначающей воли в себе, но не считая ее собою. Назначающая воля — это обычно «взрослые» в душе отрока, требованиям которых «Я» подчиняется, но переживает их не как грань «Я», а как табу, запрет, ограничение воли на «Я», составляющее непреложное

условие существования.

Отрок самовластен (в исполняющей воле, где он знает самого себя) и душевно несвободен (в назначающей воле, где он знает то, что над ним). Он живет под молотом плоти, с одной стороны, и прессом Общей души, с другой. Сила ударов плоти все более нарастает и к середине языческого периода, лет в 10—12, становится уже непропорциональна увеличению давления в канале Общей души. Недаром общество испокон веков практиковало принуждение к отрокам. Каждый отец интуитивно знает, что его сын в эту по-

I Разумеется, отрок мечтает о любви и в этом смысле любит. Но это не любовь, а своеобразный род религиозного чувства, который затем, в следующий период жизни, становится неотъемлемым от любовного чувства и гасится по мере заглушения в душе религиозного чувства. В отрочестве можно быть очень добрым, мягким (по характеру), но не любящим.

ру должен быть под полной его властью. Иначе он по самовластию может выйти из-под контроля своей же души.

Отрок вовсе не страшится выпасть из-под власти Общей души. Это опасно и для окружающих, но более всего для самой его души. Тут кроется одна из главных причин невхождения (или несвоевременного вхождения) человека в зону душевного рождения. Если в отрочестве и юности совсем нет противостояния Общей души и «Я», если в системе «Общая душа — плоть» уже в этом возрасте устанавливается равновесие, то в дальнейшем не будет задействована и воля духовного действия и, следовательно, не будет совершаться труд духовного роста. Душевно нерожденный человек, в отличие от отрока, боится потерять власть Общей души (или того, что ее замещает) над своей душою. Боязнь эта исчезает в человеке только в процессе душевного рождения. У одних ненадолго, у других — навсегда.

2.

Феномен душевного рождения человека рационально непостижим. Ему не предшествует никакой «нормальный» процесс, никакое эволюционное накопительство, которым можно было бы обосновать столь мощный душевный сдвиг. Фиксируется только резкое усиление некоторых сил плоти, которое само по себе должно было бы привести к отроческому самоволию сбросивших с себя ярмо Общей души юнцов, а не к душевному рождению.

Сущность душевного рождения человека состоит в том, что в душе, не без провокации силами плоти, но в большей степени под действием духовных сил установления Пути, вдруг вскрывается духовный вход ее, и в ней впервые начинает работать воля духовного действия. Только теперь, обретши сознание душевной отделенностиTM, человек узнает, что такое свобода души, свобода, которую он сможет обрести, лишь пройдя длинный путь до духовного рождения.

Начало *процесса* душевного рождения трудно приурочить к какой-нибудь определенной точке второго периода Пути. Ясно, что процесс этот, то есть медленное раскрытие канала истинности, начинается ранее и обусловлен, видимо, путеводным духовным приливом, вызванным нам недоступными причинами, устанавливающими Путь. Акт душевного рождения, который мы приурочили к четырнадцати годам, это рождение воли духовного действия в душе, в

результате которого для души стало возможным работать на духовных позициях.

Разумом (а не хитростью или умом), религиозным чувством (а не авторитетом), совестью (в отличие от стыда и позора) мы в узком смысле называем только работу души в духовных режимах. До своего рождения душа человека довольствуется той заменой (грозящей стать подменой) совести, разума, религиозного чувства, которую выдает по своему каналу Общая душа, сообразующаяся с условиями плотского бытия, традициями одушевленности и уровнем общего духовного сознания. Актом душевного рождения каждый человек старается стать *выше* уровня духовного сознания, достигнутого Общей душой, к которой он прилеплен. Душевное рождение это всегда *попытка* прыгнуть вверх с поверхности духовного сознания Общей души.

Даже в языческом обществе человек не в состоянии достигнуть общего духовного уровня к четырнадцати годам. Да и нужно ли это? Тут, как всегда, уровень не так важен, куда важнее сама попытка духовного взлета, мощь ее, которой производится завод (взвод) всей дальнейшей душевной жизни на Пути.

В нашем представлении понятие свободы, как и все понятия земного существования, неотчленимо от понятия отделенности. В неразделенное™ не может быть понятия свободы. Свобода всегда «свобода от» и «свобода из»: сознающая себя «от чего-то» и получающая себя «из чего-то», из какого-то источника. Свобода души получена из духовного источника и сознает себя в отделенности. Духовная неразделенность — свобода души — душевная отделенность образуют примерно тот же смысловой ряд, что и сознание — воля — сила.

Усилия духовного роста — то есть воля духовного действия — это воля установления в душе власти сознания духовного Я. А значит, увеличение душевной свободы, что на естественном пути жизни предполагает усиление сознания душевной отделенности™. Но отделенное™ «от чего»? Конечно, от других душ и от Общей души, под чьим диктатом до душевного рождения находился человек. Поэтому душевное рождение часто сопровождается движениями «Я» против или поперек Общей души.

До душевного рождения центр тяжести жизни, центр сознания «Я» находится на исполняющей воле, тогда как назначающая воля, работающая под опекой Общей души, вполне не признается собою. «Я» для язычника — это «Я—моя воля», мое хотение, а не то, что обуздывает его, не «моя душа», которая, собственно, не моя даже, не принадлежит мне, ибо подчинена интердушевной инстанции более, чем мне. При душевном рождении человек впервые сознает *свою* душу; назначающая воля его души теперь стремится перейти под «свою» власть, власть духовного сознания, «своей истины», и тем самым признает требования назначающей воли своими.

Акт душевного рождения и состоит в том, что центр сознания «Я», бывший до того на исполняющей воле, вдруг перемещается в душу, на волю назначающую. Такое глубочайшее внутреннее потрясение, такая величайшая переориентация центра своей жизни подобна прозрению слепого, никогда не видевшего свет. Прозрение слепого — своего рода второе рождение его. Именно в этом смысле мы и говорим о душевном рождении на Пути жизни человека.

Не нужно думать, что душевно рожденный юноша, как Алеша Карамазов у Достоевского, горит духовным огнем. После рождения души человек не горит, а как бы вспыхивает духовно. Духовная воля может работать в нем только порывами, выхлопами, с большими или меньшими проме-

жутками. Об управлении души духовным сознанием пока что не может быть и речи. Пресс духовного сознания на душу приводится в действие потом, но начинается он теперь, в пору взвода духовной жизни души.

Душевное рождение совершается в годы буйства плоти и выхлопов духа. На незащищенную душу в это динамическое время, как метеоры из космоса, падают и падают удары то от плоти, то от духа, покрывая ее взрывами и оставляя на ней глубокие воронки. Со стороны это-то и производит впечатление кипения души юноши. Изнутри тот же процесс представляется иначе.

Первая мощная вспышка духовного Я в акте душевного рождения разом перемещает центр тяжести жизни из одного, внешнего, конца канала путевого воскрешения в другой, внутренний. Но как только вспышка гаснет, так центр тяжести под молотом плоти перемещается обратно, через весь канал, в исполняющую волю. В первой половине периода идеалов центр сознания «Я» постоянно, как челнок ткача, носится в канале путевого воскрешения, что и составляет существенную особенность этого лихорадочного отрезка Пути. Каждый рывок этого челнока «вглубь» совершает свою работу взвода пружины духовной жизни души. Так что духовный взвод души по большей части совершается в канале путевого воскрешения.

В этот же момент жизни душа у большинства впервые начинает *работать* и сторгически. Раскрываются сторгические каналы, которые до того находились в зачаточном состоянии, и возбуждается сторгическая воля, которой прежде в душе вообще не было. Существование сторгической воли прямо или косвенно зависит от волн духовного действия, так что душевнонерожденные люди сродняются, притираются душою к другим, но не ведают неразрывности сторгической связи, не в состоянии создавать ее и, в лучшем случае, участвуют в ней пассивно. Возбуждение же сторгической воли происходит не от духовной воли. Красота — вот то, что возбуждает сторгическую волю, работа которой в немалой степени зависит от активности духовного сознания в душе. Способность переживания Красоты — обязательная черта душевно рожденного человека.

В отличие от воли духовного действия сторгически воля горит в юноше почти непрерывно, но сторгические каналы его еще не сформированы окончательно либо узки, либо девственно закрыты. В первые годы периода идеалов каждый из нас — сторгический девственник, которому, несмотря на все желания, крайне трудно вступить в прочную душевную связь. Это не удастся даже тогда, когда тот или иной сторгический канал раскрывается полностью, так как сторгическая связь требует одновременно направленной друг на друга сторгической воли двух, что в эти годы бывает редко. Важно, однако, что полноценная сторгическая связь в эту пору уже возможна. Например, с родителями. Я думаю, что это даже единственный момент, в котором можно создать существенное душевное единение со своим сыном или дочерью. Только в этот момент; не раньше и вряд ли позже.

Перечислим те новые свойства души, которые юноша обретает (в общем случае) при душевном рождении:

- душевная способность переживания Идеала и идеалотворчество;
- душевная потребность в Вере (в отличие от потребности верить, доверять авторитетам);
- душевная потребность в Истине;
- душевная потребность в Правде, как душевной чистоте (душевный запрет на ложь);
- способность взгляда на себя изнутри, с высшей точки

духовного Я;

- мечта возвышенной Любви; раскрытие сторгических каналов души;
- очарованность Красотою и прекрасным;
- общая устремленность Я в будущее;
- сознание душевной отделенности (сверх отделенности плотской);
- душевная оголенность, ранимость, незащищенность;
- потребность в духовном самоутверждении и внутренней самостоятельности;
- стремление «делать самого себя», познавать и знать, учиться и становиться.

Во времена взвода духовной жизни душа человека вынуждена принимать на себя удары и от плоти, и от духа, и от бессилия сторгической воли. Редкая душа может долго выдержать такое избиеие. Да и прилив в душе, изнутри обеспечивающий самопроизвольное раскрытие духовного ее входа, вскоре завершается, достигая апогея к первому пику чистоты — 16 (13) лет. Затем начинается отлив.

Вместе с этим (хотя, может быть, и не одновременно) все более редкими и слабыми становятся вспышки воли духовного действия, и мотор души «глохнет». Вся душевная работа происходит, как и прежде, в канале путевого воскрешения, между назначающей и исполняющей волей, но челнок ткет слабее, и не с тем размахом, не во всю длину канала. Конечно, душу все еще лихорадит, и центр тяжести жизни продолжает блуждать, но амплитуда его уже ограничена и прижата ближе к одному или другому концу наружного канала души. К моменту первой развилки жизни, то есть к восемнадцати годам, центр тяжести жизни имеет обычно прочную тенденцию установления либо в назначающей воле души, либо в исполняющей воле. Эта-то тенденция, как видится, и определяет дальнейшую путевую судьбу молодого человека.

3.

Кривую Пути жизни человека соблазнительно представить во взаимоотношении духовного Я и Общей души. В нашей модели души это взаимоотношение определяется состоянием входов души — каналов истинности и Общей души — и действующих через них волей. Канал Общей души раскрывается в самом раннем детстве, формируется задолго до душевного рождения и за редчайшими исключениями не закрывается сам ни у кого и никогда. Свидетельство тому — соблазн тщеславия, прельщение которого не покидает душу. Сколь ни поступай супротив велений его, изжить его в себе полностью, перекрыть клапан канала Общей души можно лишь на свободном пути жизни. До этого времени удается только приглушить идущий через него управляющий сигнал, сбить проникающую в душу струю Общей души другою струею — противодействием того, что руководит душою от *собственного* духовного сознания. Конечно, данные духовного сознания могут поступать в душу и от Общей души, так что с точки зрения учения Пути важна не столько наполненность души непосредственно из своего духовного сознания, сколько духовная самостоятельность и рабочая автономность человека — свобода его души.

В периоде идеалов молодой человек обретает определенную степень духовной самостоятельности. Действовавшая до того система «Общая душа — плоть» разрушается, ничем не

заменяясь, если это результат самовольства, или заменяясь новой раскачивающейся системой «дух—плоть», если разрушение прежней системы вызвано возрастанием свободы души. Душевное рождение — тот редчайший момент в жизни, когда Общая душа напрямую сталкивается с личностным духовным сознанием, принимается или отвергается им. На естественном пути жизни Общая душа, изменяя свой статус в душе человека, обычно совмещается с ростом духовного сознания в последней. Общая душа и духовный рост вместе определяют степень свободы души человека на том или другом отрезке Пути.

Воля Общей души и духовная воля собственной души с двух разных входов действуют на назначающую волю и противостоят друг другу не напрямую, а именно в назначающей воле. Но в восходящем, идущем на Пути восхождения человеку вплоть до его духовного рождения они почти никогда не ослабевают, не забывают друг друга. Человек сходит с Пути восхождения, если Общей душе удастся *окончательно* сломить его собственную духовную волю, чему более всего способствует закармированность духовного входа.

«Чтобы быть сильным, надо быть как вода, — вслед за Лао-Цзы учил Толстой. — Нет препятствий — она течет; плотина — она остановится; прорвется плотина — она снова потечет; в четырехугольном сосуде она четырехугольна; в круглом она кругла».

«Быть как вода» — принцип духовного пути жизни, соответствующий работе, выполняемой в душе духовным сознанием. Духовное сознание — «как вода». Воды духовного сознания никогда ничего не рвут, не ломают, не прорывают, не уничтожают, они покрывают собою, затопляют или смягчают в себе, размывают или уносят на себе, смывают. Когда «всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. 6,12), Бог карал людей не извержением, огнем или жаром, а ниспослал потоп — образ чисто «духовной расправы», расправы духа над плотью. Толчки плоти дают повод духу затоплять душу волнами. Но в отношении Общей души духовное сознание производит другую работу.

Волю Общей души в нас мы переживаем как духовную волю, действующую от родительских основ самой жизни. Общая душа, как и «отец», сознается нами в четвертом лице, и воздействие ее основано на определенном, прочно достигнутом в обществе уровне духовного сознания. Общая душа духовна в корне своем и производит на душу духовное действие. Вся разница состоит в том, что воды духовного сознания отдельной души жидки, мягки, подвижны, «уступчивы», тогда как духовность Общей души тверда, сурова, малоподвижна, жестка и неуступчива. Это — охлажденная и отвердевшая духовность. Схождение с Пути жизни — духовное оледенение души, попавшей под власть только одной воли Общей души. Силу ледяной духовности люди разных веков ощущали на себе «духовной властью», морозящей поток роста духовного сознания от духовного Я.

Первая половина периода идеалов несколько отличается от этой картины. Я бы сказал, что в момент душевного рождения из духовного входа души вырывается вод мощным давлением горячий ветер духовности, который жаром своим топит лед Общей души. Сила внутреннего горения юноши направлена не на Общую душу как таковую, а на агрегатное состояние этого рода духовности. Что нужно и его душе и Общей душе. Тем более, что именно Общая душа поставляет юноше горючий материал, из которого складывается костер душевного рождения. Без холодных дров, предварительно закладываемых Общей душою в нашу душу, нет и душевного

рождения.

В годы взвода духовной жизни молодой человек ничего нового, духовно высшего в своей душе не создает и создать не может. Он топит уже данный ему лед Общей души в себе и растопленным затопляет свою душу. Порывы горячего ветра духовности поднимают волны растопленной воды и гонят их к выходам души, перекрывая отчасти и канал Общей души. Ситуация весьма резко изменится, как только начнется отлив и силы установления Пути просигналят отбой взвода духовной жизни в душе.

Душа жива, то есть сохраняет способность к работе, пока она не «тяжелый» недвижимый лед — когда она «течет». В живой душе текут «легкие» воды духовного Я, и эта «живая вода» — лучший определитель путевого состояния души. Во всяком случае, столь необходимая для восхождения на Пути свобода души прямо пропорциональна жидкому состоянию духа в ней, наличию и количеству в ней «живой воды». Эта вода не исчезает в нас на Пути, она в нас *застывает*. Неподвижный, «мертвый» человек — это человек душевно замороженный. При общении с такими духовно отяжелевшими, часто все готовыми поддавить под себя, самодовольно самоуверенными людьми непроизвольно испытываешь какой-то озноб, словно страшишься чего-то и ищешь убежать, скрыться от них. С поверхности их души на тебя дуют такие властные ледяные ветры, что ты съеживаешься, охраняя тепло в себе, тушуешься или, наоборот, зло дуешь им навстречу. Сойти с Пути и остудиться, превратить в лед воды духа в себе — одно и то же.

В душе, как в Природе, лед образуется, когда замерзает живая вода, которая, значит, до того должна быть в душе. Откуда? Общую душу столь же трудно назвать источником живой воды, сколь и все морозящим резервуаром льда. Из нее на нас выпадает и животворный дождь, и побивающий град, и мягкий снег, но сама она не вода и не лед, а небесный туман, облако сгустившихся паров, которое может стать источником и воды и града. Общая душа ходит над нами подобно туче на небе. В этом образе *тучи Общей души* есть смысл. Так же, как мы не знаем и не можем решить, из чего — что: вода ли на земле из облака или облако из земной воды — так же ровно нельзя знать. Общая душа ли из множества отдельных душ или своя душа из Общей души. Тут круговорот, где концов не найти, где нет и начала.

Облако состоит из испарений вод земных. Общая душа — лучше не скажешь — есть результат *испарения* множества душ — непрерывного, незримого и таинственного процесса выноса единичных зарядов с поверхности душ в совокупность междудушевного поля. Не изначально, а повседневно Общая душа образуется (пополняется) отдельными душами в невидимом процессе самопроизвольного испарения их. Для такого процесса в душе нашей нет никакого «канала», никаких пор, не нужно и никакой воли: испарение души в Общую душу исходно свойственно человеческому существу, его принципиально не может не быть. Испарение в Общую душу для нашей души не труд — не есть работа, которая обеспечивает прохождение Пути. Возможно, что душевное испарение и душевная работа реально взаимозависимы, но это уже иной разговор. Нам тут нужно только различить эти два явления.

Общая душа, как всякая душа, живет самобытно, автономно, но существует как целое только благодаря отдельным душам. Внутри себя Общая душа «замыкается» через отдельные души, куда она вносит самое себя. Пары, капли, льдинки живой воды, попадающие в душу через каналы

Общей души, либо подогреваются или растопляются в отдельной душе, либо в ней замораживаются. До личного рождения человеку неоткуда получить материал живой воды, как только из тучи Общей души. Одухотворение человека на попрание вхождения, освобождение его души и наполнение живой водою большей частью происходит путем усиления плавления на огне духовного осознания того, что в «холодном виде» поступает в душу через канал Общей души.

Во втором периоде Пути жизни душа до отказа набивается не льдинами, конечно, а мягким снегом, тем или иным образом попавшим в нее из тучи Общей души. Во время и после душевного рождения снег этот вытапливается, местами даже закипает, чтобы затем, при дальнейшем путевом «похолодании», застыть вновь. Взвод духовной жизни в душе — это нечто вроде накопления душевной энергии, которая потом хотя бы не позволит превратить текущие в душе духовные воды в лед, обеспечит возможность работы души. Душа душевно нерожденного человека уже в третьем—четвертом семилетии жизни представляет собою ту же тучу Общей души, только всприснутую внутрь, спрессованную и замороженную, как бы в охлаждении и конденсации сохраняемую. Эта плотная, твердая, инертная, охлажденная масса отдельных несвободных душ и составляет фундамент всякого общества, независимо от того, имеют ли эти несвободные души право голоса и могут или нет они по собственному выбору реализовать его. В каждом из этих людей действует только один, «холодный вход» души, через который Общая душа управляет назначающей волей.

При душевном рождении в человеке начинается извержение вулкана горячего, духовного входа его души. Это именно глубинный прорыв духа, извержение, а не планомерная работа, извержение, которое плавит и кору почвенных напластований кармы, и снега Общей души. Но и Общая душа способна изливаться дождем, угощая душу струйками живой воды; и всё же основной источник образования таких вод — горячий воздух собственного духа.

Как и всякий вулкан, вулкан духовного входа после душевного рождения действует выхлопами; частота, сила извержения его сначала увеличивается, достигает максимума, а затем ослабляется, уменьшается, глохнет. И чем больше глохнет, тем более власти в нём забирает Общая душа. Процесс этот, особенно если его культивировать, может завершиться полным и окончательным затвердением души, оледеняющим и Общую душу. Мертвая сила в обществе создается не душевнонерожденными людьми, а этими, прошедшие душевное рождение, но опять замороженными душами.

5.

Нравственный и путевой прогресс человеческих обществ в полной мере зависит от роста духовного сознания людей, из которых они состоят. Но это, как уже говорилось, не значит, что для перехода общества на более высокую ступень нравственного самосознания необходим соответствующий рост духовного сознания всех членов общества или хотя бы большинства людей. По жизнеучению роста нужен бросок духовного роста небольшого числа людей, чтобы все остальные, большинство, «толпа» приняли достигнутый уровень нравственности по доверию. Важно, чтобы число «гребцов» достигло некоторой критической цифры, так чтобы они в итоге могли преодолеть инерцию движения «балласта» (2.2.13).

Духовные перемены в обществе в каждый момент менее

всего зависят от отроков — их влияние на общественное сознание (как бы влияние это ни оценивать) есть величина, как правило, постоянная. Уровень духовности, духовный фон общества определен более или менее зрелыми людьми, путевая судьба каждого из которых уже решалась в первой развилке жизни. Из ста человек, прошедших душевное рождение, положим, семьдесят дошли на Пути до первой развилки в 18 (15) лет. Предположим, что в этом возрасте решение схождения с Пути вынесено в пятидесяти из семидесяти случаев. Из оставшихся двадцати только двум предопределено личностное рождение по благодатной мощи духовного роста в них. Для остальных восемнадцати решение зависит и от кармы, и от Общей души, и от активности предшествующего взвода духовной жизни, и от той высшей точки работы души на духовной позиции, которая достигается ею в момент первого пика чистоты, и от остаточной раскрытости духовного входа. Факторов этих так много, и так сложно решение, что оно не может быть всегда ясно, безусловно и однозначно. Какая-то часть из душевно рожденных людей могут стать или «гребцами», или хотя бы теми, кто создает тот критический процент в обществе, при достижении которого происходит самопроизвольная переориентация общественного мнения и скачок духовного сознания в обществе.

Судьба общества, народа, человечества находится не в руках власть имущих, а в руках тех немногих, чья путевая судьба жестко не устанавливается в первой развилке жизни, кому тем самым оставляется достаточно полная свобода выбора дорог жизни. Многое вокруг нас изменилось бы, если бы эти восемнадцать из ста, которым *разрешен* Путь, исполнили бы свое предназначение. Дальнейшее духовное развитие общества, человечества, всех нас зависит от их числа и удачного прохождения **ими** Пути. Без большого преувеличения можно сказать, что одни люди старятся, умирают, уходят из этого мира, а другие рождаются, вновь прибывают в этот мир не в последнюю очередь для того, чтобы дать этим восемнадцати возможность оставаться на Пути, совершить Путь или пополнить собой число тех, что, по мысли Толстого, достигнув критической цифры, пробивают узкую дорогу к Царству Божьему.

Для подавляющего большинства людей после первой развилки жизни наступает «смутное время», когда они в беспутье бредут по жизни, повинувшись тем или другим завихрениям общего течения, и ничего уже (почти) изменить не в силах. Это явление массовое. Но тема этой нашей работы — «На Пути», единый *Путь восхождения*, а не многочисленные пути нисхождения. И потому мы теперь будем следить лишь за теми немногими, чей Путь разрешен в первой развилке Пути. Свобода выбора Пути дается и этим людям не навек: ее, хотя бы отчасти, нужно реализовать сразу же, еще в периоде идеалов, в оставшиеся до конца третьего периода жизни годы. Сделать это в четвертом периоде всегда значительно труднее. Так что передышка Пути во второй половине периода идеалов, в 18—21 год, имеет существенное значение для общего путевого восхождения.

Если бы в двух словах потребовалось определить состояние души тех немногих молодых людей, которым хотя и не предрешен, но разрешен Путь, то это требование по сути могло быть выполнено в формуле: чистота и холод. Холод, охлажденность духовного сознания и чистота души, как высшая ее потребность, двигающая или заметно корректирующая жизнь во всех ее проявлениях. О резком замедлении ускорения роста духовного сознания в эту пору мы

прежде говорили немало. Это явление путевое, на которое жаловаться или которое опротестовать нельзя. Если человек и в этой духовной впадине остается на Пути, то таков, за редкими исключениями, результат работы, производимой потребностью души в чистоте. Для кого-то из оставшихся восемнадцати душевная потребность чистоты сохранилась с детства, по многим житейским проявлениям они и есть еще дети. Их инфантильность, деловая неумелость, доверчивость, иллюзии, непробиваемая наивность в сочетании с бравадой и самоуверенностью молодости часто удручает их близких. Но именно они, эти инфантильные и чистые молодые люди, — золотой запас человечества¹.

Говорят, что в гении непременно жив ребенок. Тут нечему поражаться. В душе каждого, идущего на Пути восхождения человека, обязательно должно остаться нечто от трех лет. От житейской зрелости девятнадцатилетнего юноши смердит — выходит его поведение за установленные морально рамки или нет. В приземленной к быту пятнадцатилетней девушке, даже если она совсем невинна, уже хозяйничает хитрая баба. Конечно, к концу третьего периода жизни людям не нужно и губительно оставаться детьми, но нужно и спасительно быть как дети. Без остатков детской чистоты не может быть хождения на Пути. Во всяком случае в первый половине жизни.

Чем дольше человек остается способен дышать живой, живой духовной чистотой воздуха детства, тем больше у него шансов не сойти с Пути. Но людей, сохраняющих такую чистоту и свежесть до половины чистилища жизни, практически нет. Толстой в старости написал драму о духовной чистоте — «Живой труп». В ней есть подлинно чистые душою люди: юная сестра жены Протасова Саша, цыганка Маша, да сам Федор Протасов, которому в первых сценах драмы Толстого лет тридцать. Но он, понятно, избранник Божий; остальные лица: Виктор Каренин и его мать, князь Абрезков и даже Лиза Протасова — для Толстого псевдочисты. Правда, все они давно или недавно вышли из чистилища жизни, сумели все-таки сохранить весьма точное подобие утраченной чистоты духа. Так ли это мало?

Князю Сергею Дмитриевичу Абрезкову за пятьдесят, он не богат духовно, но аристократическая чистота его души и его строгая порядочность не может не вызвать уважения. Несомненно, что и он, и его друг Анна Дмитриевна, и Виктор Каренин без своей «псевдочистоты» были бы нравственно значительно хуже и ниже. Рассказывая Петушкову о чистоте самоотверженной любви Маши («отдает все, а сама ничего не требует»), Федя Протасов особо подчеркивает, что такие чувства проявились у цыганки, а не «у девушки нашего круга», для которой они естественны. Цыганка существо вольное (а не общественно свободное); она

¹ Этот момент так важен, что мы позволим себе небольшую вставную новеллу — см. Приложение II.

— чистое дитя, а не чиста, как дитя. «Девушка нашего круга» — существо второй стадии жизни, ее чистота обеспечивается душевным рождением и сохраняется не столько ее детскостью, сколько *культурой* того круга, в котором она выросла. Без культуры ни о какой духовной сохранности в большинстве случаев не может быть и речи.

Из тех восемнадцати, которым разрешен Путь, пять человек, скажем, еще сохранили изначальную чистоту души в

той мере, в которой это необходимо, чтобы переступить порог чистилища жизни, не сойдя с Пути. Ну, а оставшиеся тринадцать, от которых, собственно, и зависит будущий уровень духовного самосознания общества? В чем их путевое спасение? В духовном росте? Но он в эту смутную пору слаб — идет духовный отлив, в стратегия отступления которого рост духовного сознания не может играть решающей роли. Путевым расписанием в это духовно холодное время предусмотрено не столько усиление, сколько упорядочение — не рост, а чистота. Такая «молочная» чистота духа в 13—15-летних девушках не редкость. Дальнейшая судьба их различна, но чаще всего эти девушки (особенно «нашего круга») как-то плавно, без разрыва переходят в конце третьего — начале четвертого периода жизни в режим мнимой душевности. Значит, между этими двумя состояниями — изначальной чистоты духа и мнимой души — есть сродство.

В конце периода идеалов подавляющее большинство людей либо дрейфуют по воле ветров «смутного времени», либо ныряют во вращающуюся воронку мнимой душевности. Может быть, участок этот на Пути жизни — результат беспутия. Однако любой отрезок мнимой души, вообще говоря, неплохо вписывается в кривую Пути в том месте, где в ней отлив. И лучше всего, пожалуй, в последние предстартовые годы третьего периода жизни, в которые так нужно не растерять, вконец не растратить накопленные запасы духовной энергии. Лучше всего было бы тут встать на заряд, заснуть младенческим сном, да плоть не дает...

Внутренняя чистота у юношей в 16 и 19—20 лет — явления совершенно различные. Первый пик чистоты, 16 лет, — это одна из высших точек работы души на духовной позиции. Столь же неистово чисты бывают юноши и в 19 лет, но это обычно результат не высокой духовности, а работы души на позиции мнимой душевности. Мнимая душа держится в человеке по большей части на этой своей функции подмены чистоты духа.

В нашем веке немало слов потрачено, чтобы доказать, что научная деятельность воспитывает нравственного человека. В прошлом веке много говорилось о связи этики и искусства, зависимости душевного совершенствования людей от эстетического воспитания. Еще раньше считалось аксиомой, — что «вера», культ, ритуалы значительно расширяют область бытовой и душевной жизни, находящиеся под нравственным контролем. Конечно, само по себе положение, по которому наука, искусство, культура, ритуал и прочие проявления мнимой души духовно очищают человека, упорядочивают его душевную жизнь, трудно доказуемо и *в общем случае* вряд ли справедливо. Для человека свободного пути выражения мнимой души не нужны, если не вредны. Для духовного человека на его пути освобождения работа души в позиции мнимой душевности есть одно из прельщений, допустимое, отчасти допустимое или недопустимое. Для человека естественного пути жизни мнимая душа, во всяком случае до точки главного перевала жизни, в той или иной дозе необходима, но может быть, конечно, и вредна. В душевном же человеке она наверняка производит путевую работу.

Пушкин писал, что толпа, чернь любит заглядывать в кровать поэта (имелся в виду Байрон), ликуя, что и он грязен, как они. Врете! — быть может защищаясь, восклицал Пушкин. — *Не так*, как вы, иначе. На определенных этапах Пути жизни это, несомненно, справедливо. Даже самый «грязный», закармированный, но действительно культурный человек по одному своему приобщению к ценностям культуры чувствует

себя существом духовно чистым, способным воспринимать лучи Божественного. Так это или не так, но сам по себе эффект очищения мнимой душой — действительность. Видимо, прибавление к плотской позиции работы души позиции мнимой души производит некоторое очищение самого воздействия чувственности плоти на душу. Мнимая душевность способна образовать *фильтр* души при ее работе на плоть и тем самым совершать нечто подобное работе духовного очищения. Этот фильтр мнимой души, подчеркну особо, не отменяет создаваемую на будущее карму, но на данном этапе удерживает на Пути. Поэтому «поэт» в зрелые годы так часто бывает совершенно закармированным существом, вовсе не способным к духовной работе.

На мнимой душе лежит призрак «Божеской чистоты», без которого она лишена силы. Для жреца искусства или науки, как и для культового служителя в храме, важнее всего не Красота и не духовная или научная истина, а самоощущение собственной духовной чистоты, обеспечиваемой его служением. Искусство для эстета, наука для ученого, обряд для священника, мысль для философа суть неисчерпаемый источник и высшее начало мнимодуховной чистоты. Мнимодуховно, например, понятие изящного, где сочетаются понятия чистоты и красоты, которые представляются одинаково ценными как для человека искусства, так и для человека науки¹.

Душевное самоощущение духовной чистоты двигает наукой даже в большей мере, чем искусством, для деятелей которого важнее всего известность, слава, их положение в Общей душе. Пафос чистоты и беспорочности, властвующий в строгости экспериментов, рассуждений и доказательств науки, ценен сам по себе, а не по своим практическим результатам. Наука в своем подходе и методах обнаружения истины часто прикрывается прагматическими соображениями. Ее стремление к мнимодуховной «научной чистоте» по меньшей мере нерентабельно, а то и обременительно в прагматических целях. Наука наполовину крутится ради сохранения на высоком уровне этой чистоты, необходимой не столько заказчикам науки, сколько самой науке — душам ее служителей. Эта же чистота является критерием, по которому «истинный» ученый различает и отделяет себя от чиновничества научников. По этому же критерию чит и отделяет себя и человек искусства, и правоверный любого из вероисповеданий. Одушевленность чистых ученых, как мне видится, весьма близка одушевленности тех монахов, которые, не впуская себя в чистилище жизни, стремились сохранить души в чистоте. Я даже думаю, что нынешние ученые, как ни парадоксально, составляют главный резерв традиционных вероисповеданий, пора которых вновь приближается².

6.

В математике есть комплексные числа, состоящие из действительной и мнимой частей. Каждый из нас такое же комплексное число, с той разницей, что действительная часть души нашей может вдруг оказаться мнимой, а мнимая — неожиданно стать действительной. Во всех наших чувствах, наших действиях и побуждениях, в самой свободе души и ее воле есть доля мнимости, установить точные границы которой нельзя.

Мнимая душа всегда интимно связана с Общей душой.

Она может быть выделена из Общей души или привита, прижита ей. Вместе с тем она же и средство самовыявления, и средство самовыражения для Общей души; одна из функций мнимой души состоит именно в том, что ею Общая душа в цвете раскрывает себя каждой душе и общается с другой Общей душой. Мнимая душа очень часто есть единственное средство коммуникации между людьми, народами, обществами и является своего рода памятью Общей души, ее прожитых состояний. Надежна или ненадежна такая память, но другой нет. К сожалению, мнимая душа легко поддается обработке или сама переиначивает прошлое, тем самым подменяя действительную память мнимой. А беспамятная, не знающая своего прожитого Общая душа много не проживет.

Общая душа духоподобна, так как зиждется на сознании нераздельности невольной попутных людей, душевная жизнь которых оказывается взаимозависимой. Она духоподобна и в том отношении, что действует на душу через вход, через который не может быть обратного воздействия на нее. Для подавляющего большинства людей какое-либо их воздействие на Общую душу исключено. Общая душа работает в большой степени автономно-слепо (в каждый момент) и направленно (в перспективе времен). У нее свои пути. История показывает, что не так уж трудно активизировать те или иные скрытые (и обычно темные) стремления Общей души, которые есть в ней, но воспитать ее, привить ей нечто новое чрезвычайно трудно. И мнимая душа тут единственная, хотя и, на первый взгляд, слабая возможность активного влияния на Общую душу, данная отдельному человеку. Возможность эта творческая, и дается она не каждому. Для нее, по крайней мере, необходима некоторая степень свободы души.

Свобода душевной воли есть только у людей, прошедших душевное рождение. Душа каждого человека, пусть в самой разной степени, может работать на позиции мнимой душевности, но активно формировать ее и, значит, иметь воздействие на Общую душу может только душевно рожденный человек. Конечно, не всякий душевный человек реально может это (тут нужны еще особые способности), но тот, кто может, не может не быть душевно рожденным. Культура наша творится и изначально создавалась только людьми, прошедшими второе рождение. Так это было и есть во все времена, с тех пор как человек осознал себя. Нет в обществе или племени душевно рожденных людей — нет и мнимой души, нет и культуры; как нет ее у животных.

Если не иметь в виду тех многих случаев, когда самовращение мнимой души устанавливается в Общей душе в качестве псевдодуховностей ее, то можно заметить, что мнимая душа, в отличие от Общей души, воспринимается людьми не как духовность, а как душевность. Облако мнимой души хотя и ходит на небесах, как и тучи Общей души, но его при желании можно достать и даже уцепиться за него. Общую душу человек склонен переживать как высший небесный источник своей души, мнимую же душу — как небесное ее проявление, ее продолжение. Общая душа для меня — дух, мнимая душа — какая-то родственная душевность, которая имеет корни во мне и которая меня же душевно чистит или кормит.

Через мнимую душу каждая душа может заявить о себе, узнать себя, что-то о себе или о другой душе. Это само уже значит многое. Во-первых, из этого следует, что мнимая душа образуется, расширяется, фильтрует, взаимодействует, общается с душой *по торгическому выходу* души, отличающемуся от других торгических выходов тем, что действующая через него «от души» воля не имеет прямого

адреса, выброшена, как бутылка в море, направлена к каждому, кто найдет и захочет взять. Чаще всего такая безадресность явно или скрыто адресована Общей душе, возможность воздействия на которую и вдохновляет эту сторгическую волю.

Если душа наша в мнимой душе может явить самое себя, свою душевную работу, то это значит, что мнимая душа, сама не производя работы, есть прямое или побочное следствие действительно совершенной внутренней работы душевно рожденного человека. Но, как мы уже говорили, внутренняя работа после второго рождения совершается в основном на материале Общей души. И потому выходит, что снег Общей души в процессе работы отдельной души не только вытапливается в «живую воду», но и отчасти выделяется в мнимую душу, которая сама затем сживается с Общей душой, ею трансформируется, но и ее превращает. Так образуется нечто вроде замкнутого единого круга. Этот круг может через Общую душу замыкаться на другие души, которые тем самым получают в качестве духовностей Общей души плоды работы некоторой единичной души. Сама возможность внедрения себя в другие души есть один из самых важных побудительных мотивов творчества.

Мнимая душа является последствием душевной работы и создается своего рода сторгической волей через особые сторгические каналы. Эту действующую через мнимую душу волю души нашей мы и называем *творчеством*. Можно сказать: мнимая душа создается актом творчества на основе действительно происходящих процессов в единичной душе и поддерживается повторениями, более или менее искаженными копиями этого творческого акта в других душах, которые тем самым создают эхо и эхо на эхо первичной волны воли творчества. Но так или иначе облака мнимой души образуются с поверхности индивидуальной душевной жизни. Это могут быть горячие пары «живой воды», или ледяная пыль застывшей души, или столбом поднимающийся дым разгорающегося (или же, наоборот, гаснувшего) огня, или искры и брызги от молота плоти — все вопиет о себе и особой творческой волей выносится в междушевенную область, где перемешивается и в таком виде подается людям.

Предполагается, что люди, во вред ли себе или на здоровье, могут сколь им угодно и как им угодно *добровольно* черпать из этого облака. Однако большинство получает такое питание не столько от мнимой души, сколько от Общей души, то есть незримо насильно. Этот-то соблазн насильственности анонимного внедрения себя в других посредством духовности Общей души может заполнить всю жизнь человека или стать главным соблазном в какой-то точке его Пути.

Люди нашего времени привыкли думать, что одно дело сложить стих или доказать мысль и совсем другое — проникнуться стихом и воспринять доказанное. Первое почитается творчеством, второе им не считается. Однако и то, и другое для души неразлично. Еще недавно в народе хорошо чувствовали: кто поет песню, тот и творец ее. Творчество создающее равносильно творчеству потребляющему, так как и то и другое основано на действии одной и той же воли души. В одном случае эта воля творчества действует от души, в другом к душе — вся и разница. По душевной сути никакого различия между ними нет. Совершенно законно воспринимать творчество создания мнимой души и творчество потребления мнимой души одним и тем же творческим актом, основанным на одном и том же свойстве души. Недаром красота одинаково усиливает волю творчества как на создание, в художнике, так и на потребление, в эстетическом чувстве человека,

воспринимающего произведение художника. Даже для одной и той же души работа создания и работа потребления в сфере мнимой души взаимозаменяемы. Оттого-то человек весь может, как в омут, уйти в мнимую душу, с огромной скоростью вращаясь от нее к себе все в одном душевном выходе. Душа вся наполняется парами, пылью, дымом мнимой души, сама превращается в газ, пыль, дым, и все более утончаясь, извращаясь, изощряясь в мнимом росте, все более измельчается, облегчается, становится летучей и выносится вовне. В предельном случае твердость душевного центра расплывается и выносится из души в висящую облачность мнимой души. Такое вот распыление и производит столь важный эффект фильтрации и очищения.

Впрочем *мнимая душа сохраняет чистоту, когда чистота в человеке есть, и разводит грязь, когда человек грязен.* Это — сновидения, подменяющие действительную жизнь, возникающие от действительной жизни и соответствующие действительной жизни. Человек погружается в мнимую душу как в сон, который когда освежает, когда расслабляет, но более всего дает необходимую передышку от трудов Пути. Коли есть не одностадийное, а совершающее Путь существо, то есть и мнимая душа, Путь не совершающая, но его и не разрывающая, а сохраняющая. Мнимая душа действительна как очиститель, и поэтому ее нельзя считать явлением непутеводным. Изучение ее может приоткрыть некоторые тайны нашей жизни, ныне неприступные.

Человек потому склонен обоготворять свою созидательную и потребляющую творческую волю, что она чем-то существенно схожа с той, которой так безтрудно добывается энергия жизни. То, что дает жизнь, и то, что вызывает творческую волю души в нашем представлении, как-то сходится, разрешая иллюзорно сопоставлять акты Божьего творения с актами человеческого творчества. Конечно, это фиктивно, но не фиктивно наслаждение, которое душа получает, работая на позиции мнимой души, и которое нами переживается наслаждением духовного подзаряда. Мы говорим, что жизнь на позиции мнимой души чем-то напоминает сон. Во сне душа отключается от исполняющей воли и, более или менее плотно перекрывая другие свои выходы, перестает сама активно работать и становится на подзаряд, таинственным образом восстанавливающий растроченные силы жизни и воли души. Как, каким образом заснувшая душа черпает энергию из сознания, на духовном уровне — неведомо и невидимо. Нечто подобное происходит и при действии воли творчества.

В воле творчества есть, наверное, что-то, что роднит ее с той восстанавливающей жизнь волей, которой душа во сне получает энергию для своей работы наяву. Разумеется, это по большей части мнимый подзаряд (как и мнимый подзаряд путеводных сил), но и мнимость эта, эта мимикрия действительно действующих духовных сил — обстоятельство, на которое исследователь в своем стремлении постижения духа жизни, наверное, мог бы опереться.

7.

Творчество на мнимую душу, действительной душевной работы почти не совершающее, мало схоже (хотя и схоже) со сторгическим трудом на другую душу, вырабатывающим межличностные связи. Сторгическая воля направлена на отделенное существование другой души и имеет в виду привлечение ее; воля творчества направлена на специфическое существование пласта мнимой души в Общей душе и в основном имеет в виду успех именно у Общей души.

Творческая воля отличается от собственно сторгической воли тем, что учитывает направленность Общей души и добивается для себя признания у Общей души. Через мнимую душу каждая душа может явить себя, но сама мнимая душа едва ли сориентирована на душу отдельного человека. Она обслуживает Общую душу или самое себя.

В душе человека нет воли Общей души, которой он мог бы востребовать себе духовности Общей души или которой он их создавал бы. Общая душа образуется самопроизвольным испарением, незримо, тайно и для души беструдно. Точно так же незримо и беструдно совершается и подзаряд души во сне и ее питание по холодному входу Общей души. Чтобы подключиться к Общей душе, от человека не требуется усилий. Другое дело смена или выбор Общей души, или ее внутренняя цензура. Это дело вершится уже с обязательной помощью творческой воли и мнимой души, через которую открыто являют себя не только отдельные, но и Общие души во всех или во многих своих обличьях. Так что творческая воля на позиции мнимой души в известном смысле замещает не существующую в нас волю Общей души. Да и таинственное бесканальное испарение в Общую душу схоже с возгонкой душевной работы на мнимую душу.

Общая душа и моя душа суть две существующие, само-бытно живущие реальности, взаимозависимые, но не обязательно предполагающие одна другую. Мнимая же душа сама по себе не существует. Она существует для меня или для Общей души, и без меня и Общей души ее как таковой нет. Мнимая душа становится реальностью в реально существующих душевных образованиях или, что то же самое, эти душевные образования раскрывают себя в мнимой душе. Мнимая душа есть вторичное, искусственное образование, нечто промежуточное, окончательно в душевность не сработанное (сущностно не доделанное). Она мнима не потому, что ложна, а потому, что ее нет или еще нет. Еще и в этом смысле она подобна сновидению.

Действуя (мы не говорим «работая») на позиции мнимой душевности, душа наша вкушает сладкий сон, сон воспарения, способный действительно очищать душу. Но содержание и характер самих сновидений в преобладающей степени обусловлен не нашей, а Общей душой, которая и дает санкции на внедрение любой формы или содержания в мнимую душу. О мнимой душе вообще трудно говорить отдельно от Общей души или Общих душ, состыкованных в мнимодушевных областях.

Общая душа создается и потребляется всеми, кто принадлежит ей. Обслуживающая данную Общую душу мнимая душа создается одними душевно рожденными людьми и по-своему потребляется каждым, состоящим в некотором отношении с Общей душой. Но в мнимой душе всякого общества или народа можно, наверное, обнаружить разные пласты, созданные людьми, находящимися на различных участках кривой Пути. Эти культурные пласты, конечно, проникают друг в друга, но окончательно, видимо, не смешиваются. Культура шестого периода пробуждения будет, несомненно, иная, нежели культура третьего периода Пути или культура пути освобождения. Так что по стилю одушевленности или личностному облику, или типу одухотворенности культуры можно, теоретически говоря, попытаться определить и духовный уровень Общей души.

Конечно, тут множество искажений и наслоений. Однако даже при всем этом виден огромный разрыв, скажем, пушкинского и толстовского пластов в культуре (мнимодушевности). Да и значение их в русской культуре и

обществе не одно и то же: если пушкинские критерии и требования (например, в искусстве) близки и понятны всякому культурному человеку без объяснений, то толстовские, несмотря на предельную четкость изложения им своей позиции, — мало кому.

Чтобы не угаснуть, мнимая душа постоянно требует себе новой пищи. И первая забота каждой души, обслуживающей мнимую душу, дать ей эту новую пищу. Так возникает чистое служение искусству, науке, культуре. Другого, более важного мотива творчества мнимодушевный человек не знает и знать не хочет. Из тысячи критических работ хорошо в одной найдете попытку осмысления душевного мотива творчества. Мотив творчества художника и авторский замысел произведения обычно не понимают, но не потому, что не способны понять, а потому, что это-то как раз понимать не нужно. Для мнимой души, находящейся в услужении у Общей души, отдельная душа сама по себе не интересна — важна ее функция, которую она исполнила, — миф о душе. Что за люди в действительности были Шекспир, Байрон, Чехов, Пушкин, представляет или обывательский, или политический интерес. Любящий их творчество простой читатель, как правило, не знает их душу (а то и черт характера) — она сама либо стала частью Общей души, либо вся пошла на полировку мнимой души, либо с течением времени отвергнута той и другой, но во всех случаях вне своей функции она мало кому нужна.

Совсем иначе учил смотреть на искусство Толстой. Назначение и деятельность искусства он, как известно, видел в заочном *общении души* автора, передающего плоды труда своей души, и читателя, заражающегося чувством автора и состоянием его духа. Достоинство предмета искусства может определяться по достоинству передаваемых чувств и степени их воплощения (заразительности), но сама принадлежность произведения к искусству определяется Толстым не по качеству содержания и полноценности формы, а по субъективному мотиву к творчеству, по той душевной причине, которая побуждает творить художника. Учение Толстого об искусстве есть прежде всего учение о человеке, работающем на искусство, и об истинном творческом акте его души, о самой творящей душе. Она у Толстого оценивается не с позиций Общей души и не по ее вкладу в мнимую душу, а сама по себе.

Для нынешнего искусства вовсе не нужно, чтобы художник, выражая какое-либо чувство, сам с той же силой испытывал его в своей душе. Был бы талант, и «искренность» приложится. Выразить можно, что не чувствуешь, и противное тому, что чувствуешь, не говоря уже о преувеличении силы действительных чувств, на чем и держится почти вся мировая лирическая и гражданская поэзия. В искусстве Общей души художник никогда не творит для себя, только по внутренней потребности выразить пережитое, душою открытое; он может быть искренен или не искренен — это его дело. Для сторгического же искусства искренность есть, по утверждению Льва Николаевича, самое важное условие. Она предполагает и «ясность», и «особенность», которые вкуче служат не красоте, не эстетическому чувству, не художественному творчеству, не мнимой душе, а возникновению сторгической связи душ.

В творческом отношении эти три качества души автора эстетически безразличны. С точки зрения общественного искусства они определяют человека, а не продукт его художественного творчества. Но такое творчество и не ставит тех целей, которые ставил перед искусством Толстой. «Искусство есть орган жизни человечества, переводящий разумное сознание людей в чувство», — писал Толстой. Разумное (то есть духовное) сознание одного человека может быть

непосредственно передано и воспринято душой другого человека, если между ними образуется прямая душевная связь. Такое не часто случается и при тесном общении двух людей. Человек, хорошо это или плохо, существо душевно трудно пробиваемое. Тем более заочно. Но именно такую *задачу заочного единения душ* и ставит Толстой перед Искусством, проникающую силу которого обеспечивает не красота, а пробойные свойства души автора, прежде всего ее искренность.

С помощью сторгического искусства Толстой рассчитывает совершить чудо внеобщедушевного и заочного душевного единения, реально войти в которое не всегда удастся даже мужу и жене. Мнимая душа тут поставляет только технические средства передачи, совершаемой, собственно, помимо мнимой души и ее каналов — накоротко, напрямую. Конечно, такое возможно только тогда, когда одна душа жаждет и ищет духовной помощи, а другая может оказать ее и обладает всеми душевными качествами сторгического творчества.

8.

Если из двадцати человек, которым на первой развилке жизни разрешен Путь, только семь по своим духовным качествам роста или чистоты могут сами двигаться дальше по кривой восхождения, то оставшимся тринадцати необходима активная помощь. Помощь эта может поступить из духовного сознания другой души посредством сторгического искусства. Но людей, способных на оказание ее, чрезвычайно мало, хотя наверняка могло бы быть больше. Еще меньше, почти нет, людей, способных, как Толстой, передать в другую душу через искусство или мысль и свой запас чистоты, и свою энергию духовного роста. Впрочем, одного такого человека хватает на многие тысячи. Однако его влияние ограничено сродственностью стиля одушевленности, языком (такие писания в полную силу, видимо, не переводимы) и неодинаковыми потребностями душ, находящихся в разных стадиях Пути.

Для путевой судьбы людей конца третьего — начала четвертого периода жизни важнее всего чистота духа. Толстой мог удовлетворять эту потребность, и среди его окружения последних десятилетий жизни преобладали исключительно чистые люди, молодые и не молодые. Утрата чистоты души была основной причиной «отхода» от Толстого. В основном это происходило с «толстовцами» на пятом семилетии жизни. Проповедника духовного роста окружал при жизни пафос чистоты души. Да и до сих пор объем заряда духовной чистоты, им создаваемый, несоизмерим с ростом духовного сознания, получаемым от него. Толстой для всех более учитель нравственности, чем духовный побудитель. Но и в этом качестве он не в состоянии был удовлетворить большинство жаждущих помощи молодых людей.

В четвертом периоде жизни почти каждый человек есть человек Общей души. Четвертый период жизни, который мы ранее называли и периодом чужой жизни, и чистилищем Пути жизни, мы на Пути восхождения можем назвать еще периодом Общей души. Тут, наверное, горнило Общей души и, значит, Истории. Мы уже упоминали об этом раньше (3.1.5).

В периоде идеалов молодой человек, несмотря ни на что, все-таки обретает некоторую степень душевной самостоятельности от Общей души. Ситуация начинает меняться, как только кармические силы прекращают взвод на Путь. Сошедшие в этой точке Пути люди полностью попадают под власть Общей души. «Остатку» же (воспользуемся этим

библейским термином) еще предстоит бороться за Путь.

У людей, предназначенных для прохождения Пути, есть одно исключительное свойство. Сторгические каналы их души очень рано — бывает, и до душевного рождения — раскрываются «к душе», на прием. Обычно они восприимчивы и в других отношениях (умственно, эстетически, лингвистически), но это условие попутное, необязательное. Куда более существенно то, что их односторонняя сторгическая открытость поначалу весьма пассивна: голову и сердце отрока легко забить чем угодно, но собственной сторгической воли на всасывание у него еще нет. Эта воля возникает позднее, незадолго до первого пика чистоты, и в дальнейшем продолжает расти. Легко понять, как велико здесь может быть влияние сторгического искусства.

Попутно хочется вспомнить о людях другого толка, что называется прирожденными «лидерах», у которых сторгическая воля, напротив, напирает «от души» даже в те ранние времена, когда внутри их к такому напору ничего не готово. За редчайшими исключениями, они затем на всю жизнь остаются глухи к духовным сигналам как изнутри, так и извне. В ранней юности их чтут товарищи, любят девушки, но из них никто не остается на Пути даже до личностного рождения. Путеносные люди в пору духовного взвода обычно страдальцы.

Наверное, в жизни каждого есть момент резкого возрастания сторгической воли, действующей на обладание, присоединение к себе, «от души». Наступает он вскоре после душевного рождения, но пик его (или его пики) быстро спадает. Теперь все зависит от запасов изначальной духовной чистоты для одних, или возможности духовного питания извне для других, или очистительной способности мнимой души для тех и других. До конца четвертого периода жизни сторгическая воля сильнее развита «к душе», чем «от души». Это относится и к творческой воле, которая куда охотнее действует на потребление, нежели на создание конструкций мнимой души. Конечно, недостатка в корыстных мотивах творчества никогда нет. Но не так-то легко на него себя и заставить. Двадцатитрехлетний Толстой рядом с рукописью клал, давая зарок, заряженный пистолет и только так написал «Детство». Зато потребляющая творческая воля при восхождении в это время все более усиливается. Наверняка это имеет путеводное значение. Кроме очистительных функций мнимая душа, как думается, еще играет тут роль приманки жизни, завлечения на Путь, заманки в душевные ямы, через которые должен пройти человек. Но мнимая душа, как правило, обслуживает Общую душу, оказывая ей множество услуг. Еще и с этой стороны проходящий чистилище Пути оказывается завязанным с Общей душой.

Человек в четвертом периоде жизни только мнит себя душевно автономным существом. В лучшем случае Общая душа выставляет его отделенную душу в качестве *особенной* ценности, выделяет ее в своих целях из числа «каждых». Восходящий человек четвертого периода, о чем бы ни мечтал он, вообще не годится ни в какие руководители, тем более Общей души. Есть глубокий смысл в том, что человек осуществляет себя, проходя *сквозь* Общую душу, а не над ней.

Чем глубже духовный отлив, чем более закупоривается духовный вход души, тем более душа склонна работать на позиции Общей души, тем более духовности Общей души подменяют духовное Я. При неизбежности духовных отливов это даже сохраняет душу человека. Работа на позициях Общей души в таком случае есть результат утраты свободы души на определенном участке кривой восхождения. Поэтому на старте Пути (то есть в начале четвертого периода) молодой человек

так или иначе вынужден отдать свою «свободу», найти к чему прилепиться и душевно включиться в деятельность Общей души (или, реже, души другого человека). Так начинается период «чужой жизни».

Внутренняя и внешняя активность человека на старте Пути восхождения в огромной степени зависит от общественной атмосферы, то есть от степени возбуждения Общей души, потакающей этой активности или глушащей ее. Нередко Общая душа вынуждает активно стартовать даже тех, кто к старту Пути не готов, кто душою давно мертв или вовсе не родился. В бурные времена такие поллюции Общей души особенно заметны. Развитие большинства революций обуславливается именно психологией людей четвертого периода. При соответствующем состоянии Общей души человек этого периода очень часто бывает существом возбужденно общественным — человеком веры или по крайней мере человеком дела. Для многих сошедших с Пути людей третье десятилетие — особо успешная пора: в борьбе, у женщин, в профессиональной карьере. Быть в это время самодовольным, самоуверенным, самовольным всякому совсем не трудно. Со старта Пути мало кто не уходит в «цель», в *что*, в делание, в плоть, вовне — вообще вне себя. Если в третьем периоде жизни душа силится зарядиться, то в четвертом периоде душа наша *работает, на разряд* — словно стремится изжить самое себя. Даже героическими усилиями не всегда удается сохранить здесь духовную чистоту. Идут путевые испытания хода души — не на чистоту, не на волю, а на *выносливость в Пути восхождения*.

При душевном рождении центр тяжести жизни («Я» человека) устанавливается, как сказано было, в назначающей воле, в душе. Потом начинает челночно перемещаться в канале путевого воскрешения между назначающей волей и исполняющей. Сначала размашисто, потом все уже. Во второй половине периода идеалов постепенно происходит нечто похожее на раздвоение «Я». Собственно, человек и раньше был дипольным существом, но два его центра — душевный и в чувствилище плоти — составляли какое-то единство, во всяком случае не импульсировали одновременно. Юноша то знает себя в плоти, то себя в душе, его бросает из места в место, но он не живет сразу в двух домах. В четвертом периоде жизни канал искренности сужен, и человек как бы пребывает в двух изолированных пластах с двумя чуть ли не самостоятельными центрами жизни. Одно свое «Я» человек знает в своей исполняющей воле, находящейся теперь почти под полным господством сил плоти. Другое, душевное «Я» его блуждает в мнимой душе, в Общей душе, в другой душе, в себе самом. Душа после старта словно отправляется путешествовать.

Оба этих «Я» не конкурируют между собой, друг перед другом не отвечают и, бывает, не взаимодействуют. Они могут действовать как совместно, так и раздельно, разобщено, даже встречно. Человек в эту пору не только в состоянии раздельно сознавать, чувствовать и поступать, но способен спокойно делать то, что не соответствует его же исповеданию правды, которая в свою очередь не непременно соответствует его сознанию истины (3.2.10 и 3.2.12). Впоследствии ему так или иначе придется (хотя и не до конца) собрать себя, взрастив или убив что-то в себе, но теперь, в начале четвертого периода, он разобщен и, чем ближе приближается к наинизшей точке Пути, тем более и более внутренне разобщается.

Во многих механизмах есть такое «мертвое» положение рычагов, при котором механизм независимо от приложенного к нему усилия прекращает действовать или ломается. Наинизшая точка Пути — *низина Пути*, ее впадина — и есть такая

«мертвая точка», в которой, сколько ни жать на рычаг одного «Я», не сдвинешь рычаг «Я» другого. Внутренние связи трехслойной структуры души прекращают работать, каждый пласт предоставляется самому себе. С одной стороны, душа лишена рулевого управления духовного Я. С другой стороны, ослабленная назначающая воля максимально оторвана от исполняющей воли, теперь слепой и упругой. Хотя сторгические каналы и раскрыты (часто широко), но сторгическая воля во всех своих проявлениях не напориста, слаба, безответственна и питает душу чем придется. Поэтому так бурно и легко возникают в эти годы непрочные душевные связи, сами собою отживающие, бесследные. Душе требуется разрядиться в другую душу, выпустить пары избыточного внутреннего давления и позабыть. По сути дела, душа в непосредственной близости к «мертвой точке» изолируется, *самозамыкается* и, несмотря на внешнюю активность человека, в наименьшей степени способна работать.

В чистилище жизни человек, являясь по преимуществу существом плотским, остро ощущает свою изолированность, самозамкнутость и поэтому по духовной потребности стремится утвердить себя в составе и совместно с другими «Я». В низине Пути душа совсем безответственна, хотя носитель ее более чем когда-либо склонен декларировать ответственность перед «своими» или «своим». Как плотское существо, по автономии животного своего «я», он своеволен. По сознанию душевной самозамкнутости своей он горд. По неизбежной духовной зависимости от Общей души он тщеславен. Эта-то встреча самовольства, гордости и тщеславия и создает картину особого напряжения жизни во впадине Пути. Острота этой встречи такова, что перетерпевший ее — да спасен будет.

Перетерпеть эту темень, перетерпеть и остаться живым немало помогает мнимая душа, которая позволяет самодовольство (например, рядящееся «авангардом»), всегда находит способ дать надежду удовлетворения тщеславию и причастностью к горным высотам подставить гордости необходимый для нее постамент. Все это, конечно, иллюзорно, но не неискренне, не лживо.

В низине Пути восхождения мнимая душа — спаситель. Миссия эта возложена на нее ненадолго. На «мертвой точке» кончается отлив, и сразу после нее на кривой восхождения начинается духовный прилив. Скорость духовного роста, которая до того все замедлялась, начинает возрастать. Духовный вход постепенно раскрывается, впускает свет, пробуждая новые силы и призывая к труду дотоле спавшую волю духовного действия.

9.

С личностным рождением, и только с ним, человек, оставаясь в составе какого-то целого, перестает быть частью какого-либо целого — мира, природы, общества. Общей души — сознает свою цельность, единство, особенность и обретает свое собственное рулевое управление, основанное на способности духовной индикации несвойственного себе. Личность рождена, когда человек становится способным четко определять свое из множества чужого и, главное, создавать «свой мир» (3.2.13).

В отличие от душевного рождения символ тепла и соответственно образ воды мало пригоден для описания личностного рождения, где особенно важны цвета, оттенки, тона и

полутона. Свои тона имеет и тепло (все мы различны по оттенкам излучения теплоты тела), но наши чувства плохо приспособлены к восприятию тепловой гаммы, и потому нам лучше оперировать не образом теплоносных, а образом светоносных духовных лучей.

До душевного рождения душа вся наполнена отблесками лунного света Общей души. Световой канал к духовному солнцу в душе девственный, и это чудо путеводных сил, что дверь духовного входа в нас ненадолго приоткрывается для душевного рождения и пучок света через крохотную щелку высвечивает прямым светом, гасит призраки, стирает неясные тени и блески, помрачает отраженный общедушевный свет. Эта вспышка дневного света может быть очень ярка, но не может длиться долго — к прямым солнечным лучам, к духовному солнцу своему человек должен пробиться сам.

В начале Пути из глубин души в нее запускается ослепительный снаряд, который взмывает, взрывается, сотрясает душу и вспышкой своею озаряет ее. Потом все вновь медленно погружается во мрак, в мерцание лунной ночи, где бродят красочные сполохи мнимой души, зачаровывая, зазывая, обещая. Остается живой только память о солнечном свете да тонюсенький лучик его, столь слабый, что его легко забывает яркость разнообразных сияний Общей души.

Личностное рождение — не взрыв и не ослепление. Душа, в чистилище жизни кружившаяся туда и сюда, наконец находит свое собственное положение и поворачивается к своему духовному входу так, что луч, проходящий сквозь него, становится ее осью и ее фокусом, где группируются и на котором концентрируются все цвета души. Что-то в душе уходит во мрак, что-то высвечивается. В целом же личностно рожденная душа есть сформированный и потому весьма устойчивый баланс тонов и полутонов освещения, идущего от двух входов души: ее горячего, духовного, и ее холодного, общедушевного входа. Этот свой набор света и цвета можно и далее упоенно искать, устанавливать, гармонизировать и перебирать во все оставшиеся дни жизни. Но должно — сознать, что он дан не для самоизощрения и любования, а для разработки того, что, ставши фокусом и осью, создало этот личностный баланс, необходимый лишь для *обрамления* и тем выявления *единственного* чистейшего луча, идущего от духовного солнца.

Чем ближе к третьему рождению, тем более сближаются два ранее разобщенных «Я». Хотя завершение этого процесса (будь таковое) не означает личностного рождения. Личностное рождение состоит не в том, что человек внутренне перестает или отчасти перестает двоиться, — это неизбежный процесс конца второй и всей третьей стадии жизни, — а в том, что душа и плоть его ставятся под контроль «отца», явно или не явно становятся *ответственными* перед ним и в этой подконтрольностиTM и ответственности обретают внутреннюю целостность и сознание личностной отделенности. Личностная духовная ипостась выявляется тут уже не непосредственно, а в способности четко определять чуждое и чужое и, с другой стороны, в способности души узнавать, знать, признавать свое (свойственное себе) и своих (сродственных душою). С личностным рождением «четвертое лицо» не столь свободный творец, сколь строгий цензор, — не движет, а всего лишь управляет человеком. Такая далеко не полная степень проявления «отца» вполне, видимо, достаточна для нужд работы души пятого периода восходящего Пути.

По отношению к Общей душе личностное рождение есть духовная эмансипация «Я» человека, приобретение им автономии в смысле способности выбирать и отбрасывать то,

что предлагается Общей душой. Из управителя Общая душа превращается в продавца, предлагающего жизненно необходимые «товары». Личность в пятом периоде не замещает Общую душу, а выбирает, перебирает ее для «своего мира», иногда перевыбирает одну Общую душу на другую, но никак не обессиливает и, тем более, не отменяет сам поток ее, который хотя и подконтрольно, но продолжает вливаться в душу через свой всегда раскрытый вход. Собственно, период «своей жизни» может наступить и без личностного рождения, в составе Общей души. Такой суррогат «своей жизни» мы назвали «типом», возникающим вместо личностного рождения. «Тип» и «личность» извне трудно различимы. Отличие тут внутреннее, субъективное, и выявляется спустя годы.

При личностном рождении человек становится *глубже* Общей души и потому, не выходя из состава какой-либо «своей» сплоченности, принимает ее в себя в качестве своего атрибута. Тут «Я» включает в себя Общую душу, не наоборот. Личностно рожденный сам производит выбор из Общей души, допуская одно и вычеркивая другое, и тем самым как бы сужая область воздействия Общей души, сфокусированной на луче духовного входа. Объективно рассуждая, это только процесс заключения Общей души в личностную форму, но такое «оформление» ее переживается человеком как свершившееся в себе завоевание ее. Поэтому почти каждый личностно рожденный человек в начале третьей стадии своего Пути предпринимает или пытается предпринять нечто для завоевания Общей души. Тщеславие, спора нет, никогда не оставляет человека, покуда в нем действует Общая душа. Но тщеславие — это всегда подчиненность Общей душе; соблазн тщеславия призывает человека явить людям высшее выражение Общей души, олицетворить ее в себе и тем возвысить себя над толпой или какой-то иной, более узкой сплоченностью, к которой он причисляет себя. Другое дело личностно рожденный человек, всегда желающий внедрить свой набор, свой мир в Общую душу, переоборудуя ее. Такие замыслы и дерзания для этого момента жизни нормальны и есть, видимо, один из признаков третьего рождения.

Жизнь быстро отрезвляет личностно рожденного человека, однако позывы «большого скачка» есть, пожалуй, у каждого, кто добрал до этой точки Пути. Отрезок «великого Дела» на Пути может затянуться, стать мнимой целью всей жизни и принести разочарование, и может быть совсем коротким, иметь в виду переустройство человечества или своей семейной жизни — показательно не это. Главное состоит в том, что сфера Общей души с личностным рождением становится лишь поприщем утверждения «своего мира», да еще межличностной борьбы за утверждение ценности, всеобщего достоинства своего зрения на мир. Только у личностного человека может быть свое отличное и отличительное, единственное и неповторимое мирозерцание. В периоде Общей души, в чистилище Пути жизни есть верования; для «типа» есть внутренний облик идола; и только у личности есть или выковывается мировоззрение, которым она становится над Общей душой. Замена верований мировоззрением — другой существенный признак личностного рождения. Количество возможных миропониманий цельного микромира души исчисляется не по числу всех людей, как часто говорят, а соответствует числу личностно рожденных людей. Личностью сюда не приходят. Личность в жизни, как правило, обретают. И совершается это не без помощи — часто решающей — мнимой души.

Осей луч света, на который ориентируются все стороны души при личностном рождении, идет в нее только от

духовного входа. Луч света, проникающий в нас «сбоку» от другой, пусть самой великой души, даже если сделает нас носителями глубочайшего мировоззрения, не сможет все же обеспечить нам личностное рождение. Личностное рождение — *путевой экзамен на душевную свободу*. В пятом периоде не обязательно актуально сотворить «свой мир» (да и многие ли тут могут похвастаться этим?), обязательно лишь явить способность к этому и заложить основы. Сторгическое искусство или другой тип профетического действия, столь важного на Пути до и после личностного рождения, теперь легко окажется губительным, если подменить им собственное духовное действие. Душа другого человека может зарядить энергией, наставить на Путь, уберечь на Пути, но не совершить за нас работу вскрытия «четвертого лица» в нашей душе. Тридцатилетние «толстовцы», «федоровцы», «пашковцы» — вот итог подмены личностного рождения «типом». И обычный результат:

«толстовцы» подменили Толстого...

Так что ж, ничто человеческое не в силах помочь в поисках самого себя? Жизнью правят путеводные силы, и на

1 Те редкие люди, которым даровано свое собственное *предназначение* в жизни, не могут не пройти и наиболее активно проходят личностное рождение.

определенном участке кривой восхождения Пути (от самой низины жизни) духовный вход начинает раскрываться сам, открывая душе ближайший центр ее духовного тяготения, её духовное Я. Процесс этот длится шесть, семь, восемь лет, и за это время душа должна поймать направление своего духовного тяготения и, как стрелка компаса, встать в этом направлении. Что не так-то просто, если учесть и слабость поля тяготения, и те напластования кармы, которые пробкой перекрывают ход ему. Своя личностная ипостась и свое мировоззрение сознается в таком тумане, так смутно, что найти ее *одному* невероятно трудно. Кто и как помог двадцативосьмилетнему Толстому понять, что «спокойствие — душевная подлость» и достижение его сопряжено с утратой духовного начала? Это так ярко выраженное им прозрение будущего своего миропонимания не стало тогда зримым центром его идей и творчества, а только обозначило душе ее ось, *угадало* ее. То, что Толстой смог совершить это один, сам, без нащупывания, только отталкиваясь от другого и чужого, — граничит с чудом. Так он в 80 лет и понял свое давнишнее письмо к А.А. Толстой. Но рассчитывать на чудо нельзя. Подавляющему большинству людей, подошедших к личностному рождению, необходимо нащупывать себя по схожести, сродственности, путем угадывания своего и себя в другом.

Словно специально для этой цели человечество создало чудесное хранилище душ, где можно, одну за другой перебирая, познакомиться с иной душой, узнать ее и тем помочь себе в личностном рождении. Мнимая душа нужна на Пути не только для сохранения себя или для душевного отдыха, но и — возможно, главное — для личностного поиска себя — как копилка разноликих душ предков и современников, решающих или решивших те же путевые задачи жизни. Поймать свою ноту, свой тон я могу или в самом себе, и это невероятно трудно, или в мнимой душе — в ее искусстве, умозрениях, религиозных преданиях и мифах. В отличие от действия сторгического искусства здесь необходима активнейшая работа *своей* творческой воли, выбирающей, отбирающей, примеривающей к себе, отбрасывающей и вновь ищущей. В

подавляющем большинстве случаев личностное рождение совершается как бы из мнимой души и «совершает» его потребляющая воля творчества. Оттого-то некультурный, но личностно рожденный человек — большая редкость. И все же что-то мешает думать, что на этом акте миссия мнимой души, ее рабочая функция на Пути жизни человека в основном завершается. Несомненно, однако, что где-то после второго пика чистоты потребность в мнимой душевности должна резко спадать. Чем далее от личностного рождения, тем меньше она благо и тем больше — кружение или бег на месте.

10.

Вначале, в пятом периоде жизни личность — это своего рода компромисс между «отцом» и Общей душою. Действовать в душе, по большей части, продолжают духовности Общей души, «четвертое лицо» же получает право вето и право временами «вычищать». Центр тяжести «Я» устанавливается где-то между двумя входами души. В ней наступает равновесие, примирение, необходимое для сторгических дел.

Если бы цель жизни состояла в образовании прочных душевных связей, то вся она могла бы начаться и закончиться в пятом периоде. Сторгическая воля в эти годы достигает наивысшего напряжения, легко работает как на сток, так и на приток через максимально раскрытые боковые каналы. Конечно, узел сторгических связей может завязываться не то что в двадцать пять, но и в десять лет; однако, это только завязь, заготовление впрок до пятого периода жизни, где эти связи приобретают характер действительного душевного единства. Разрушение этих связей, как ни извилисты дороги души отдельного человека, обычно указывает на путевую катастрофу, хотя и не всегда роковую.

Наивысшего своего взлета сторгические силы человека достигают в точке второго пика чистоты. Это время на Пути предназначено для трудов сторгического единения. Надо помнить, что уже к концу пятого периода давление в сторгических каналах начнет падать, так что в седьмом семилетии жизни новые крепкие душевные связи образовываться, как правило, не могут. Поэтому пятый период лучше назвать периодом «своей жизни» на Пути жизни и *сторгическим периодом Пути восхождения*.

Выше, в первой статье этой части, я мимоходом сказал, что личностное рождение обычно запаздывает у людей, и что даже на Пути жизни Толстого оно вроде бы задержалось на несколько лет. Но как смотреть. На Пути восхождения личностное рождение Льва Николаевича произошло именно в 28—29 лет. Тут путает то, что пора духовной активности его души наступила несколькими годами позднее. Не исключено, что так оно и должно быть. По критерию ускорения духовного роста личностное рождение на Пути происходит раньше времени, словно загодя. Труды разработки духовного сознания, добывания своего духовного солнца не для пятого периода жизни, где воля духовного действия не только еще не в состоянии сама двигать душою, но, во всяком случае в первые годы, и не пытается делать это. Она раз заявляет о себе, а потом таится. На протяжении всего пятого периода Пути душа работает не на духовной, а на сторгической позиции. Все тут — и собственная работа духа над Общей душою, и «великое Дело», и самоосуществляющее творчество в мнимой душе, и действие руля индикации несвойственного себе — все это, я думаю, служит целям полноты осуществления сторгических связей. «Своя жизнь» приурочена к сторгическому деланию жизни, а не наоборот.

С точки зрения Пути восхождения, личностное рождение, конечно, самоценно. Но для пятого периода Пути жизни оно играет чуть ли не служебную роль пособника в организации сторгических связей. Степень проявления «четвертого лица» в личностном рождении сама по себе не столь велика, как это нам хотелось бы думать, но она вполне достаточна для нужд работы души по образованию прочных и действенных душевных связей. В отношении сторгической работы души («рост вширь») степень проявления личностной духовной ипостаси («рост вглубь») хорошо дозирована, что и определяет ее роль в пятом периоде Пути. Свой мир и создается «отцом» не иначе как в процессе создания сторгических связей и в их сплетениях. Без них, по-видимому, человек на Пути восхождения дальше выжить не сможет. Тут *одра* из тайн Пути, к которой мы рассчитываем когда-нибудь прикоснуться.

Большинство культурных людей нашего, да и прежних времен, пытаются и к старости сохранить себя душевно тридцатилетними. Но равновесное состояние души, как ни приятно оно, не длится вечно. Наступает момент, когда центр тяжести жизни смещается, и «Я» человека начинает передвигаться от одного душевного входа к другому. Сам этот выбор совершается неприметно в критической точке Пути. Эта точка, таким образом, непосредственно или через мнимую душу может стать (и большей частью становится) тем местом, где личность, повторяя себя, вырождается, и человек становится софистом самого себя, своих взглядов пятого семилетия жизни. Мало ли старцев, являющих карикатуру на себя такого, каким он был еще в сторгической зрелости, откуда к его облику навеки прилипла какая-то «своя» странность.

Первая половина шестого периода Пути во всех отношениях переходное время, в котором все решается, начинается или кончается, но мало что делается. Тут развилка дорог восходящего и нисходящего, Пути жизни и Пути восхождения, тут определяется, что человека ждет: утро Пробуждения или закатное разочарование и успокоение. В несколько невозвратимых лет должно быть установлено, кому — в сторону духовного входа, кому — от него. Это Судный день на Пути жизни — с тем, однако, отличием, что тут человек окончательно не утрачивает свободу души.

Разрешение на дальнейшее восхождение Пути выдается в критической точке жизни не заочно, человек сам активно участвует в этом процессе, сам решает, сам выбирает себе курс. Впоследствии он может даже перерешить — дана ему и такая свобода, — но идя уже вне расписания Пути восхождения и без прежней помощи путеводных сил. В 35—37 лет, в середине жизни, личностно рожденный человек начинает *буксовать*, крутить колесами на месте, тащить самого себя и проворачиваться по собственной грязи. Я знаю человека, который так буксует второе десятилетие, отчаиваясь, но не сдаваясь и не выбираясь на твердую почву. Ему, как и многим другим в эту пору, не хватает спасителя, «тягача», которого из-за аморфности своей творческой воли бывает тяжело найти.

Ко второй развилке Пути восхождения сторгические бури либо (при удаче) миновали, либо все ещё продолжают бушевать. Но плоть уже поутихла и не столь молотит душу. Однако незадолго до того, на втором пике чистоты, лет в тридцать, окончился и духовный прилив. Критическую точку Пути человек проходит на отливе, буксует на откосе, когда надо тащить себя вверх. Путеводные силы как бы предоставляют его самому себе. Главный плод личностного рождения, воля духовного действия активна, но слаба, так что сама по себе не может обеспечить устойчивую работу режимов души на духовной позиции. В этом плане личностное рождение

начинает сказываться только с середины шестого периода Пути, когда вновь наступает духовный прилив. Если к этому времени человек сумел добыть разрешение на восхождение, то он духовно пробуждается на Пути восхождения. До этого человек знал в себе действие *силы* плоти и *воли* души, теперь он узнает действие своего духовного *сознания* (3.3.7), которое чем дальше на Пути восхождения, тем больше будет заявлять свою власть над волей души и силами плоти. Конечно, если при этом разработан тот глубинный канал, по которому мощь сознания духовного Я может проникать в душу.

Краткий духовный прилив второй половины шестого периода Пути жизни — *прилив Пробуждения* — знаком каждому лично рожденному человеку, находится ли он на кривой восхождения или нет — этого ни он и никто еще не знает. Максимального ускорения духовного роста всего естественного пути жизни человек достигает в завершение прилива Пробуждения — в точке откровения жизни.

В откровении сорокалетия есть одна особенность, на которой трудно категорически настаивать, но о которой нельзя не сказать. Бесконечен список решающих творческих и жизненных успехов в этот год жизни у самых разных людей. Успехов разнообразнейших, никак не подводимых под один знаменатель. И все же, в точках откровения, находящихся на кривой восхождения людей, мне чудится нечто общее: их откровения в точке наибольшего ускорения роста — *трагедийны*. Именно сатанинские тайны Зла и злого в душе более всего мучат их и становятся предметом их откровения, которое затем может так и остаться основой их раздумий и профетической борьбы. Для Достоевского такой основой на всю жизнь стало зло человекобожества, впервые так остро пережитое в «Преступлении и наказании», написанном им как раз в сорок лет. Материалом для откровения зла сорокалетнего Толстого стал весьма незначительный случай расстрела солдата Шебунина, в деле которого Лев Николаевич выступил защитником. Через этот случай Толстой узрел основной грех души человека, с которым он потом боролся всю жизнь — грех насилия и власти. Если, грубо говоря, Достоевский стал пророком смирения, а Толстой — пророком кротости, то истоки их собственного служения Богу надо искать в *откровении Зла* на приливе Пробуждения шестого периода Пути восхождения.

Откровение Зла есть таинство из таинств Пути жизни.

В нагромождении друг на друга налезающих участков и точек кривой Пути в пятом десятилетии трудно не заблудиться. Точка откровения жизни 40, 41 год, затем духовное рождение в сознании — целый процесс, длящийся года два, с 41 до 43, и тут же, где-то рядом, в 43—44 года точка центра Пути, главный перевал его, смена поприща вхождения на поприще исхода. Сразу же после этого — в 44, 45 лет — начинается пора «затишья», которая должна бы завершаться духовными родами на Пути. Так ловко спрессовано на гипотетической генеральной кривой Пути восхождения. Как же спутано и перепутано все в реальной-то жизни...

Два откровения: откровение Зла в точке наибольшей скорости роста и откровения «Я духовного» («отца»), то есть духовное рождение в самосознании («светлое откровение») — несомненно, связаны между собой. Разумеется, первое не обязательно предполагает второе, но второе, как кажется, неосуществимо без первого. На подходах к главному перевалу восходящего человека ждут *два откровения, темное и светлое*, которыми и завершается его «вхождение в жизнь».

Тут же, с наступлением «исхода» кончилось и сторгическое время жизни. Нельзя сказать, что сторгической

воли нет уже, она есть — и сдружиться, полюбить можно, но боковой канал души узок, и прежней прочности душевного единства через него уже не достичь. Время прошло, задачи на Пути восхождения другие.

Духовный вход души сам широко раскрывается путеводными силами в точке темного откровения жизни. Казалось бы, только держи его открытым, не давай сужаться, и Путь восхождения дальше обеспечен. Но как раз это сделать невозможно.

С точек откровения жизни неизбежно совершается духовный спад, так что духовное рождение в сознании, которым отпирается седьмой период духовных родов, происходит уже, как ни странно, чуть ли не на отливе. Явление «отца» — не в громе и молнии, а по библейскому образу — в легком ветерке. Отлив продолжается год-два и дальше, до центра Пути, где единственный раз на кривой восхождения начинается нечто, что во всех других точках кривой Пути означало бы нисхождение.

Генеральная кривая восхождения Пути состоит из чередования приливов, то есть увеличения *скорости* духовного роста, и отливов, то есть уменьшения скорости духовного роста. И на отливе достигнутый уровень духовного сознания не падает, духовный рост продолжается, но с меньшей и меньшей скоростью. Нам уже приходилось упоминать, что в реальной жизни кривая восхождения представляет собой ломаную линию схождения с Пути и «воскрешения» на Путь. Не может человек пройти по Пути и нигде, говорили мы, не «уйти по касательной», что означает уклонение или перерыв путевого восхождения вообще, подмену" роста самодвижением. Геометрически движение по касательной есть движение или развитие процесса с неизменной скоростью, что может являться снижением скорости (когда скорость по кривой возрастает — прилив), или ее увеличением — если скорость изменения кривой все время падает (отлив). Так что употребление образа касательной, надо оговорить, в нашем смысле законно только для приливных участков кривой Пути. Разумеется, мы в описании душевных процессов никогда не настаивали на точном употреблении математических понятий, как и всех других понятий мира отделенностей. Но то, что происходит в душе в предродовую пору затишья седьмого периода Пути, действительно напоминает касательную в самом прямом, математическом смысле.

На главном перевале Пути, в центре его что-то щелкает в душе, переключая жизнесознание человека с «в жизнь» на «с жизни». Человек как бы сознает, что жизнь его пошла на спуск. Это явление плотско-душевной жизни, связанное с сознанием своей плотской и душевной отделенности. К сфере же духовно-душевной жизни, связанной с сознанием нераздельности, указанный перелом вроде бы не имеет непосредственного отношения", хотя и коррелирует с ним. На нижней, глубинной границе души (3.3), на уровне духовного входа идет всегда динамический процесс или прилива, или отлива; и только в одном месте кривой восхождения Пути этот процесс становится статическим. В пору затишья седьмого периода Пути нет ни духовного прилива, ни духовного отлива, скорость роста стабилизируется и все это время остается неизменной. В плотско-душевной жизни начался спуск, тогда как духовно-душевная жизнь взошла на какое-то *плато* и тут, в сорокапятилетии, расположилась. Здесь так удобно, спокойно, устойчиво, даже счастливо, что прошедшему долгое и зачастую мучительное поприще вхождения поневоле хочется, как и Корчаку, навсегда и остаться тут.

Быть на этом плато Пути восхождения хорошо. Но раньше

или позже неминуемо начнется спуск, сначала пологий, потом все круче. Задержавшегося на плато ждет крах. Но и торопить эту блаженную пору Пути не нужно. Тут зреет плод, который может либо тихо погибнуть в утробе, либо начать рождаться. И тогда — впереди муки духовных родов.

11.

Боюсь, что тот или иной атеистически воспитанный человек, догадавшись о существовании первичной духовной сферы жизни, сочтет, что в нем совершилось таинство духовного рождения в самосознании. Не окончательно материалистически закармированному человеку легко воспринимать идеи идеализма. С помощью же «пси» функций или некоторых «таинственных» психических явлений такого рода идеи объяснимы и душевно нерожденному, одностадийному человеку. При соответствующем воспитании ему и не нужно объяснять этого: он уже от Общей души пропитан «духовностью».

Не скажу, что сущность Веры не имеет для Пути восхождения значения. Особенно во второй стадии Пути жизни путеносное значение Веры огромно. Исповедующему духовную религию и взводиться лучше, и чистилище проходить легче. Но уже для личностного рождения верование может стать непреодолимым препятствием. Все зависит от широты интересов, разнообразия и емкости хранилища мнимой души, допущенного образующим ее вероисповеданием. Само же по себе верование есть одно из проявлений данной Общей души, т.е. является душе как «начало косности».

«Люди предпочитают веру сознанию, — пишет Лев Николаевич — потому что вера тверже и легче, так же тверда и легка, как следование обычаю, и легко переходит в привычку, но сама вера всегда не тверда, шатка, и не вызывает движения духовной жизни. Она всегда неподвижна и задорна, вызывает желание обращения других, как и не может быть иначе, так как основывается на общественном мнении, а чем больше людей разделяют веру, тем она тверже. *Вера есть дело мирское*, удобное условие для телесной жизни. Сознание Бога — дело души, неизбежное условие разумной, хорошей жизни. Вера всегда стационарна, сознание всегда движется. Для «верующих» движение жизни совершается в области телесной, для сознающих в области духовной» (58,81 — 1910 год).

Духовные представления и верования могут проникать в душу от мнимой души по ее каналам или от Общей души по ее душевному входу. Или от Общей и мнимой души вместе. И это не дурно, напротив — нормально, так и должно быть. Особенно для людей отлива. Даже в языческих душевных сплоченностях Общая душа не дает нисходящему человеку потерять облик человеческий. Без ее контроля над душой подавляющее большинство людей стало бы животными. Достоевский был абсолютно прав, отказываясь видеть, что кроме Веры может удерживать человека от падения. Но это не значит, что верование в качестве духовности Общей души движет зрелым человеком, растит его не на первых этапах его Пути. Общая душа — громадное приобретение человечества. Можно смело сказать, что люди, как люди, живы Общей душой, которая пестует отдельную душу, держит ее в узде, сохраняет ее от гниения, сдерживает ее от нисхождения, дарит ей восторг самопожертвования и жертвенности.

Принявшая духовную религию Общая душа может научить душу многому: и молению, и воспарению в экстазе, и смирению, и поклонению Существу Богу, и подчинению нелегким Его заповедям или кротости, человеколюбию, са-

моуглублению. Но все — *через себя*. Общая душа — духовная Хозяйка человека и через холодный вход его души повелевает ей от имени Природы ли. Мира или духовного Отца. Различие, конечно, бесспорно, но оно указывает лишь на уровень духовного сознания, достигнутый Общей душой и, значит, несвободным сознанием отдельного человека. Уровень духовности души нашей исчисляется не от нуля духовности, а от духовного уровня Общей души, с которой душа связана.

Сменив одну Общую душу на другую, я по одному этому могу резко повысить уровень своего духовного сознания. И что? Путь человек — хотя и вместе с другими — проходит один. Для душевного рождения это верно с большими оговорками, почти верно для личностного рождения и безоговорочно верно для рождения духовного.

Бывает, слышишь, что тот-то человек имел видение, после чего вся жизнь его переменялась, он «уверовал» и из богохульника стал послушником — «переродился». Он и сам считает, что родился духом. В лучшем случае же в нем единожды произошел пробой духовного сознания, который так потряс его, что разрушил в нем одну сплоченность, чтобы заменить другой. Какой именно — решает не он сам, а наличие соответствующих сплоченностей, к которым ему возможно примкнуть. Большинство так верующих людей, как бы высока ни была в собственных истоках сама Вера, никаким опытом собственного духовного сознания не обладают. Именно поэтому их так и поражает каждое рабочее явление духа в себе (3.3.3). Между одноразовым духовидением человека и теми, чье высокое учение он принимает, связь единственная — верования, наличествующее вероисповедание, то есть Общая душа.

Вера по Общей душе и из Общей души обычно искренняя, нефальшивая (Общая душа — не фальшь), горячая, но она общедушевная, что более всего соответствует состоянию четвертого периода Пути, подходит и третьему, и пятому, и шестому, возможно, но не далее того. Можно быть замечательным Богословом, даже реформатором вероучения или пастырем многих стад и при этом так никогда и не войти на духовный путь жизни.

До личностного рождения человек обладает более или менее резко обозначенными индивидуальными особенностями души, находящейся в составе Общей души. Если мы говорим о рождении личности, то подразумеваем прежде всего нарожение личности относительно Общей души, над ее поверхностью и уже в противовес ей. После личностного рождения в душе устанавливается не то компромисс, не то равновесие в распределении функций духовного сознания и Общей души. Далее, со второй половины шестого периода кривой восхождения, с начала прилива пробуждения, центр жизни «Я» начинает перемещаться к духовному входу души, то есть, подчеркиваю, прочь от Общей души. Эта борьба, вернее, столкновение систем управления, накаляет душу в точке откровения жизни. Совершенно новое соотношение устанавливается в душе при духовном рождении в самосознании, следующем за точкой темного откровения.

Ранее, в 3.3.3 мы говорили, что если плоти соответствует понятие силы, душе понятие воли, то духу — мощи сознания. В ногах души воля связана с силой плоти, в голове души — с сознанием. Все то, из чего воля исходит, что управляет ею — будь то четвертое лицо (духовное Я), или Общая душа, или другая душа, или даже собственная плоть (!) — переживается нами и *наделяется* статусом духовного сознания. Воли души заряжены и направлены мощью сознания. Это может быть мощь той духовной стихии, которая вызывает отделенность,

плоть к существованию. Это может быть мощь духовного сознания Общей души. Или мощь собственного сознания духовного Я. Во всех случаях сознания эти заряжают волю, то есть вводят в душу чувство необходимости и душевным видением исполнения таковой необходимости направляют ее.

Вся наша душевная жизнь ежемгновенно состоит из столкновений, попыток согласования, противоречий и подмен различных *сознаний необходимости* и видений исполнения ее, осуществления необходимого. Такое же положение сохраняется и после духовного рождения в самосознании, но с той разницей, что главенство над душой тут, поработай только, переходит к собственному духовному сознанию.

Если человек движется точно по расписанию Пути кривой восхождения, то в начале седьмого периода жизни он впервые обретает новое сознание необходимости — сознает власть «отца», то есть собственного духовного Я. Но одно дело сознавать власть, а другое подчинить себя ей. Рождение духом в сознании вовсе не означает подвластности души духовному Я. В этот момент собственное духовное сознание и воля духовного действия *становятся способными* руководить, *сами* двигать всеми — назначающей, творческой, сторгической — волями души. Человек узнает свое духовное Я как всегда бывший, ни незримый доселе источник власти в душе, чье отношение к другим источникам духовного сознания пока что ему непонятно.

Драма духовного рождения в самосознании разыгрывается в глубинах души между волями души и новой для них властью духовного Я, которое до того сколько угодно могло быть в мнимой душе предметом умозрения. Но только теперь по сознанию необходимости назначается власть *его*. Быть может, духовное Я никогда так и не приступит к исполнению, но одним фактом своего появления в существовании уже лишает Общую душу трона, но еще не обессиливает ее. Власть Общей души остается конкурентоспособной, скорее более, чем менее, сохраняющей свои прежние позиции. Человек тут все еще есть существо плотско-общедушевное, только личностно сфокусированное духом, — все еще «животная личность», как говорил Толстой. После духовного рождения в сознании «животная личность» открывает в себе самой своего истинного «отца». Поэтому роль духовностей материнского лона Общей души неизбежно теряет свое значение — но не свою мощь. Не будь так, и человек сразу же после первого акта рождения духа потерял бы свою свободу прохождения Пути.

В периоде духовных родов свобода души как бы особенно подчеркивается и тем, что период этот начинается на духовном отливе, и тем, что в затишье, на плато Пути кривая восхождения нейтральна, не приливна и не отливна. Это единственный момент естественного пути жизни, в котором человек сам может осуществить духовный прилив. Более того: только он сам и может осуществить его; без его усилий, сам собою тут наступает не прилив, а медленный духовный отлив. Для духовного рождения человеку дана максимальная душевная свобода. Если что заметно и помогает здесь человеку, так это перелом жизнечувствования его «животной личности», в результате которого для него начинается спуск, с горы жизни.

12.

Наконец-то мы, не останавливаясь на многочисленных схождениях, добрались по кривой восхождения до ее особой точки, точки духовного рождения на Пути, делящей весь Путь

восхождения надвое.

Предстоит новый духовный путь жизни. Но прежде в душе должны произойти некоторые события. На одно условие духовного рождения мы уже когда-то указывали: преодолевая путевую карму, духовное сознание должно достигнуть такого уровня, чтобы четвертое лицо, духовное Я превратилось из «отца» в Сына. Для этого необходимо отождествление своей личности с духовным Я, то есть перенос сознания центра жизни «Я» из плотско-общедушевной личности в духовно-душевную личность — то, что Толстой называл отречением от животной личности. Компромисс в душе, достигнутый после личностного рождения, при духовном рождении взрывается изнутри. Надо ли говорить, что взрыв этот не происходит разом, а складывается из множества отдельных взрывов, потрясений, прозрений.

Перенос центра тяжести жизни, то есть знание и утверждение в себе духовного Я как основы своей жизни, не означает рождение духом на Пути. Это, скорее, завершение процесса духовного рождения в самосознании. Встав в вассальную зависимость, животная личность сохраняет, однако, свои права, как плотские, так и общедушевные. Ее собственный, теперь уже периферийный личностный центр всплыл наверх, переместился наружу, в исполняющую волю. После пробоя кармы назначающая воля души определенно находится под руководством духовного сознания. Вопрос только в мощи давления назначающей воли в канале путевого воскрешения, мощи, которая должна, в конечном счете, овладеть крепостью исполняющей воли. Действие драмы духовного рождения на Пути разворачивается в *канале искренности*, который к этому моменту оказывается наглухо перекрытым. Без выхода власти духовного Я — свободного духовного сознания — на исполняющую волю, ни о каком духовном рождении на Пути не может быть и речи.

Любое рождение — и плотское, и душевное, и личностное, и духовное — в некотором роде путевая катастрофа, гибель прежде установившегося направления жизни. Духовному рождению к тому же и предшествует крах. Мало кто, надо полагать, входил в него тихо. Прежде рождения духом человеку нужно пройти родовые страдания и пробить путевую карму. Но это не все. Ему надо еще подойти к самому краю, отчаяться, ужаснуться и, основное, *разувериться*, потерять Веру. Человек в пору затишья, на плато Пути так устойчив, покоен, душевно сбалансирован, так сжит с жизнью, даже ею доволен. Откуда же этот крах и ужас? Какие темные иррациональные силы повергают его в отчаяние?

Толстой описал свой ужас перед духовным рождением, и мы приводили его слова. Он разом увидел себя вооруженным мыслью животным, не понимающим своей жизни; такими же он увидел и всех людей вокруг себя. «Я тогда ужаснулся и удивился только тому, что люди не режут, не душат друг друга. И это не фраза, что я ужаснулся тогда». Что это не фраза, мы знаем достоверно. Но откуда этот ужас?

«Чувство, которое я испытывал тогда, — процитирую другое письмо Толстого на ту же тему, — было так сильно, что я чуть не сошел с ума, глядя на спокойствие и уверенность людей вокруг меня, живущих без всякой религии, без всякой заботы о чем-нибудь другом, кроме своих удобств и приятностей жизни». У человека, центр тяжести жизни которого переместился в его духовную личность, *вдруг раскрываются глаза*, он *впервые* трезвеет, впервые видит все так, как оно есть, и ужасается на жизнь в животной личности, кажущейся ему кошмаром. Толстой содрогнулся от вида существования людей в гробах своих. И не мог понять, почему

эти люди не грызут, не убивают друг друга. В них нет религии (то есть власти духовного сознания), их ничего не сдерживает, и поразительно, что они, как звери, не бросаются друг на друга. Никто из не прошедших духовное рождение реально (не в мнимой душе) не испытывал и не мог испытывать такого потрясения. Однако, чему ж особенно удивляться? Никакой загадки нет.

Люди не режут, не душат друг друга и вообще живут потому только, что души их связаны Общей душой, находятся под ее управлением и подчиняются идущему от нее «сознанию необходимости», — например, власти, вере, авторитету общедушевных преданий и установлении. Известно, чем чреват массовый выход из под контроля Общей души, как это бывает в начале революции. Именно на ужас и удивление своих приятелей перед зверствами 1905 года Толстой и отвечал, что его они не поразили, так как на это самое он ужаснулся еще три десятилетия назад, в конце 70-х годов, когда все было спокойно. Дело вовсе не в том, что Толстой заранее предвидел бунты и революции, со всеми их ужасами. Напротив, он в те годы чаял скорого наступления Царства Божьего на земле, прозревал Царство Правды, а не царство лжи и зла. Его тогдашнее удивление перед мирной совокупной жизнью «животных личностей» отчасти объяснимо тем, что он перестал чувствовать в себе и в человеке сдерживающую хватку Общей души.

Для рождения духом на Пути кроме пробоя кармы непременно надо пробить Общую душу. Я не говорю, что в результате четвертого рождения человеку не может открыться то, что ему всегда давалось с вершин духовного сознания Общей души. Я говорю только, что борьба и страдания духовных родов не могут завершиться без столкновения духовного Я с Общей душой. Душа человека должна отменить в Общей душе все то, что ей самой на духовном пути мешает. Ее дело теперь подтверждать или аннулировать те или другие общедушевные установления. Недаром после духовного рождения на Пути наступает *проповеднический период* Пути, на котором человек всей своей волей духовного действия обрушивается на людей, на суеверия и идолов, на закостенелость их и их Общей души. Никто из людей, кроме ставших в оппозицию к Общей душе пророков в своем отечестве, не может духовно двигать Общую душу. Участь большинства из них показывает, что значит идти против незыблемости общедушевных ценностей.

Понятно, что сражение, о котором мы говорим, не может произойти ранее переключения человека со своей «животной» на свою духовную личность, то есть раньше того, как назначающая воля души перейдет под управление духовного Я. Но важно подчеркнуть, что *духовное рождение на Пути это прежде всего торжество усилий искренности*, то есть приведения исполняющей воли в соответствие с требованиями «своей правды».

Инерция жизни, силы плоти, закармированность души и, наконец, правившая или двигавшая на естественном пути Общая душа — вот те препятствия, которые надо одолеть, чтобы обрести свой собственный образ одухотворенности, из которого может быть явлен лик духовности свободного пути жизни. Для пятого рождения необходимо, чтобы свободное духовное сознание реально овладело и поставило под полный контроль, во-первых, всю душу, ее назначающую волю, ее исполняющую волю, а, во-вторых, — сами силы плоти. Свободный путь жизни ознаменовывается подчинением плоти (в пределе — подчинение самих духовностей плотских сил) мощи духовного сознания — своего рода светлым

одухотворением всего состава человека. До пятого рождения сознанию духовного Я предстоит овладеть силами плоти, для чего ему надо овладеть исполняющей волей, установив ее строго по оси своего образа одухотворенности. *Это совершается в продолжении всей четвертой стадии жизни, стадии освобождения духовного пути.* Прежде чем овладеть исполняющей волей, духовному сознанию надо к ней пробиться через многие препятствия, из которых последнее и самое крепкое — препятствие Общей души.

13.

Кривая восхождения это путь блага и смыслонаполненности жизни. Она не может быть определена умом через накопление и анализ фактов. Она может быть узнана разумом как видение человеческой жизни и видение (откровение) ее предназначения. Первично кривая восхождения может быть выражена только в качестве мифа о Пути.

Духовная наука, идущая вслед за путевидением, обладает широкими правами отмены и коррекции. Путевидцу же нечего и думать вполне воссоздать Путь восхождения. Он должен отдавать себе отчет, что многое из того, что он говорит, извращено, спутано, лишь угадано. И все же трудно избавиться от искушения нарисовать (!) кривую восхождения Пути человека.

Коли уж мы решились чертить видение, то надобно хотя бы пояснить это звание. Поскольку жизнь человека, работа его души есть Путь, а каждый человек индивидуален, то конкретных путей, картин, сочинений жизни столько, сколько людей. И все же есть генеральный Путь, от которого отклоняются конкретные жизни. Поэтому наш замысел изображения кривой восхождения Пути на листе бумаги не совсем безнадежен. Тем более, что мы, как и прежде, будем иметь в виду, во-первых, только мужчин и, во-вторых, только людей прилива (3.3.8). Сколько рождается таких людей, мы не знаем, не знаем сколько из них доходят хотя бы до середины Пути, но какое-то грубое представление об этом иметь должны.

Конечно, относительное количество людей, находящихся на той или иной точке кривой Пути, зависит от множества разнообразных причин и кардинально изменяется от одного, культурного, слоя общества к другому. Главное тут все же уровень духовного сознания Общей души и фаза, которую она в данный момент проходит. Для самого существования Общей души должно быть какое-то минимальное, «охранное» количество душевно рожденных людей всех возрастов. Когда этого числа нет. Общая душа держать в себе человека не может и в итоге распадается, рушится. Наверное, многие сообщества, сплоченности, народы вышли из Истории по этой причине. Гражданские войны и прочие общественные катаклизмы тем и уничтожительны, что в них гибнет непропорционально большое число душевно рожденных людей.

Не подлежит сомнению значение мнимой души, наживаются на которой многие, но создают которую, в основном, лично рожденные люди. Чем больше в обществе лично рожденных, тем сильнее в нем тенденция к их увеличению. Общая душа не должна сдерживать эту тенденцию. Третирование носителей культуры в исторической перспективе приводит не только к творческому бессилию народа, но и к общему душевному безволию, вплоть до потенциально агрессивного, чему угодно покорного стада.

Хорошо, если сегодня где-либо на тысячу человек сто оказывается душевно рожденными. Из них, мы говорили выше,

процентов двадцать проходят первую развилку жизни. Из числа этих двадцати, положим, пять преодолели личностное рождение и один (не много ли?) духовное рождение в сознании. Все это без учета жизней, уносимых болезнями и обычными катастрофами. Так что до седьмого периода духовных родов не добирается и один из тысячи. Люди же, прошедшие духовное рождение на Пути, — ценны на вес не золота, а редчайшего драгоценного камня. Людей свободного Пути жизни вообще нельзя учитывать. Их дарит не каждое поколение. Человечество почти не имеет опыта свободного пути жизни, и поэтому видение его практически невозможно.

Зато видение восхождения естественного пути обеспечено общечеловеческой памятью и должно быть в нас. Четче видна душевная стадия Пути, менее четка — его личностная стадия. Даже возрастные границы на Пути установлены для нас тверже в начале, нежели в конце его.

Душевное рождение достаточно четко — плюс-минус год — обозначено в 14 лет (во всяком случае, у народов европейской цивилизации и сейчас). Отступления бывают, но они — отступления. То же самое можно сказать и о низине Пути, локализованной вокруг 23—24 лет. Но уже о личностном рождении так не скажешь. Личностное рождение менее нажито, меньше знаемо корнями души. Сама цифра, 28 лет, для личностного рождения может показаться преждевременной. Еще более расплывчаты рамки последующих точек Пути восхождения, особенно точки духовного рождения на Пути. Тот, один из тысяч, которому после духовного пробуждения довелось взобраться на плато Пути, обычно там в 49 лет и пребывает, не собираясь слезать с него — рано! «Две семерки встретились и учтиво раскланялись», — как писал Януш Корчак. И все же, основываясь на жизни Толстого и собственной интуиции, я рискну на кривой оставить 49 лет¹.

Разумеется, было бы нелепо ждать многого от нарисованной на бумаге линии. Это лишь график дыхания восхождения Пути, его отливов и приливов. Не будем говорить, что у каждого свой ритм дыхания души и свой особый рисунок путепрохождения. Если смотреть на время каждого из нас крупным планом — в ежедневное™, ежегодности — то между днем или годом жизни одного и другого вовсе не видно сходства. На более общем плане, скажем десятилетия, сходство в рисунке жизни уже большее. У каждого своя биография и своя глубина вдоха и выдоха, что изменяет кривую Пути восхождения. Но не ее общий вид.

Еще раз напомним, что мы даем *должную* кривую Пути восхождения, без всегдашних и строго индивидуальных схождения или нисхождения конкретной жизни каждого из нас. Кстати, полезно различать понятия *схождения с Пути* и *нисхождения Пути*. Схождение — это уклонение, сход с кривой восхождения Пути, изгиб или искажение ее, но и продолжение Пути, хотя и искаженного, на низшем уровне, пока не произойдет восстановление на Пути. Нисхождение — это движение, противоположное восхождению, движение по нисходящей кривой, падшесть, путь вспять, при котором человек, как уже сказано (3.3.9), становится демоническим существом.

¹ Сейчас, через двенадцать лет после того как была написана эта фраза, я вижу, что все не так просто, что сорок девять лет лишь первый акт духовного рождения.

Два слова о технике начертания кривой. Кривая восхождения это кривая ускорения духовного роста и потому все

время идет вверх. Когда на ней прилив (увеличение скорости роста), кривая выгнута, идет все круче и круче, стремясь к вертикали; при отливе она вогнута и идет все более и более полого, стремясь к горизонтали. Проходить Путь человеку должно всегда, и на приливе, и на отливе, но на приливе ему свойственно вершить себя, на отливе же стараться себя сохранить.

В четырнадцать лет, в точке душевного рождения кривая Пути идет круто вверх и набирает максимальную скорость в точке первого пика чистоты. С шестнадцати лет начинается духовный отлив, в котором человек в восемнадцать лет и проходит первую развилку жизни. Это самый глубокий и длительный отлив на Пути восхождения. В нем завершается взвод и начинается чистилище Пути жизни.

Чем дальше, глубже отлив, тем все менее душа остается способной работать в духовной позиции, и назначаящая воля слабеет. Прохлада Божеской чистоты исчезает. Душа вдохновляется плотью. До того, что и сторгическая воля начинает носить эротический характер. Человек несет тяжелый груз своей головы, страстей, тела. Сразу же после старта жизни, года в двадцать два, духовный рост вообще прекращается, и кривая восхождения единственный раз выходит на горизонталь. Возможно, что в самой низине Пути вдет более или менее активный процесс отрицательного ускорения роста. С 22 до 24 лет кривая Пути вдет вниз, но не по вине проходящего Путь. В низине, в впадине жизни происходят наиболее тяжелые ходовые испытания души; здесь *путевое нисхождение*, из которого не выходит добрая половина всех вошедших в него. Тут царство чистилищного дьявола, самая темная часть Пути жизни.

Светать начинает сразу же после наинизшей точки впадины жизни, лет в двадцать пять. Духовный рост сначала медленный, потом набирает силу настолько, что личностное рождение, свое двадцативосьмилетние, человеческая душа справляет на крутом подъеме. Прилив продолжается всю первую половину сторгического периода жизни. По схеме он должен был бы кончиться в точке второго пика чистоты. Но это широко плавающая точка. Поэтому слом крутизны кривой восхождения условно произведем где-то между тридцатью и тридцатью двумя годами. Критическая точка жизни (35—37 лет), ее вторая развилка, как и первая, поджидает душу на отливе. И в том, и другом случае это обстоятельство, наверное, немного что значит. Скорость роста в развилках жизни все еще очень велика — путеводные силы совсем не стремятся погубить нас.

Середина жизни, область кривой вокруг критической точки Пути, напоминает по течению пору затишья седьмого периода Пути. Других таких отрезков на кривой восхождения нет. Они словно два уступа, между которыми отвесная стена Пробуждения. На одном уступе так же приятно, покойно и легко задержаться, как и на другом. Если за первый уступ считать низину Пути, середину четвертого периода, то в кривой восхождения естественного пути мы обнаруживаем *три уступа*, три ступени, разделенные крутыми подъемами. На графике кривой ясно вырисовывается трехступенчатый профиль естественного пути жизни.

До путевого духовного рождения путевой человек живет либо на первом, либо на втором, либо на третьем уступе Пути, либо восходит с одного уступа на другой.

Со старта Пути, то есть начиная с четвертого периода, все эти уступы и подъемы Пути обычно не так жестко привязаны к возрасту, как мы изображаем на чертеже генеральной кривой восхождения. И потому в низине Пути не редкость встретить

тридцатилетнего или на плато третьего уступа — шестидесятилетнего. Впрочем, человек, долезший до третьего уступа Пути, сам по себе редкость в любой среде. Свое шестидесятилетие люди культурного мира нередко встречают, все еще находясь на втором уступе кривой, которая некогда была кривой восхождения и теперь все более и более становится, или стала, кривой нисхождения.

Люди надевают маски, живут в масках, скрывают себя. Но у человека нет заботы скрыть то место на кривой Пути, на котором он находится. Не потому ли, что для Общей души это не важно? Всмотревшись в другого человека, можно определить, где он. Правда, если его отрезок Пути был для тебя самого пройденным этапом. Между людьми разных уступов — пропасть, стена, обрыв, как мы и видим на рисунке кривой Пути. Человек верхнего уступа поймет, конечно, человека нижнего уступа, но не наоборот. Обычное явление: человек нижнего уступа представляет человека высшего уступа на одной плоскости с собой и судит его по критериям своего уровня духовного сознания.

До конца естественного пути всю кривую восхождения проходят редко. В реальной жизни мы практически встречаем людей того или другого уступа. Пора подъема на Пути относительно коротка. Подъемы на Пути представляются промежуточными участками, делящими всю жизнь надвое или натрое. Для подавляющего большинства они скорее вехи жизни, чем основная жизнь. Только для восходящего на Пути все наоборот: уступы — промежуточные фазы, межвременье, подъемы же — самая жизнь, ее главное содержание и ее основные фазы. Жизнечувствование на уступе у восходящего человека всегда томительно-выжидательное или душевно-отдыхающее; на подъеме — бодрость, радость, благодать чувства жизни, ее работы. Эта бодрость духа не оставляет даже тогда, когда идущему в точке темного откровения раскрывается бездна зла и злого.

Работа перевода Пути со второго на третий уступ жизни должна быть разрешена в критической точке и начата лет в тридцать восемь. Прилив Пробуждения очень крут и достигает предела в сорок лет, в точке темного откровения жизни. В этом месте мы пустим кривую Пути вертикально вверх и тут же загнем ее к точке духовного рождения в самосознании, выставленной нами ранее на стыке шестого и седьмого периодов. Сделано это скорее ради удобства, так как тут не столько переломная точка, сколько процесс перехода состояния откровения тьмы к откровению Света.

Кривая восхождения Пути, которую мы чертим, отображает прежде всего глубинные духовно-душевные явления, начинающиеся в глубинах пласта духовного Я, проходящие сквозь канал духовного входа в душу, которая только отчасти переносит мощь духовного сознания на исполняющую волю. Поэтому на кривой Пути мы никак не можем обозначить точку главного перевала, совершающегося в плотско-душевной сфере в 43—45 лет. Установим ее в 44 года и с этого момента начнем исчислять время затишья или, как мы иначе называли, «плато» Пути восхождения. На плато этом сохраняется неизменная скорость роста. Тут нет ни прилива, ни отлива, и потому участок плато должен изображаться прямой наклонной линией, идущей вверх под большим или меньшим углом. Как бы ни была длинна эта прямая, конец ей должен быть. Или она вырождается в нисходящую кривую, или обрывается для духовного рождения на Пути, которое мы пока что установили на сорокадевятiletии.

Процесс духовного рождения на Пути столь сложен, что увидеть его в целом, дать ему то или иное должное на-

правление на кривой, затруднительно. Вглядываясь в кривую восхождения всех пяти периодов Пути по отдельности, можно подметить, что рисунок у каждого из них свой. Исключение составляют только третий и пятый периоды, соответственно идущие вслед за душевным и личностным рожденьями. Кривая в этих периодах одинакова: сначала берет круто вверх, затем загибается к горизонтали. Быть может, так же дело обстоит и после духовного рожденья? (...)

Кривую восхождения Пути после духовного рожденья мы продолжим пунктиром, так как она основана исключительно на исследовании пути Толстого, да и вообще идет в других измерениях. Проводить ее далее, по свободному пути жизни принципиально невозможно.

14.

«И изгнал человек и водворил на восток к саду Эвенскому керувов и пылание меча обращающегося хранить *путь дерева жизни*». Таков буквальный перевод соответствующего стиха первой книги Торы. Господь, выгнав Адама из Рая, не отказывает человеку в Пути жизни и не стремится охранить от посягательств человека дорогу к волшебному дереву жизни, плоды которого могут сообщить смертному бессмертие. Керувы и пылание обращающегося меча призваны Им *хранить* Путь дерева жизни, который в поте лица, в трудах жизни своей должен теперь проходить человек. До грехопадения Адам проходил Путь жизни, работая работу Божью беструдно; изгнанный человек вынужден совершать тот же труд тяжело и мучительно — восходя... Но тем не менее, библейский текст создает впечатление, что и ныне существует какой-то вполне справедливый, верный, единственный Путь дерева жизни, который ведет к бессмертию. Нужно, как ни тяжело, только не сойти, пройти Путь или, лучше сказать, всегда идти по нему.

Продолжая эту-то мысль, мы поняли, что сам человек есть не что иное, как Путь. У каждого свой Путь, то восходящий, то нисходящий, сходящий и вновь воскресающий, всегда по-своему уклоняющийся от того прямого, единого Пути, который ему одному исходно установлен. Но каждый из нас обладает человеческой душой, и мы, несмотря на все различия, близки друг другу — «ближние» душою. И потому в хождениях наших есть нечто общее, нормативное всем. Кой-какие штрихи этого общего Пути восхождения мы пытаемся разглядеть и обдумать.

Путь восхождения — Путь *дерева* жизни, история духовного роста и превращений души. Душа наша высевается, набухает, оживает, пускает корни, прорастает, становится растением, превращается в дерево и дает плоды. Семя души высевается при плотском рожденьи, набухает и оживает при рожденьи душевном и становится растением, выходит на поверхность и затем вырастает в дерево после рожденья духовного. Участок Пути восхождения между душевным и духовным рожденьем это *пророст* семени. Кривая восхождения, которую мы нарисовали, выявляет прежде всего общий *график* пророста семени-души.

Странное дело, столько раз всматривались мы в кривую восхождения, но так и не увидели ее целиком, пока не начертили ее. Только тогда стало видно, что на этом отрезке Пути восхождения, вплоть до духовного пути жизни, человеку надо преодолеть три ступени и четыре подъема. Возрастные границы между ними размыты, и каждый уступ или каждый подъем имеет свою продолжительность. В целом от кривой остается впечатление *незавершенности*, фрагментарности,

разорванности, но и в таком виде она очень энергична.

Ощущение энергичности создает, наверное, особенная деформированность ее трех волн. Кажется, что с верхнего угла она как бы пружиной сжата вдоль своей оси. Подъемы ее идут друг за другом все круче и круче, и времени для каждого подъема раз от раза отпущено меньше и меньше. Три года всего дано на *пробуждение* (подъем Пробуждения): с 38—39 по 41—42. Более полого идет *подъем личностный* (личностного рождения), которому отдано лет пять—шесть, с 26—27 по 32—33 года. Первый же *подъем взвода* духовной жизни в сравнении с кручей Пробуждения не более как насыпь перед отвесом скалы; длится он до 18—19 и начинается, по крайней мере, за несколько лет до душевного рождения. О продолжительности его судить трудно. Вполне возможно, что его вообще надо вести из Прапути...

Не похожи друг на друга и ступени (уступы), на которые подымаешься по ходу кривой восхождения. Первая из них — *чистилище* Пути — очень длинна, с выбоиной к концу. Срок чистилища можно исчислять уже с 18—19 лет и вести до 26, а то и 27 лет, то есть лет семь—восемь. Другой, *сторгический уступ*, начинающийся после личностного подъема, чуть приподнят по ходу движения и заметно короче. Нижняя граница его размазана в два-три года (с 32 до 34 лет), верхняя более четка — лет тридцать восемь. Весь сторгический уступ длится на кривой лет шесть.

Еще более приподнята прямая периода духовных родов — *плато* Пути, на которое после Пробуждения человек взбирается в 42—43 года и на котором он может пастись до духовного рождения. После него человек имеет возможность подняться на *духовную ступень* жизни.

Кривая восхождения или график пророста души весьма неравномерен и поэтому в нем наверняка есть как наиболее, так и наименее опасные с путевой точки зрения возрастные зоны. Наименее опасны, понятно, те моменты, в которых особенно сильна тенденция восхождения. Это моменты наивысшей активности путеводных, устанавливающих Путь духовных сил. Такова точка первого пика чистоты на взводе Пути (16 лет), точка второго пика чистоты на личностном подъеме (30 лет), точка откровения в Пробуждении (40 лет). Наиболее опасны, видимо, точки, где духовный отлив глубже всего. Это, конечно, впадина жизни или низина Пути в чистилище (23—24 года), где большинство душевно рожденных людей сходят с Пути; далее — конец сторгического уступа (38—39 лет) и момент перед духовным рождением — около 50 лет. Вполне законно, что каждой из этих *точек схождения* предшествует своя развилка Пути, в которой и решается дальнейшая путевая судьба человека. Сначала решается, а потом свершается. И между решением и совершением дан срок. Значит, решение все же не безусловно? Не будем гадать. Отметим другое.

Впадине жизни в чистилище (24 года) предшествует первая развилка Пути (18 лет), и разрыв между ними составляет лет шесть. Точке схождения сторгического уступа предшествует критическая точка (35—37 лет); разрыв между ними уже меньше — два—три года. Видимо, должна быть такая же критическая точка и на плато кривой восхождения, где ей нет места, кроме зоны главного перевала Пути (44 года). Я думаю, что эта тоска между поприщем вхождения и поприщем исхода и есть искомая *третья развилка Пути*¹.

Именно в 18—24 года определяется, быть или не быть и в какой степени быть личностному подъему и соответственно (хотя и не обязательно) личностному рождению. Именно в 35—38 решается последующее Пробуждение, а в 44—48 —

подъем на духовный путь жизни. Каждая из этих трех особо опасных зон Пути начинается с критических точек, которые — важно отметить — тесно связаны с переломами плотской жизни, подогнанной, как не раз сказано было, по нуждам Пути.

Прежнее наше семилетнее, такое равномерное периодизирование Пути, четко расставившее вехи на нем, невольно и разрывало Путь на отдельные куски. Получалось, что жизнь не столько бесконечное движение роста и восхождение, сколько бесконечная ломка. Взаимосвязи периодов и их преемственность, как мы ни старались, были недостаточно сильны; процессы смены периода на период не сглажены на стыках, как бывает в реальной жизни. При первой же попытке сгладить эту ломаную кривую она стала размытой, расплылась. Так, третий период разбился на два этапа: собственно взвода и мнимой души. То же могло произойти и с четвертым (до и после низины Пути), и с шестым (до и после точки откровения) и, менее заметно, с седьмым периодом, если бы нам пришлось более внимательно вглядываться в него. Конечно, жизнь имеет путевые изломы, но, во-первых, они не столь резки, как их пришлось нам изображать, а во-вторых, Путь ломается только между стадиями, при переходах в новое и совершенно иное состояние полноты жизни, а не между периодами, которые в пределах одной стадии составляют единый процесс одного и того же состояния жизни.

Именно установление стадий Пути и их смена дает смысл семилетнему периодизированию. Наблюдая за другим человеком, можно определить, что он находится в про-

1 Так думалось. Теперь я понимаю, что критическая точка, о которой идет речь, установлена близко к пятидесяти годам.

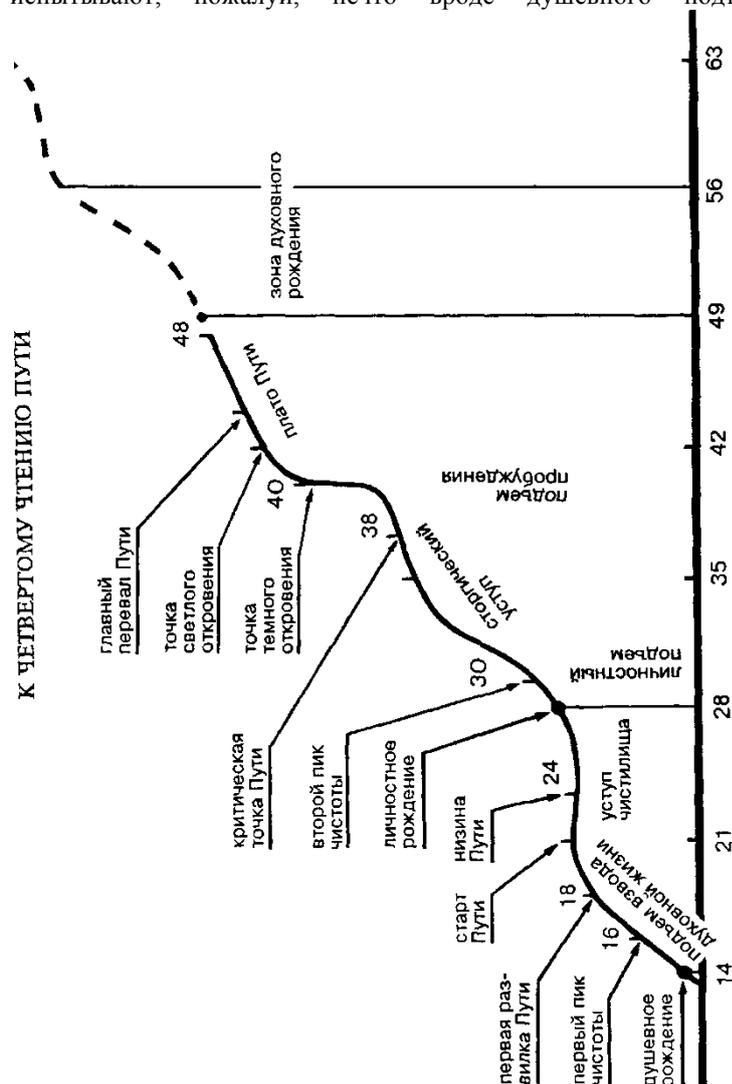
цессе душевного, личностного или духовного рождения. Но непосредственно разглядеть старт Пути, или его развилки, или низину жизни и даже точку откровения нелегко и в себе самом — *сделать это можно только ретроспективно.*

Для наблюдения и самонаблюдения душевная жизнь куда рельефнее проявляется в путевых приливах и отливах, подъемах и спадах, нежели в семилетках периодов. Слова: «этот человек наслаждается на сторгическом уступе Пути», а этот «взвинчивается на взводе», или «Я кручу жизнь в чистилище», — хотя по смыслу ничем, казалось бы, не отличаются от слов, которыми можно описать соответствующие периоды, но обладают существенным преимуществом: они не только образнее, яснее, энергичнее, но более жизненны, лучше называют состояние жизни, чем их аналоги в семилетиях.

Однако, это не означает, что мы должны предпочесть делению на стадии и периоды деления на подъемы и уступы кривой восхождения. Одно не только не исключает другое, но дополняет. Сама по себе кривая восхождения, без стадий и периодов, не так много способна открыть о человеке. Душевная жизнь любого, прошедшего второе рождение, человека, независимо от его дальнейшей путевой судьбы, протекает в некотором соответствии с графиком пророста кривой восхождения. Приходит время и наступает личностный подъем, и человек входит на сторгический уступ жизни, но не в третью стадию жизни. Личностный подъем может оказаться недостаточен для личностного рождения, и человек, перейдя на сторгическую ступень, по существу, останется на духовном уровне второй стадии жизни. Так оно чаще всего и бывает.

Нельзя быть уверенным в неизбежности личного рождения или вступления в период духовных родов при любой, самой высокой энергии, напряжении, крутизне личного подъема или подъема Пробуждения. Подъем кривой восхождения в той или иной степени испытывает всякий душевный человек, но далеко не всякий проходит Путь восхождения к духовному рождению.

Выход в следующую стадию Пути и, тем более, Пути восхождения обусловлен далеко не только наличием и степенью соответствующего подъема душевной жизни. И многие из душевно рожденных людей около тридцати и чуть за сорок испытывают, пожалуй, нечто вроде душевного подь

ема. В этом смысле кривая восхождения имеет универсальное значение. Но от этого ценность ее, именно как графика *восхождения Пути*, только уменьшается.

С путевой точки зрения, нам важно знать не только место на кривой восхождения, но и полноту жизни, достигнутую человеком к этому месту, результат прохождения им предшествующего Пути, ту стадию, духовную плоскость жизни, которую он сумел достичь. Кривую восхождения мы и чертили в предположении соответствия ее периодам и стадиям Пути восхождения. Но сама по себе эта кривая на них не указывает. Она — график пророста, или ритм дыхания семени-души, который в той или иной степени сохраняется независимо от действительного восхода дерева Пути жизни из его семени.

Классификация на периоды и стадии Пути и деление его на участки и точки кривой восхождения — это два ракурса закономерности восходящего Пути. Таких ракурсов может

быть, наверное, немало. Важно подчеркнуть, что все они не должны быть различными взглядами, а различными ракурсами *одного и того же взгляда*. Мы смотрели на Путь одним глазом, теперь оказалось возможным взглянуть двумя, что при соответствующей координации общего взгляда создает объемное зрение на выбранный нами предмет — участок Пути восхождения.

Декабрь 1979г.

Второе междусловие

1.

Создавая душу. Господь заповедовал всему живому плодиться и размножаться. Но — как? Как следует живому плодить и множить себя?

Все те, в ком душа живая, не начинают жить готовыми и зрелыми, а впускаются в жизнь на становление и вырост. Птица не выпархивает из птицы и кошка не плодится кошкой, а рождает котенка, неспособного тотчас же жить самостоятельно. Всякое дерево множит себя, сея семя, — чтобы семя проросло, само развивалось и стало деревом. Живому заповедано плодить и множить себя не как угодно, а определенным образом: через рост и в становлении. Все живое растет, и черта эта так ввинчена в жизнь, что все растущее мы склонны считать живым.

Чтобы жить и плодиться, надо расти. Рост — Воля Бога, без исполнения которой нельзя держать нить жизни из поколения в поколение. Все рождающееся рождается в рост, на пророст, на становление к зрелости. Сила жизненности в человеке — сила роста. Когда сила эта убывает, когда рост останавливается, живое начинает дряхлеть и погибает. Живое рождается в рост — и прекращает жить, когда рост прекращается. Причина смерти, как и причина рождения, — рост. Между рождением и смертью заключено жизнепрохождение живого существа: трудный процесс то убыстряющегося, то замедляющегося роста. Итак: от роста — рождение, от роста — смерть, от роста — жизнь между рождением и смертью. Не рост для жизни, а, скорее, рождение, жизнь и смерть для работы роста.

Рождение и смерть — границы дистанции отдельной жизни. Рост есть та работа, которая производится живым существом на этой дистанции. В том-то и существенное свойство работы роста, что она производится *в промежутке*, в длительности промежутка жизни отдельного человека. Рост, по-видимому, задает этот промежуток, и есть то, что совершается в нем. И не только совершается, но и завершается. Как работа роста каждая отдельная жизнь цельна, полна, окончена — не как отдельная деталь, а как отдельная музыкальная фраза, цельная и завершенная сама по себе.

Только благодаря непрерывной работе роста отдельная жизнь есть нечто цельное. Только благодаря непрерывно идущей работе роста, — его усилению или его ослаблению — жизнь каждого есть нечто единое. Рост придает цельность и единство каждой отдельной жизни. То же самое обеспечивает и душа. Рост — способ земного существования души.

Когда Бог повелел Земле исторгнуть «душу живую по роду ее» — то есть исторгнуть отдельные души, — Он установил и рост в качестве рабочего способа существования

земной жизни. Поэтому-то рост есть одновременно и задание на жизнь каждой отдельной души, и условие ее существования, и дистанция ее существования.

Двигаясь по дистанции жизни, от возраста к возрасту, и обеспечивая себе существование, душа не может не выполнять возложенное на нее при Творении рабочее задание. Жить отдельному существу, единичной душе значит в цельности и единстве отдельного земного существования исполнять работу роста. Сама отделенность существования души нужна Творцу для ее роста. Душа отделена и тем самым послана в нашу Обитель для работы роста. В этом смысле отдельная душа и рост — одно и то же.

Работа для единичной души, работа роста, заключена в заповедь плодиться и множиться. Плодить себя значит переносить свое Я в отделенность существования другого существа, жизнь которого преемственна моей жизни. Множить себя значит передавать многим жизнь от себя одного. *Плодить* себя значит вновь осуществлять себя в какой-то исходной полноте и движении к заданной зрелости. Множить себя значит осуществлять себя во многих. Таким образом, душа каждого живого существа послана в Мир, чтобы осуществлять себя в себе как плод и дать плод от себя одного многим другим. Каждая душа — семя от какого-то плода и должна, во-первых, сотворить себя такой, какой она как семя высеяна, — повторить плод, от которого она, через самоосуществление в росте — и, во-вторых, сама сделаться плодом, сеющим новые семена. Не совершить эту двойную работу самоумножения и самотворения в повторении душа не может. Что Сеятель высеял, то Он соберет; и каждое высеянное семя даст для нового урожая свои зерна. Таков закон существования души в природном мире, — закон *природного роста* или *самодвижения*.

Природный рост потому и самодвижение, что идет сам собою, без какого-либо дополнительного свободного усиления духовной мощи в себе. В самодвижении живое и плодит и множит себя. Плодить себя в самодвижении значит повторять себя в той полноте и зрелости, которая есть, — и не больше. Животное родит животное, и то растет и становится таким же, как породившее его животное. Образец полноты и зрелости, который следует достичь в самодвижении, задается «позади», многократно осуществлялся прежде и вновь осуществляется в следующем поколении.

Множить себя в самодвижении значит превращать *себя* одного во многих *других*. Одно отделенное «Я» размножает себя в других «Я», оставаясь, как плод, *таким же*: остается тем же самым, но в других отделенностях. Эти другие отделенности одного и того же плода — иные и новые, но не только потому, что они вновь отделены, а потому, что каждая из них несет на себе новый отпечаток, отпечаток особенности, особи.

Множась в Природе, ничто полностью не повторяет самое себя. И дерево сеет дерево, у которого иной, свой рисунок отделенности ствола и ветвей. У каждого высшего животного свой характер, свой рисунок отделенности души и, более того, свой рисунок становления, роста к зрелости. Работа роста, в том числе и самодвижения, связана с необходимостью отделенности. Одно неизбежно предполагает другое.

Индивидуальность — выражение глубинного слоя отделенности. Чем глубже рост, тем в духовном отношении выше соответствующий ему уровень отделенности. Природному росту, самодвижению, в зависимости от ступени духовного развития, на котором происходит самодвижение, могут соответствовать разные уровни плотской и душевной

отделенности — своя особость, или своя характерность, или индивидуальность. Особость к индивидуальность не какое-то высшее свойство одухотворенности, а рядовое явление, присущее самодвижению, его свойство на определенной ступени жизни. Свойство особости или индивидуальности в природном мире основано на необходимости множить себя в другом, в другой особости, передавать один и тот же плод в иную и новую особенность существования.

Особость каждого нового существа заложена в самодвижении как условие выполнения заданной работы множить себя. Конечно, процесс самодвижения может идти через повторение, даже копирование. Так, клетки нашей плоти восстанавливают себя из поколения в поколение. Но именно благодаря полному копированию этого процесса, он сам ограничен определенным числом последовательных повторений. Самодвижение в повторениях быстро сходит на нет, теряет исходную силу роста и, значит, перестает обеспечивать жизнь. Вот та самая *остановка роста*, которая ведет к смерти живого существа.

Незатухающий процесс самодвижения идет не через повторения, а через подобию. Если данное поколение особей считать подлинником, то следующее — их подобие. Во исполнение заповеди плодиться и множиться самодвижение идет от подлинника к подобию или, лучше сказать, от подобию к подобию: по подобию возникает из предыдущего и по подобию порождает последующее.

Развитие живых существ в самодвижении никуда не ведет в духовном плане. Самодвижение внутренне не изменяет живое существо и оставляет его на той ступени духовного развития, на котором оно пребывает. И все же в Природе мы видим существа, находящиеся на самых различных ступенях становления духа. Если бы высшие животные возникли из низших, то это означало бы, что в Природе действуют силы не только самодвижения, но и *духовного роста*, все большего и большего оживления.

Можно ли сказать, что одно живое существо, собака, скажем, во столько-то раз живее другого существа, скажем, бабочки? Что-то восстает в нас против такого вычисления. Мы знаем, что собака живет совсем иначе, чем бабочка, находится на совершенно другой ступени развития жизни. Дело не в том, что одно существо организовано в высшие формы жизни, а другое в низшие формы; и не в том, что одно функционирует активнее другого. Дело в том, что собака совсем иначе живет, в ином, высшем качестве жизни. Качество это определяется не степенью выживаемости в Природе или могуществом перед другими существами, а достоинством самого чувства жизни, полноценностью переживания жизни в себе, своей жизненностью. В сравнении с любой бабочкой любая собака обладает *неизмеримо* большей *полнотой жизни*. Она, в сравнении с бабочкой, *более живая*, так как проживает в высшей жизненности. То обстоятельство, что собака есть одновременно существо более высокой организации жизни, может служить предметом размышления, но само по себе ничего не дает нам для объяснения качественного состояния сознания полноты жизни, в котором она проживает.

Можно допустить, что организация жизни сколь угодно совершенствуется в процессе самодвижения, но от этого увеличение полноты жизни не произойдет. Полнота жизни изменяется, когда в душе проявляются более глубинные пласты образующих душу потоков духовностей. Только когда в работу души включатся высшие уровни духовности, только тогда обретается и большая полнота жизни. Так что переход из одной жизненности в другую должен совершаться силами, способными включить в душу высшие уровни

духовности. А это не силы самодвижения, действующие на одной и той же ступени духовного развития, а силы духовного роста.

Есть люди, которые *верят*, что живые существа, в том числе и человек, способны при изменении условий существования резко изменять себя. Но откуда в живых существах такая огромная творческая мощь приспособления?! Если она есть, то она в высшей степени свободна и духовна. Чтобы допустить возможность эволюционного развития высшего из низшего, надо предположить, что живые существа на земле обладают такой сверхмогучей силой самоорганизывания и самоперетворения, такой мощью — чудесной мощью! — духовных сил, которой в нас нет и в помине. От поколения Плеханова до поколения Лысенко люди, не замечая того, верили, что животное и человек *куда более духовны*, чем возможно на самом деле. И это они называли материализмом! Эти люди по-язычески верили в чудо, в чудо приспособления, которое и совершиться может разве что при участии потусторонних сил. Эволюционный взгляд такого рода держится на мнимодуховном блефе придания живому фантастической потусторонней мощи приспособления.

С усилением активности самодвижения происходит некоторое усиление жизни, — ее энергичности и ее кипения.

Но это не увеличение жизненаполнения, которое в живом существе возникает в результате духовного роста. Духовный рост ведет не к усилению жизни, а к такой новой полноте жизни, которая означает скачок или переход души в качественно новое состояние, на высшую ступень одушевленности и свободы. Под влиянием духовного роста происходит преобразование устоявшейся жизни, подвластной самодвижению. Духовный рост ломает самодвижение и переводит его действие на новую ступень. Самодвижение действует на той ступени, которая указана духовным ростом.

В отличие от самодвижения духовный рост предполагает дополнительное увеличение духовной мощи в себе, приращение жизненности в душе. Самодвижение идет от подobia к подобию и имеет подлинник, то есть заданный образец полноты и зрелости жизни, «позади» себя, в прежде осуществленном. Духовный рост создает нечто новое, небывалое по полноте и потенции жизни. Заданный для духовного роста образец полноты и зрелости жизни не осуществлен, и не «позади», а «впереди». С точки зрения духовного роста все существующее лишь намек на то, что должно *стать*, лишь отдаленное и несовершенно подобие должного быть. Духовный рост идет от подobia к подлиннику. Плод для работы духовного роста есть то высшее, тот идеал высшего состояния полноты жизни, в направлении которого идет духовный рост. «Плодить себя» в духовном росте значит не повторять себя, а *осуществлять* себя в высшем качестве Я и жизни в себе. «Множить себя» в духовном росте значит размножать, передавать другим ту полноту жизни, которую *достигла* своя душа.

Духовный рост в Природе мы будем называть естественным духовным ростом или *естественным ростом*. Высшее животное по отношению к низшему несет в себе результат дополнительного духовного усилия естественного роста — по ступеням от несовершенного подobia к совершенству подлинника. Обозревая лестницу существ в природном мире, нельзя усомниться, куда она ведет. Человек является тем подлинником, к которому держит направление естественный рост, расположивший живые существа по ступеням, от низших к высшим. И все же «эволюционно», то есть путем самодвижения, или через автогенез, то есть посредством естественного духовного роста, нельзя прийти от животного к человеческому.

И вот почему.

Чувствовать себя живущим и сознавать «Я» — одно и то же (см. об этом том 11.5.1). В этом нет разницы между человеком и животным. В «Я» и координатный нуль времени и пространства, и мера длительности, протяженности, движения вообще. По своему чувству жизни я не могу предположить Мир без меня, так как без меня, без моего «Я» Мир лишится своего центра. Жить значит знать, что «Я» есть центр Всего, что есть, существования вообще. «Я» сознается и может

сознаваться только в качестве отделенного, *выделенного центра* Всего вокруг меня существующего.

Но кроме того, этот выделенный центр одет в одежду своего тела, которую признает своей, принадлежащей «Я», — отъемлемо или неотъемлемо. На одних ступенях полноты жизни «Я» полностью переживаемо в теле — и в нем создается выделенный центр Всего. Такое, теоретически говоря, необязательно и в животном мире. В преобразованиях естественного роста душа все более наполняется духовными потоками из глубины, сама становится глубже, уводя сознание «Я» из тела. Чем духовно выше живое существо, чем больше его полнота жизни, тем все больше его сознание «Я» перемещается из тела в глубины души. Вместе с этим изменяется и переживание жизни в себе. Духовный рост ведет к перемещению в глубь души *центра тяжести жизни* — того *ударения*, на котором в качестве выделенного центра Всего выставлена своя жизнь на данной ступени ее духовного развития.

На отливах и приливах духовных сил души центр тяжести жизни даже может мигрировать во мне. В принципе (хотя, конечно, куда в меньшей степени) то же может происходить и у животного. Центр тяжести жизни может быть установлен стабильно и может «плавать». Но под действием сил духовного роста перемещение центра тяжести жизни имеет строго заданное *направление* к высшему духовному образцу, являющемуся как бы целью духовного роста. Этот образец для осуществления в духовном росте, этот подлинник, к которому растет душа, можно увидеть в душе же — как точку на ее вершине, из которой исходят направляющие духовный рост лучи тяготения. Это высшее «Я», эту точку вершины конуса души, этот *центр духовного тяготения* мы можем вообразить и в животной душе. Центр духовного тяготения для имеющей свой центр тяжести жизни животной души — «Я» человека. Для каждой животной особи это, разумеется, фантазия. Но для духовного развития животной души в Природе вообще — реальность. Естественный рост всегда шаг животного в направлении человека.

Животной душе с момента Творения дан импульс естественного духовного роста. По этому импульсу центр тяжести животной жизни перемещается в направлении «Я» человека как к своей вершине. «Я» человека для духовного развития животной души есть *недостижимым* идеал, к которому она стремится. Столь недостижимый, что даже наивысшие из животных находятся на самых дальних подступах к человеческому «Я». Создается впечатление, что естественный рост, сколь бы мощным и длительным он ни был, не может привести животную душу к ее центру духовного тяготения в человеческом «Я». Взгляните на собаку, на которую человек *непосредственно* оказывает мощное и направленное духовное влияние. В отношении духовного развития собака тысячелетиями находится в самых выгодных условиях. И что же? Она несомненно приблизила центр тяжести своей жизни к «Я» человека (и даже к определенному человеческому «Я»), но не как к подлиннику (как должно бы по стратегии естественного духовного роста), а как к господину, признав *его* властелином *себя*. Вот основное «духовное достоинство», которое человек сумел за все века сообщить собаке.

Человеческое «Я» не может произойти от животного «я». В истории Земли душа человека, понятно, росла и развивалась, но она исходно создана иначе и создана иной, чем душа животного. В инструментальных целях мы можем *вообразить*, что душа животного создана с ориентацией на духовное развитие к образу человеческого «Я». Но мы знаем,

— нам сказано и множество раз подтверждено нашим духовным опытом, — что человеческая душа высеяна в Мир по-особому: по образу и подобию Божьему. И потому она живет в Природе, но растет и развивается — внеприродно.

2.

Живешь, живешь и вдруг как бы прозреваешь. Оказывается, что то-то прежде не воспринималось вовсе, или было неясно, или ложно понято. Тотчас вспоминаешь и людей, которых раньше, выходит, совсем не понимал. Только теперь стали ясны их слова, эмоции, поступки. Получается, что на ту новую, высшую ступень, на которую ты только что вступил, они взошли до тебя, раньше тебя. Открыв это, оглядываешься и смотришь другими глазами на тех, кто до сих пор понимает и воспринимает так, как понимал и воспринимал ты, кто был еще недавно наравне с тобою, но теперь остался позади. Становится видна лестница (конечно, часть лестницы) и своя нынешняя ступень на ней. Себя чувствуешь между теми, кто остался внизу, и теми, кто ушел вверх, раньше и дальше тебя.

Опыт такого самосознания есть у каждого. В момент очередного прозрения себя на этой лестнице остановитесь, оглянитесь назад, вспомните себя на нижней ступени и потом посмотрите вверх и вперед себя, на верхнюю ступень. Тогда Вы, надеюсь, не спросите: что такое духовный рост?

Мы описали рост истины в душе, разума, духовного сознания. Нетрудно уловить и движения других видов духовного роста в себе.

Часто пожилые люди поражаются на себя, на безжалостность и пренебрежение другими людьми в своей молодости. К старости многие добреют и, значит, поймут, что такое рост доброты, любовной духовности.

Разумеется, есть люди, которые к старости «звереют», теряют даже ту полноту жизни, которая в них была. Это приговор и наказание им. Рост доброты с возрастом дело обычное, но не повсеместное. Другое дело, рост истины, который совершается практически со всеми. Бывает, слышишь разговор седого человека со смешками, ужимками, выражением лица и душевными реакциями постаревшего парня. Кажется, за многие годы жизни в душе его ничего не изменилось. Но дождитесь, пока он останется один и на мгновение задумается. Тогда, взглянув в его глаза, вы увидите, что ошиблись, что душа его нагружена не только знаниями опыта проживания (большей частью, как водится, отрицательного), но и знанием, придающим полноту жизни. За годы жизни душа его прозревала, он узнавал для себя в жизни какую-то новую истину о ней или, по крайней мере, уяснял, приобретал ясность в том, что знал прежде.

Рост истины в таком человеке совершился без каких-либо специальных усилий. Он напоминает естественный рост жизненнаполнения в Природе. Только совершается он в продолжение одной жизни и на наших глазах. Такой *вынужденный* духовный *рост* — норма человеческой жизни. Сама жизнь заставляет высеянные семена зреть. Конечно, происходят аварии и семена гибнут, но не это высший закон человеческой жизни.

По закону людской жизни каждый человек, проходя дистанцию жизненного пути, переделываясь из ребенка в старика, должен совершать работу духовного роста. Человек в течение одной своей жизни изменяет — увеличивает или уменьшает — полноту ее. Пусть процесс изменения полноты жизни вынужден, но в человеке он *всегда* идет. И чаще все же в направлении увеличения — пусть и чуть-чутьочного

увеличения — этой полноты.

Но человек не только единственное в Природе существо, в котором идет вынужденный духовный рост. Он обладает еще сверхприродной способностью *свободного роста*. То есть, сам, своими усилиями может увеличивать полноту жизни в себе. Человек потому и человек, то есть свободно душевное существо, что потенциально обладает свободой ускорять духовный рост, совершать его приращение. Ни одна животная душа не в состоянии полнить себя. Природная душа волей-неволей должна повторять саму себя. Только душа человека свободна захотеть и в состоянии осуществить больше самой себя — увеличивать жизнь в себе, стать и продолжать становиться все более и более живой, зрелой, жизненаполненной, духовмещающей.

Потенция свободного роста у каждой души, разумеется, своя. У кого больше, у кого меньше. Когда в другом человеке мы не видим и не предполагаем потенции свободного роста, то полагаем, что в нем все же идет рост вынужденный. Хотя, где кончается вынужденный рост и начинается рост свободный, узнать нельзя. Сверх вынужденного всегда могут быть взлеты свободного роста. Свободный рост мы только отсчитываем от вынужденного роста, но каков уровень вынужденного роста? Этот уровень дан мне (видимо, достигнут в свободном росте до меня), но ни я, никто не знает его, ибо я призван не только повторить достигнутое, но и пойти по Пути восхождения дальше.

Заданный уровень вынужденного роста можно определить (вернее, предположить) по той легкости, с которой человек преодолевает ту или иную ступень Пути жизни.

Вынужденным ростом, я думаю, задается та стадия Пути жизни, в которую *должен* (обязан) вступить человек. Его собственной заслугой будет переход в следующую стадию Пути. Плодить себя для человека значит *созреть* до следующего рождения на Пути. Как бы круто ни шел свободный рост, ты не исполнил заповедь «плодиться», если в тебе не совершился тот путевой перелом, который задан твоей душе для труда свободного роста.

Задание для вынужденного роста — до тебя, в духовном труде тех, кто жил в Прапути. Задание для свободного роста — в результате твоего Пути. Кто же задает это задание?

Духовный рост есть всегда движение от подобия к Подлиннику. Подлинник для естественного роста в Природе — человеческая душа. Подлинник для вынужденного роста — тот уровень полноты жизни, то духовное достоинство души, которое определяет потенциальные путевые возможности души в начале жизни. Подлинник для свободного роста — сверх какой-либо потенции данной души и задается только *вехами* высоты, указующими направление к нему.

Вынужденный рост идет по проторенному, свободный рост — внове, по целине. В работе вынужденного роста душа обретает новые *качества* или усиливает имеющиеся. В работе свободного роста душа силится обрести новый *образ себя*, при осуществлении оказывающийся вехой в направлении к более совершенному образу себя, и так до последней вехи, до совершеннейшего Образа, уже не вмещающегося в земном существовании. Свободный рост зачинается от прообраза и идет к образу совершенства через вехи образа себя. Свободный рост это самостановление и самопреобразование, но не любое, а наперед заданное в направлении самоосуществления.

Душа человека обладает способностью *образовывать себя* в направлении определенного Лица наивысшего совершенства и достоинства как духовного Подлинника себя, всегда, на любой ступени жизни, недоуплощенного. Человек и определяется тем Ликом Подлинника, который является ему в качестве Образа наивысшего духовного совершенства и к которому он стремится в усилиях свободного роста. Ликом духовного Подлинника себя может быть фигура и основателя религии, и героя, и вождя, и наставника, и даже литературного героя. Множество самых разнообразных фигур служили и служат человеку теми вехами образа себя, по которым он продвигался к вершинам уподобления совершенному образу.

Видов свободного роста много. Мы еще не знаем, как их различать. Их можно квалифицировать и по Лику Подлинника, к которому стремится свободный рост, и по той духовности,

которую свободный рост преимущественно выделяет, и по тактике движений свободного роста. Каждому религиозному или субрелигиозному течению в человечестве соответствует своя стратегия и тактика, свои особенности и усилия свободного роста, свое знание Лица Подлинника и свое чувство той высшей точки, на которую желает встать душа или которой она желает быть причастна. Эта же высшая точка дает основание для веры и задевает веру в душе.

Мы не ставили перед собой задачу изучения и осмысления какой-либо религии или религии вообще. Мы пытались и пытаемся осмыслить душу человеческую, ее назначение и ее устройство. Первое, что мы обнаружили, что человеческая душа как таковая связана с какой-то высшей духовной точкой, которой она как бы принадлежит. Эту высшую точку, на которую в пределе желает стать *моя* душа. Толстой в конце жизни называл «Бог Свой» или *духовное Я*. Обычно душа не видит духовное Я, но в некоторые минуты чувствует его, когда человек переживает идеал себя и всем сердцем устремляется к нему. Кроме переживания идеала, духовное Я придает душе способность веры. Вне зависимости от какого-либо вероисповедания и от наличия его, душа через идеал и веру *непосредственно* слышит *голос* духовного Я в себе, который мы и называли религиозным чувством.

Религиозным чувством духовное Я непосредственно трубит душе человека. Но чувствовать духовное Я душа может и через его вехи, как бы установленные (у каждого по-своему) по направлению к нему. Так, душа наша в состоянии подняться над собой, на какую-то высшую точку себя, обозреть самое себя и с этой высоты судить себя. Способность судить себя с высшей духовной точки мы называем *совестью*.

На некоторую высшую точку себя душа подымается в момент, когда узнает или проясняет новую (для себя) истину. Без такого мгновенного подъема, называемого *откровением*, не может быть рывка в постигновении истины.

Ровно так же, чтобы быть искренним, надо с высоты увидеть обман себя и побуждать себя не поддаваться ему.

Вехи духовного Я, с которых мы судим себя, или побуждаем себя к искренности, или испытываем откровения, могут находиться на разном отдалении между природно-душевым Я, на котором установлен *центр тяжести моей жизни*, и духовным Я, являющимся *центром духовного тяготения* моей души, моим «духовным солнцем». Чтобы испытать уколы совести, не нужно высоко подыматься над своим центром тяжести жизни. Но чтобы *покаяться*, душе необходимо встать столь высоко, чтобы обозреть себя *целиком*. Покаяние возможно только тогда, когда сверху обозреваешь *всю* свою душу, с вышины видишь ее малость, низость, ничтожество. В момент покаяния душа рывком приближается к духовному Я и обретает силу взгляда на себя из центра духовного тяготения. Такая сила взгляда становится назначающей волей души, которая затем задевает волю исполняющую.

Через опыт покаяния душа чаще всего пытается *сознать* духовное Я. И если это ей удастся, то она сознает духовное Я в «четвертом лице» — как «отца», который зачал «Я», от которого «Я» исшел, в котором полное, совершенное «Я», мой первообраз, в направлении которого происходит становление «Я» в свободном росте. Отношение моего «Я» (вернее, того центра тяжести жизни, на котором выставлено ударение природно-душевного Я на данной ступени духовного развития и в данный момент) и источника духовного тяготения в духовном Я всегда осознается как отношение *духовного сыновства*.

Можно ли изобразить, дать зримый образ духовного Я? Гений Льва Толстого смог не только почувствовать духовное Я в религиозном чувстве души, не только приблизиться к нему в покаянии, не только сознать его как «духовного отца», но и в художественном образе изобразить (!) его — свое духовное Я — в князе Андрее на последних месяцах его земной жизни. Мы подробно рассказывали об этом толстовском религиозно-художественном *видении* духовного Я в самом начале нашей работы. Вероятно, не все читатели восприняли эту статью. С естественно испытательской точки зрения она не доказательна. Объяснять, что такое духовное Я, можно, видимо, только тому, кто уже достаточно ярко проявил его в себе. Способность обозревать с духовной высоты открыто написана на нас, запечатлена на человеке. Эту печать мы называем духовным выражением лица.

Впервые духовное Я активно проявляется в душе в пору душевного рождения: вспыхивает в ней на время и гаснет. Потом в разные времена и по-разному «духовное солнце» выглядывает из-за туч, дает направление и притягивает к себе. Именно духовное Я ведет душу по Пути восхождения. Чем дальше на кривой Пути восхождения, тем духовное Я яснее сознаваемо. Вполне ясно осознать «духовного отца» можно, я думаю, только на «подъеме пробуждения», пройдя через точку «светлого откровения», в котором и видно духовное Я. Этот момент мы назвали «духовным рождением в сознании», которое, в свою очередь, ведет через седьмое семилетие жизни, через период духовных родов — к «духовному рождению на Пути», к той точке *духовного рождения*, которая разделяет всю жизнь в нашей Обители на две части, два пути: *естественный путь жизни* до духовного рождения и *духовный путь жизни* после него. На естественном пути жизни духовное Я задействуется в душе лишь вехами и через свое тяготение. И только после *пятого* рождения на Пути духовное Я начинает действовать в жизни души *само*, само присутствуя в ней. Вот с этого момента душа очно знакома с духовным Я.

Естественный путь жизни можно представить как восхождение центра тяжести жизни в направлении неведомого заочного центра духовного тяготения. Духовный путь жизни имеет другую работу. На нем происходит процесс совмещения центра тяжести жизни с центром духовного тяготения, перенос удара выделенного центра «Я» на «духовного отца», постепенная передача управления душою от себя к «Богу Своему». Прочерчивая Путь восхождения, мы тем самым подходим к решению столь мучительной для человека проблемы бессмертия его души.

Что значит «верить в бессмертие души»? — удивлялся Лев Толстой. Верить в бессмертие, не зная его в себе, нельзя: это обман мнимой веры. Бессмертие в себе можно знать или не знать. Иметь подлинную веру в бессмертие, учил Толстой, может *только* тот, кто установил в себе духовное Я, кто совершил для этого необходимую работу жизни, — кто либо перенес ударение жизни своего «Я» в то, что бессмертно, — в духовное Я, — либо находится в процессе такого переноса. Что праздно «верить» в бессмертие, надо трудом жизни становиться бессмертным. Только тогда надежно узнаешь бессмертие и будешь верить. Верить — как знать.

Осуществляемое на Пути восхождения бессмертие души не должно быть абстрактным или частичным. Оно должно быть и конкретно, и в каком-то смысле полно. Такого осмысления мы еще не достигли и стремимся достичь.

Если человек желает ясными глазами, зряче, смотреть на свою собственную жизнь, свою душу и со судьбу, то он должен уяснить себе, что есть природно-душевное Я, на котором

выставлено ударение центра тяжести жизни, и духовное Я, которое посылает в душу лучи духовного тяготения и в редчайших случаях само живет в ней. Человек сразу же знает в себе эти оба Я. Они-то и создают душевную напряженность, в которой живет человек и которая его, бывает, так поражает. Душевное Я и духовное Я вместе, как полюса магнита, создают ту «разность потенциалов», то напряжение поля жизни внутри души, без которого не было бы собственно человеческой жизни. Духовное Я создаст внутридушевное напряжение, действующее силы свободного роста. Вместе духовное Я и духовные силы свободного роста производят человеком *работу Бога*, то есть Богом производимую работу, работу, совершаемую человеком по его сообразности Богу и в силу его подобия Ему. Человек есть и ноша Бога и Его носильщик; и то, что производит работу и сама работа, — *есть орган Бога*.

Природно-душевное Я, с которым человек высевается в жизнь, которое растет, зреет и проходит дистанцию Пути жизни, — смертно. Духовное Я, которое самобытно существует не в мире плотской отделенности, — бессмертно. Но природно-душевное Я, проходя Путь, трудом свободного роста созревает и может дозреть до духовного Я, как бы перенести свою жизнь в него, совместиться с ним, стать одним целым с духовным Я. То природно-душевное Я, которое при жизни сознается собою, своим «Я», выделенным центром Всего существующего, это мое душевное существо все созревает и созревает и, не уничтожаясь как таковое, дозревает до спелости, становится плодом, той мякотью спелого плода, в котором хранится семя.

Различие между плодом и семенем плода остается, но это различие — в едином целом, полностью подчиненном нуждам и задачам семени. Семя (духовное Я) для плода (природно-душевное Я) — свое Я, свой отделенный центр Всего существующего. Смерть тела (кожуры плода) в таком случае ничего не вычеркивает из самочувствия и не уменьшает полноту чувства жизни. «Я» природно-душевное не умирает вместе с плотью, а переносит чувство-сознание «Я» (наличие чего мы и считаем жизнью) в то, что бессмертно, в духовное Я, которое с нашей низшей точки представляется нам отделенным центром в ином, высшем существовании души.

3.

Вместе со свободой увеличивать полноту жизни в себе человек обладает и другой, неведомой природному миру свободой: ускорять природный рост, все более и более активизировать самодвижение. Вся хозяйственная и технологическая деятельность человека пример такого ускорения и активизации.

Самодвижение — рост природный. Отталкиваясь от него как от первоисточника, человек на его основе создает новые, в каком-либо отношении более активные формы жизнедеятельности в природном мире. Не то важно, ускоряет ли он или не ускоряет природные процессы, а то, что он все более и более ускоряет свою собственную внешнюю жизнедеятельность. В конце концов эта его жизнедеятельность отрывается от Природы и превращается в Дело.

Делать дело не значит поддерживать свое существование. Делать дело значит всегда увеличивать то, что имеешь. Если ты рабочий по найму, то открой свою мастерскую или кафе, затем преврати мастерскую в завод, кафе в ресторан. Или стань мастером, потом начальником, потом директором. Если ты лейтенант, становись генералом. А можешь всю жизнь копить червонцы: сначала шкатулка, потом ящик, потом сундук, два

сундука. Ради чего? Ради ощущения, что чем больше у меня в сундуке (или на погонах), чем большим я обладаю, тем тот, кто обладает — само мое «Я» — значимее и значительнее... Становясь богаче и богаче, или все выше продвигаясь по службе, или захватывая все большую власть, или узнавая все больше и больше сведений, или хотя бы все полнее собирая коллекцию, человек чувствует, что как-то растет.

Человеку кажется, что когда он чего-то достигнет, то он сам кем-то станет. Так внутри себя инсценируется духовное наслаждение состоянием псевдовосхождения души. Шаг за шагом что-то одолевая, накапливая или достигая, я чувствую, что с каждым новым шагом подымаюсь над собой, расту, и именно эта сила *ложного роста* движет мной в жизни. Сам *азарт души*, — каков бы и в чем бы он ни был, — вызван особым состоянием души, пристрастившейся к ложному росту.

Рост отчасти схож с воспитанием. Воспользуемся этим сходством для разъяснения тех видов роста, которые мы знаем.

Женщина любит своего мужа, отца своего ребенка и, воспитывая своего сына, имеет перед собой идеализированный образ его отца. Она видит в сыне зачатки того идеала человеческого совершенства, который она угадала и полюбила в его отце. Она старается воспитывать сына так, чтобы осуществить в нем угадываемый ею и ею любимый идеальный образ. Такое воспитание подобно подлинному свободному духовному росту.

Другая мать желает вырастить из своего ребенка что-то замечательное. В ее воображении мерцает высший образец знаменитого ученого, музыканта, спортсмена, политика. Она ищет в ребенке особые способности и воспитывает его по мечте. Цель ее воспитания — сделать его похожим на свой идеал, на свою мечту. Такое воспитание подобно мнимому росту.

В третьей семье ребенком никто специально не занимается. Родители считают: что из него будет, то и будет. Пусть наш ребенок с ранних лет видит перед собой образец родителей и подражает им. При успехе такого воспитания ребенок вырастает подобием своих родителей, с теми индивидуальными различиями, которые заложены в его натуре. Такое воспитание схоже с природным ростом, с самодвижением.

Родителям четвертого ребенка важно одно — чтобы он был более конкурентоспособным в предстоящей житейской борьбе: знал и умел как можно больше, был скорее других, умнее других, сильнее других. Они стремятся вложить в ребенка как можно больше всего — знаний, умений, навыков — только ради того, чтоб иметь их. Они не образуют ребенка по высшему образу его «Я», в этом отношении они оставляют его неизменным, но прививают качества активности его «Я». Такое воспитание подобно ложному росту или, как мы еще называем его, *суеросту*.

Мнимый рост — мимикрия подлинного свободного роста и зиждется на нем. Ложный рост зиждется на самодвижении и есть процесс ускорения самодвижения. Но все же *действительно* переживается душою как рост. Мнимый рост двигает душою потому, что она принимает его за подлинный духовный рост. Мнимый рост — важный самообман души. Суерост — самостоятельное явление человеческой жизни, а не обман и не фикция. Делая карьеру или бизнес, никто не считает, что живет духовной жизнью. Напротив, знает, что живет жизнью, отличной от духовной. Но — вполне заменяющей духовную жизнь.

Человек может, наверное, обойтись без мнимого роста, но не без суероста. Суерост *нужен человеку* в жизни, необходим ему по основам его чувства жизни. Чувство жизни есть не что

иное, как желание блага. Чем сильнее желание блага, тем сильнее чувство жизни. Животные переживают чувство жизни как *благо себе*. Но животное всегда равно самому себе. Человек же в желании блага себе может усиливать свое чувство жизни. Чем сильнее желание блага себе, тем сильнее страстность, алчность чувства жизни, но тем более это усиление жизни обманчиво. Рано или поздно любой человек сознает это. Горечь разочарования жизнью, которую в пожилом возрасте испытывают большинство людей, и есть сознание обманчивости и преходящности усиления блага себе.

Нет человека, который, старея, не сознал бы обманчивость усиления своего животного чувства жизни. Мало того, чувство жизни в желании блага себе с возрастом ослабевает; в конечном счете оказывается, что прежнее самоусиление чувства жизни ослабляет крепость существования, всегда имело <и теперь более всего имеет> своим последствием страдание и умаление жизни. Чувство жизни в блага себе правит животным и человеком, но человека оно, в отличие от животного, приводит на грань катастрофы. По животному чувству жизни человек, увядая, должен был бы в отчаянии кончать жизнь самоубийством. Если этого не происходит, то в немалой степени потому, что человеку доступен другой источник усиления чувства жизни.

Все живое желает и ищет блага себе. и только человек может желать и искать *своего блага* — благо себя, благо своего Я. Кроме общеживотного чувства жизни в желании блага себе человек обладает еще душевным чувством жизни в желании блага Я. Чувством жизни в желании своего блага практически обладают все люди: и тот, кто ищет духовное Я и желает истинного блага души, и тот, кто ищет себя, свою личность, желает полноты блага личностного самоосуществления, и тот, кому благо самовыражения личности чуждо и непонятно. Свое благо, благо жизни в «Я» свойственно переживать человеку как таковому.

Усиление чувства жизни в желании своего блага достигается через ощущение усиления какого-то движения внутри «Я» — через переживание своего роста. *Свое благо — благо роста*. Важно подчеркнуть, что рост Я может быть каким угодно: и подлинным, и мнимым, и ложным, но вызываемое им усиление чувства жизни в своем блага — не фиктивно. Конечно, чувство жизни в Я зависит от того, в каком «Я» сознается центр тяжести жизни. И благо плоти или Общей души, и благо личности, и благо духовного Я — переживаются различно, но во всех случаях переживается *действительно*.

Любой рост, и суерост в том числе, сопровождается действительным усилением чувства жизни в «Я», увеличением своего блага. Человек делает карьеру или бизнес, борется с другими людьми, действует на самых разных поприщах, собирает в свои житницы и прочее только потому, что это дает ему чувство значительности, силы и свободы своего «Я». Сама внутренняя значительность и свобода, конечно, поддельна, но от этого переживание усиления чувства жизни не становится обманным. Никакими ссылками на высшее благо нельзя отменить это чувство жизни и переживание усиления его душою человека.

Суерост необходим человеку потому, что действительно увеличивает чувство жизни в своем блага¹. Без суероста люди подспудно ощущают себя несчастными — несчастны-

¹ Чревато серьезными последствиями и стремление блокировать какую-либо сферу, на котором традиционно и органически находила себя деятельность суероста. Там, где отобрана возможность частной

инициативы, многие люди как бы засыпают, слабее ощущают самих себя, не знают куда себя девать и, чтобы полнее ощутить себя, пьют, распутничают, ищут драку. Но и преувеличивать значение этого пли какого-либо другого типа суероста опасно.

ми не от несбывшегося, а по самому чувству жизни в душе. Без ложного роста душа ощущает себя пустой, безжизненной. Ложный рост не прибавляет жизни душе, не полнит ее жизнью, но дает ей повод острее переживать себя, само существование «Я» — усиливает чувство «Я».

Как точно выражено: «сделаем себе имя». Не «сделаем себя», не сделаем, осуществим Я, а сделаем *себе* и сделаем *имя*. Мало ли что можно сделать себе или приобрести для себя. Сколько бы различных благ ни было возможно человеку, из всех благ желательней всего для него всегда будет: чтоб его «Я» *звучало*. Имя — это звучание своего Я. Сделать себе имя это сделать так, чтобы мое Я зазвучало. И перед другими, конечно, но, главное, зазвучало само. Если в подлинном росте увеличивается *полнота* жизни души, то в ложном росте усиливается яркость «Я», звучание себя во мне. Ложный рост дает яркость самоощущения, остроту переживания себя, которая еще более усиливается от звучания своего имени перед людьми. Ложный рост есть средство самозвучания и потому идет в никуда. Цель его не достижение чего-либо, а нечто, точно не определяемое, — «успех».

И подлинный духовный рост — рост, и ложный рост — рост. Но первый есть рост лозы, которая приносит плод, второй же есть, как любил говорить Толстой, «торканье». Слово «торканье» по Далю есть действие по глаголу «торкать» или «торкивать», что означает нечто «среднее между толкать и дергать, торкать туда и сюда, тормозить». В общем смысле торканье это *заводить себе суету* — то самое, чем переполнена наша жизнь. Толстой употреблял это слово в несколько ином смысле: в смысле *растущей, но бесплодной ветви*, противопоставленной в гл.ХУ Евангелия от Иоанна плодоносящей лозе. Таким образом, «торканье» у Толстого есть пустой, бесплодный и, в этом смысле, ложный рост — рост, не приносящий плода. Поэтому-то в ложном росте нет нужды в отличении главного от второстепенного, истинного от ложного и даже высокого от низкого.

Когда идут, не зная куда, когда ищут, не зная что, когда руководствуются второстепенным (ибо второстепенного много, а главное одно), когда в пути не нужна плодоносящая истина, тогда рано или поздно приходят к гибели. Смотри на XX век, кажется, что вся человеческая жизнь — особенно общественная жизнь — состоит и складывается из суероста и им же движется. Но это не так, это иллюзия нашего времени, в котором торканье творится в невиданных, огромнейших размерах. Будучи сынами своего века, насквозь пропитанного ложным ростом, люди приписали суерост природному миру, в котором такой рост — смертельное заболевание (рак, например). Идея конкурентной борьбы на выживаемость и всяческие преувеличения роли ложного роста в теории «эволюции» прозвучало — именно в наш век — правдоподобно. Так что теория эволюции в самом полном смысле слова «буржуазная» теория, возможно, даже единственно подлинная «буржуазная» теория.

Ложный рост это самопроизвольное увеличение активности самодвижения, а значит, и агрессивности. В самых разных сферах: политике, хозяйствовании, даже науке,

конкуренция и борьба составляют предмет, на который молится человек нашего века. Теория эволюции просто узаконила в Природе тот образ жизни (или, вернее, образ торканья), которым живет нынешний человек. И все же, как могли умные люди поверить, что ложный рост мог когда-нибудь переходить в рост духовный, превращающий низшее существо в высшее? В реальности такого нет и быть не может. Но есть другое, что, наверное, и попутало умных людей.

В реальной жизни рост подлинный, ложный рост и мнимый рост завязаны вместе и, сопутствуя друг другу, по отдельности нелегко различимы. Духовный рост всегда движение путевое — по кривой и ступеням. Псевдовосхождение ложного роста совершается — и в этом его свойство — всегда по прямой; точнее, по касательной к кривой роста, идет на одной и той же ступени, сработанной в духовном росте. У каждой духовной ступени своя суерост. Духовнонерожденному свойственна своя суета. Стиль и характер ложного роста в периоде «чужой жизни» иной, чем даже у того же человека после личностного рождения. Для смены суероста вовсе не обязательно проходить Путь восхождения. Для этого достаточно даже тех ступеней, которые образуются вынужденным ростом. Каждый бросок духовного роста создает новую отделенность (душевную, личностную, духовную) или новый характер отделенное™, и ложный рост тотчас стремится озвучить эту новую отделенность или новый ее характер.

Добытое подлинным ростом продолжает — как бы в сторону — развитие в ложном росте, по прямой. То же есть и в Природе: добытое в естественном духовном росте высшее состояние развивается и упрочается в самодвижении. Свое начало самодвижение берет с какой-либо точки духовного роста и продолжает его, его подменяя. Реальное жизнепроехождение человеческой души имеет вид «ломаной кривой», где подлинный рост сменяется ложным ростом и ложный рост включается в рост подлинный. И это нормально. Когда нет подлинного роста, идет суерост. Ложный рост неизбежно возникает при остановках подлинного роста, тоже ведь неизбежных. Подлинный рост то и дело замещается ложным ростом. Время нашей жизни заполняется по большей мере такими замещениями. И вполне может создаться впечатление, что ложный рост создает скачок подлинного духовного роста.

На самом деле наоборот: часто нужно остановиться в жизни, остановить свой ложный рост, чтобы могло произойти ускорение духовного роста. Оно и понятно: природно-душевное Я должно *померкнуть* перед духовным Я. Только тогда, когда остановилась деятельность ради деятельности, возможен духовный рост.

Известно, что труднее всего объяснять простые вещи. Каждый, наверное, или испытал или слышал о состоянии сознания неопровержимой бессмысленности всяческой деятельности людской. И для этого жить?! — спрашивает себя человек, ставя перед собою какое-либо дело. Почему-то считается, что этот вопрос *о жизни* возникает перед лицом смерти или перед сознанием неизбежности смерти, разрушающей смысл любой деятельности. Но такая остановка жизнедеятельности необходима для работы духовного роста; так что вопрос этот ставит в нас Тот, по заданию Кого мы душою тут работаем. В вопросе о неуничтожимом смертью разумном смысле жизни упор делается не на слово «разумный» (как если бы вопрос этот ставил современны! ученый) и не на слово «смерть»¹ (как было бы, если вопрос этот был поставлен плотским человеком), а на слово «смысл». Причем вопрос о смысле жизни ставится не за или против какого-либо взгляда на жизнь, не в утверждение и опровержение, а сам по себе. Упор тут не на отсутствии смысла жизни, соответствующего требованиям ума, а на сознании собственно беспричинной, пустопорожней, лжемотивированной и, значит, ложной жизнедеятельности. Вот это-то сознание и труднее всего передать людям. А казалось бы, чего проще.

Когда у вас возникает вопрос смысла жизни, не гоните его от себя как помеху для дела жизни. Он, верно, останавливает движение жизни. Это неприятно. Но знайте, что вопрос этот —

сигнал свыше, команда остановить ложный рост для начала свободного духовного роста.

Остановка ложного роста — уже *пробуждение* к духовной жизни.

4.

Теперь мы намереваемся показать, что *мотив всей и всякой жизнедеятельности человека — духовный рост*; и только духовный рост — вынужденный или свободный.

На первый взгляд, человек, за редчайшими исключениями, занят в жизни чем угодно, только не заботой о росте своей души. Такая забота многим даже претит; им ненавистно само представление о необходимости какого-то душевного труда. Да и свободным каждый считает себя относительно себя же. По самоощущению своему всякий волен в своих душевных движениях и исходно (до определенной степени одухотворенности) не знает в себе Того, Кто заставляет его совершать свободные душевные усилия.

Есть умные, тонкие и высокообразованные люди, вполне способные признать и оценить возвышенность мысли о работе роста, но не видящие в жизни оснований для подтверждения того жизнепонимания, по которому человек существует в Мире и нужен Богу только как работа и работник, посланный трудиться над своей душою. Все мы зависим от Бога и Ему обязаны, говорят они, кому-то особенно близка мысль духовного роста, кому-то нет, — но только во всякой душе, в каждом из людей не видно ясного мотива духовного роста, а значит, и нет данного свыше обязательного задания духовного труда на человеческую жизнь как таковую.

Опровергать или подтверждать в умозрении основополагающее значение работы роста души дело философа. Наша задача иная. Мы попытаемся взглянуть на нашу жизнь по-особому — с тем, чтобы дать понять читателю, как можно увидеть ее всю с точки зрения учения роста.

Мы поступим так: очертим некоторый круг людей, жизнь которых явно мотивирована духовным ростом, и потом будем расширять этот круг.

Каждый, кто стремится к достижению высшего совершенства, совершает в продолжение всей своей жизни специальные усилия направленного духовного роста. Достижение высшего состояния — идеальный, умозрительный мотив жизни, мечта и вдохновение, рост же — мотив практический и есть то, чем действительно движется душевная жизнь восходящего человека. Без этого мотива никакие направленные душевные движения были бы невозможны. Разумеется, людей свободного душевного делания не много.

Душа может расти к той «просветленности» сознания, к которой стремится последователь Будды. В человеке может все больше и больше выявляться любовная духовность, приближающая добрую душу к состоянию агапической любви. Мощный духовный рост идет и в тех редких случаях, когда душа работает разумом и в ней все более проявляется Истина. Круг людей, жизнь которых движима такими высокими родами роста, не многочислен, но заметен.

Этот круг значительно расширится, если мы к указанным видам роста добавим еще один — рост сторгический, стремление души к единению с другой душою, и все большее и большее осуществление этого душевного единения и целостности. Мотив сторгического роста наполняет жизнь многих людей, особенно женщин. Прибавим сюда же и порывы веры, стремление души к самоусилению веры как таковой — мотив,двигающий жизнью людей не только прошлых веков,

Во все времена жили люди, которые религиозно относились к своему телу и стремились выявить ресурсы Природы в обращенной к плоти стороне души. Мотив роста души от природной духовности включает в круг людей, живущих по мотиву роста, и индуистов на Востоке и язычников на Западе. Вспомните, что Олимпийские Игры в древности — не спортивные состязания, а сакральное действие, решающее, какую ступень природно-духовного совершенства достиг атлет. Есть люди, которые всегда с упоением растят и упражняют свое тело, находя в этом духовное наслаждение и духовное служение, без которого не знают себя. Здесь же можно вспомнить и о людях, основа душевной жизни которых — рост любования, все большее и большее принятие в себя Красоты, наибольшее наполнение ею своей души. Красота для таких людей то же самое, что для других Добро или Истина.

Все дети, начиная с трехлетнего возраста, обладают властной душевной потребностью духовного роста. Это, конечно, вынужденный рост. Вся ребячья душевная жизнедеятельность совершенно откровенно мотивирована духовным ростом, стремлением созреть, увеличивая полноту души и полноту жизни. Впоследствии, правда, ребенок переносит центр тяжести жизни в тело, и духовный рост подменяется потребностями природного роста, самодвижения в созревающей плоти. Но весь первый «магический» период жизни ребенком в основном двигает духовный рост. У некоторых детей он только затушевывается во втором, «языческом» периоде Пути жизни.

Нужно ли относить к кругу людей, жизнь которых движима мотивом роста, и тех, кто посвящает себя росту других и в этой службе для роста другого полагает всю свою жизнь? Я думаю, что нужно, так как, служа собою росту тела и души ребенка, родители, мать особенно, действует в силу правящей ею душевной потребности, заставляющей переносить себя в своего ребенка. Мать душою растет *в ребенке* и рост ее останавливается, когда дети вырастают. Тогда женщина ждет внуков, — чтобы вновь душевно расти с ними, вновь наполнить ростом свою жизнь. Мы не совсем ясно отдаем себе отчет в том, что женщиной правит не столько животный инстинкт материнства, сколько душевная потребность параллельного роста в ребенке и вместе с ним. Эта духовная потребность изначальна и только затвердевает в материнском инстинкте женщины.

Мы бегло перечислили основные виды подлинного роста и можем уже заметить, что мотивом подлинного роста обеспечивается жизнедеятельность немалого числа людей. Но кроме подлинного роста есть и рост мнимый и рост ложный.

Мнимодушевик жив тем, что принимает движения мнимого роста в себе за движения подлинного роста. В наше время сфера мнимой души, куда люди переносят свое Я, огромна и состыкована со всеми сферами жизни. В симбиозе мнимого и подлинного роста живет, наверное, половина человечества. Другая половина живет в симбиозе мнимого, подлинного и ложного роста или же движима мотивом мнимого и ложного роста. Если бы мы смогли убедиться, что в основе активности жизнедеятельности по ложному росту лежит все тот же мотив духовного роста, то тем самым включили бы в круг движимых ростом бесспорное большинство людей.

5.

Есть боль тела, страдания плоти, есть боль чувств и желаний, страдания душевные, и есть боль сознания, страдание

духа, духовные страдания. Телесные страдания можно подавить терапевтически и перенести волею. Душевные страдания можно перетерпеть. Но у человека нет такого свойства, которое помогло бы ему выдержать страдания духовные.

Уколы совести можно попытаться анестезировать, обманув совесть, но терпеть их нельзя — не для того они предназначены. Муки совести — это боль сознания ответственности за себя перед тем, кто в себе выше себя; муки совести означают рост и приращение жизни души, то есть дело, в котором человек свободен. Иначе мучительны страдания стыда, бесчестия и позора, духовные страдания личности. Они столь мучительны потому, что оставляют человека без блага «Я», стремятся уничтожить его чувство жизни в своем благе. Это переживание утраты чувства жизни «Я» схоже с переживанием смерти. Именно — смерти человеческого в человеке. Ведь без чувства жизни в благе себя человек остается только с чувством жизни блага себе, то есть превращается в животное.

Некоторые мудрецы считают, что человека в аду мучают страданиями совести. Наверное, они имеют в виду наказание позором. Не думайте, что это наказание легкое. Вообразите, что все то стыдное, что случилось вам совершить в жизни, вдруг стало из сокровытого всем открытым; и никак нельзя отговориться, затушить, запутать дело, как-то оправдаться или встать в позу. Остается одно — терпеть. Но и этого нельзя — нечем: сама стойкость перед духовными страданиями невозможна. Страдания эти по своей сути непереносимы.

Человек не защищен от духовных мук способностью переносить их. И вырвать, уничтожить тот орган, то место, которое болит, — душу свою и свое «Я», — невозможно. Так что единственное средство хоть как-то утишить духовную боль это, как сказал бы Толстой, одурманить душу. Таким делом и занято подавляющее большинство людей в жизни.

Страдания совести или позора не самое мучительное, что может испытать душа человека. Например, духовные страдания разрыва с другой душой (крушения сторгической связи) не менее остры и безысходны. Не менее мучительны и страдания разума, погруженного в атмосферу лжи. Но есть среди духовных страданий одно, *наивысшее страдание*, столь огромное, что человек вообще не в состоянии его вынести и потому никогда не допускает себя до него. Страдание это сидит в каждом из нас, но только редчайший человек оставался с ним один на один и испытал его. Толстой имел опыт этого страдания и попытался рассказать о нем.

Толстовские «Записки сумасшедшего» широко известны, несмотря на то, что это всего лишь конспект задуманного произведения, несколько черновых листов, набросанных им весной 1884 года. Мало ли у Льва Николаевича таких черновигов! В сорока пяти больших томах писем и дневников Толстого найдешь десятки, сотни развернутых мыслей и описаний, ничуть не уступающих глубине мысли и художественности описания «Записок сумасшедшего». Но сама тема их столь приковывает внимание, что и в тогдашней и в современной литературе то и дело встречаешь попытки интерпретировать то, о чем говорит в них Толстой. Вдумчивые люди всегда чувствовали, что в «Записках» сделана редкая попытка заглянуть куда-то туда, в какие-то темные глубины души, куда заглянуть обычным людям не удастся.

Толстой начинает с раннего детского воспоминания, когда его и брата няня как-то раз укладывала спать; как хорошо, ласково, любовно им всем было, и как вдруг вбежала экономка и стала кричать на няню за сахарницу, и няня стала тоже

кричать в ответ. «И мне становится больно, — помнит Толстой, — и страшно, и непонятно, и ужас, холодный ужас находит на меня, и я прячусь с головой под одеяло». В надышанный теплотой, добротой и любовью мир вдруг ворвалось что-то, что смяло и разорвало любовь и мир, что-то страшное и непонятное, что застлало свет и превратило свет в тьму. Ужас. Холодный ужас. И хочется зарыться под одеяло или биться от боли головой об стену.

Опыт такого духовного страдания знаком почти всем. Его особенно жгуче испытываешь в ранней юности, в пору душевного рождения. Ужасает поруганность и возможность легкости надругания над чистым, светлым, высоким. Причем сила зла, которая производит темное действие, вовсе не стремится специально затушить пламя, опоганить, исчернить. Скорее, это какая-то посторонняя духу сила, которой — и это то ужаснее всего — *все равно*, безразличен Свет. Она гасит Свет не потому, что он ей враждебен (тогда ужаса не было бы, не было бы и такого страдания), а потому что ей он безразличен. Самое высшее и святое в жизни эта слепая и равнодушная сила рушит походя. Мы все то и дело сталкиваемся с этим холодным злом *духовного равнодушия* и страдаем от него. В юности, покуда оголены душою, страдаем больше, потом претерпеваемся или учимся ограждать себя от него.

В продолжении всей жизни чуткая душа болеет и мучается, когда невесть откуда духовное равнодушие врывается в нее и губит минуты ее жизни. Однако, заметьте: врывается откуда-то — *извне*. Мы чутко страдаем от духовного равнодушия, идущего *извне*, со стороны. Но приходилось ли вам хоть раз в жизни испытать и пережить страдания духовного равнодушия, идущего *изнутри*, от вас самих, *из души своей*? Скорее всего — нет. А это и есть то наивысшее духовное страдание, которое всегда сидит в душе и которое всякий человек, а не только чуткий человек, не в состоянии вынести.

Принято считать, что Толстой в сорок лет, завершая «Войну и мир», был в расцвете своего гения. Как раз в это время он летом 1869 года поехал покупать имение. Тут-то с ним и произошло то, что потом он и за ним его читатели стали называть «арзамасским ужасом».

По дороге, в повозке Толстой задремал и проснулся: «стало чего-то страшно». Он искал причину. Но причины страху не было. Пришла мысль, что он тут, в чужом месте умрет. «И мне стало жутко». Пробовал развлечься разговором, но охватила такая усталость, что захотелось остановиться, войти в дом, напиться чаю, лечь и заснуть. На постоялом дворе в Арзамасе он прилег и задремал. И опять пробудился в тоске и тревоге. Зачем я тут? — его первая мысль и недоумение. «Куда я везу себя?» Куда убегаю? «Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, ни какое имение ничего не прибавит и не убавит мне... А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе. Я хочу заснуть, забыться и не могу. Не могу уйти от себя.»

Он вышел из комнаты и попытался разобраться, что происходит с ним, от чего ему так страшно и такая тоска и тоска. И опять пришла мысль о смерти. И она что-то объясняла. Но то не был знакомый каждому страх смерти, во всяком случае, не той смерти, которую люди боятся. Он боялся будто смерти, смерти, но такой, которая еще не должна наступить сейчас, которая вроде бы не угрожает и которую вроде бы объяснить нельзя. Он боялся *смерти при жизни*, мало того, он в себе чувствовал смерть при жизни плоти и это знание и чувство будто смерти доставляло ему такое

страдание, которое он запомнил навсегда. Вот черновик описания «арзамасского ужаса», не доведенный автором до полной ясности.

«Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы она мне предстояла, я не мог бы испытать того, что испытывал, тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, я видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть¹. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем *совершающуюся смерть*. И это внутреннее раздирающее было ужасно... И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, которая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, *то умирающей жизни* страшно. *Как-то жизнь и смерть сливались в*

¹ Толстой записывает для себя, и ему его мысль ясна. Читателю же может показаться, что тут идет речь о бессмертии «Я», о смерти того, что не может умереть и, в этом смысле, о страхе того, чего не должно быть. Возможны и другие недоразумения, основанные на нашей порочной привычке к умозрениям. В описании «арзамасского ужаса» есть еще важный мотив остановки ложного роста, остановки, которая является исходным моментом его. Опуская этот мотив, я тем самым лишаю объемности толстовское описание.

одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать... Рвется что-то, а не разрывается. Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало.»

Толстой пишет, что он «страдал невыносимо»: еще при жизни «мучительно разрывалась душа с телом» — образ высшей степени духовного страдания, страдания за умирающую жизнь, которая не есть смерть в общепонятном смысле слова, но переживается смертью. Что же это такое? Мы говорили, что духовное страдание стыда происходит из-за утраты блага Я и что такое понижение чувства жизни переживается как смерть, как опасность отживания или самоотживание человеческого в человеке. Духовное страдание «арзамасского ужаса» происходит от полной утраты в чувстве жизни какого-либо желания блага — себе ли или себя. Это, по сути, есть состояние погашения чувства жизни как такового, переживание «умирающей жизни» как «смерти» чувства жизни. «Рвется что-то, а не разрывается». Мучительная тоска «рвоты духовной».

Ужас арзамасского состояния в том, что при нем в душе нет *никаких* духовных движений, нет даже поползновений их. Лишь «сухо и злобно, *ни капли* доброты..., а только *ровная и спокойная* злоба на себя и на то, что меня сделало». Внутри себя, в своем «Я» — полная пустота и оттого сам «несносен, мучителен себе». И забыться, уйти от такого себя нельзя. Убегаешь от своего *пустого Я* и убежать не можешь. Есть от чего сойти с ума.

«Арзамасский ужас» — духовное состояние, лишенное каких-либо духовных движений жизни, в которых жизнь человека. С такой немотой духовного равнодушия внутри себя жить невозможно. Но вот что интересно: то, что описал Толстой, знакомо и может быть понятно всякому, хотя мало кто реально переживал это состояние. Почему же? Мы знаем «арзамасский ужас» в себе, но бессознательно отдаем себе

отчет в невыносимости духовного страдания такого рода и потому сами никогда *не допускаем* себя до него, не выдерживаем его и его не терпим. Мы загодя боимся его. А когда случается нечто похожее, то, нам кажется, из нас вылезает подноготная жизни, сама темень существования.

На самом деле особой силы, производящей «арзамасский ужас», не существует. Этот ужас сознания реальности того, что в душе все недвижно, в застое, мертво, что внутри меня, в той точке, на которой выстроено «Я», ничего нет, пустота, нежизнь, духовная невесомость как качество противоположное духонаполненности Я. «Арзамасский ужас» есть такое состояние сознания, в котором останавливается жизнь и в полную неподвижность приходит душа.

Арзамасский ужас — наиполнейшая остановка души, ее смерть при жизни. Такие остановки, только неполные и ослабленные, — рядовое явление в жизни. Это знакомые всем муки сознания внутренней своей неполноценности, самозакабаленности, сжатости, несвободы, паралича или умаления жизни в себе. Или хотя бы чувства тоски жизни, которое пытаются даже опозитизировать. Все такого рода переживания своей духовной несостоятельности более или менее схожи с состоянием парализованности страхом смерти, так как эти состояния действительно вызваны прекращением работы того, что вызывает жизнь. Как человек отгоняет страх смерти, так же он гонит сознание духовного вакуума в себе, остановки души. Но этого-то как раз и не нужно ему было бы делать.

С путевой точки зрения состояние остановки души возникает на месте несостоявшегося путевого рождения — в тех точках Пути жизни, где человек должен был бы перейти из одного путевого качества в другое. (Вот почему этой остановке души непременно сопутствует остановка ложного роста, внешней жизнедеятельности.) Остановку души переживают все мужчины на подступах к личностному рождению (около тридцати лет), к плато Пути (около сорока лет) и к духовному рождению (лет в пятьдесят). Кроме того, жизнь может буксовать индивидуально, чуть ли не в любой точке Пути. Все такие состояния остановки психологи именуют возрастными или индивидуальными «кризисами».

Опыт арзамасского ужаса — ужаса полной разодушевленности души и «тоски смертной» — уникален. Душевное состояние остановки души — явление обычное. Я даже думаю, что повседневное. Что ни *день душа наша*, входя в состояние остановки, подает нам *сигнал катастрофы* или, по меньшей мере, *сигнал тревоги* за исполнение нами нашего высшего назначения в жизнепроехождении, за исполнение Воли Бога в нас. Сигнал этот воспринимается нами когда духовной болью, или ломотой, или просто душевной неудовлетворенностью, которую мы тотчас стремимся удовлетворить.

И мы знаем, как сделать это.

6.

Что, если свести до минимума финансовую и престижную заинтересованность человека делать Дело? Перестанет ли он быть деятельным? Такой эксперимент Историей нашего века поставлен в Советском Союзе и, хотя из деятельности многих

людей изъяты главные рациональные мотивы, далеко не все из них предпочитают бездеятельность мало и плохо оплачиваемой деятельности. На каждом предприятии, в любой конторе, в Москве ли она или в райцентре, есть немало людей, работающих или суетящихся в полную силу (другое дело, с какими хозяйственными результатами). Их еще больше в конструкторских бюро и научных учреждениях. Все они могли снизить свою активность вдвое и остались бы при том же заработке и на том же месте. Особо одаренных людей можно понять: им нужно реализовать свои способности (хотя зачем же посвящать этому *всю* жизнь!) А остальные? Побуждений разных много, но мотива, который покрывал бы трату их энергии жизни, нет. Мы говорим, что они действуют по внутренней потребности, то есть мотиву вполне иррациональному. Но тем не менее, столь властному, что, почему-либо оставшись не у дел, человек мучительно страдает, не знает, куда себя девать и, не редкость, умирает!

Все мы не столько живем, сколько во что-то деваем себя. Это хорошо понял под конец жизни Герцен:

«Наша жизнь — постоянное бегство от себя, точно угрызения совести преследуют, пугают нас. Как только человек становится на свои ноги, он начинает кричать, чтобы не слышать речей, раздающихся внутри: ему грустно, — он бежит рассеяться; ему нечего делать, — он выдумывает себе занятие; от ненависти к одиночеству он дружит со всеми, все читает, интересуется чужими делами, наконец женится на скорую руку. Кому и такая жизнь не удалась, тот напивается всем на свете: вином, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, благодеяниями, ударяется в мистицизм, налагает на себя чудовищные труды, и они ему все-таки легче кажутся, *чем какая-то угрожающая истина*, дремлющая **внутри** его. В этой боязни исследовать, чтобы не увидеть взор исследуемого, в этом искусственном недуге, в этих поддельных несчастьях, усложняя каждый шаг вымышленными путями, мы проходим по жизни спросонья и умираем в чаду нелепости и пустяков, не пришедши в себя.»

Истины такие до сердец людей доносить неблагодарно и опасно. Люди либо не услышат, либо мнимоодушевят твои слова, либо сочтут их автора «отравителем колодцев жизни», как это уже было (Бердяевым и другими) сказано о Толстом.

Надо быть мужественным и признать, что, как только кончилось детство, мы бежим от себя, но «преследуют, пугают нас» не угрызения совести — не ее возвышающие уколы Герцен, видимо, имел в виду, — а другое, жуткое духовное страдание; «какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри» нас, пугает и гонит нас, а мы боимся ее исследовать, «чтобы не увидеть взор исследуемого» и, еще более, исследующего.

Истина эта: моя душа недвижна, невесома и пуста. Перефразируя Ивана Карамазова, можно сказать, что у человека нет заботы мучительнее, чем забить в себе всегда сидящий в нем холодный ужас остановки души. Один из *главных мотивов*, которые ежемгновенно гонят человека по жизни, есть его *стремление прикрыть в себе свое духовное равнодушие*, заглушить в себе тот сигнал катастрофы, который подает о себе наша душа. Мы воспитываем своих детей для дела, зная, что без него они будут страдать в жизни.

Лучше всего *прикрыть себя* в мнимом росте или ложном росте. Но в ложном росте надежнее. Он и доступнее. Его сфера — вся та суета, азартность, дурман и жадность бега по жизни, которым люди переполняют свое краткое существование. Ложный рост усиливает яркость звучания «Я», дает острее переживать существование «Я», и тем, подменяя жизненнаполненность, не пускает наружу духовное страдание

души, лишенной духовного роста.

Для многих людей самое тяжелое состояние — ничего-неделание. Тяжело оно не потому, что в человеке существует благая потребность Дела, а потому, что незамутненное ложным ростом духовное страдание остановки души не дает *скрыть от себя свою душу* и вселяет в нее ужас и тоску. Вот почему вместо лозы мы так страстно растим толканье. На это нас, как ни странно сказать, толкает *духовная необходимость*.

Когда-то по миру ходил анекдот о белом и негре. Проходящий белый спрашивает дремлющего под пальмой негра, почему он сидит в рабочую пору. «Зачем работать?» — удивляется тот. «Надо заработать деньги» — разъясняет белый. «Мне деньги зачем?» — говорит негр; белый разъясняет, черный опять спрашивает «зачем?» и т.д., пока не оказывается, что все то, что белый желает достичь работой, негр уже имеет без дела, дремля под пальмой. Анекдот этот, какой бы смысл ему ни придавать, отражает простой факт: белому дело нужно, и он без него не может, черному же работа не нужна и только обуза, житейская необходимость для пропитания себя. Пропитание негра — на пальме, под которой он сидит, но белый ищет избыточной хозяйственной деятельности и в отсутствии потребности ее даже склонен видеть органический недостаток человеческого развития. И в чем-то прав.

Сидящий под пальмой «естественный человек» гармоничен, то есть исповедует не менее и не более того, что знает, знает ровно столько, сколько сознает, любит, как может любить его душа, не стесняется себя и других, делает, что ему нужно, и не чувствует уколов совести. В душе его нет свойственного белому человеку напряжения между назначениями центра духовного тяготения и установлениями центра тяжести жизни. Оттого он так *спокоен и невозмутим*. Спокойствие и невозмутимость какого-нибудь индейца, горца или кочевника по пустыне — не от полноценности «естества», как многим кажется, а от отсутствия «томления духа» в его душе, от того, что душа его лишена *рабочего напряжения*.

Мы называем одухотворенным человека, обладающего большей полнотой жизни. Но есть полнота жизни даруемая (обычно эйфорическая и мнимодушевная) и полнота жизни рабочая. Последняя предполагает достижение еще большей полноты через тяжелый труд души. Такая полнота *всегда трудна* душе. Чем человек духовнее, то есть чем глубже в душе его центр тяжести жизни и выше та точка духовного тяготения, на которую он может встать и обзреть себя целиком, тем отчетливее разрыв между духовным Я и природно-душевным Я и, значит, больше напряжение, распирающее душу. Духовный рост не утишает душу, а накаляет ее, нагнетает в ней напряжение и духовное страдание. И это закономерно: нагнетание рабочего напряжения души и усиление взрывоопасности духовной жизни, словно роженицу, напрягают человека на родовые схватки, распяляют и загоняют душу на дорогу к духовному рождению, где эта напряженная ситуация в значительной мере разряжается.

Чем ближе к духовному рождению, тем больше ускорение духовного роста, тем шире разрыв между духовным Я и Я природно-душевным, тем закаленнее внутридушевная жизнь и тем сильнее сигнал катастрофы, который в духовных страданиях подает душа. Чем на более высокой ступени духовного развития стоит человек, тем отчетливее он чувствует опасность духовных страданий, которая сидит в нем. И тем необходимее душе *деятельность прикрытия*. Работа, деятельность, Дело нужны более тому, кто более духовен, кто острее чувствует опасность духовного страдания и вынужден, подстегиваемый ею, ускорять себя в ложном росте. Вот откуда

все технологические успехи западного человека.

Испытать «арзамасский ужас», состояние *дыры души* может только достаточно одухотворенный человек, не утративший тяги духовного роста. Тот холодный ужас тоски смертной забыть нельзя. Легче не допустить душу до него. Это и делается в усилении активности внешней жизнедеятельности, в суете ложного роста. Воистину: все, вся внешняя жизнь — суета сует от томления духа.

Томление духа — нормальное состояние растущей души. Следовательно, и ложный рост явление нормальное. Он не только неизбежен, но в определенных масштабах и в определенной области законен. Законная область ложного роста — мир вещей, а не мир людей. Деятельность прикрытия по природе своей должна быть, видимо, обращена на вещь. Ибо она порождена и подстегнута *стремлением сокрыть от себя свое духовное равнодушие* и уже по одному этому совершенно слепа.

Суета жизнедеятельности по слепоте своей не должна забредать в мир людей, так как она неизбежно начинает орудовать с людьми, как с вещами, только обладающими особыми свойствами, которые для успеха Дела надо учитывать и использовать. Такова не только политическая или экономическая деятельность, такова и любая другая деятельность ложного роста, имеющая человека предметом своего внимания. Например, нынешняя наука о человеке изучает предмет свой как живую вещь, ищет в нем такие же, как и в вещи, законы и культивирует при изучении такое же отстраненное, холодное, как к вещам, отношение. И потому деятельность наук о человеке, сколько бы она ни была осторожной и предусмотрительной, рискует в конечном счете быть ничтожной или вредной. То же самое любая внешняя деятельность, направленная на человека. Никакая из этих деятельностей не имеет никакого *критерия блага* человека, и потому не в состоянии хотя бы оценить ценность или вред того, чем она занимается.

Одно из ближайших последствий суеты прикрытия, действующей в мире людей, есть искусственное разжигание в результате этой деятельности разнообразных телесных и душевных похотей. Природные потребности легко насыщаемы; ненасытны похоти (особенно душевные), которые надо как-то удовлетворять, что только их еще более разжигает. Так возникает еще один мотив для торканья, вторичный к основному и из него вытекающий. Первоисточник «суеты сует» такого рода — тоже духовная необходимость.

Дело, суета, ложный рост — один из способов прикрыть в себе духовное равнодушие, убежать от него в себе. Этот способ пригоден в основном для людей активных, каких все же меньшинство. Для всех остальных пригоден другой способ — *развлечения*. Этот способ разрешения душевного напряжения становится главенствующим. Зрелища и игры в прежние времена были постоянно доступны лишь узкому кругу людей. Теперь же — только включи телевизор, или поставь кассету, или закажи компьютеру, или сходи на стадион, на митинг, в кино, на выставку, расseyся за картами, шахматами или домино, за газетами или романами, ну, а прискучило — путешествуй, набирайся впечатлений, которые изолирующим слоем покроют душу и не дадут пробиться наружу сигналу катастрофы. Без всех этих ежедневных развлечений и отвлечений многие из современных людей уже чувствуют внутреннюю пустоту, напоминающую пустоту дыры души «арзамасского ужаса».

Есть еще один способ укрытия себя от духовного страдания остановки души. Пустота духовного равнодушия схожа с

сознанием одиночества. И, чтобы приглушить его, человек заводит знакомства, стремится на люди, в гости или собрания, к общению того или иного рода, занимается чужими делами или женится, лишь бы жениться, как то справедливо заметил Герцен. В общении с себе подобными природно-душевному Я легко выпячиваться, застилать духовное Я и тем гасить рабочее душевное напряжение. Этот способ оглушения души очень тонок, так как без самого по себе общения нельзя жить.

Самый же грубый способ глушения опасности духовного страдания, это, конечно, водка, табак, наркотики. Толстой, посвятивший этому вопросу специальную статью, доказывал, что применение этих средств псевдорасковывает душу, освобождает человека от его внутреннего судьи и критика (отсюда такая «легкость» при курении или опьянении), усыпляет то начало в душе, которое удерживает размах и произвол ума и чувств в ней, — распускает, «распускает» душу, и по слову Льва Николаевича, «сбивает с людей верхи мыслей и чувств, самый главный и нужный цвет разума. От этого видишь людей, которые могут служить, писать книги, производить художественные вещи, но не могут понимать самого главного: смысла жизни, и даже полагающих, что этого совсем не нужно. Какие-то *духовные кастраты*» (54,93).

Лев Николаевич, как всегда, четко и точно определяет суть явления. Разумеется, «одурманивание» есть обычно (за известными исключениями) побочное средство, дополняющее основные способы сделать себя духовным кастратом. Когда недостает средств ложного или мнимого роста, общения или развлечения, тогда добавляют водку и наркотики. Вся жизнь человека состоит из этих основных и дополнительных средств для компенсации остановки души и прикрытия мук духовного равнодушия в ней.

7.

Необходимость прикрытия духовного равнодушия в себе зависит от степени одухотворенности человека. Быть может, негру под пальмой и не нужно особенно стараться забить свое сознание духовного равнодушия. Но это вовсе не значит, что темные силы из «дыры души» отказались действовать в нем. Даже у младенчески духовного человека они могут объявиться в любой момент. Что тогда?

Почти в каждом из нас постоянно трудятся как силы свободного духовного сознания, так и силы несвободного духовного сознания (в числе последнего: сознание природной жизни в себе, сознание интерпсихической подвластности и прочее). Одни люди знают в себе и действие свободного сознания, и состояние его утраты, его замены на несвободное сознание. Когда свободное духовное сознание непосильно душе, тогда она отключается от него и нуждается в прикрытии и в подмене того или иного рода. Есть среди нас и другие люди, живущие практически только в состоянии духовной несвободы, в котором душа работает одним несвободным сознанием. Таковы все «общественные» люди. Им тоже необходимо духовное прикрытия тьмы равнодушия, но удовлетворяется эта их потребность куда легче. Состояние духовного равнодушия угрожает и тем и другим, тем и другим непереносимо. Жить с ним они не могут. Но есть среди нас еще и третий, совершенно особенный разряд людей, на который нельзя не обратить внимания.

Ясно, что в состоянии «дыры души» человек полностью лишается сознания и сил духовной свободы. Но он — вот что

важно — и не входит вместо него в состояние духовной несвободы. «Арзамасский ужас» — не от обессиливания и ликвидации свободного сознания, не от подмены свободы духа на несвободу духа. «Арзамасский ужас» это *полное разодушевление человека*, предельное духовное обнищание его, стирание с души как свободного, так и несвободного духовного сознания, своего рода «освобождения» души от власти и силы духа как такового. Эту-то *злую вольность разодушевленной души* почувствовал в Арзамасе и Лев Толстой. Ему было «мучительно сухо и злобно, *ни капли* доброты я в себе не чувствовал, а *только* ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало.»

Да, многие из нас никогда бы не позволили себе покориться этому наваждению зла. Но темный блеск жизнеощущения сухой, ровной и спокойной злобы мы часто видим на лицах в уличной толпе и невольно страшимся этих лиц. И они знают это, принимают жуть своего вида за признак своей силы. Они переполнены «злобой на себя и на то, что их сделало». Они — носители Зла, всегда ждущие того дня, когда можно будет явить себя и совершить злое. Они живут ради своей злости на себя и на То, что их впустило в этот Мир. И ими тоже движет «арзамасский ужас», но не так, как всеми нами. Конечно, им нужно и одурманивание, и развлечение, Дело даже — но только для того, чтобы смочь дожидаться *своего часа*. Они ждут его всегда и всегда готовы к нему. Что же совершить надо им в этой жизни?

Не станем углубляться в дьявольские тайны разодушевленной души, не чувствующей бездну духовного равнодушия в себе. Прежде всего важно отметить, что такие люди, люди, для которых духовное равнодушие есть основное, «нормальное» состояние жизни, существуют в человечестве. Что им нужно от нас и от себя? Ничего. Они пришли сюда затем, чтоб погибнуть от своей ровной злобы, изойти в холодной ненависти, спокойно гася Свет в себе и во всем, где Свет светит. *Они совершают духовное самоубийство*, — это их потребность, их «призвание» на жизнь, их главная нужда и задача в Мире. Выходя из существования, они желают Миру тьмы и возвещают ее ему. Поэтому им мало убить мужа и изнасиловать его жену и дочь, им нужно, чтобы перед смертью муж видел *как* насиляют их. Зачем? Да, просто так! По одной вольности зла в себе, по той самой злобе на себя, по презрению ко Всему и всем, по «праву на бесчестие» и представившейся возможности это право осуществить на практике. Вот мотив их жизни, тоже ведь идущий от «арзамасского ужаса»... По этому признаку придется и их причислить ко всем нам.

Итак, мы начали с высших проявлений духа в человеке и дошли до самых низших, уже дьявольских ступеней его. И везде мы видим один и тот же мотив человеческой жизни, действующий положительно или отрицательно. Мотив этот — духовный рост или отсутствие его, духовное равнодушие.

8.

Мотив жизни животного — благо себе и самодвижение. Мотив жизни человека — свое благо (благо Я) и духовный рост. Мотив этот действует как непосредственно и положительно, так и косвенно и отрицательно.

Положительный мотив жизни человеческой — увеличение полноты жизни от действительного ускорения духовосхождения с сознанием одиночества. И, чтобы приглушить его, человек заводит знакомства, стремится на люди, в гости или собрания, к общению того или иного рода, занимается чужими делами или женится, лишь бы жениться,

как то справедливо заметил Герцен. В общении с себе подобными природно-душевному Я легко выпячиваться, застилать духовное Я и тем гасить рабочее душевное напряжение. Этот способ оглушения души очень тонок, так как без самого по себе общения нельзя жить.

Самый же грубый способ глушения опасности духовного страдания, это, конечно, водка, табак, наркотики. Толстой, посвятивший этому вопросу специальную статью, доказывал, что применение этих средств псевдорасковывает душу, освобождает человека от его внутреннего судьи и критика (отсюда такая «легкость» при курении или опьянении), усыпляет то начало в душе, которое удерживает размах и произвол ума и чувств в ней, — распускает, «распушает» душу, и по слову Льва Николаевича, «сбивает с людей верхи мыслей и чувств, самый главный и нужный цвет разума. От этого видишь людей, которые могут служить, писать книги, производить художественные вещи, но не могут понимать самого главного: смысла жизни, и даже полагающих, что этого совсем не нужно. Какие-то *духовные кастраты*» (54, 93).

Лев Николаевич, как всегда, четко и точно определяет суть явления. Разумеется, «одурманивание» есть обычно (за известными исключениями) побочное средство, дополняющее основные способы сделать себя духовным кастратом. Когда недостает средств ложного или мнимого роста, общения или развлечения, тогда добавляют водку и наркотики. Вся жизнь человека состоит из этих основных и дополнительных средств для компенсации остановки души и прикрытия мук духовного равнодушия в ней.

Всякий человек естественного пути жизни знает (то есть несет в себе сознание) неблагость, несчастливость и бессмысленность своей жизни. И каждый стремится устроиться в жизни так и быть в ней таким, чтобы не чувствовать это. Сделать свою жизнь благой, или счастливой, или смыслонаполненной хотят, как правило, лишь порывами. Постоянная же задача человека: скрыть от себя знаемую сознанием несчастливость своей жизни — чтоб не чувствовать ее. Дела, дети, творчество, борьба, развлечения, мечты, ожидания — все служит этой одной задаче. Отрицательный мотив жизни можно понять как *прикрытие своей душевной несчастливости*. Чем и занято большинство людей.

В качестве одного из основных мотивов жизни прикрытие несчастливости души определило властвующую в людях установку жизнепонимания. Жизнепонимание это основано на всегда горьком человеческом опыте. Мы уже говорили, что оно учит о том, что все победы в жизни преходящи и лучше прожить — значит прожить с меньшими поражениями. Жизнепонимание поражения знает, как человеку прожить, избегая поражений: как избежать бед, обойти опасности на каждом шагу, отразить удар, обеспечить нужное себе место в жизни, как не погубить себя, выжить в борьбе, не пасть слишком низко, не сделать зла другим и другому, сохранить то, что имеешь, что подарила природа и жизнь: семью, здоровье, талант, положение в обществе, имущество и прочее.

Человек обычно или обольщается или не предполагает возможности победы в своей жизни. Жизнепонимание победы в жизни возникает либо по легкомыслию у совсем молодых людей, либо мнимодушевно и строится на обмане или утопии. Таково оно у прогрессистов, бунтарей, реформаторов всех мастей, мечтателей. По христианскому жизнепониманию победа в жизни принадлежит Христу, перенесена из человека в Него и тем, сполна *покрывая* обычное человеческое жизнепонимание поражения (даже усиливая его), его разрешает искуплением Бога-Сына. *Человек не может*

победить в этой жизни, но в ней уже без него и за него победил Христос.

Всеобщая установка жизнепонимания на поражение вызвана, я думаю, слепотой человека относительно задач и возможностей его жизни. Жизнепонимание победы может и должно основываться на положительном мотиве человеческой жизни, то есть, — повторим еще раз, — на потребности духовного роста, и, следовательно, Пути, вложенной в него Богом для исполнения человеком Его задания на Земле. Но мы живем словно с закрытыми глазами, не видим основного мотива своей жизни, не имеем обзора происходящего с нами. Раскрыть глаза свои, сделать так, чтоб смогли они смотреть и видеть, — вот что нужно всем нам.

19 83 год

Приложение 1

(к статье второй части второй)

В качестве основной идеи христианства идею роста Толстой утвердил лишь к началу 90-х годов, но в сознании его она была всегда. В восходящем человеке сразу же все дано и только проявляется на Пути жизни. Не надо думать, что идеи последующих периодов жизни Льва Николаевича выростали из предыдущих или были открыты им заново. Тут совершенно иной процесс постижения истины, при котором лишь меняется расстановка идей и представлений в центре и по периферии общей картины, раз данной (заданной) и только верно или неверно освещенной. Задача тут:

правильно установить картину к свету, одно, ранее высветленное, затемнить, другое, ранее темное, осветить, а не затушевывать или рисовать новое.

Все 80-е годы Толстой искал смысловой центр своего учения, перемещавшийся с изменением его взгляда на цель, на значение и жизнь человека. Так дети собирают картинку, по частям нанесенную на стороны кубиков: удалось сначала сложить два кубика, и в полученном частичном изображении они видят смысл и центр всей картины;

кажется, что теперь остальные части картинку лишь приложатся к собранному, но тогда, когда удастся собрать еще два кубика, представление об общей картине и центр ее меняется. Но и они, в свою очередь, еще будут меняться, и так до тех пор, пока не сложены все кубики, при собирании которых переставляются смысловые ударения, но ничего из прежде узнанного не отменяется, а входит на свое место в общую картину. «Все открывается, пока живешь, как будто все выше равномерно подвигаешься по равным ступеням...» — так в последние годы жизни суммировал Толстой свое понимание процесса познания истины на Пути жизни.

Всегда можно указать на центр учения Толстого в то или иное время его жизни, но не расставить на свои места другие, иногда крайне важные и перспективные аспекты его жизнепонимания. Другая сложность изучения Пути Толстого состоит в отсутствии ясных критериев различения ступеней этого пути, изменений направления течений в сознании жизни Льва Николаевича. Из такого затруднения нас выводит сам Толстой.

«Мне очень приятно видеть ваш энтузиазм и живую надежду на скорое торжество истины, — пишет Толстой в 1902 году Г.Шопову, — но, пройдя уже тот путь, который вы проходите, мне хочется сказать вам о тех опасностях, которые

встречаются на этом пути. Я, по крайней мере, с тех пор, как родился к истинной жизни, перешел следующие ступени:

- 1) восторг познания истины;
- 2) желание и надежда осуществить ее сейчас;
- 3) разочарование в возможности быстрого осуществления истины во внешнем мире и надежда осуществить ее в себе, в своей жизни;
- 4) разочарование в возможности осуществления ее даже в своей жизни;
- 5) попытки примирения истины с мирской жизнью, компромиссы;
- 6) отвращение перед компромиссами и отчаяние или хотя бы сомнение в истинности учения, и, наконец,
- 7) сознание того, что ты не призван изменить мир во имя истины, не можешь даже в своей жизни осуществить истину, как бы тебе хотелось, но можешь, не заботясь о том, что делается в мире (это делает Бог), не заботясь и о том, насколько ты представляешься последовательным людям, можешь, по мере своих сил, перед Богом осуществлять истину, то есть исполнять Его волю... Ступени эти, мне кажется, проходит каждый человек, возрождаясь к жизни» (73,345).

Документ этот, во-первых, указывает, что путь духовного освобождения идет по *ступеням разочарования*, каждая из которых имеет свой уровень самосознания и свой отрицательный духовный опыт. Во-вторых, в письме Шопову найден надежный показатель духовного возраста человека — его взгляд на возможность торжества правды, истины и добра или, что то же самое, взгляд его на природу и силу зла.

Только в первое время после духовного рождения зло кажется прозелиту маломощным и лежащим на поверхности, и только в это время духовного младенчества и детства можно всерьез надеяться на скорое торжество истины во внешнем мире. Ступень «восторга познания истины» и надежды скорого осуществления ее можно в соответствии с основным устремлением Толстого того времени назвать ступенью или *периодом Царства Божьего на земле*, когда человек желает камни сделать хлебами и опытом убеждается, что не для блага человечества живет человек, а для исполнения Замысла и Воли Бога.

Этот период, начавшийся в 1978 году, длился у Толстого шесть—семь лет, примерно до 1884 года. В эти годы им и написано все то, что и поныне люди читают как учение Толстого: его «Исповедь», критика Богословия, перевод Евангелий и краткое их изложение (то, что называли «Толстовское Евангелие»), трактаты «Так что же нам делать», «В чем моя вера», в главе XII которого дан «символ веры» его учения того времени. «Я верую, что благо мое возможно на земле *только тогда, когда все люди будут исполнять учение Христа*, — пишет он в этом своем символе веры, — ...что исполнение этого учения *возможно, легко и радостно*».

Во все эти «детские» свои годы Толстой склонен был искать корни зла в обществе, не в устройстве его, конечно, а в характере межлюдских связей. Смысл же жизни каждого человека Толстой видел в установлении Царства добра и правды на земле, для чего необходимо, чтобы все исполняли учение, то есть все, хотя бы в сознании, прошли барьер духовного рождения. Вера в это всеобщее «воскрешение из мертвых» базировалась на том же представлении, на котором базировались многие учения того века, — что логовище зла не над человеком и не в нем, а *между* людьми. В 1884 году Толстой пережил второй духовный перелом, в результате которого корень зла разместился *в человеке*.

Характер возрений человека на жизнь меняется в за-

висимости от его взглядов на природу зла, и как только взгляд Толстого на зло изменился, переместился и центр тяжести его учения. Все сказанное не надо понимать так, что Толстой позднее считал стремление человека к Царству Божию на земле непременно ложной целью; в зрелом учении Толстого идея установления Царства Божия на земле нашла подобающее ей место и значение.

Следующий период стадии духовного освобождения — период надежды на возможность полного осуществления Истины (Правды Божьей) в своей личной жизни. Этот «юношеский» период можно назвать *периодом Царства Божия в себе*.

В этом периоде Толстой видел корень зла уже не в межлюдских связях, не *между*, а в человеке, в том что он, в отличие от духовной, назвал «животной личностью» человека. Чтобы осуществить Царство Божье в себе, человеку нужно не уничтожить, конечно, а отречься от своей «животной личности» ради духовной своей сущности. Центральная идея этих лет — идея посланничества, по которой человек есть и должен стать посланником в мир от Бога для воздействия на мир путем духовного самовоплощения, явления миру заложенного в нем метафизического начала Разумения и Любви. Основное произведение этого времени — трактат «О жизни». Разумеется, ни идея посланничества, ни многие другие мысли «О жизни» никогда не были прямо отвергнуты Толстым, изменился только их вес в его жизнесознании.

Вот еще одна мудрость жизни, которой можно научиться у Толстого: нельзя и незачем в Слове вычеркивать слога, а паче добавлять новые, — это дело Бога; человеческое же дело — пытаться верно выставить ударение Слова, *то есть услышать его*.

Второй период кончился тогда, когда ясна стала невозможность осуществления Царства Божия в одном себе. Зло в человеке оказалось присущим человеку и потому необоримым. Но если зло необоримо, то, значит, оно должно быть, нужно и важно. И если осуществление истины в личной жизни невозможно, то значит не в осуществлении совершенства человеком воля Бога, а в самом процессе совершенствования, в *бесконечном* росте. Зло потому и необоримо, что оно необходимо для бесконечной работы, которую *только* и требует Бог от человека. Так, в идее роста, произошло «примирение истины с мирской жизнью», но не в смысле компромисса, сделки с совестью, а в смысле уяснения положительного значения мирской, земной стихии жизни на Пути ее. Оказалось, что зло в Слове не имеет ударения, безударно само по себе — что его нет. Так на духовном пути жизни Толстого произошел третий перелом, выведший его в итоге на свободный путь жизни.

На стадии духовного освобождения нельзя избежать компромиссов, не избежал их и Толстой. По драме «И свет во тьме светит» первый из них — передача семье имения, доверенность на владение которым была выдана Софье Андреевне еще в 1883 году. Не обошлось без компромиссов и в последующие годы, но пятой ступени разочарования, ступени компромисса как таковой в жизни самого Толстого все же никогда не было. Ровно так же не было у него как такового и периода отчаяния, хотя на него, как на всякого человека, не раз находили сомнения в тех или иных положениях учения или даже истинности самого учения. Толстой, бывало, становился глух глухотой спящего, но никогда, по крайней мере, надолго, не лишался слуха. Когда в начале 90-х годов все толстовское движение переживало острый кризис, кстати, вполне соответствующий шестому пункту письма к Шопову, то это не оказало на самого Толстого никакого ослабляющего действия. В марте 1891 года он пишет И.И.Файнрману:

«Письмо ваше очень поразило меня тем, что вы пишете а конце о том шатании беспрестанном, которое происходит между нашими друзьями. Вы пишете: «считаю это наказанием Божиим и верю, что

оно кончится к радости и возвышению духа». Меня поразило это, потому что в этот самый день я писал Шопову, что мне кажется, что в нашей жизни — нашей я разумею людей, идущих по одному пути, — наступило тяжелое время, требующее напряженности, твердости и лишённое той прежней радости-восторга, даже просветления: *наступило врем я разочарований* в попытках полного и быстрого осуществления, *время отпадения*, равнодушия и презрения и даже гонений (которые, напротив, ободряют). Я чувствую эту перемену и, к радости своей, вижу что это положение вещей не только не колеблет *того жизнепонимания, которое стило моим*, но напротив, очищает его от наносного, чуждого ему и утверждает меня в нем» (65,273).

К этому надо добавить, что под «жизнепониманием, которое стало моим» Толстой разумеет здесь именно жизнепонимание, в центре которого стоит идея роста. Это-то новое жизнепонимание, отчасти изложенное в книге «Царство Божие внутри вас», и помогло Толстому избежать ступени «отчаяния».

Впрочем, «отчаяние» — то есть по смыслу шестой ступени, Богоотступничество — происходит, несомненно, благодаря падению духовного сознания; падение духовного сознания в той или иной степени неизбежно влечет за собой ослабление души человека. Это падение духовного сознания, этот период ослабления души в некотором смысле можно тоже считать «ступенью отчаяния». Правда, ступень отчаяния связана, видимо, не столько с процессом разочарования в осуществлении истины (подобное неосуществление — сама истина), сколько с отклонениями на Пути жизни. И хотя периода отчаяния в жизни Толстого 80-х годов и не было, но был — и весьма длительный — период падения духовной энергии.

Что вызвало это ослабление? Выбравшись вновь на дорогу, Толстой сам четко поставил себе диагноз: слава людская. «...Не заботясь о том, что делается в мире (это делает Бог), не заботясь и о том, насколько ты представляешься последовательным людям... по мере своих сил, перед Богом осуществлять истину, то есть исполнять Его волю», — пишет Толстой.

Чтобы поддаться на искушение славы людской, совсем не нужно гореть в прельщении гордыни, нужно только вознегодовать на врагов истины (что так понятно), пожелать наибольшего распространения истины среди людей (чего не желать нельзя) и начать активно пропагандировать ее (что при известном темпераменте тоже нельзя не сделать). Успешная же пропаганда глубоких истин по свойству толпы невозможна, возможна только в растворе суеверий и заблуждений, в подаваемом на потребление уже в подкрашенном вульгаризацией виде. При этом совсем не требуется отменять или фальсифицировать истину, можно все сделать вполне невинно — достаточно или сдвинуть ударения в ней, или приложить ее к той сфере, для которой она не предназначена и где она уже не та истина.

Сети неприметны и соблазн велик. Не попасть в них нельзя. И Толстой, как и многие другие проповедники до него, незаметно для себя подпал под это искушение, которое именно у него было особенно сильно. Общепризнанный первый литератор века, он, обладая огромной гипнотической силой своего слова, знал, что не только любое крохотное его художественное произведение, но и каждая его фраза всеми путями дойдет до цели и возымеет действие.

По миру уже давно ходили дети его первого искушения периода Царства Божьего в себе, создавшие общины толстовцев, на его глазах плодились (и, бывало, гибли) дети второго его искушения, искушения Царства Божьего в себе, все именно от него ждали ясного выражения истины, непременно простой, радостной и доступной многим. С мощью искушения славой людской для Толстого ничто не могло сравниться. Какая же сила вынесла его из пропасти этого искушения?

Сила эта — все та же сила духовного роста, который был для самого Толстого не столько идеей или верованием, сколько неистребимой душевной потребностью. Но если Лев Николаевич не пошел по пути искушения славой, отказавшись от создания новой веры (учения-веры), не зашел в тупик жизни, то это не значит, что он вполне поборол это искушение; он даже убедился, что вплоть до состояния полного воплощения искушение славой людской непреодолимо. Побороть это искушение — задача или работа не столько стадии освобождения, сколько свободного пути жизни.

На путях жизни нет этапа, на котором мир не вынуждал бы человека сойти с Пути, здесь ли, там ли, момент падения предрешен; но это не зло и не беда еще — все дело в том, чтобы вновь выбраться на дорогу жизни. Духовными учениями всегда был и будет полон мир, но из них наиболее ценны и нужны те, которые в своем развитии уже прошли, перешли главные искушения духовной поры жизни и тем самым способны вынести людей на *прямую* дорогу к духовной зрелости. Таково учение и Л. Толстого, но не то, которое мы знаем по «Толстовскому Евангелию» или «В чем моя вера» — это труды его

первого искушения, и не то учение посланничества, на которое нападал Соловьев в «Трех разговорах», — идея периода его второго искушения, а то, которое началось с «Царства Божия внутри вас» (полное название: «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»), развивалось пятнадцать лет и прервалось лишь с его смертью.

В проповеди Толстого, как и любого другого учителя духовной религии, есть две темы; одна из них — проповедь рождения духом, «возрождения к жизни» и другая — проповедь духовного освобождения, свободы духом и нового свободного пути жизни, которая по ряду причин была Толстому особенно важна. Естественно, что первый тип проповеди должен быть обращен к людям, находящимся на естественном пути жизни, второй же тип — к людям, прошедшим духовное рождение.

К сожалению, Толстой поначалу вовсе не делал такого различия и учил всех.

Приложение II (к статье четвертой третьей части)

21 и 22 декабря 1851 года двадцатитрехлетнему Толстому привиделось такое, что надолго запомнилось ему. 21 декабря 1851 года Лев Николаевич видел мертвого брата Дмитрия. Записав об этом событии в дневник, он торжественно продолжает: «21 декабря того же года в двенадцать часов ночи мне было что-то вроде откровения. — Мне ясно было существование души, бессмертие ее — (вечность) — двойственность нашего существования и сущность воли. — Свобода сравнительна, в отношении материи человек свободен, в отношении Бога нет.»

«Нынче 22 декабря меня разбудил страшный сон — труп Митеньки. Это был один из тех снов, которые не забываются. — Неужели это что-нибудь значит?..» (46, 240).

Дмитрий Николаевич Толстой действительно умер, не прожив с тех пор и четырех лет. Но сон его младшего брата Льва оказался провидческим и в другом отношении. Мы уже как-то упоминали о Дмитрии Толстом. Еще несколько слов о нем.

«Очень слабый ум, большая чувственность и святое сердце. И все это свяжется таким узлом, что нельзя распутать — и разрывается жизнь» (63, 105). Так впоследствии рисовал его Лев Николаевич. Чистейшую, преисполненную любви и сострадания душу брата Дмитрия постоянно молотили могущественнейшие силы плоти. К тому же, при отсутствии и аналитического и отвлеченного ума, ему нечем было остужать это нестерпимое пламя борения плоти и духа в себе. Яркость духовного сознания его тоже была, к несчастью, не такова, чтобы помочь ему. Видимо, он вообще способен был жить преимущественно любовной духовностью и более всего — в линии *чистоты*.

В молодые годы Дмитрия Николаевича сверстники прозвали «Ноем», тогда как этой натуре с ее первозданным напряжением более подходило другое имя — Адама. Если же учесть, что он всегда «то, что делал, доводил до предела своих сил» (34, 380), то можно представить, что уготовано такому человеку на земле...

До душевного рождения Дмитрий Толстой ничем особенным не отличался. «Особенности его, — вспоминает Лев Николаевич, — проявились и памятливы мне уже в Казани» (34, 379), куда вся семья Толстых переехала осенью 1841 года.

Брату Митеньке было четырнадцать лет. В пятнадцать лет Дмитрий Николаевич — кстати, и внешне удивительно похожий на своего брата Льва — уже жил точно так, как в проповеди 80-х годов учил жить Лев Толстой. Одевался Дмитрий Толстой «только для того, чтобы прикрыть тело», не курил, не пил, и был девственником. И все без надрыва, по религиозному чувству и душевной потребности в духовной чистоте. Вряд ли эта победа над столь чувственной плотью давалась ему легко, но в пору духовного взвода все это понятно и обычно.

Дмитрий Толстой был исключительно искренним человеком, у которого всегда, видимо, был чист и раскрыт канал путевого воскресения. Даже по одним воспоминаниям о нем видно, как мощная назначающая воля его души, на редкость твердо работавшая в режиме любви, действовала без оглядки на людей, не возбуждаясь ни славой, ни стремлением к героическому аскетизму или душевной самости. Окружал себя Дмитрий Николаевич людьми обездоленными и несчастными. Особенно Толстой вспоминает о жалкой

— до отвращения — больной девушке с уродливо распухшим лицом и мухами на нем, которых она не чувствовала. Девушка эта — плод кровосмешения неких *Протасовых*

— была из жалости взята в семейство Толстых и сделалась другом Дмитрия. «Мы были так нравственно тупы, — вспоминает Толстой, — что только смеялись над этим. Митенька же был столь нравственно высок, так независим от заботы о людском мнении, что никогда ни словом, ни намеком не показал, что он считает хорошим то, что делает. Он только делал. И это был не порыв, а это продолжалось все время, пока мы жили в Казани» (34, 383), то есть все б (!) лет.

Так же ровно Дмитрий Толстой продолжал жить еще несколько лет, до наинизшей точки Пути. Осенью 1851 года, в двадцать четыре года в нем произошел «необыкновенный переворот» (34, 385), который, собственно, потом и убил его. «Труп Митеньки» привиделся Толстому в декабре того же года, но впервые узнал он о случившемся через месяц после этого сна из письма брата Сергея, которое он получил только в январе 1852 года Змеем-искусителем для Дмитрия Николаевича стал родной дядя Софьи Андреевны, Константин Ислентьев, «очень внешне привлекательный, но глубоко безнравственный человек», по определению Толстого. «Костенькина дружба и близкое знакомство с ним может оставить следы не хуже венерической болезни,» — писал Толстой, узнав о случившейся с братом беде.

Осенью 1851 года этот низкий человек исхитрился затащить «святого» Дмитрия Толстого в публичный дом. Несколько месяцев после этого Дмитрий Николаевич с бешеной энергией пил, играл, гулял, нажив венерическую болезнь. Потом выкупил свою первую женщину, рябую проститутку Машу, открыл какую-то аптеку, заболел и в 1856 году умер. «И в той жизни он был тем серьезным, религиозным человеком, каким был во всем,» — вспоминал в старости Толстой, для которого брат Дмитрий стал чуть ли не его путеводной звездой, кем-то впереди его шедшим, его ведшим, увлекающим за собой. Когда в трактате «О жизни» Толстому нужно было примерами подтвердить положение, по которому жизнь умерших людей не прекращается и в этом мире (гл. XXXI), он вспоминает только двух людей, еще при земной жизни вступивших «в то новое отношение к миру, для которого нет смерти», — Христа и своего брата.

«Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, увеличилась и сильнее, чем прежде, действует на меня. Сила

его жизни после его плотской смерти действует так же или сильнее, чем до смерти, и действует как все истинно живое... *Могу сказать, что не вижу того центра нового отношения к миру, в котором он теперь*; но не могу отрицать его жизни, потому что чувствую на себе ее силу... Но, мало того, эта невидимая мне жизнь моего умершего брата не только действует на меня, но она входит в меня. Его особенное живое Я, его отношение к миру *становится моим отношением к миру*. Он как бы в установлении отношения к миру поднимает меня на ту ступень, на которую он поднялся, и мне, моему особенному живому Я *становится яснее та следующая ступень*, на которую он уже вступил, скрывшись из моих глаз, *но увлекая мечи за собой*» (26,413).

Так у верующих людей принято говорить об основателе их религии.

За полвека до того, как Толстой продиктовал эти строки, он увидел подряд два сна: в одном откровение бессмертия и свобода души, в другом «труп Митеньки».

Удивительно не то, что молодому Толстому во сне открылось нечто похожее на его будущее учение (оно и тогда уже сидело в нем), и даже не то, что вслед за этим он увидел другой сон о смерти человека, которого он десятилетия спустя признает в буквальном смысле своим духовным близнецом, — а то, что Толстой тогда же, как явствует из его записи, сразу же, одним интуитивным движением совместил эти два своих сна в одно, единое откровение-видение. Быть может. Толстой тогда узнал своего духовного близнеца, трагедия жизни которого была и в нем самом?..

Брат Дмитрий и после оставался для Толстого в полном смысле посмертным, живым *в этом* мире и в нем самом. Он был для Толстого умершим живым, «Живым трупом». Н.Гусев как-то подметил, что образ Феда Протасова через образ Валентина в незавершенной драме середины 50-х годов восходит к Дмитрию Толстому (Н.Гусев. «Л.Н.Толстой». М. 1957, стр. 168). Вряд ли Толстой за те двадцать лет, с 1880 до 1900 года, когда создавалась драма о Федоре Протасове, так и не просматривал свои старые дневниковые записи, а просматривая, не наткнулся на свой давний вещий сон — «*труп Митеньки*». Протасов в драме и брат Дмитрий, несмотря на явную несходность характеров, столь близки между собой духовно, что, видимо, составляли для Льва Николаевича одно и то же лицо и одну судьбу. В чем эта близость?

Примерно в том же возрасте, когда Дмитрию Толстой сидел подле больной распухшей Любы Протасовой, Федор Протасов кутил с цыганами. Никакой внешний наблюдатель не признал бы их сродства. Однако и Дмитрию Толстой, и его брат Лев, и Федор Протасов, и Дмитрий Карамазов, все эти, столь разные по характеру люди, очень близки по стилю одушевленности. Все они и в погибели остаются «живыми». Главная черта, определяющая работу их душ и их одушевленность, их главная душевная особенность — *чистота души*. Но это не та чистота духа, которая достигается действием очищения, преодолением прельщения или антикармическими духовными усилиями. Это та «Божественная чистота», та чистота Божьего сознания, с которой человек «был прежде, чем родился», с которой он рождается на свет и которая так сияет в детях. Есть счастливые люди, которые на десятилетия сохраняют что-то от изначальной детской чистоты духа. Духовный вход души такого человека еще по-младенчески раскрыт, и сознание Бога действует в нем без особых с его стороны усилий. В последние десятилетия жизни Толстой особенно ценил и любил таких людей, которые, видимо, представлялись ему избранниками Божьими.

До душевного рождения они редко когда проявляют себя, а когда и проявляют, то какими-то другими своими особенностями или талантами. Если силы плоти в таком человеке не слишком сильны и велика потенция духовного роста, то он уже в периоде идеалов идет по совершенно особому расписанию Пути человека, для работы духа которого наша Обитель, наверное, не предназначена. Таких людей совсем мало. Чаще встречаются другие, плотские силы которых бушуют, так же, как у первых, не чересчур сильно, но которые, однако, не награждены просветляющей способностью роста

духовного сознания. Их путеводная судьба во многом зависит от того, насколько их потребность в чистоте широко правит их повседневной жизнью. У Дмитрия Толстого она управляла всем и вся. Счастливый несчастливек, Федор Протасов не мог жить в мире по чистоте духа своего. Быть предводителем дворянства, служить в банке, даже трудиться для него стыдно, грязно. «А что я ни делаю, — говорит он, — я всегда чувствую, что не то, что надо, и мне стыдно»... Федя не может выдержать незаметной нечистоты своей семейной жизни, на которой лежала тень неосознанной любви его жены к другому. Но он и не может принять грязь развода и связанной с этим лжи. «Живой труп» это драма духовной чистоты в реальном мире. Толстой в нем отчасти затушевывает некоторые обстоятельства, которые, наоборот, выделяет в подобном же случае Достоевский.

Среди избранных духовной чистоты есть люди с не то чтоб чрезвычайными, а достаточно могучими силами чувственности плоти. Это фигуры всегда трагические, которым на земле уготованы муки. Перед такой мукой и склонился старец Зосима, опускаясь на колени у ног Дмитрия Карамазова. Чистилище четвертого периода Пути для них может быть адом, пребывая в котором, они продолжают иногда на самом дне жизни оставаться «живыми». Но и в другом случае быть «живым», не сойти с Пути без остатков этой изначальной Божьей чистоты нельзя. Во вторую половину периода идеалов и в весь четвертый период жизни она имеет совершенно особое путеводное значение; духовная сила чистоты души здесь становится или исполняет функции сил установления Пути. Разрешение на Путь в первой развилке жизни, в 18 (14) лет дается, как правило, только людям, воскресившим или сохранившим нечто от изначальной чистоты своего детства.